ИВАН ДЕДЮПЯ

ПАРТИЗАНСКИЙ ФРОНТ

SHOUT
SHARE
IT

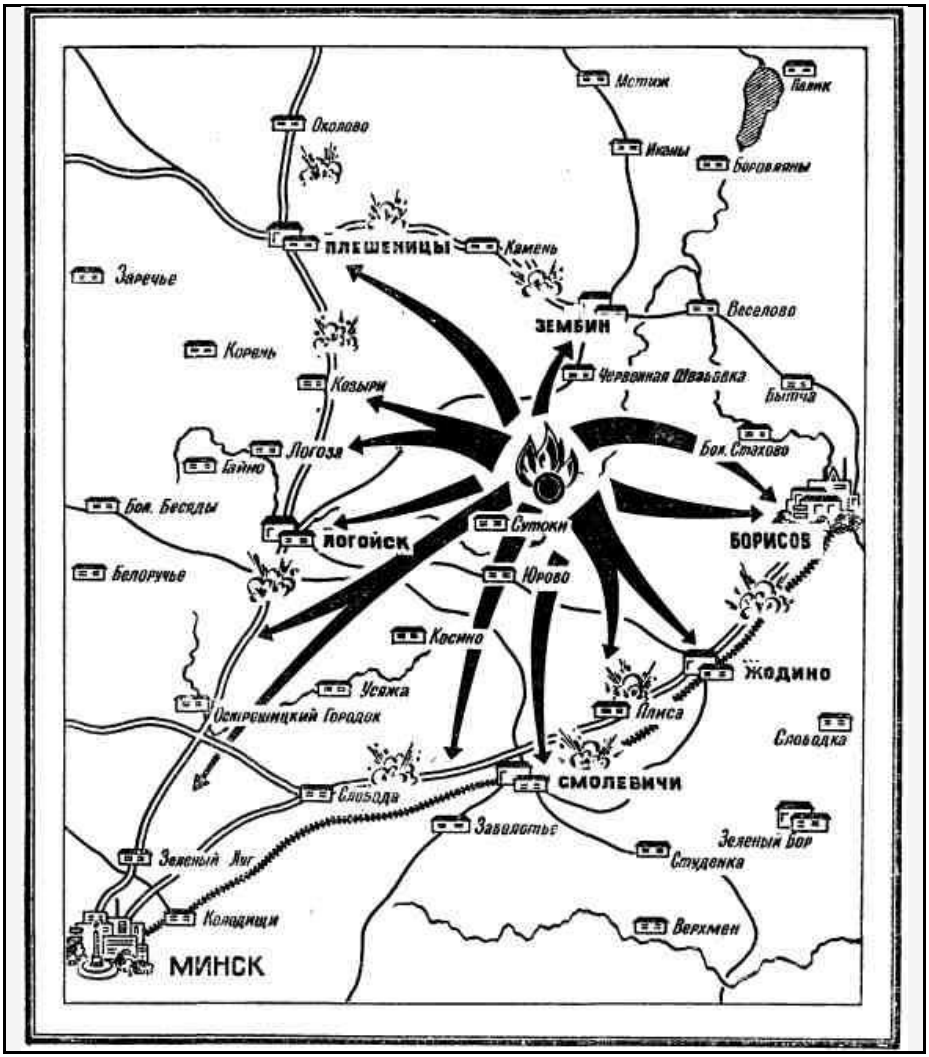
Annotation

Комиссар партизанской бригады «Смерть фашизму» Иван Прохорович Дедюля рассказывает о нелегких боевых буднях лесных гвардейцев партизанского фронта, о героизме и самоотверженности советских патриотов в борьбе против гитлеровских захватчиков на временно оккупированной территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны.

- Партизанский фронт
  -
  - ПАРТИЗАНСКИЙ СПЕЦСБОР
  - ПЕРВЫЕ УСПЕХИ И БЕДЫ
  - ФРОНТ БЕЗ ЛИНИИ ФРОНТА
  - БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ ВСТРЕЧАЮТСЯ ВНОВЬ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27

- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30

Партизанский фронт



ИВАН ДЕДЮЛЯ

ПАРТИЗАНСКИЙ ФРОНТ

Дорогим сердцу
белорусским партизанам

и подпольщикам
посвящается

Автор

ПАРТИЗАНСКИЙ СПЕЦСБОР

Природа нашей земли своевольна и щедра. Пожелает да и обнаружит широту своей натуры разом, соберет воедино все заповедное, что дарит покой и радость человеку. Разольет чистейшей воды глубокое озеро, пустит вокруг него березовый хоровод, а выше обнимет приозерье прозрачными рощами дубов, ветерок же заправит такой свежестью, что глотнешь ее раз, и выветрилась усталость да печаль из души человеческой.

Урочище Ореховец, что раскинулось не так далеко от города Мурома, было именно таким замечательным и неповторимым уголком Средней России. Двухэтажные дома, спрятанные в зелени неподалеку от озера, еще не так давно были образцовым санаторием. Должно быть, прежним обитателям этого озерного побережья жилось здесь привольно, радостно и беззаботно. Но на нас, новых жильцов санатория, это, увы, не распространялось. Жаркое цветение лета, прохлада озерных вод, покой дубовых рощ, крыша над головой — все это было каким-то чужим, далеким, хотя и окружало вплотную. Солнце неколебимо сияло каждый день, но небо оставалось для нас грозовым. Летнее небо тысяча девятьсот сорок второго года.

Лагерь в Ореховце жил по законам военного времени. Режим, учеба, короткие передышки. И ожидание. Приказ о назначении и убытии из лагеря мог прийти в любой день. В какую область, в какой отряд, под чье командование? Никто в точности не мог

пока ответить на эти вопросы. Точно было известно только одно: скоро в тыл врага. Сведения с фронтов были тому предвестниками. Язык сводок Совинформбюро был для кого-то скупым, для нас же весьма красноречивым…

Месяц-два назад мое положение было вполне определенно. Передовая. Блиндаж. Автомат в руках… Потом вдруг вызов в штаб, затем приказ, и вот я, молодой и годный к службе кадровый политработник, на спецсборе в бывшем санатории у тихой заводи. И если теперь мои боевые перспективы были неясными, то воспоминания мои были четки и ярки… Вот Двинская крепость, откуда я в составе стрелкового полка в июне сорок первого выступил на защиту рубежей Отчизны. Вот и деревня Осовец на Любанщине, отчий дом. Там, за линией фронта, остались отец и мать, шестеро малых братьев и сестер. Чем я мог сейчас помочь им? Далеко от них был и старший брат Александр, служивший до войны где-то под Выборгом. Больше года не было от него никаких известий. О младшем брате Николае я знал только то, что после окончания военного училища он командовал взводом пехоты на западе Белоруссии.

Но вскоре нашему ожиданию пришел конец. Однажды отзывает меня в сторонку лейтенант Андрей Кисляков:

— Есть хорошие новости. На днях, Иван, отчаливаем — и полный вперед. Курс — в белорусские леса. Я уже получил назначение. Теперь тебя вызывают в штаб.

Лагерь встревоженно гудел. Сообщение о назначениях вызвало мгновенную разрядку того нервного напряжения, которое скопилось в дни неопределенного ожидания решения судьбы, общей теперь для всех вместе и каждого в отдельности.

В самом штабе, напротив, царило видимое спокойствие, но в этом подчеркнутом спокойствии неуловимо ощущался накал той энергии, что вот-вот должна была сообщиться всему составу сбора в Ореховце, чтобы спаять людей в единое целое, создать неожиданную и грозную для врага силу.

Полковник, принявший меня в штабе сборов, был немногословен, не по годам сед. Я никогда не встречал его раньше. Только впоследствии мне стало известно, что полковник, разговор с которым оказался решающим для моей судьбы, был представителем ЦК КП(б) Белоруссии. Он ведал подготовкой партизанских отрядов к активным действиям в глубоких тылах противника. Его беседа со мной была лишена всякой героики, но эти простые и будничные по тем временам слова отдавались во мне горячими толчками крови.

— Принято решение направить вас за линию фронта заместителем комиссара пока еще только ядра партизанского

отряда. Будете развертывать и вести партизанскую войну в одном из районов Белоруссии. Края, надо полагать, вам известные. Учтите, задание ответственное и трудное.

Итак, то, чего я в душе, признаться, смутно опасался, теперь произошло. Мне, кадровому военному, привыкшему к военной форме, дорожившему ею, предложено сменить ее на ватник и брюки, заправленные в сапоги, — одеяние лесных бойцов-партизан. Этот психологический барьер пришлось тогда переступить многим, и каждому он дался ценой определенной эмоциональной встряски. Собравшись с мыслями, я ответил, что, безусловно, постараюсь оправдать оказанное мне доверие. Мои слова звучали, наверное, не так твердо, как бы мне того самому хотелось. Но полковник и виду не подал, что заметил мое состояние. Не меня первого обращал этот человек в «партизанскую» веру.

— Ясно. Другого ответа от вас и не ждали. Конкретные задачи обсудим позже. А теперь — в расположение, не теряйте времени. Подготовка отряда должна быть предельно мобильной.

Я вышел из штаба.

Теперь требовалось как следует все обдумать, разобраться в том, что же это такое — партизанская жизнь. В нашем отряде не было никого, кто партизанил и мог бы поделиться личным опытом партизанской войны. Не было никого, кто бы готовился к этому делу заранее и располагал бы теоретическими знаниями по этой части. Я, например, прошел положенную воинскую подготовку, обстрелялся под вражеским огнем, постиг вроде бы законы откровенного и прямого боя на линии передовой, но применительно к военным действиям в условиях глубокого вражеского тыла вся моя наука казалась туманной абстракцией. А ведь многие бойцы отряда не имели и вообще никакого боевого опыта.

В юности я прочитал не одну книгу о партизанах гражданской войны. Из этих книжек крепко засел в памяти их героизм, революционная доблесть, романтическая самоотверженность. Но вопросы организации партизанской жизни в них остались как-то в стороне. К тому же сама тактика и стратегия партизанской войны в новых условиях не могла не измениться в корне. Мощные танковые соединения, массированное применение авиации с воздуха, насыщенность быстрыми в маневре механизированными частями — ничего этого не было тогда и в помине, а теперь стало жестокой действительностью не только действующих армий, но и любого тылового района.

Всплывали в памяти и хрестоматийные образы героев

народного сопротивления Отечественной войны 1812 года — угрюмые бородачи с рогатинами да вилами, яростная старостиха Василиса, гикающие на скаку казаки в бурках, с пиками наперевес и кривыми шашками наголо. Все это в прошлом! А как сейчас? Но, странное дело, именно эти школярские воспоминания навели меня на нужную мысль. Наиболее отчетливой фигурой партизанской эпопеи мне представился прославленный Денис Давыдов, с его ясным пониманием задач глубокого рейда по тыловым коммуникациям противника, абсолютной уверенностью во всенародной поддержке такого дерзкого предприятия. Я немедленно отправился в библиотеку, отыскал «Войну и мир» и начал читать.

> «Денис Давыдов своим русским чутьем первый понял значение этого страшного орудия, которое, не спрашивая правил военного искусства, уничтожало французов, и ему принадлежит слава первого шага для узаконивания этого приема войны».

В классически простых формулировках Льва Толстого таилась та художественная отточенность, что сообщает роману не только поэтическую силу, но и достоинства убедительнейшего наставления жизни. Внимательно отметив все, что касалось действий партизан, я поставил старинные тома на прежнюю полку.

Да, именно Лев Толстой помог мне провести в отряде первую политбеседу о роли партизанского движения в смертельной схватке первой Отечественной войны и частных задачах нашего небольшого отряда во второй Отечественной. Ошибки не было в выборе первоисточника для беседы. Внимание слушателей было предельным, а посыпавшиеся вопросы показали мне, что люди уже задумываются над конкретными проблемами нашего партизанского будущего. Это меня обрадовало.

Военная подготовка в лагере в Ореховце была построена с учетом специфики рода войск, не значившегося ни в одном академическом учебнике искусства ведения войны. Партизан обязан быть универсалом, мастером на все руки. Минер, бронебойщик, пластун, снайпер, пулеметчик, портной и сапожник, и все эти различные солдатские специальности должны были соединиться в лице одного, притом самого обыкновенного, вчера еще вполне мирного человека — теперешнего партизана. Со дня получения назначения учебные занятия продолжались практически круглые сутки. Никто не жаловался, понимая, что самое тяжелое там, впереди.

Владение военной техникой понемногу шлифовалось. Но как

политработник я понимал, что самый технически грамотный боец не сможет продемонстрировать своего воинского умения, если растеряется в огневой обстановке, поддастся усталости и отчаянию в изнурительном марше через болотные топи и лесные завалы. Высокий моральный дух, гражданская сознательность и ответственность, партийная убежденность в абсолютной правоте беспощадной борьбы с фашизмом, неколебимая вера в исторически неизбежную победу советского народа над «непобедимыми» ордами бронированных тевтонов — вот какие доспехи нужно было отковать в первую очередь каждому бойцу будущего отряда! И поэтому политико-воспитательная работа органически входила в общий комплекс подготовительных мероприятий. Партийная организация отряда была создана сразу же, тогда же был избран и партизанский парторг. Им стал московский рабочий Тимофей Кондратьевич Ивановский.

Последующие события подтвердили исключительно важное, а порой и решающее влияние психологического фактора на исход тяжелейших партизанских операций, казавшихся, практически безвыходными. Опоясанные непроницаемым кольцом карателей, стягивающимся вокруг нашего отряда с математически точной планомерностью немецкой педантичности, замкнутые артиллерийскими батареями, под пролетающими над головой тяжелыми снарядами, сработанными из добротной крупповской стали, прислушиваясь к близкому гулу танков, стоя почти по пояс в болотной жиже с поднятым над головой для сохранности и лишенным на это время боеприпасов оружием, донельзя уставшие люди отряда молча дожидались сигнала к атаке с тем, чтобы разорвать тугую петлю окружения и на последнем дыхании броском уйти в лес с ранеными товарищами, оставив в подарок преследующим эсэсовцам заминированную тропинку через гать.

Именно так, например, сложились однажды наши дела в июньские дни сорок третьего года посреди неоглядной топи Домжерицкого болота. Спасла духовная выносливость, осознанная дисциплинированность, безусловная вера в выручку товарища и приказ командира. Но все эти качества партизанского характера сцементировались и затвердели не сразу. Дни и ночи складывались его составные в ходе самой боевой практики. А пока под Ореховцом такой практики не было, и мы растили должное настроение домашними, так сказать, средствами. Убеждали, что всем нам нужна будет в отряде атмосфера крепкой мужской дружбы и веры друг в друга. По молодости лет психологами мы были не ахти какими, и законы человеческих поступков толковались нами не всегда в истинном соответствии с их подлинной природой. Не обошлось без обидных упущений, что

не замедлило сказаться в первые же недели деятельности группы вдали от Большой земли, понятно, сказаться отрицательно. Но об этом впереди…

Последняя ночь в учебном лагере. Будущие партизаны допоздна возились с подгонкой обуви, примеркой снаряжения, так и эдак переупаковывали содержимое походных мешков, пытаясь придать им наиболее удобную для похода форму. Затем все улеглись, но тихо перешептывались о всяком, ворочались с боку на бок, вздыхали.

Ранним утром мы выстроились в колонны по сорок два человека в каждой, замерли. На трибуну, сколоченную наспех, поднялся хорошо известный всем нам человек, секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Его напутственные слова звучали в напряженной тишине, бойцы слушали затаив дыхание. Вот Пономаренко закончил речь. Теперь ответное слово было за строевыми колоннами.

И оно было сказано. Грозно и торжественно прогремела клятва будущих партизан, подлинных хозяев непокоренной земли белорусской:

— Мы, народные мстители, клянемся, не щадя сил, а если понадобится, и жизни, беспощадно уничтожать немецко-фашистских захватчиков! Клянемся оправдать высокое звание советских партизан — народных мстителей!

Над лагерем зазвучал прощальный марш. На проселочную дорогу, пыля, выходили колонны отрядов. Первым покинул лагерь отряд «За Родину», за ним промаршировал «Гвардеец», третьим двигался отряд под названием «Смерть фашизму». Этот третий, названный столь категорически, и был нашим. Впереди шагали командир отряда лейтенант Сиваков и комиссар Панкевич.

До железнодорожной станции шли пешком. В полдень пассажирский поезд лязгнул буферами и повез нас к Москве.

Мы с Андреем Кисляковым, назначенным заместителем начальника штаба отряда «Смерть фашизму», высунувшись из окна поезда, смотрели на убегающие к горизонту рельсы. Тогда мы еще и не представляли, сколько бед впоследствии доставят наши партизаны железнодорожной колее. Только та колея будет вести к линии фронта из вражеского тыла.

— Наконец-то наступил долгожданный момент! — обратился ко мне Кисляков.

— В добрый час, Андрей! Сколько же можно в учебном лагере сидеть, когда война идет. А самое главное — сейчас лето, самая пора для партизан. Лагерь развернуть легко, маневру открыты все

пути. С питанием нет особых хлопот. Да с обувкой-одежонкой нет зимней мороки. А там обоснуемся и по-холодному, глядишь, экипируемся.

Поезд гнал и гнал почти без остановок. Позади на востоке отцветал отжитый день, накатили сумерки. Ночь. За окном полетели электрические огоньки. На всех парах поезд миновал предместья какого-то большого города.

— Подымайся, ребята, Москву проспим! — прокатился по вагону зычный бас парторга Ивановского. Ребята попрыгали с полок. Паровоз тормозил у перрона Казанского вокзала. Отряд высыпал из вагонов на платформу, построился и ждал команды на марш к Белорусскому вокзалу, около которого мы должны были стать на краткий постой. Согласно плану нам следовало бы отправляться прямиком к вокзалу. С другой стороны, всеми овладел соблазн, известный каждому, кто следовал через столицу транзитом. Короче, возникла мысль по дороге к месту остановки взглянуть на Красную площадь. Но для этого требовалось вдвое увеличить путь. И все же мы с комиссаром и парторгом настояли именно на таком маршруте. Бойцы, многие из которых впервые попали в Москву, должны были унести с собой память о седом Кремле и Мавзолее.

Нас окружили командиры и комиссары остальных отрядов, спрашивая о нашей заминке. Маршрут через центр столицы получил общее одобрение.

Колонны бойцов ступили в московские улицы в тот час, когда рассвет только занимался. Из-за темноты любоваться особенно было нечем. Но вот лучи солнца заиграли на крышах города, и тут удивиться пришлось даже тем, кто не раз видел эти улицы. Громады жилых и административных зданий были размалеваны сверху донизу полосами самых причудливых расцветок. Разномастные удавы ползли по стенам от подвалов до чердаков, а выше, в небе, были развешаны кое-где тучные, аппетитные на вид колбасы аэростатов.

Бойцы походя делились впечатлениями от закамуфлированной, военной Москвы, но вдруг разговоры в строю разом, без чьей-либо команды умолкли. Колонны вышли на брусчатку Красной площади. Замерли. В тишине было слышно, как кто-то дает пояснения:

— Спасская башня… Мавзолей… Собор Василия Блаженного… Лобное место…

Я чувствовал, что сейчас, в такой момент нельзя ограничиться сухой информацией, что нужны какие-то особо весомые, значительные слова. Какие? И тут старинный Кремль

пришел мне на помощь. Легкий звон возник где-то на высоте, усилился и опал. За ним покатился звон более низкого тона. Речь держали знаменитые куранты Спасской башни! Я увидел, как заблестели глаза наших ребят, как подтянулся строй. Так речи и комментарии стали излишни.

Улица Горького привела наши отряды к Белорусскому вокзалу. Нас разместили на Ленинградском шоссе в здании школы, с тем чтобы через день-другой отправить дальше. В полдень к школе подкатили грузовики, борта были мигом откинуты, и мы начали получать оружие, патроны, гранаты, тол и продовольствие. Защелкали затворы винтовок и новеньких автоматов.

— Хороша машина. Даст фашистам жару, — грозился Кисляков, играя автоматом. Понять его эмоции мог каждый. Ведь все привыкли к трехлинейкам, автомат был редкостью. Глядя на Кислякова, не один я, наверное, вспоминал сейчас, как в первые дни войны смело шли на нас фашистские автоматчики, поливая окопы свинцовым дождем, мы же могли отвечать им только редкими винтовочными залпами.

«Хороша машина, нет слов, хороша, — думал я, — побольше бы только такого оружия. Десяток на отряд маловато».

Партизан Соколов[1] недоверчиво ощупывал выданный ему немецкий пулемет МГ-34. Из каких фондов попал этот трофейный экспонат в руки Соколова? А ведь так хотелось иметь в отряде хотя бы парочку безотказных отечественных пулеметов! К сожалению, на нашу долю их не досталось.

Выдали нам и одно ПТР, противотанковое ружье. Конечно, и бронебойного оружия хотелось бы иметь побольше. Но что поделаешь, если в те годы количество оружия было внатяжку, а нехватку его ощущало не только наше, но и любое из действующих подразделений.

Иван Иванович Вышников бережно протирал масляной тряпицей драгоценное ПТР, когда к нему подошел двухметрового, баскетбольного, как бы сказали теперь, роста Николай Мазур. Николай с удовлетворением понаблюдал за работой товарища, назидательно изрек:

— Ну, Иван Иванович, храни ружьецо как зеницу ока. Эта штука, брат, насквозь прошивает легкие танки, бьет средние, достает самолеты, а об автомобилях и говорить нечего. Понимаешь, какие возможности у тебя в руках?

— Спасибо, браток, разъяснил, — засмеялся Иван Вышников. — Смотри только врагам не проболтайся об этих возможностях, а то разбегутся.

Под вечер вернулись два наших москвича — Демьянович и

Костюкович, отпущенные по домам на часовую побывку. Для Костюковича эта встреча с родными стала последней. Но пока мы все были живы и здоровы, и на вечернюю поверку отряд выстроился в полном составе. Перед развернутым строем Кисляков представил прибывшее «московское» пополнение.

— Вот наш радист — Володя Тарасов. Будет держать связь с Большой землей. А это его правая рука — Валентина Торопова. Так что не без женщин в отряде. И пусть только кто-нибудь вздумает ее обидеть, — Кисляков как бы шутя повертел в воздухе кулаком, размеры которого убедительно свидетельствовали, что лучше уж на него не натыкаться, — ну и, наконец, вот грозная огневая сила — подрывники — специалисты по шоссейным и железным дорогам.

Вечером к школе подрулила черная «эмка», из нее вышли капитан и двое штатских. Нас с оперуполномоченным Чуяновым отозвали в один из школьных классов. Здесь-то мы узнали о том нашем пополнении, с которым предстояло познакомиться несколько позже, уже за линией фронта. В глубоком тылу нашего появления ждали свои люди, хорошо знающие обстановку в своих районах. В деревне Бабий Лес — лейтенант Иван Фоминков, в деревне Росошно — Иван и Григорий Кирильчики, в Острове — Дубовский и лесник Антон Яцкевич, в Сухом Острове — фельдшер Алексей Фролович и его жена Лена. Последний организационный вопрос был, таким образом, улажен, и теперь ничто не удерживало нас в Москве.

Утром отряд разместился в грузовиках, моторы загудели, мы поехали. Прохожие провожали взглядами наши грузовики с некоторым удивлением. Со стороны мы, должно быть, выглядели весьма загадочно. Наряженные кто во что горазд, в пиджаках, бушлатах, гимнастерках, кепках и полувоенных фуражках, мы смахивали на бригаду, отправлявшуюся убирать картошку в колхоз. С другой стороны — сверкающие на солнце винтовки и автоматы. Было над чем задуматься прохожим. И только песня, что лихо развевалась за мчащимися по шоссе грузовиками, могла кое-что сказать об истинном назначении этих пестро одетых, но вооруженных людей. По ветру неслось:

— Белоруссия родная, Украина золотая,
Наше счастье молодое мы штыками, штыками защитим.

Грузовики мчались дальше и дальше. Запад неумолимо надвигался на нас, как бы демонстрируя документальные кадры отгремевшей военной эпопеи: изрытая воронками от авиабомб и снарядов, исполосованная траншеями земля, сожженные деревни

с сиротливо торчащими трубами печей, черные громады искореженных танков по обочинам дорог, разбитые пушки.

Но что интересно, на нас угнетающего впечатления эти картины не производили. Ожесточенность боев, убедительно запечатленная батальным пейзажем, передавалась нашим сердцам и взывала к отмщению.

Лейтенант Василий Соляник всматривался в дорогу с особым вниманием. На одном из перегонов он вдруг попросил остановить машину.

— Разрешите остановиться у этой высотки, товарищ командир. Тут похоронены бойцы моего взвода и мой друг, командир роты. Здесь мы прошли свое боевое крещение.

Машины затормозили. Соляник соскочил с борта и кинулся вверх по склону, к поросшей березами вершине высоты. Молча за ним потянулись остальные. И вот мы стоим у братской могилы, на земле, усеянной позеленевшими патронными гильзами.

— Да, здесь, — едва слышно сказал Вася. Его юношеское лицо внезапно осунулось, отвердело. Оглядевшись, он снял шапку, потом наклонился, раздвинул рукой траву. Мы увидели снарядную гильзу среднего калибра — немудреный солдатский памятник с высеченными ножом фамилиями погребенных товарищей. Коснувшись губами гильзы, Василий встал, взглянул на нас.

— Пять страшных дней и ночей стояли мы тут. Не раз рукопашная шла прямо в окопах. Трижды высота переходила из рук в руки, и все же мы удержали ее. Похоронили товарищей, потом получили приказ отойти…

Участки этой дороги были памятны не только лейтенанту Солянику. Моя память, например, сразу ожила, как только за поворотом открылся старинный Торжок. Некогда чистенький, утопающий в зелени, он предстал перед нами в руинах, коричнево-пепельный и безжизненный. Мелькнула школа у реки, от четырех этажей которой остался лишь фундамент с зияющей чернотой подвала. В этом здании, превращенном в госпиталь, я залечивал рану, полученную в первые дни войны.

Между тем близость фронта скоро начинала давать о себе знать. Где-то в поднебесье шел яростный воздушный бой. Чтобы не попасть под внезапный обстрел немецкой авиации, командир приказал свернуть с дороги, замаскироваться в сосновом лесу. Автомашины и люди укрылись под деревьями. Чувствовалось, как мелко дрожала и глухо стонала земля.

— Кажись, знатная гроза надвигается, — уставившись в небо, объявил рядовой Урупов. Не дожидаясь ненастья, он захлопотал около вещевого мешка, извлекая плащ-палатку.

— Оставь палатку. Не гроза это. Артиллерия, бог войны беснуется, — подал голос Николай Мазур, бывалый артиллерист.

Как только стемнело, слова Мазура подтвердились с наглядной очевидностью. Огневое зарево полыхало на западе чуть ли не вполнеба. С наступлением темноты, когда угроза с воздуха миновала, мы тронулись в сторону этого феерического зарева.

На рассвете колонна грузовиков выскочила на широкое поле. Последнее поле Смоленщины. За ней — земля Белоруссии. Оставляя позади клубы серой пыли, грузовики двигались курсом на неприметную деревеньку Косачи. К утру фронт притих, затаился. Слоистое покрывало туманов затянуло низины и кустарник. Остро и пряно пахли росистые травы.

Вот промелькнула на всхолмье ветряная мельница. Каким чудом война не коснулась этого ветхого сооружения?! Вокруг мельницы копошились исхудалые женщины да почерневшие ребятишки. С первого взгляда было видно, что не так просто вдохнуть жизнь в этот источенный временем механизм. Тем более без мужских рук. Но люди трудились, не теряя надежды.

Деревня Косачи приняла отряд гостеприимно. Бойцы разошлись по хатам и тут же уснули крепким сном. А пробуждение принесло интересную новость. Оказалось, что в деревне нашла приют еще одна группа партизан, причем не таких, как мы, будущих, а самых настоящих, только что вернувшихся из вражеского тыла.

Эта небольшая группа была частью прифронтового отряда соединения Шмырева. И вот ранним утром шмыревцы пересекли линию фронта, вышли к деревне и расположились отдохнуть у ручья на живописной лужайке. Вот кто мог наилучшим образом рассказать нам, как перейти фронтовую полосу, научить наладить партизанский быт. Понятно, что вскоре весь наш отряд собрался у костра шмыревцев. Вид у партизан был усталый. Непросохшая, видавшая виды одежда сушилась на солнце. Наше появление заметно оживило шмыревцев. Выяснилось, что мы тоже представляем для них живой интерес. Вопросы о положении на фронтах, о жизни на Большой земле, о москвичах и Москве посыпались со всех сторон. Мы обстоятельно расспрашивали о жизни в тылу противника. Словом, беседа получилась не только дельной, но и живой. Последним, попросив тишины, к нам обратился командир шмыревской группы:

— Всегда помните, друзья, основной закон партизан: никогда и нигде не оставляй товарища в беде. Свято исполняйте этот закон, хотя бы рисковать для этого пришлось и собственной жизнью. Второе: в тылу врага боеприпасы и взрывчатка — это ваш

воздух. Без хлеба и соли можно перемочься, а без патронов и тола — смерть. Патрон в лесу не только смерть для врага, но и жизнь для партизана. Вывод — берегите каждый патрон. Ну и наконец налаживайте хорошую разведку, не бойтесь разумного дерзания, не забывая ни на минуту о бдительности и боевой дружбе с населением.

На этом маленький урок лесной школы был закончен. И конечно же, урок пошел нам на пользу. Беседа рассеяла у нашей молодежи подспудно существовавшее представление о том, что будто бы враг вездесущ, а фронт — это сплошная и непроницаемая линия штыков, колючей проволоки, пулеметов, пушек и танков. Такому переосмыслению помогли простые факты, сообщенные нам шмыревцами, и некоторые из этих фактов казались нам прямо-таки поразительными. Группа партизан этой бригады, например, весной 1942 года вывела из немецкого тыла и переправила через вражеские боевые порядка полторы тысячи призывников, которые пополнили ряды Красной Армии. А ведь нужно было не только провести, но и собрать почти на виду у немцев эти полторы тысячи парней. Значит, можно! Бойцы нашего отряда заметно повеселели.

Но нам-то подобный опыт только предстояло набирать. Его отсутствие обнаруживалось во всевозможных мелочах. При распределении по вещмешкам партизан анодных батарей для питания рации возникло такое, к примеру, недоразумение. Радист и его помощница объясняли партизанам тонкости обращения с капризной кладью. Однако те с недоверием косились на тяжелую, да к тому же столь прихотливую ношу. Что от нее проку, если стрелять ею нельзя, поезд этой штуковиной под откос не пустишь.

— Да ведь без электропитания нет рации! Ни Большая земля нас не услышит, ни мы ее, — жарко убеждал Володя помощников, которые готовы были взвалить на плечи пулемет или другой еще более тяжелый любой «стратегический» груз, но отказывались тащить эти сомнительной нужности коробки. Мне пришлось помочь радистам убедить партизан в необходимости связи с Большой землей.

5 июля 1942 года на закате дня отряд был у Витебских (Суражских) ворот и занял исходное перед броском положение. Впереди змеилась изломанная линия еле заметных глубоких окопов, вытянулись замысловатые заграждения из колючей проволоки. Несколько на отшибе от партизан присели трое совсем молодых парней, одетых в непривычную немецкую форму, — наши проводники.

Тревожный час прощания с Большой землей накатывал на отряд. Нервы людей напряжены, не терпелось скорее начать

действовать. Но следовало еще дождаться полной темноты, а также последних донесений армейской разведки. Данные эти должен был сообщить нам гвардейский полковник, командир бригады, на участке обороны которого нам предстояло переходить линию фронта.

Вот он, наконец, отозвал в сторону командира, комиссара, начальника штаба и меня. Изложив оперативные разведывательные данные, полковник еще раз коснулся наших тактических, ближайших задач:

— Запомните, по шоссе Полоцк — Витебск наблюдается интенсивное передвижение войск противника. Пересечь эту магистраль днем и не обнаружить себя невозможно. Этот бросок планируйте на ночь. Учтите, немцы в прифронтовой полосе круглосуточно контролируют все важнейшие дороги. К тому же немецкому командованию уже известно о периодической переброске в их тыл партизанских вооруженных групп. Наше преимущество в том, что они не знают троп, по которым просачиваются отряды. А главная задача на той стороне — в темпе углубиться на двадцать — двадцать пять километров от фронта и остаться при этом незамеченными. А там ищи ветра в поле. Вокруг вас будут советские люди. В своей же хате и стены помогают. Но до хаты нужно дойти, а потому во что бы то ни стало избегайте столкновения с противником в прифронтовой полосе…

Стратегический план действий отряда после благополучного углубления на несколько десятков километров оккупированной территории был разработан еще в Ореховце: быстрый и скрытый маневр в Смолевичский район Минской области, организация базы на месте, установление связи с разрозненными партизанскими группами. Затем удары по главным коммуникациям и линиям связи противника, сообщение разведывательных данных, уничтожение живой силы и техники противника.

Пока мы совещались с полковником, наступила ночь — время перехода отряда «Смерть фашизму» через линию фронта. С тихим звоном было вынуто звено в проволочном заграждении. И вот уже глубокий противотанковый ров отделил нас от Большой земли.

Первые шаги по прифронтовой земле делали осторожно, нерешительно. Впереди пробиралась, останавливаясь и прислушиваясь, группа разведчиков. По их сигналам за ночь мы бессчетное число раз плотно прижимались грудью к матушке-земле. Вдали, то справа, то слева, изредка раздавались короткие пулеметные очереди и одиночные выстрелы. Где-то в стороне ночную мглу разрезали ярко-красные вражеские ракеты. Каждый

понимал, что пробираемся через запутанный лабиринт вражеской обороны. Подобно привидениям, мы, грязные и мокрые, бесшумно углублялись в полную неизвестности темноту. Нервы были напряжены до предела. Необычно длинными казались медленно преодолеваемые десятки метров.

Коротка летняя ночь в Белоруссии. Шоссе отряд должен был пересечь ночью, но темп движения нарушился с первых же минут. Лишь поздним утром, измученные, исцарапанные и грязные, мы едва добрались до шоссе. Но по нему уже давно непрерывным потоком шли машины. Пришлось залечь в чаще леса. Оставалось одно — выжидать, когда дорога окажется свободной.

Медленно и тревожно тянулись часы ожидания. Но это не был отдых после ночного марша: мы были словно на пороховой бочке. К полудню шоссе все же постепенно опустело. Воспользовавшись этим, отряд быстро поднялся, мгновенно перескочил через дорогу и углубился в сосновый лес. После тридцатикилометрового ночного перехода бойцы валились с ног. Вещевые мешки будто наполнились свинцом. Нужны были отдых и еда. Вскоре отряд остановился на привал. Партизаны поспешно освободились от груза и, разувшись, вповалку залегли спать.

Начальник штаба лейтенант Ерофеев, перешагивая через свалившихся бойцов, разыскал командира первого отделения и приказал обеспечить охрану отряда.

Вскоре лесную тишину потряс сильный близкий взрыв. Эхо взрыва потонуло в начавшейся перестрелке. Партизаны моментально вскочили, схватили оружие и стали настороженно посматривать по сторонам, а некоторые метнулись в лесную чащу.

— Назад! — скомандовал комиссар Панкевич.

Бойцы виновато вернулись на прежние места. Только Жилицкий, охваченный страхом, не слушая команды, ломился через кусты. За ним пришлось послать двух бойцов.

Перестрелка велась где-то совсем близко. Быстро выслали разведчиков и на всякий случай, для прикрытия отряда с угрожаемой стороны, начали готовить заслон. Вдруг на тропу вырвался взлохмаченный пожилой человек. Подбежав к нам, он, запыхавшись, бросил:

— Где командир? Помогите, братцы, иначе всем крышка!

Его выслушали. Выяснилось, что группа партизан-шмыревцев сделала на шоссе засаду. Ей было приказано противотанковой гранатой подорвать одиночную вражескую автомашину с солдатами, забрать оружие и патроны. Однако неточно брошенная граната лишь выбила стекла, контузив шофера. Машина сползла в кювет и заглохла. Немцы, выскочив из

грузовика, развернулись в боевой порядок. Пользуясь численным превосходством и преимуществом в огневых средствах, они быстро и плотно прижали партизан к земле. Создалось критическое положение. Шмыревец волновался не без основания: в любую минуту могли подоспеть новые грузовики или помощь из ближайшего гарнизона.

— Надо срочно помочь им, — раздались голоса.

Наш командир замялся, обвел всех растерянным взглядом и резко махнул рукой:

— Не время нам ввязываться в эту авантюру. Если мы себя обнаружим, тогда считай, что наш поход закончен. С ходу дуб не свалишь, а лоб расшибешь!

Лицо командира после ночного перехода пожелтело, осунулось, глаза покраснели. Он подошел к комиссару и тихо сказал:

— Скорее уходить надо, пока не поздно.

Комиссар сдвинул мохнатые брови, вытер лысину и, подумав, сказал, что ему нужно обсудить этот вопрос с заместителем.

А стрельба усиливалась. Длинные пулеметные очереди заглушались взрывами гранат. Отдельные разрывные пули с пронзительным визгом пролетали над нами.

За оказание помощи быстро высказались Ерофеев, Кисляков, заместитель командира отряда Соляник, комиссар Панкевич и я.

Командир сдался и приказал Кислякову немедленно выдвинуться с отделением сержанта Юрочки и огнем прикрыть отход группы шмыревцев. Схватив оружие, бойцы отделения скрылись в гуще соснового леса.

Сидя на мшистой земле, партизаны тревожно переговаривались:

— Ну, хлопцы, начинаются дни золотые…

— Перещелкает нас немец, — дрожащим голосом произнес Жилицкий, приспосабливая на спину вещмешок.

— Брось ныть. Рано затянул за упокой, — одернул его Вышников. — Если трусишь, достань запасные штаны из мешка и не каркай.

— Правильно, Иван Иванович! Крой его, — поддержали Вышникова несколько голосов.

— Герои нашлись! Цыплят по осени считают, — не унимался Жилицкий. — Дождитесь вечера — тогда хвастайте. За день много воды утечет…

Серые глаза Жилицкого испуганно бегали по лицам партизан, ища поддержки. Но ее не было. Все смотрели на него с недоумением и презрением. Трудно было сознавать, что за пребывание в Ореховце мы не рассмотрели в этом сутулом

худощавом человеке паникера и труса.

— Лучше умереть стоя, чем жить на коленях, вот как ставят вопрос настоящие люди. А ты на вид и человек, а душонка заячья. Услышал выстрел и уже дрожишь как осиновый лист, в кусты бегаешь… Что будет с тобой, если придется столкнуться с врагом лицом к лицу? Лапки кверху? — пробирал Жилицкого молодой партизан Петя Шиенок.

— Всякое трудное дело страшно вначале, товарищи, — заговорил Панкевич. — Жилицкий обстреляется, и страх пройдет.

— Плохое начало не к доброму концу ведет, — ответил Шиенок и отошел в сторону.

Бойцы отделения Юрочки, едва добежав до высоты, покрытой молодым сосняком, заметили, что к месту боя уже прибыла машина с гитлеровцами и ищейкой. Немцы тотчас ринулись через поляну, стремясь отрезать шмыревцев от леса и расправиться с ними. Кисляков понимал, что каждое потерянное мгновение могло стоить жизни боевым товарищам. Оставив на высоте пулемет и двух автоматчиков для ведения внезапного огня во фланг прибывшему подкреплению врага, остальным он приказал быстро обойти фашистов, залегших в кювете, и по его команде нанести неожиданный удар с тыла. Маскируясь за складками местности и густым кустарником, партизаны быстро пробрались на нужный рубеж. По сигналу Андрея обе группы одновременно открыли внезапный огонь. Часть гитлеровцев замертво свалилась на середине поляны, а остальные, вопя, бросились врассыпную. Немцы совершенно не ожидали такого оборота дела. К шоссе впереди всех мчался длинноногий гитлеровец с овчаркой на поводке. А на него наседал унтер, размахивая парабеллумом.

— Соколов, огонь по долговязому, бей подлюгу! — крикнул Кисляков.

Короткая пулеметная очередь, и собака с визгом упала на землю, а за нею рухнул и немец.

— Молодец, Соколов, собакам — собачья смерть! Фашистов и их собак в одну кучу, они одной породы, — похвалил пулеметчика Кисляков.

Бойцы Юрочки огнем плотно прижали гитлеровцев в кювете к земле. Пользуясь этим, шмыревцы отползли в лес и присоединились к отделению Юрочки. Вскоре появился и командир группы. Он вытер лицо изорванным рукавом гимнастерки и приказал бойцам перевязать вынесенного им раненого бойца.

— Вы спасли нас, товарищи, — устало привалившись к дереву, произнес он. — Большое спасибо!

— Вот мы и выполнили первую заповедь партизана — «Не

бросай товарища в бою», — обратился к партизанам комиссар. — А если бы мы бросили шмыревцев и их уничтожил враг, то с каким чувством нам пришлось бы дальше жить? Думаю, объяснять не надо. Второе, в чем оказался секрет успеха действий, которыми руководил Кисляков? Я не ошибусь, если скажу, что это были внезапность, решительность, быстрота и хорошее владение оружием.

Партизаны одобрительно закивали головами. На шоссе быстро спешивалось вновь прибывшее подкрепление. Противник, видимо, решил преследовать партизан. Вскоре вновь застрочили автоматы и пулеметы. С гулом по всему лесу разносилось эхо взрывов немецких мин. Стрельба медленно приближалась к нашему расположению. Уже слышались выкрики унтеров. Взбешенные гитлеровцы прочесывали лес. Мы срочно снялись с места и быстрым темпом продолжили марш. Непрекращавшаяся стрельба все время напоминала об опасности и подгоняла вперед… Каждый новый километр отдалял нас от немцев. Выстрелы доносились все глуше и наконец смолкли.

Перед заходом солнца мы достигли временного лагеря шмыревцев, раскинувшегося в дремучем ельнике возле вязкого болота. В нем было человек до двадцати партизан. Впервые с аппетитом мы отведали недосоленного партизанского супа.

Где-то параллельными маршрутами пробирались к районам своей боевой деятельности и два других партизанских отряда.

Оккупанты хотя и потеряли следы наших осторожно продвигавшихся отрядов, но, как мы и предполагали, не забыли о них. На поиски нас они пустили свою агентуру и, как выяснилось потом, срочно и тайно готовили для перехвата довольно крупные силы, сосредоточивая их на вероятных путях нашего движения. Они надеялись прижать партизан к берегу широкой Западной Двины и на открытой местности внезапным ударом из засады уничтожить. На стороне гитлеровцев были все преимущества: свобода маневра, скорость передвижения на автотранспорте по дорогам, наличие достаточных сил и неограниченное количество боеприпасов, возможность ведения воздушной разведки.

В штабе карателей потирали руки, считая свой замысел создания засады-ловушки безукоризненным, а прорвавшиеся через линию фронта отряды обреченными.

Уже много дней и ночей наш отряд медленно пробирался через густые леса и топкие болота в глубокий тыл противника. Мы настойчиво шли вперед без нормального отдыха, гоня сон и усталость, не обращая внимания на опухшие ноги, все туже затягивая ремнями животы. Было неимоверно трудно. Постоянно хотелось есть. Нас мочили дожди, вечерние и утренние росы.

Были дни, когда одежда и обувь почти не просыхали. Нас съедали тучи комаров.

На каждой остановке выбивающиеся из сил партизаны буквально падали на траву. Все сильнее нами овладевало желание сделать большой привал: отоспаться, отдохнуть, обсушиться, досыта поесть. Но пока это была несбыточная мечта. Остановки приходилось делать короткие, а сохранившиеся крохи продуктов расходовать бережно. Сознание долга неумолимо двигало отряд все дальше на запад, в намеченный район действий — к сплетениям основных магистралей, питавших фронт ненавистного врага. Все понимали, что нельзя было упустить благоприятное летнее время, когда союзниками партизан были теплые дни, не требовавшие от партизан заботы об одежде и крове, щедрые дары лесов — грибы, ягоды, орехи. Все это надо было максимально использовать. Каждый сознавал, что холодная осень, голые поля и леса, а затем суровая зима с глубокими снегами и морозами во сто крат затруднят наши боевые действия. И мы спешили. Шли непрестанно днем и ночью. Тревожные вести с фронта еще больше подстегивали нас: немецко-фашистская армия рвалась к Дону и Волге, на Северный Кавказ. В то время как линия фронта вновь быстро отодвигалась на восток, мы упорно шли все дальше на запад.

Как ни тяжело нам было физически, еще труднее было в моральном отношении. Усталость снималась даже коротким отдыхом, а вот на душе по мере углубления в тыл врага становилось все горше.

Безотрадная картина открывалась нам на белорусской земле. На месте многих деревень, где когда-то ключом била жизнь, теперь среди руин и бурьяна виднелись братские могилы, торчали обгоревшие печные трубы.

Войска вермахта ревностно выполняли указание Гитлера и своего командования, предписывавших применять величайший террор.

> «Речь идет, — говорилось в одном из них, — о борьбе на уничтожение… Гигантское пространство должно быть как можно скорее замирено. Лучше всего это можно достигнуть путем расстрела каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд…»[2]

Гитлеру вторил палач в фельдмаршальском мундире Кейтель:

> «…Фюрер распорядился, чтобы повсюду пустить в ход самые крутые меры для подавления в кратчайший срок повстанческого движения… При этом следует

учитывать, что на оккупированных Германией территориях человеческая жизнь ничего не стоит и устрашающее воздействие может быть достигнуто только необычайной жестокостью…»[3]

Мы не знали тогда о наличии этих и других фашистских документов и планов массового истребления советского народа. Они держались в строгом секрете. О них гитлеровские палачи впервые во весь голос вынуждены были заговорить со скамьи подсудимых на Нюрнбергском процессе. Нам не приходилось читать этих директив, но мы своими глазами видели, с какой жестокостью оккупанты проводили их на деле.

Всюду нас встречали следы смерти, разрухи, голода, печальные глаза исхудавших ребят, измученных женщин и едва державшихся на ногах стариков.

Неузнаваема стала Белоруссия. Невыносимо было смотреть, как в постоянном страхе бедствовал народ без крова и хлеба. Во многих селах мы не могли найти даже кружки чистой воды: фашисты загадили колодцы навозом или сровняли их с землей. Сохранившиеся деревни на Витебщине встречали нас заколоченными окнами: они были безлюдны. Жители спасались от разбоя и смерти в лесах и болотах, ели лебеду, крапиву и ягоды. Многие пухли от голода и тяжело болели.

Люди на оккупированной территории очень плохо знали о реальном положении на фронте: не было советских газет и радиоприемников, чтобы регулярно получать вести с Большой земли.

Нас повсюду засыпали вопросами:

— Где фронт?

— Когда вырвемся из неволи?

— Как все это случилось?

Наши ответы выслушивали с огромным вниманием. Они вселяли в крестьян надежду и уверенность.

В коротких беседах выяснилось, что подавляющее большинство жителей, безусловно, не верило немецкой пропаганде. «Брешут, гады! Слышали мы об этом еще в 1941 году. Старая песня», — говорили они.

Но не обходилось и без маловеров и растерявшихся. Один из таких нам встретился в лесу вблизи деревни Бычиха. Костлявый седой старик со слезящимися глазами роптал:

— Приходит конец, братцы. Передушит всех немец… Строили, спешили, отказывали себе во всем, а теперь все идет прахом… — безнадежно махнув рукой, он минуту помолчал и с горечью продолжал: — И куда вы лезете? Армия с орудиями и

танками не устояла, а вы с винтовками надеетесь на что-то. Подумайте только, немец-то забрал Украину, лезет к Волге, на Кавказ, а вы… Погибнете, как мухи осенью. Не получилось у нас воевать малой кровью да на чужой земле, как в песнях пели!..

— Не получилось, отец. Это горькая правда. И сейчас очень трудно нам, много крови льется, но поверь, мы победим. Победим потому, что не было и нет силы сильнее Советской власти. Это главное, — пытался убедить старика парторг Тимофей Кондратьевич.

— Так-то оно так, слов нет, но ведь армия оказалась неподготовленной, вот беда. Гляди, куда допустили немца… А почему?.. — раздраженно хрипел дед.

В глубине густого соснового леса нам встретилась группа ребятишек и женщин с мешками.

— Что промышляете, люди добрые? — спросил их Ивановский.

Вперед выступила вся испещренная морщинами, полуоборванная старуха и заговорила:

— Хлеб немцы забрали, штоб им лопнуть, бульба не уродзила. Люди пухнуть. Многие у весцы уже памерли с голода. Вот собираем верасок, таучом яго, мешаем с собранной в поле прошлогодней бульбой и пячом «пираги»…

Порывшись в мешке, она вытащила кусок «пирага». Темный брусок обгоревших зерен дикой травы, склеенных полусгнившим картофелем, медленно переходил из рук в руки. Каждый боец отламывал маленький кусочек, и пробовал его. Крепкие, как камешки, зернышки травы трудно было раскусить. Малосъедобной была и картофельная недоброкачественная клейковина. Партизаны через силу жевали эти кусочки, виновато глядя на почерневших от голода и горя колхозниц.

— Без пол-литра и не проглотишь, — попытался пошутить балагур Севастеев, отплевываясь.

— Не зубоскалить над горем людей, а думать надо, как помочь им, — оборвал парторг бойца. — Мне пришлось едать таких «пиратов» в 1921 году, не сладкие… Погляди вот лучше на ребят…

Наши взгляды сразу же метнулись на жавшихся к женщинам испуганных и буквально иссушенных голодом ребятишек. Если в начале встречи они прятались за женщинами, то теперь, почувствовав наше расположение, вышли вперед. Головы, глаза и рты у них казались необычайно большими, а ручонки и ноги, обтянутые, обветренной, потрескавшейся кожей, непропорционально тонкими. Ветхие, выгоревшие, все в заплатах рубахи, штаны и платья едва прикрывали их страшно худые тела.

Глазенки голодных детишек жадно следили за каждым нашим движением. Вид изможденных детей вызывал такое глубокое сострадание, что на глазах у всех заблестели непрошеные слезы.

Взволнованный Тимофей Кондратьевич молча снял с плеч вещевой мешок и вынул из него бережно завернутые в полотенце последние пять сухарей и банку сгущенного молока из неприкосновенного запаса и подошел к женщинам:

— Возьмите детишкам…

Опустил голову и Севастеев. Молча порывшись в мешке, он отдал детям свои последние запасы. То же самое без слов сделали все. Только Жилицкий не дал ничего.

— Не трэба, братки, не трэба. Мы дома, як-нибудь перемучаемся, переживем и на лебядзе, а вы не у гасцях, вы у дарозе, да еще и на войне. Вам самим цяжка, панимаем… — робко возражали тронутые нашим участием женщины, но все же поспешно забирали эти неожиданные сокровища. Изголодавшиеся дети немедленно набросились на давно забытые лакомства — маленькие куски сахара и черные сухари.

Вскоре из лесу вышла другая группа колхозниц. Исстрадавшиеся женщины стремились поделиться своим горем.

Пожилая женщина с большим волнением, не сдерживая слез, рассказала, что совсем недавно немцы, ворвавшись ночью в соседнюю деревню на мотоциклах, под оружием согнали всех перепуганных и беспомощных стариков, женщин и детей в сарай, заперли, обложили сарай кругом соломой, облили бензином и подожгли. На отчаянные мольбы у этих гадов был один ответ: «Русс капут».

— Будь они прокляты со своим «новым порядком» на веки веков! Бьют, вешают, жгут, грабят. Зимой начисто забрали все зерно. Даже грамма не оставили. Вот мы и голодаем… Такая стала наша жизнь… — сокрушенно закончила она.

— Плохо живем, браты, очень худо, — вмешался в разговор совсем седой морщинистый старик. — Наступило самое тяжкое время. Еще бы месяц продержаться, пока хлеб созреет, и спаслись бы от голодной смерти. Теперь умнее будем: весь урожай по зернышку в лес перенесем. Фашистской нечисти и соломы не оставим. — Потом, немного помолчав, угрожающе сказал: — Окрепну вот, возьму топор и сведу счеты с извергами за все… Кривоглазому злодею Пашке первому голову отрублю.

Тут колхозники начали наперебой возмущенно жаловаться на вернувшегося в деревню с приходом немцев кулака с двумя сыновьями, выселенного в тридцатых годах из Белоруссии.

— Покоя от них, сволочей, нет! Самого фашисты сделали старостой, а щенки стали полицаями. Всех грабят. Люди с голода

пухнут, а у них двор от награбленного ломится. Пьют, бесчинствуют, издеваются над сельчанами. Не то что избить, а убить человека им ничего не стоит. Два месяца назад эти пьяные бандиты с гитлеровцем ворвались в дом к бывшему бригадиру колхоза и ни за что при малых детях и жене зверски убили его. А на днях выдали немцам одного тяжело раненного партизана, которого две недели тайком укрывала одинокая старуха на краю села. Беднягу гитлеровцы повесили, хозяйку расстреляли, а хату ее сожгли. На них, выродков, ни суда, ни управы нет! — горько возмущался дед.

— Ошибаешься, деду. Предатели не уйдут от справедливого народного суда, — ответил комиссар отряда, внимательно слушавший крестьянские жалобы.

Нам давно следовало продолжать путь, и командир настаивал на этом. Он считал, что нельзя ввязываться не в «свое дело». Однако комиссар при поддержке начальника штаба, парторга и меня решительно выступил против:

— Наш долг — покарать предателей! Народ должен видеть, что пособников оккупантов ждет неминуемая кара за их преступления. Мы обязаны, и в данных условиях нам ничто не мешает, свершить справедливый суд.

Весь отряд держал совет. В конце концов было решено меня и Кислякова послать с группой в деревню с тем, чтобы сначала разведать обстановку, затем арестовать кривоглазого старосту с его ублюдками и без промедления доставить их сюда.

Наша группа в сопровождении деда быстро направилась к селу.

Немцев, как и говорил старик, в селе не было. Соседи сказали, что бандитская семейка только что вернулась с очередного мародерства и вся дома. Оставив деда, мы быстро подошли к добротному дому старосты. Во дворе — еще не распряженная подвода. Оставив троих наших во дворе, мы вошли в дом. Весь опухший от постоянного пьянства, заросший щетиной бывший кулак и его здоровенные сыночки обедали. На столе, заваленном снедью, стояла початая бутыль самогона, в комнате пахло сивушным перегаром и жирными щами. На миг я вспомнил голодных худых ребят в лесу. И это придало мне еще большую решимость.

Наш приход всполошил хозяев. Кривой старик одним налившимся кровью глазом вопрошающе уставился на меня и, бросив ложку, полез в карман, видимо, за оружием. Но я, поздоровавшись насколько можно приветливее, назвал кривоглазого по фамилии и сказал, что вынужден по распоряжению районного бургомистра и военного коменданта

побеспокоить старосту и его сыновей — исправных полицейских — по следующему делу. По заданию немецких властей нами, полицейскими из районного городка, выслежен и найден в ближайшем лесу тайный партизанский склад оружия. Грузовик с немецкими солдатами остановился на большаке. Задача старосты — присутствовать при изъятии оружия, подписать акт и помочь перевезти оружие к машине. При этом я намекнул, что немецкий обер-лейтенант, который с группой моих людей находится уже у склада, отблагодарит старосту и уж что-что, а пару хороших пистолетов с патронами не пожалеет.

Правдоподобность моей выдумки и жадность бандитов к оружию сделали свое дело.

— Кончай жрать, поехали! — бросил сыновьям слегка охмелевший кулак и, обращаясь к нам, сказал: — Вот удачно, у меня и кони еще не распряжены.

Едва мы выехали за село, инсценировке пришел неожиданный для предателей конец. Ошарашенные, с обезумевшими глазами, они и пикнуть не успели, как были обезоружены, а руки их связаны. Через полчаса с присоединившимся к нам дедом мы были в отряде. Наша находчивость была одобрена.

После короткого допроса в присутствии старика и нескольких женщин нам все стало ясно. Ползая на коленях и моля о пощаде, эти три гада, размазывая слезы и заикаясь, признались во всем, надеясь на пощаду. На поляне перед выстроившимся отрядом и стоявшей в стороне небольшой группой жителей, дико озираясь помутневшими глазами и истошно вопя, корчились три предателя. На них, потерявших человеческий облик, было противно смотреть.

— Чего скулите? Встать! — сурово крикнул комиссар. Предатели, дрожа всем телом, кое-как поднялись.

— За предательство, кровь невинных людей, службу оккупантам и грабеж народа именем Советской власти вы приговорены к расстрелу!

Слова комиссара «Смерть фашистским пособникам!» слились с коротким залпом.

— Товарищи, — обратился комиссар к старику и женщинам, — немцы не должны знать, что суд совершился партизанами по вашей просьбе. Об этом можете рассказать только тем, кому доверяете. На все расспросы отвечайте, что, мол, эти предатели уехали с какими-то полицаями и больше ничего вы не знаете. Иначе быть беде.

Попрощавшись с колхозниками, мы продолжали свой нелегкий путь.

За 15 суток отряд, маневрируя и скрытно пробираясь через густую сеть вражеских гарнизонов, преодолел около 300 километров тяжелого и опасного пути. А впереди предстоял еще более важный и опасный этап — прорыв через полосу сильно охраняемой железной дороги. Выслали разведку.

Вернувшись перед вечером, разведчики донесли, что по обе стороны железной дороги на 150—200 метров весь лес вырублен. Вдоль дороги через каждые 500 метров построены долговременные бетонированные огневые точки с установленными в них пулеметами. Между ними регулярно патрулирует охрана. На каждом километре стоят сторожевые вышки. А каково положение за железной дорогой, выяснить не удалось. В целом было совершенно ясно, что предстоит тяжелое испытание.

Об этом мы и сказали партизанам. Поняв сложность положения, все, как один, тщательно готовились к ночному прорыву и марш-броску. Тщательно подгонялись снаряжение и обувь, смазывалось и проверялось оружие, диски и обоймы снаряжались патронами.

Командование отряда договорилось с местными партизанами, что те выделят небольшие группы для отвлекающих действий на флангах нашего прорыва.

Незадолго до захода солнца отряд начал осторожно выдвигаться на исходный рубеж. Впереди шла штурмовая группа, которая должна была первой прорваться через железную дорогу, на небольшом расстоянии следовали подрывники, затем радисты, последним шло отделение Юрочки. Правее и левее уступом вперед двигались боковые заслоны.

Мы приблизились к укрепленной полосе железной дороги и, замаскировавшись на краю вырубленного леса, залегли. Начало темнеть. Прохладный ветерок наскочил на молодые заросли, затрепетал в их листве, но, запутавшись, быстро утих. На землю опускались голубовато-серые сумерки. Время шло удивительно медленно. Каждая минута казалась вечностью. Вот прошло полчаса, а условленного сигнала от местных партизанских групп все нет. План нарушался, и потерянное время предстояло наверстывать лишь на марше. Поэтому решили не медлить больше ни минуты.

Ровно в 22 часа боковые заслоны и штурмовая группа стремительными перебежками рванулись вперед. Едва они приблизились к железной дороге, как над ней, шипя как змея, взвилась зеленая ракета, правее — вторая и еще правее — третья. В мертвом дрожащем зеленоватом свете все вокруг стало каким-то бледным и хаотичным. Впереди, справа, распоров тишину,

громко и дробно застучал пулемет. Тонкие красновато-желтые пунктиры трассирующих пуль-светлячков, как бы догоняя друг друга, проносились между деревьями. В ответ там же справа раздались очереди автоматов. Прибежавший связной сообщил, что противник задержал правый заслон, прижал его к земле. Но бойцы штурмовой группы уже были у насыпи железнодорожного полотна. Увидев мелькнувших партизан, охранники бросились за насыпь и растаяли в зарослях. Без промедления через железную дорогу устремились наши главные силы. Бойцы левофлангового заслона бегом бросились на выручку партизанам, ведущим бой справа. Перекрестным огнем немецкий пулемет был уничтожен.

Внезапно наступила тишина. Быстро падали догоравшие ракеты. Замелькали длинные перекрещивающиеся тени деревьев. Но вот и они растаяли в набежавшей темноте. И тут издали донесся гул приближающегося поезда. Он угрожающе нарастал, и казалось, что еще немного, и наше тыловое охранение и заслоны будут отрезаны. А воображение забегало вперед, и уже рисовалась картина, как вражеский эшелон остановится, из него высадятся войска и немедленно бросятся по нашим следам. А ведь по свежим следам десятков ног, примявших росистую траву, — по этой широкой полосе — любой смог бы безошибочно определить наш путь.

Однако совсем неожиданно справа и слева в небо взметнулись яркие вспышки и тут же прогремели сильные гулкие взрывы, потрясшие землю. Мы догадались, что это местные партизаны, хотя и с опозданием, но сдержали свое слово. Вдоль дороги взвились десятки зеленых ракет, яростно захлебываясь, забили пулеметы. Воспользовавшись этим, охранение и заслоны немедленно бросились через дорогу и присоединились к нам.

Итак, отряд без потерь преодолел опасный рубеж сильно охраняемой магистральной железной дороги. Это была большая удача. Но мешкать было нельзя. Мы и так упустили много времени, а впереди ждали новые испытания — многокилометровый форсированный ночной марш по незнакомой местности, занятой врагом, и преодоление Западной Двины.

Нас подгоняло сознание того, что гитлеровцы, узнав о прорыве через железную дорогу, могли в любую минуту организовать быстрое преследование по свежему следу. Почти бегом, задыхаясь и обливаясь потом, мы проскакивали поляны, участки дорог и поля. Как можно быстрее, напрямик пробирались через рощи и колючие заросли. Обходить препятствия времени не было, ведь летняя ночь так коротка.

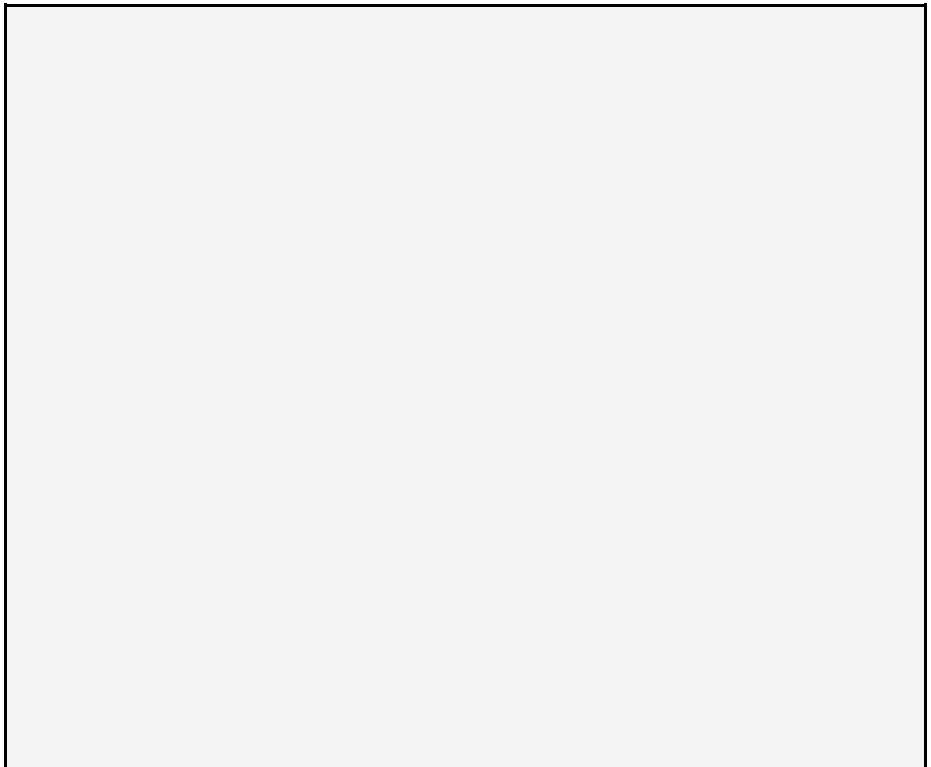
Некоторые бойцы, ослабев, уже едва поспевали. Кто был посильнее и повыносливее, тому пришлось брать у отстающих

оружие и вещмешки. К общему удивлению, радистка Валя ни на шаг не отставала от бывалых воинов и никому не отдавала свой груз.

— Друзья, еще немного, несколько километров, и Двина, — подбадривал нас комиссар.

В жизни часто случается так, что вот, кажется, уже конец испытаниям, еще одно последнее усилие — и впереди открытый ровный путь… Но тут совсем неожиданно возникает преграда. Так случилось и с нами. Собрав последние силы, мы рывком устремились через поле к видневшейся полоске леса, за которой, по нашим расчетам, должна была открыться Западная Двина.

Трудно передать, как горько мы разочаровались, когда внезапно натолкнулись перед леском на небольшую, всю заросшую быструю речушку с топкими берегами. О ее существовании никто и не подозревал. Но рассуждать было некогда, и бойцы, не разуваясь, с ходу бросились через эту ненавистную капризную речушку. Раннюю тишину сонной речушки, местами покрытой тонкими ватными слоями утреннего тумана, нарушил топот ног, чавканье болотистой почвы, звонкие всплески воды да невольно вырывающиеся возгласы бойцов. Речка была небольшая, неглубокая, с холодной чистой водой. Все кинулись жадно пить.



И вдруг невдалеке слева быстрыми и острыми желто-

красными язычками пламени заплясали яркие вспышки, и мгновенно рассыпались, полоснули пулеметные и автоматные очереди. С горячим шипением яростно впились в воду молниеносные змейки трасс, тонкими строчками вспоров гладь воды. А по стволам берез и елей захлопали разрывные пули. Все мы бросились вперед — на противоположный берег. По всему было видно, что противник бил бесприцельно, на наш топот и одиночные возгласы бойцов. Только это и спасло нас от беды.

— Автоматчики, по вспышкам — огонь! — громко крикнул Кисляков и, став на колено, дал длинную очередь. Дружно ударили и другие автоматы. Враг замолчал. По-видимому, это была небольшая засада, устроенная у моста, что был слева от нас, но о котором мы, к счастью, раньше не знали, иначе напоролись бы на немцев.

Оставшиеся несколько километров прошли без единого привала. И вот перед нами быстрая и широкая Западная Двина. От нее повеяло холодной сыростью. Стало совсем светло. Первые лучи солнца ярко осветили верхушки сосен и рассеялись в густой молочной пелене тумана, местами припавшего к реке.

Но нам некогда было любоваться природой. Быстро спустились к берегу, и сразу закипела работа. Через пятнадцать-двадцать минут три плота были спущены на воду. Вскоре первая группа партизан достигла противоположного берега. Теперь, когда туман почти рассеялся и другой берег стал ближе, на нем были хорошо видны наши люди. Над горизонтом висел ослепительный диск солнца. Наступал жаркий безоблачный день. Надо было спешить с переправой, но возвращавшиеся плоты, как назло, едва двигались, а других сделать было больше не из чего, так как сухих бревен поблизости не оказалось. Мы топтались на берегу, проклиная черепашью тихоходность плотов, к тому же еще и сносимых течением. Так и хотелось броситься вплавь к плотам и помочь тем, кто изо всех сил, упираясь шестами, направлял их к нам. Когда плоты со второй группой достигли середины реки, в небе послышался тонкий ноющий гул мотора. Он быстро нарастал, и вскоре над нами появился темно-коричневый немецкий самолет-разведчик, прозванный «костылем».

— Воздух! — крикнул кто-то.

Все бросились в ближайшие кусты, а кое-кто и прямо на землю. Как горох, посыпались в воду и те, кто был на плотах. Однако было поздно. Разведчик, низко пролетев над водой, скрылся за перелеском. Но гул не утихал, и вскоре, переваливаясь с крыла на крыло, самолет вернулся и на бреющем полете устремился к плотам, за которые уцепились бойцы. Я был уверен,

что по ним ударят смертоносные пулеметные очереди. К счастью, самолет, взмыв над оцепеневшими бойцами вверх, описал круг и удалился. Не ожидая такой благополучной развязки, все облегченно вздохнули. Стало тихо, но это оказалось затишьем перед бурей. Плоты медленно приближались к тому берегу. Внезапно воздух прорезал звенящий свист снарядов, и сразу же на противоположном берегу раздались сотрясающие землю разрывы. Вслед за ними где-то далеко бухнули артиллерийские залпы. «Перелет», — мелькнуло у меня в голове… И тотчас прямо перед нами взметнулись черно-красные у основания и серебристые вверху высокие водяные смерчи. Берег задрожал от мощных взрывов. Вода в реке вспенилась, закипела. Воздух наполнился мелкой водяной пылью. За первым залпом последовал второй… Реку будто вывернуло наизнанку. Переправу стало заволакивать сизым едким дымом.

— Плотно садят, гады, видно, из бронепоезда, — прижимаясь к земле, бросил бывший артиллерист Николай Мазур.

В стороне натужно выл «костыль», корректировавший огонь.

Снаряды ложились все ближе к плотам. Вот один из плотов резко метнуло в сторону, бревна расползлись.

Обстрел прекратился так же внезапно, как и начался. Переправу мы продолжили и вскоре были на той стороне. Даже те, кто был сброшен взрывной волной в воду, остались живы и благополучно добрались до берега.

— Ну, братцы, и страху было, когда нас тряхнуло с плота, — рассказывал Севастеев. — Я думал сначала, что на Луну лечу. Потом плюхнулся в воду и камнем пошел ко дну. Попытался кричать — воды нахлебался. Вот, думаю, отвоевался, крышка! Глотнул еще водицы и вспомнил бабушкину сказку про лягушку. Вот она-то, сердечная, и спасла меня, почти утопленника.

— Ну-ка расскажи, дружище, как это тебя царевна-лягушка спасла, — попросил Мазур.

Сияющий Севастеев охотно рассказал:

— Однажды две лягушки упали в горшок со сметаной. Одна решила, что ее песня спета. «Зачем зря мучиться!» — подумала она и, перестав барахтаться, захлебнулась. Вторая рассудила иначе: «Умереть никогда не поздно. Надо найти выход, чтобы побороть смерть». Захлебываясь, она все быстрее барахталась в сметане, борясь за жизнь. Когда ей уже показалось, что наступил конец, она вдруг почувствовала под ногами твердый, сбитый ею ком масла. Опершись на него, она выскочила и на радостях проквакала: «Раньше смерти не умирай!»

— Раньше смерти не умирай! Хорошо сказано. Жилицкого надо послать к лягушке на выучку, возможно, смелее станет, —

пошутил Вышников.

Партизаны одобрительно загудели, продолжая свои несложные дела. В ожидании результатов разведки, высланной вперед, одни полоскали портянки, мылись, другие улеглись спать, третьи бережно выбирали из вещевых мешков затерявшиеся среди патронов и взрывчатки последние сухари.

— Все подчищено, — удрученно бросил Урупов, вытряхивая мешок. — Теперь, хлопцы, переходим на подножный корм.

Да, к сожалению, он был прав. С этого дня отряду питаться действительно пришлось лишь тем, что находили в пути. Человеку, который хотя бы неделю не жил впроголодь, это, пожалуй, трудно понять. Даже солдаты, видавшие виды, не изведали этого, так как были порой хотя и на скудном, но все же регулярном снабжении.

В полдень снова двинулись в путь. Без продуктов вещевые мешки стали легче, но в долгой дороге, как известно, иголка и та тянет. Длительный марш, отсутствие еды и жара заметно подтачивали силы партизан. Даже балагур Мазур и тот приуныл. Местные крестьяне оказать помощь нам не могли. Они сами сидели без хлеба и соли, питались лебедой, крапивой и щавелем. Их примеру пришлось последовать и нам. Бойцы грустно шутили: «Нам, заядлым вегетарианцам, мясо и иной харч противопоказаны…» Как мы ни «нажимали» на вегетарианство, силы наши таяли с каждым днем. Говорят, китайцы из трав умеют готовить сотни вкусных блюд, но мы, кроме одного невкусного варева, изобрести ничего не могли. Первое время мы жадно набросились на свежий щавель, но скоро, набив оскомину, могли и его есть только вареным. Отряд совершал скрытый и быстрый марш, и поэтому ни о какой охоте, конечно, не могло быть и речи. Вместо хлеба в пищу партизан шли еще не созревшие колосья зерновых. Да и их удавалось собирать довольно редко: наш путь обычно лежал по лесистой местности вдали от селений.

Но и это было не все. Как говорится, беда беду погоняет. Нам предстояло еще одно неожиданное испытание. Впереди лежала полоса деревень, в которых, по данным местных партизан, встретившихся нам еще у железной дороги, можно было достать кое-какие продукты. В нашем воображении то и дело появлялись эти желанные деревушки, мы даже чувствовали запах свежеиспеченного хлеба и парного молока. Но увы! Наша разведка установила, что в деревнях, на которые мы так надеялись, свирепствовала эпидемия сыпного тифа. Медицинской помощи не было, и смерть беспощадно косила людей.

— Теперь никто о нас не думает, — жаловались крестьяне разведчикам. Они рассказали, что когда обратились за помощью в

район, то оттуда в деревню приехали немецкие врачи. Поговорили между собой, дали какие-то пилюльки и укатили. Вскоре почти все, кто принял эти пилюли, умерли.

Зато крестьяне от всей души хвалили молодого врача из партизанской бригады Воронянского. Он разъяснял населению, как бороться против тифа народными средствами. Невзирая на опасность, он день и ночь помогал крестьянам и спас сотни жизней.

Мы обошли зону тифа стороной.

В двадцатых числах июля отряд приблизился к непроходимым паликовским болотам. На запад и восток от Домжерицких высот раскинулись необъятные лесные массивы, подернутые сизоватой дымкой. Казалось, что этим заболоченным лесам нет конца и края. Местные жители говорили, что по ним нельзя ни проехать, ни пройти. Однако жизнь вносит свои коррективы. Вскоре мы стали очевидцами того, как сотни людей, преследуемые немецкими карателями, всего за одни сутки ухитрялись пробираться через паликовскую глухомань.

Оставив высоты у деревни Домжерицы, отряд вскоре вышел к старинному, затянутому зеленой тиной каналу, разрезавшему топкие болота на две части. По его правой стороне проходила полузаброшенная и заросшая насыпная дорога, связывающая Домжерицы с затерявшейся в лесах деревней Крайцы, до которой было километров десять с гаком… Крайцы, расположенные в лесной глуши на перекрестке проселочных дорог в 20—25 километрах от вражеских гарнизонов, были подходящим местом для отдыха. Здесь мы запланировали остановку на сутки. Нужно было связаться с местным партизанским отрядом, разведать путь к центру Палика селу Пострежье и деревне Броды у Березины, запастись продовольствием. Партизаны напрягали последние силы, чтобы поскорее добраться до села.

По сторонам дороги были топкие болота, заросшие острой осокой и почерневшими ольхами. Вдали синел густой хвойный лесок. Заболоченные леса, полные черники и брусники, при Советской власти были превращены в заповедник, и туда почти не ступала нога человека. Вблизи от насыпи топкая трясина болот буквально ходила под ногами и казалась бездонной. Эти болота даже звери обходили стороной. Неподвижный знойный воздух был перенасыщен тяжелыми испарениями. Невольно вспоминались далекие детские страшные сказки о зловещей зыбучей трясине, поглощавшей разбойников и других злых людей.

Отряд медленно продвигался вперед. Нестерпимая жара и духота, смрад, голод и жажда мучили бойцов. Часа через два

пришлось сделать привал. Устало опускаясь у обочины на землю, Кисляков и Соляник увидели довольно заметную «свежую» тропинку, выбитую в густой траве.

— Здесь недавно прошли немцы! — воскликнул лейтенант Соляник, показывая на песчаных местах отпечатки множества немецких кованых солдатских сапог.

— А мы беспечно несемся даже без разведки и охранения, — возмутился Ерофеев.

Действительно, получалось как-то так, что, вступив в заболоченный край, мы не приняли должных мер предосторожности. Неприятная новость быстро облетела партизан и как рукою сняла усталость. Без промедления были высланы разведка и боковое охранение.

Безжалостно палило солнце, и все живое попряталось в тени деревьев. Усталые и потные, мы шли и жадно смотрели на гнилую воду канала, затянутую зеленой ряской. Некоторые, облизывая сухими языками запекшиеся губы, не выдержали и, спустившись к каналу, через плотно сжатые зубы цедили густую протухшую воду. Однако двоих тут же стошнило, и это удерживало других от искушения.

Движение отряда сильно задерживали разведка и особенно боковое охранение.

— Не дозор, а одно мучение. Ищешь не немца, а кочку, чтобы не утонуть в этом чертовом болоте, — ругался разведчик Демьянович, выделенный в боковое охранение. Он тут же попросил подмену.

Стало ясно, что можно исполосовать до костей об осоку и искупать в грязи поочередно всех бойцов, но все равно не обеспечить прикрытие колонны с флангов. По предложению Кислякова боковое охранение, пробиравшееся черепашьим темпом и задерживающее отряд, сняли. А чтобы уменьшить опасность внезапного нападения противника, были увеличены дистанции между разведкой и отделениями.

Когда разведка приближалась к деревне Крайцы, один из партизан, пробираясь через заросли, вдруг заметил человека, быстро спустившегося с высокой сосны и нырнувшего в заросли. Сжав винтовку, боец бросился за ним и вскоре привел забрызганного грязью коренастого мужчину лет пятидесяти. Бледный и испуганный, он едва дошел до нас. А затем, трясясь от страха, довольно долго не отвечал на наши вопросы. Потеряв терпение, Кисляков подошел к нему и, схватившись за автомат, прикрикнул:

— Ты что — немцам продался? Говори или убью!

Задержанный еще больше побледнел и задрожал как

осиновый лист.

— Не пугай его, Андрей! — вмешался парторг Ивановский и, приблизившись к перепуганному человеку, показал ему свое удостоверение. — Ты что, дружище, своих не узнаешь?

Прочтя документ, тот быстро преобразился и заговорил. Это был житель деревни Крайцы, бежавший из нее перед приходом врага.

— Вот товарищ аккурат прихватил меня при наблюдении за деревней и этой дорогой. Ну, думаю, попался к полицаям, и пиши пропало.

— Об этом потом, а теперь говори, есть ли в селе фрицы и сколько их? — спросил Сиваков.

— Да, есть, и много. Не менее трехсот будет, и все налегке, даже без обоза.

— Это точно?

— Точно, товарищ, даю голову наотрез.

— Учти, время военное, и голова слететь может, — предупредил командир. Усилив разведку, он поставил ей задачу незаметно выйти к деревне и выяснить обстановку.

Отряд приготовился к бою и с большой осторожностью продвигался вперед. По пути крестьянин с горечью рассказал нам о том, как переодетые немцы и полицаи примчались в деревню.

— Вчера вечером сельская самооборона предупредила жителей, — говорил он, — что приближается какая-то вооруженная группа около трехсот человек. По сигналу тревоги все собрались и ушли в лес. Лишь один старик с внуком остались.

— Если идут без выстрелов, значит, свои. Немчура так не ходит… — рассуждал дед.

Войдя в деревню, неизвестные, выставив пулеметы на окраинах, начали рыскать по домам и набрели на старика. Были они в гражданской одежде и назвали себя партизанами. Главари ругали немецкие порядки и попросили у старика еды. Приняв все за чистую монету, он зажарил последнего петуха и достал из-за печи бутылку самогонки. «Кушайте, дорогие, — говорил дед, — вы святое дело вершите, истребляете фашистских гадов…»

Морщась от этих слов, один из «гостей» подошел к старику, достал сигареты и предложил:

— Закури, старина, сигареты-то первый сорт. Покурим и поговорим по душам.

— Не куривал таких, к самосаду привык.

— Ну ладно, деду, ты, видно, наш человек… Так вот, мы свои люди… из самой Москвы и точно не знаем, где сейчас наши братья по оружию. Начальство сказало, что любой из этой деревни доведет до местных партизан. Помоги нам встретиться с

ними, — медленно начал рыжий толстомордый парень лет тридцати.

Слушая эти слова, старик думал:

«Странное дело, пришли партизанить из-под Москвы, а сигареты фрицевские курят. По дворам шныряют… да все в новой одежде». Потупив взор, как бы раздумывая, дед увидел на всех «гостях» новые немецкие сапоги. «Тут что-то не так», — заключил он в недобром предчувствии. «И влип я, как кур в ощип, — с горечью подумал он. — За всю жизнь впервые так глупо в дураках остался».

Старик недоуменно пожал плечами и отрицательно покачал головой:

— Дело это секретное, военное. Какой дурак скажет темному мужику о своей стоянке. Откуда мне это знать?

— Жаль, что не хочешь помочь найти дорогу к ним. А скажи, к кому в деревне они чаще заходят? Назови хоть одного, на кого положиться можно? Назови место, где прячутся жители? Скажи. Мы отблагодарим, — продолжал рыжий.

Дед молчал. Ничего не добившись, переодетый полицай рявкнул:

— Значит, ничего не знаешь, большевик? — и перевел разговор немецкому офицеру.

Немец медленно встал, подошел к деду, вынул пистолет и, ткнув дулом в лицо, сказал:

— Сволочь, говори правта, или я стреляйт твой морта!

— Ты это умеешь, гад ползучий, — старый патриот люто сверкнул глазами на врага. И тут звериные выродки, не выдержав, набросились с кулаками на него. Избитого до полусмерти и окровавленного деда гитлеровец приказал связать и бросить до утра в сарай.

Как только немцы и полицаи улеглись спать, тринадцатилетний внук деда пробрался к нему через сеновал. Всю ночь он отпаивал дедушку и прикладывал к его лицу мокрые тряпки.

Старик, придя на рассвете в сознание, сказал внуку, что нужно предупредить жителей и партизан о немецкой ловушке. Стоит им прийти в деревню, и они могут попасть прямо в засаду переодетых фашистов.

— Придется тебе, милок, сейчас же бежать, — сказал он внуку.

Но случилось так, что мальчик, едва выбравшись из сарая, нарвался в огороде на полицая и был схвачен. Немцы очень обрадовались. Едва державшегося на ногах старика и его внука вывели во двор. Гитлеровский офицер, наведя на них пистолет,

через переводчика сказал:

— Дед, прикажи мальчику пойти в лес и передать жителям, что в деревню пришли свои, партизаны, опасности нет, мы никого не тронем, и пусть все возвращаются. Если ты не пошлешь внука, то мы убьем его. А ты, малый, иди и приведи мужиков, а не то мы расстреляем деда. Понятно?!

Выпрямившись из последних сил, старый белорус внимательно посмотрел на притихшего внука и тихо сказал:

— Беги, внучек, в лес, ты знаешь куда, и скажи добрым людям, пусть не боятся возвращаться… разве не видишь, тут свои, партизаны…

Внук горестно моргнул глазами, полными слез. Они поняли друг друга. Как выяснилось потом, немцы сначала хотели послать с мальчиком свою группу и силой привести жителей. Но побоялись нарваться на партизанскую засаду и к тому же очень надеялись, что запуганный ими внук не выдаст их.

Все это и рассказал прибежавший к встревоженным односельчанам мальчик, а нам поведал задержанный крестьянин.

Отряд настороженно продолжал свой путь. Тяжелые ноши, жара, тучи комаров и слепней вконец измотали партизан. Их лица почернели и осунулись. Многие с большим усилием двигали отекшие или потертые до крови ноги, поднимая черную торфяную пыль. Она толстым слоем покрыла обувь, пропитала одежду и волосы, забилась в носы и уши.

А впереди — в долгожданной деревне — притаился враг, о конечных планах которого нам ничего не было известно. Возможно, прижавшись к земле в густом кустарнике, с пулеметами наготове, он поджидает нас в засаде. Мы с тревогой посматривали по сторонам, прикидывая, что предпринять, если внезапно появится противник. Слева и справа топкое болото, осока выше роста человека и непролазные колючие заросли, а дальше заболоченный лес. Пришлось бы под вражескими пулями отходить назад вдоль канала. Такая перспектива не сулила ничего хорошего.

Однако, пока впереди действовала разведка, непосредственной угрозы отряду не было. С большой осторожностью разведчики и несколько присоединившихся колхозников-проводников добрались до опушки леса перед деревней и около часа наблюдали за ней, но противник ничем не выдавал себя.

Для Кислякова, возглавлявшего разведку, замысел врага пока оставался непонятным. К этому времени мы с командиром, оставив отряд в глубине леса, выдвинулись поближе к разведке и стали обсуждать сложившееся положение. Если немцы хотели

нам преградить путь, то лучше всего для засады было воспользоваться узким местом на дороге вдоль канала. Но засады там не было. Деревня, до которой оставалось не больше километра, выглядела подозрительно безлюдной. Внимательно наблюдая за ней, разведчики заметили на окраине в саду переползавших с пулеметом людей. Теперь стало ясно, что враг решил устроить отряду, численность и вооружение которого он не знал, западню не в лесу, где плохо видно и возможны любые неожиданности, а на открытом месте перед селом. Немцы, видно, рассчитывали, что отряд, никого не обнаружив в лесу, с ходу войдет в лесную деревню. Вот в это время на него выгоднее всего будет обрушиться всей силой огня.

Выйти из лесу и атаковать в чистом поле малочисленным отрядом превосходящие силы противника было бы безумием. Не могло быть речи и об отходе назад. Оставалось одно: перехитрить врага, поджидавшего отряд в деревне. Замысел состоял в том, чтобы создать для врага видимость подготовки отряда к нанесению по селу ударов по меньшей мере с трех сторон.

По одному отделению было выслано вдоль опушки леса на оба фланга. Пока они выдвигались на свои позиции, разведка продвинулась по высокой траве вдоль дороги метров на 400—500 к деревне.

Немцы, не зная наших сил, решили, что мы еще засветло стараемся окружить их и держать в кольце до ночи, которой они боялись в лесу больше всего. Наша уловка достигла цели: вскоре разведчики донесли, что противник погруппно оставил деревню и ушел по не прикрытой нами дороге в сторону деревни Броды.

Войдя в только что оставленные полицаями и немцами Крайцы, разведчики нашли деда уже мертвым. Старик не выдержал зверских пыток. Мужественный белорусский патриот не склонил своей седой головы перед лютыми захватчиками и их прихлебателями. Он стойко перенес тяжкое испытание, поплатился своей жизнью, но не стал предателем.

В деревне повсюду виднелись следы хозяйничанья оккупантов. В одном из дворов были обнаружены зарезанные свиньи, корова и большая куча кур с отрубленными головами. Во многих хатах были разграблены вещи, а еще не остывшие печи были заставлены горшками, чугунами, котелками, наполненными вареным мясом. Все это очень пригодилось нашим бойцам. Некоторые партизаны предлагали выставить охранение на всех дорогах и расположиться на отдых. Но командование отряда понимало, что в таких условиях было не до отдыха: противник был совсем рядом и знал направление нашего движения. Потерпев неудачу в Крайцах, он попытается взять реванш на

Березине в районе деревни Броды, которой нам, если придерживаться избранного маршрута, никак не миновать. Здесь был действительно очень удобный рубеж для засады: на той стороне за переправой высокий берег, а перед ним в излучине реки почти на полкилометра полудугой тянулся открытый луг. Если бы немцам удалось заманить нас в этот мешок, отрезав справа отход к лесу, то отряд можно было легко уничтожить пулеметным и автоматным огнем.

В связи с этим было решено изменить маршрут, оставить Крайцы, замаскировав у канала прикрытие в виде засады на тот случай, если немцы вернутся и начнут преследовать нас. Возвратив населению награбленное гитлеровцами, мы группами переправились через канал и скрылись в дремучем сосновом лесу. Шли в сторону Пострежья через необъятные просторы паликовских болот и лесов. Их никогда не забудут белорусские партизаны…

С первых дней оккупации паликовская глушь приютила многие группы солдат и командиров, не успевших отступить с Красной Армией. Она была родиной партизанского движения в Борисовской зоне. Белорусские крестьяне с любовью называли Палик «Малой Москвой». На бесчисленных островах находили убежище сильные и слабые, смелые и трусливые. Палик спас жизни многим десяткам тысяч советских людей.

Пострежье гнездилось посреди большой поляны, плотно опоясанной мачтовым сосновым лесом. Местные партизаны считали Пострежье довольно спокойным местом, где можно было отдохнуть и набраться сил. Жители встретили нас радушно и сказали, что на дороге у них организовано круглосуточное дежурство — конные разъезды.

— Располагайтесь как дома, — говорил председатель местного колхоза бойцам, размещавшимся по хатам. — Здесь Советская власть живет и крепнет. Не зря здесь говорят, что Пострежье — партизанская столица.

Предположение о том, что противник сделал засаду на Березине у полусожженного моста возле деревни Броды, подтвердила разведка. И нам пришлось выбрать новый маршрут, чтобы стороной обойти новую вражескую ловушку. Большую помощь в этом оказали старый большевик — один из руководителей подполья в Борисовской зоне — товарищ Пыжиков и работник Плещеницкого подпольного райкома партии товарищ Стрига. Последний большую половину жизни прожил здесь и в предвоенные годы был страстным грибником и охотником. Естественно, что он хорошо знал все дороги и тропы своего и соседних районов.

Во второй половине дня отряд оставил гостеприимную деревню и направился дальше, в закрепленный за отрядом Смолевичский район. Товарищ Стрига умело провел нас через болота по едва заметной лесной тропинке мимо хутора Старина, вблизи которого базировался партизанский отряд «Беларусь», созданный еще в первые дни оккупации. Затем мы перебрались через небольшую заболоченную речушку и вышли на остров в район базы одного из первых в Белоруссии партизанского отряда майора Воронянского, прозванного в тех краях отрядом «Дяди Васи».

Не исключено, что в числе других именно этот отряд имел в виду командующий охранными войсками, начальник тылового района группы армий «Центр» генерал фон Шенкендорф, когда весной 1942 года доносил верховному командованию вермахта:

> «Во всех партизанских отрядах имеется военное руководство… Они имеют организацию по типу войсковых частей. Партизаны в полной мере обладают боеспособностью регулярных частей…»[4]

Командование и находившиеся на базе партизаны встретили нас по-братски.

Здесь мы немного передохнули, вооружились длинными шестами и по топкому болоту взяли курс к Березине. Тучи комаров набросились на растянувшуюся цепочку партизан, медленно перебиравшихся с кочки на кочку.

Только вечером мы, вконец измученные, достигли тихих вод Березины. У реки партизаны устало опустились на бревна, оставшиеся от паводка. Возникла незапланированная политбеседа. Стрига рассказал, как он, будучи юношей, вместе с красными партизанами Борисовщины боролся в этих местах с оккупантами в годы гражданской войны.

— Хорошо помню, — говорил он, — как мы не раз купали и топили интервентов в этой реке. И сейчас Березина нам хорошо помогает, в чем скоро убедитесь сами…

Партизаны, внимательно слушая его, с любопытством смотрели на синеву спокойных вод прославленной реки.

Комиссар Панкевич напомнил бойцам о том, каким в 1812 году грозным барьером встала Березина перед отступавшими французскими войсками. Многие тысячи наполеоновских солдат и офицеров, преследуемые по пятам кутузовской армией и изматываемые партизанами, погибали в ее студеных водах.

Никто из отряда не думал и не предполагал тогда, что наши подразделения будут располагаться в деревнях и действовать на рубежах, где разили врага и проявляли доблесть партизаны

отряда Дениса Давыдова. Штаб давыдовцев в этих краях располагался сначала в деревне Юрово, затем на Антапольской высоте и наконец в деревне Камень, приютившейся в глубоких оврагах возле шоссе Борисов — Зембин — Плещеницы. Кто знал, что эти замечательные белорусские деревни, приютившие и согревшие 130 лет назад партизан-давыдовцев, через пару месяцев станут нашим родным домом… Не раз нам приходилось пробираться партизанскими тропами давыдовцев, не раз нападать на врага у прославленных в боях берегов реки Березины.

Оставив Березину, мы через час выбрались из топкого болота и непролазных зарослей. На высотке среди лесов показалась деревня Уборки. Столбы дыма струились из труб. Раздавались звонкие голоса детворы. В воздухе вкусно пахло щами и печеной картошкой. Наше появление у околицы никого не удивило.

При входе в село нас встретил пожилой крестьянин с винтовкой. Отнеслись к нам гостеприимно, по-братски. Оказывается, здесь почти всегда находились какие-нибудь партизанские группы. Одни после боевых операций останавливались на отдых, другие готовились в поход, третьи мололи зерно на деревенских жерновах, заготавливая муку для своих отрядов, или пекли хлеб. Новому человеку не так просто было отличить партизан от местных жителей. Здесь все, как члены одной семьи, вместе трудились и питались. Нам, новичкам, или, как они назвали, «московским» партизанам, жители говорили: «Здесь партизаны все — от мала до велика». Всех нас хотя и скромно, но сытно накормили. Кое-что даже дали с собой.

Ночью мы оставили эту приветливую деревушку. Отряду надо было спешить, чтобы до утра пересечь важное шоссе Бегомль — Мстиж — Зембин — Борисов. Оставалась самая ответственная часть пути. Положение осложнялось тем, что его большая половина проходила по совершенно ровной, почти открытой местности со множеством проселочных дорог, пригодных для любого транспорта. Кроме того, значительная маневренная группировка врага была где-то в районе деревни Броды. По полевым и лесным дорогам носились их конные разъезды. На перекрестках дорог, где могли появиться партизаны, устраивались ночные засады. В общем противник стремился закрыть все выходы из паликовских болот, блокировать там партизан, а пытавшихся выйти оттуда уничтожить в расставленных западнях.

Бесшумно и быстро мы совершили многокилометровый ночной бросок и уже к утру добрались до большого леса у истока реки Цна. Здесь остановились на дневку. Бойцы так и повалились спать. Охранение пришлось менять чаще обычного, чтобы дать

отдохнуть всем партизанам. Под вечер вновь тронулись в поход.

Ночью пересекли шоссе Плещеницы — Зембин. Минеры быстро отрыли лунки, установили и тщательно замаскировали в них три противотанковые мины. Отряд вступил в пределы Логойского района. Примерно в полночь до нас донеслись три глухих взрыва. Партизаны поздравили минеров с успехом. Позже стало известно, что на минах подорвались два вражеских грузовика с пехотой. Убито было около десяти и ранено 15 фашистов.

На рассвете отряд миновал небольшую деревню Морозовку. Затем пошли по высоким холмам соснового леса, укрывшим отряд от вражеского самолета-разведчика, все время висевшего в небе. К вечеру подул теплый ветер. Солнце закрылось черной тучей. В лесу потемнело.

— Скоро будет дождь! — сказал кто-то из партизан.

И действительно, вечером хлынул ливень. Партизаны подставляли пилотки и жадно пили дождевую воду. Попытки наскоро соорудить шалаши из еловых ветвей ничего не дали. Все промокли насквозь и к утру основательно продрогли. Разжигать костры было опасно. Однако, несмотря на невзгоды, настроение у партизан было бодрое.

К рассвету дождь стих. Воздух был свежим и влажным. Умытый и притихший лес искрился под лучами восходящего солнца.

Бойцы окружили радистов, четко отстукивавших кодированное сообщение в Москву о том, что партизанский отряд «Смерть фашизму» благополучно прибыл в указанный район действий и в ближайшее время приступит к активной борьбе с гитлеровскими захватчиками.

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ И БЕДЫ

Итак, завершен трудный, почти месячный марш по оккупированной врагом территории. Позади осталось около 700 километров топких болот, лесных чащ и опасных троп.

За время похода отряд приобрел некоторый боевой опыт. Но конец пути был лишь началом действий отряда в указанном нам районе.

Трехдневный отдых в Логойском лесу заметно восстановил наши силы. К концу отдыха около карты, прикрепленной к дереву, стали группами собираться партизаны.

— Мы находимся здесь, в лесах на стыке Смолевичского и Логойского районов, — показывал Кисляков, — наше поле сражения простирается от Слободы, а для более смелых — от Минска и до самого Борисова.

На карте густо пестрели большие и малые синие кружочки, обозначавшие немецкие гарнизоны. Особенно густая их сеть тянулась вдоль железной дороги Минск — Москва и параллельной ей автомагистрали, они-то и питали гитлеровские войска на фронте живой силой, техникой, боеприпасами, горючим и продовольствием.

Левее, почти рядом с точкой, обозначавшей расположение нашего отряда, был Минск, а справа Борисов — крупнейшие опорные пункты-базы оккупантов в Белоруссии. Совсем рядом были Логойск, Плещеницы, Смолевичи.

У карты продолжался оживленный разговор.

— Под самый нос забрались к фашистам.

— К самой глотке. Жаль только, что у нас пока нет сил зажать ее, да покрепче…

Утром разведчики, расположившись на опушке густого низкорослого сосняка, наблюдали за движением по автомагистрали и железной дороге. Сзади неслышно к ним подошел коренастый старик. Облокотившись на суковатую толстую палку, он спросил:

— Вы кто будете, люди добрые?

Кисляков привстал и добродушно протянул волосатую руку:

— Будем знакомы, Андрей… Присаживайся, хозяин полей. Мы свои, православные…

— Время сейчас военное, и разные Андреи бывают, сразу не поймешь, кто свой, кто чужой… Вот и спрашиваю, — наступал старик.

— Мы партизаны, отец, фашистов бьем, — не выдержал Соляник.

Его поспешность удивила разведчиков, но слово, что птица, выпустишь — не поймаешь. Слова Соляника озадачили старика, и глаза его забегали, губы задрожали.

— Брось меня дразнить. Нехорошо. Молод над дедом подшучивать. Здесь партизан, как я прикидываю, быть не может, ведь кругом немцы да полицаи, — сказал он, недоверчиво всматриваясь в загорелые лица партизан.

— А где же они тогда водятся? — поинтересовался Кисляков.

— Бог их знает. Говорят, где-то верстах в пятидесяти… А вы откуда будете, из Жодино или со Стахова? — лукаво спросил старик, называя крупные немецкие гарнизоны.

— Мы из Москвы, — снова выпалил Соляник.

— Ну хватит точить лясы, — сердито нахмурился дед. — Я тоже на службе. Говорите толком, кто вы, иначе!.. — он грозно махнул рукой в сторону автомагистрали, заполненной немецкими машинами… Лицо старика стало строгим.

Кисляков, не ожидая такого оборота дела, внимательно оглядел строптивого деда. Пропотевшая черная рубаха, бесцветные изношенные самотканые штаны с десятком заплат, жилистые мозолистые руки, босые исцарапанные ноги. «Такой может быть только с нами», — решил он.

— Брось грозиться фашистами. Мы их не боимся, потому что находимся на родной земле, среди своих людей. Давай лучше говорить начистоту. Повторяю тебе слова моего друга — мы партизаны, он и я — партизанские командиры.

— Если ты настоящий командир, а не переодетый полицейский, то покажи документ, — не унимался дед.

Андрей вынул из нагрудного кармана гимнастерки небольшое удостоверение на тонком полотне и передал его в цепкие руки старика. Долго всматривался дед в него, вертя в

непослушных пальцах, а гербовую печать воинской части дважды просмотрел на солнце. Наконец он выпрямился, бросил палку в сторону, крякнул, расправил плечи и, бросившись с распростертыми объятиями к Кислякову, по-отцовски расцеловал его.

— Сыночки родные! Вот радость-то какая, — едва сдерживая слезы, продолжал он. — Вы уж не серчайте. Принял, было, я вас за полицаев-сволочей. Думаю, брешут, собаки, испытывают… — говорил он. — Может, и мой сынок, как и вы, скитается по свету. Взводным до войны был в стрелковой дивизии в Двинске. Увижу ль я его?.. Сколько кругом народу гибнет!.. Настало время, что и жить неохота. Фашисты, гады, будь они трижды прокляты, так обдирают нас и издеваются, что и сказать трудно… А тут еще и среди наших холуи находятся, в полицаи идут. Вот поэтому и нелегко сейчас сразу распознать, кто друг, а кто враг. В душу не залезешь. — Старик на миг задумался, а затем, подняв лохматую голову, с восхищением промолвил: — Подумать только, из самой Москвы пришли… Значит, там не забыли о нас.

— Не забыли, отец.

— А как же наша матушка-Москва? Ведь фашисты раструбили, что от нее остались лишь развалины, правительство бежало в Куйбышев, а жителей, кого скосил голод, а кого — мороз…

С огромным интересом выслушал он короткий рассказ о том, что Москва невредима и всего месяц назад мы были у Кремля.

Глянул засверкавшими глазами дед по сторонам и доверчиво поведал, что и он не лыком шит, не верил этой брехне, да и сам не стоял в стороне и сердцем чуял, что нужно делать.

— Меня, Остапкевича, фашисты назначили охранять хлеба в поле. Однажды я самолично поджег большую скирду с хлебом, а свалил на пьяных полицаев… — Тут дед спохватился и, что-то вспомнив, хлопнул себя по бокам: — Хлопцы, обождите здесь минуток десяток, кое-чего вам притащу.

Дед Остапкевич скрылся в роще. Примерно через четверть часа он, разгоряченный, принес две смазанные винтовки и чем-то наполненную холщовую сумку.

— Вот, родные, вам пара наших исправных ружей. Я их еще в 41-м году спрятал. Вот и цинка, — сказал он, доставая коробку с патронами из сумки. — А это, — тут дед весело прищурился и щелкнул языком, — банка с медом. Отменный медок, свой, ребята, липовый… А одну винтовку я оставил себе. Пригодится, глаз у меня еще зоркий. Буду при случае по одному отсчитывать из кустов, все меньше останется погани на земле.

Разведчиков очень тронула встреча с дедом. Он тоже был

несказанно рад, и лучшей наградой ему было то, что они, не удержавшись, тут же отведали его душистого меда.

— Ну, сынки, мне пора. Помните, что дед Остапкевич всегда поможет, чем может. А искать меня легко. В этой округе, — обвел он рукой вокруг себя, — меня все знают.

На прощанье Кисляков горячо поблагодарил его и пообещал навести справки о его сыне.

Через несколько дней разведывательная группа, вернувшись в отряд, доложила результаты разведки северной части Смолевичского района. Обстановка на закрепленном за отрядом участке была довольно сложная. Через район проходили железная и шоссейная дороги стратегического значения, был проложен многожильный подземный кабель, связывавший ставку Гитлера с группой армий «Центр» и крупными немецкими гарнизонами.

Кроме этого, недалеко от Жодино на территории Борисовского района функционировала немецкая шпионская школа, а в лесах размещались склады с вооружением и другими военными материалами. Все это заставило оккупантов создать в районе действий отряда густую сеть сильных гарнизонов.

Едва забрезжил рассвет, как вокруг, укрывавшего нас леса в нескольких местах неистово застучали пулеметы. Стрельба поднялась и в близлежащих деревнях — Морозовке, Лядах, Юрковичах и на реке Цне.

Сиваков заметно растерялся и не знал, что предпринимать. Пока мы собирались, чтобы принять решение, стрельба начала приближаться к лагерю. Немцы, очевидно, намеревались прочесать лесной массив. Все мы сошлись на мысли, что уходить в каком-либо направлении, ничего не зная о положении противника и его силах, нельзя. Поэтому решили выбрать удобную для круговой обороны высоту, занять ее и выслать дозоры. Оградив себя от внезапного удара, можно было лучше разобраться в сложившейся обстановке и наметить план дальнейших действий.

Начальник штаба быстро нашел подходящую высоту. Она, казалось, специально была создана для оборонительного боя. Отряд занял ее и рассредоточился. Многие партизаны залегли в своеобразных окопчиках-воронках, образовавшихся когда-то при корчевке динамитом сосновых пней. Остальные приготовились к бою, заняв позицию за вековыми деревьями, большими штабелями дров и отдельными пнями. Единственный наш пулемет мы выставили для ведения огня вдоль забытой дороги, подходившей к высоте через поляну. Во все стороны ушли дозоры.

По направлению и характеру стрельбы мы предполагали, что каратели, методически прочесав один квартал леса, окружали и

прочесывали другой, потом третий. Они медленно, но неуклонно приближались к нашей высоте.

В напряжении и неизвестности незаметно пролетал долгий летний день. Под вечер, когда на землю легли длинные тени деревьев, вдруг заговорил наш пулемет. Вскоре последовали ответные беспорядочные выстрелы из автоматов и винтовок. Обстреляв появившуюся редкую цепь гитлеровцев, пулеметчики перебежали на запасную позицию. Немцы залегли вдоль поляны, прижались к земле, подтянули пулеметы и открыли по опушке ураганный огонь.

— Крышка нам будет здесь, я предупреждал… — панически прошептал Сиваков.

— Не пускай слезу раньше времени, — спокойно ответил Панкевич.

— Еще немного терпения, дождемся ночи и сманеврируем, а там нас ищи-свищи, — поддержал комиссара Кисляков.

Психологическая неподготовленность командира к сложным ситуациям нас сильно озадачила. Где нужно было действовать, он терялся. В Ореховце, разумеется, мы не могли предвидеть этого, тем более что он располагал к себе как человек. Отсутствие боевых качеств у командира, к сожалению, выявилось только в боевой обстановке.

Спустя полчаса над отрядом появился самолет-разведчик. Сделав несколько кругов, он пустил зеленую ракету и удалился.

Нерешительность гитлеровцев и время работали на нас. Вот и день на исходе. Наконец темнота непроглядной пеленой спустилась на лес. Все были рады наступлению ночи — нашей лучшей союзницы.

— Нужно без промедления уходить. Выжидать больше нельзя, — обратился комиссар к Сивакову.

— Куда и как уходить?.. Заварили кашу, так сами и расхлебывайте, — отрезал Сиваков, отходя в сторону. Он явно самоустранялся.

Несмотря на бой, все мы, командиры, еще днем после долгих обсуждений совместно выработали, как казалось, лучший маршрут отступления. Выбрали мы его так, чтобы он проходил по уже прочесанному участку леса. Надо только было незаметно пробраться сквозь линию вражеского оцепления.

Панкевич, посоветовавшись с начальником штаба, приказал быстро собрать отряд, объявить решение и, не теряя времени, быстрым темпом отойти немного назад и спуститься к оврагу. Требовалось разъяснить партизанам, что спасение в быстроте, бесшумности и смелости.

Возглавить движение отряда комиссар приказал Кислякову.

Пожалуй, никому не забудется этот бешеный бросок сквозь ночной лес, полный неизвестности. Всем мерещилось, что всюду нас поджидают немцы и вот-вот мы напоремся на их засаду. Порой казалось, будто отряд заблудился, и мы, проплутав ночь, к утру очутимся в чистом поле… Никто не замечал веток, хлеставших по лицам, не чувствовал боли сбитых ног. За каких-то пять часов мы отмахали около 30 километров. Обогнув деревню Швабовку и переправившись через речку Гайну, отряд утром прибыл в Смолевичский район и остановился возле канала в километре от хутора Кормша.

По обе стороны канала сплошной стеной стояли густые заросли малинника, ежевики и жгучей крапивы. Партизаны набросились на едва покрасневшие ягоды. Весь день из покинутого нами леса доносились частые глухие взрывы. Видимо, каратели подтянули артиллерию и минометы. Но для нас они уже были не страшны.

В Кормше мы раздобыли у жителей картофель и в ведрах сварили суп. Хотя он был и несоленый, но казался самым вкусным из всех супов.

— Товарищи, мы и на этот раз легко отделались от оккупантов, — сказал комиссар, собрав нас после завтрака. — Но так долго продолжаться не может. Произошло все это не потому, что в Логойском лесу, как полагает Сиваков, очень опасно, а потому, что мы не вели разведку. Несколько дней просидели, ничего не зная. Ограничились лишь посылкой разведчиков в сторону магистрали. А враг не дремал, и это нам наука. Теперь скажу о другом. Прошедшая ночь убедительно показала, что наш отряд, когда надо, способен быстро маневрировать, он подвижен и может быть неуловимым. Только требуется действовать не вслепую, а знать местность.

Все, конечно, согласились с этим. Ведь мы совершенно не знали район и судили о нем пока лишь по карте. Нам было не ясно расположение противника, среди нас не было ни одного местного жителя. Короче говоря, мы были пока действительно слепыми. (В дальнейшем мы не раз убеждались в огромном значении разведки).

Тут же без промедления были высланы группы для детальной и обстоятельной разведки Смолевичского и Логойского районов и всех ближайших немецких гарнизонов.

…С этого дня мы начали свою «стационарную» лесную жизнь. Партизаны научились быстро устраивать ночлег в любом месте, хорошо маскироваться, неплохо изучили местность, установили связи со многими местными жителями, найдя среди них сотни самоотверженных помощников. За это время было устроено

несколько успешных засад на автостраде.

Чуть не каждый день выходили группы партизан к железной дороге Минск — Москва для совершения ночных диверсий, хотя железная дорога тщательно охранялась. Иногда, проделав долгий и трудный путь, партизанам удавалось подобраться к магистрали, незаметно заложить мину натяжного действия, размотать шнур и выжидать появления «добычи» — груженого состава. Но в это время немецкие охранники с овчарками обнаруживали мину и засаду. Партизанам приходилось, не теряя времени, отходить под огнем преследующих охранников. Жалко было зря израсходованной взрывчатки. Но неудачи не обескураживали подрывников. По пути в лагерь они валили десятки телеграфных столбов вдоль автомагистрали, расстреливали и сжигали одиночные машины противника, уничтожали мотоциклистов. Как правило, они не возвращались с пустыми руками, а приносили автоматы, винтовки, патроны, гранаты, консервы, соль, то есть то, что позарез было нужно отряду.

Первый счет подорванным воинским эшелонам открыла группа Жени Чуянова в составе Володи Рогожина, Ивана Вышникова, Пети Шиенка и Ильи Силковича. Проводниками этой группы были бесстрашные подпольщики из деревни Росошно Иван Кирильчик, отец четверых детей, и Антон Яцкевич.

Ратный труд диверсантов тяжелый и опасный, не каждому по плечу. Группа Чуянова была весьма назойлива и инициативна. Наши диверсанты немало причиняли хлопот фрицам. Вот что рассказывает о делах группы активный ее участник Владимир Рогожкин:

«…Начали мы с того, что уничтожили в совхозе Будагово десятки тонн приготовленного оккупантами к вывозке в Германию хлеба. Часть хлеба отправили в отряд, сколько успели — раздали крестьянам совхоза и соседних деревень, а остальное сожгли вместе с амбарами. Крепко помог нам дед Остапкевич, замечательный человек, патриот».

В разгар летней страды участники группы первые в отряде произвели диверсию на железной дороге Минск — Москва восточнее станции Жодино, в районе нефтебазы. К железной дороге провел подрывников житель деревни Остров Антон Яцкевич.

…«Старший группы Чуянов, с ним Вышников и Силкович залегли в охранении, а я и Петя Шиенок, — вспоминает Владимир Рогожкин, — с восьмикилограммовой миной осторожно поползли к монотонно гудевшему телефонными проводами полотну. Почти у самой цели до нас донеслись слова на немецком языке парного патруля, двигавшегося в нашу сторону. Мы, казалось, вдавили себя в землю, затаились.

Охранники прошли мимо. Выждав в постоянной тревоге минут двадцать, услышали шум поезда, шедшего на восток.

Забыв об опасности, мы бросились на железнодорожное полотно и, до крови разрезая щебенкой руки, заложили мину. Поезд был почти рядом, уходить к товарищам было некогда. Поднялись во весь рост, отбежали в темень примерно 50 метров и дернули за шнур. Валившийся в кювет с грохотом паровоз и шесть вагонов видеть не пришлось: взрывная волна со страшной силой бросила нас на землю. Пришли в сознание на руках товарищей, вынесших нас под ураганным огнем противника в безопасное место».

Через несколько дней в том же районе группа подорвала второй воинский эшелон.

Третий эшелон — новогодний подарок Родине — группа намеревалась свалить с рельсов почти у самой станции Смолевичи. Тут-то подрывникам досталось как никогда раньше. Немцы осветили ракетами местность и открыли уничтожающий пулеметно-автоматный огонь. Партизан спасли многочисленные дренажи торфоразработок.

«…Сколько раз приходилось с головой окунаться в обжигавшую холодом воду! Когда добрались до деревни Криница, мы были похожи на ледяные чучела», — заключил свой рассказ Владимир Рогожкин.

Трудности борьбы на железной дороге заметно росли, каждая очередная операция проводилась с большим риском для жизни. Люди знали это и все же с полным сознанием опасности шли в огонь, под пули, на смерть, подкарауливавшую их в каждой операции, только потому, что понимали — при удаче каждый из них один срабатывал за сотню бойцов на фронте.

Сейчас любой советский человек испытывает гордость за народных мстителей, когда читает в мемуарах донесение главной железнодорожной дирекции группы армий «Центр» в свой штаб:

> «…Налеты партизан приняли столь угрожающие масштабы, что не только снизилась и значительно отстает от установленных норм пропускная способность дорог, но и вообще на ближайшее будущее положение вызывает самые серьезные опасения… Следует особенно учитывать, что в последнее время особенно возросла сила налетов и соответственно усугубились их последствия. Потери в людях и особенно в драгоценнейшей материальной части очень велики… Только в зоне главной железной дороги дирекции группы армий «Центр» подорвалось на минах число

паровозов, равное месячной продукции паровозостроительной промышленности Германии. Кроме того, 38 паровозов спущено под откос…»[5]

О том, что за люди входили в группу наших подрывников, свидетельствует вот этот эпизод.

После возвращения с одной из диверсий Иван Кирильчик, хитро улыбнувшись, рассказал подрывникам о происшествии, случившемся на днях якобы с одним из партизан соседнего отряда.

— В июле командир отряда «Беларусь» Покровский послал знакомого мне подпольщика в южную часть Смолевичского района в отряд «Разгром» с очень важным пакетом. Передав пакет, связной отправился в обратный путь. Приближаясь на своей подводе к переезду, он увидел у шлагбаума двух гитлеровцев. Сердце у него тревожно сжалось, но поворачивать обратно уже было поздно — они махали руками и орали: «Быстрее, быстрее езжаль!»

— Кто ви ест? — спросил унтер, остановив лошадь.

— Человек, господин офицер, — ответил тот, нарочно завышая ранг унтера.

— Че-ло-фэк! Ха-ха, он челофэк! Зи маль[6], — обратился унтер к рядом стоявшему солдату, — ето ест челофэк.

Унтер тупо улыбнулся.

— Ви не ест челофэк, ви ест хазе[7], даваль аусвайс[8] и бежаль прямо, прямо…

Партизан понял, что его хотят подстрелить, как зайца. Что делать?

— Аусвайс! — Гитлеровец вскинул автомат. Партизан быстро оглянулся кругом, сунул руку в боковой карман пиджака и крикнул:

— На, гад!

Один за другим прогремели два выстрела, и оба оккупанта рухнули на землю. Мгновенно соскочив с телеги, он схватил автоматы с запасными магазинами и спрятал их под сено. Потом стащил трупы в кусты и вскачь погнал лошадь…

Чуянов, посмотрев на рассказчика, воскликнул:

— По-видимому, тем партизаном был Иван Кирильчик?

— Возможно, — улыбнувшись, ответил тот.

Возвращаясь через несколько дней после диверсии, в результате которой был подорван уже третий паровоз и восемь вагонов, груженных различной боевой техникой противника, Кирильчик на некоторое время исчез в лесу.

— Вот возьмите два автомата, а то когда я еще буду в этих

местах, — без всякой рисовки сказал он Чуянову.

Слава о боевых делах нашего отряда быстро вышла за пределы Смолевичского района. О нас к концу августа стали говорить в Борисове и Минске и радоваться нашим боевым успехам. К отряду стали тянуться местные колхозники и бывшие военнослужащие, на время осевшие в деревнях. К нам находили путь и бежавшие из лагерей военнопленные.

Мы приобрели немало отважных и самоотверженных друзей среди местного населения. Ими стали братья Иван и Павел Кирильчики из Росошно, лесник Антон Константинович Яцкевич. Во всех близлежащих деревнях мы были желанными, своими. Радость отряда по случаю любого боевого успеха была радостью и для местных жителей. Наши неудачи были и их горем. Каждый считал своим долгом помочь отряду. И надо прямо сказать, что без этой помощи отряд не смог бы долго существовать.

Миновало то время, когда жители в нашем районе при появлении неизвестных им вооруженных партизан прятались на чердаках, в сараях, закрывались на запоры, а то и уходили в лес. Конечно, и позже колхозники в разговоре с незнакомыми партизанами продолжали сохранять осторожность. Они не забывали случаев, когда переодетые оккупанты и полицаи, выдавая себя за партизан, заходили в деревни, спекулировали на патриотических чувствах доверчивых жителей, а потом расстреливали их. Но как только жители убеждались, что мы настоящие партизаны, они всячески помогали нам кто чем мог. Это придавало мстителям новые силы.

…Однажды вышло так, что из лагеря должны были уйти на задания почти все группы. Задержалась только группа Соляника. Собирался дождь. Темные лохматые тучи нависали над бором.

— Ты обожди с людьми, а я доложу Сивакову. Любит он рапорты принимать, — улыбаясь, обратился Соляник к Кислякову. Повесив автомат на шею, он подбежал к костру, у которого, съежившись, дремал командир, и гаркнул:

— Товарищ командир, группа к выступлению на задание готова! Разрешите идти?

— Ты чего орешь на весь лес? — недовольно проговорил Сиваков, протирая покрасневшие от дыма глаза. — Ступайте.

— Вот это по-военному, — донесся из ближайших кустов незнакомый хриплый голос. — Я говорил своей бабе, что тут в лесу десант, а она меня дурнем назвала… И верно… десант.

Сиваков, как ужаленный, вскочил, растерянно оглянулся по сторонам и, вскинув автомат, окликнул:

— Стой! Кто идет?

— Черт из болота прет, не видишь, что ли? — отозвался совсем близко тот же хриплый голос.

— Стой, говорю! Стрелять буду, — пригрозил Сиваков и, пригнувшись, метнулся за толстую ель.

— Не спеши стрелять… В кого стрелять — вот вопрос. Ты еще в пеленках был, когда я партизанил, — отчитывал невидимый, кряхтя, пробираясь через густые кусты.

Пламя костра осветило коренастого мужчину лет пятидесяти с круглым скуластым лицом и копной взлохмаченных волос. Его босые ноги кровоточили, а по мокрым холщовым штанам стекала грязная вода.

— Где тут начальство? Дело серьезное есть, — пристально всматриваясь в присутствующих, спросил он.

— Я командир, — оторвался от дерева Сиваков. — А ты как сюда попал?

— Ты — командир?

— Что, не похож? Молод, что ли?

— Не в том дело. Зачем зря грозишься: «Стрелять буду…» Настреляешься еще. Ну ладно, сейчас некогда лясы точить… Ты командир, так давай слушай. Я Алексей Яковлевич Фролович — фельдшер из Сухого Острова. Слыхал, наверное. Меня почти все твои знают. Знает и командир партизанского отряда Покровский. Он не раз жал мне руку за спасение его раненых бойцов. А жена моя — тетей Леной зовут ее партизаны — даже к медали представлена.

— Да, мне известно о тебе, старина, и о тете Лене тоже, — Сиваков виновато протянул ему руку. — Ну вот и познакомились. А теперь выкладывай, что у тебя.

— Дело весьма важное и секретное, — вопросительно оглянулся на сидевших у костра Фролович.

— Здесь все свои, говори смело, — сказал Сиваков.

Все с нетерпением ожидали, что скажет фельдшер. Было ясно, что не любопытство заставило его на ночь глядя по болотам искать отряд.

— Из Борисова наши люди велели мне предупредить вас, что к рассвету в окрестности Кормши объявятся части моторизованной бригады СС и будут прочесывать лес. Принимайте срочные меры, — закончил Фролович.

Когда я с одной из групп вернулся с задания, разговор уже закончился. Не вводя в курс обстановки, командир приказал мне выслать разведку к деревне Сорское, усилить посты и привести всех имеющихся в лагере партизан в боевую готовность. В полночь с группой партизан вернулся комиссар Панкевич. Состоялось совещание командного состава.

Наш «военный совет» прервали тревожные условные свистки «кукушки», двигавшейся по узкоколейке из Жодино в Швабовку. Связной машинист Хоменков каждые 3—5 минут посылал прерывистые гудки-сигналы. Над лесом разносилось повторяемое переливчатым эхом предостережение:

«Друзья-партизаны, берегитесь — везу фашистов».

Наученные опытом, мы имели план на случай попыток немцев нанести удар по нашему отряду: быстрая передислокация на север в паликовскую глухомань или в соседний Логойский лес. И сейчас мы вполне успели бы выйти из-под удара. Но теперь уйти мы не имели права, потому что много групп еще не вернулось с боевых заданий. Наше волнение за их судьбы усиливалось. И хотя с потерей времени росла и угроза всему отряду, иного выхода у нас не было.

В течение ночи в лагерь возвратились еще две-три группы партизан. Они тоже подтвердили, что враг стягивает в этот район войска. Вернулись и те, кто был послан с вечера на хутора Кормши с заданием предупредить жителей о надвигающейся опасности.

Перед утром разведка доложила, что на большаке Борисов — Юрово — Логойск нарастает гул автомашин. Вскоре стало ясно, что карательные части окружают наш лесной массив. На рассвете они оседлали узкоколейку, закрыв коридор на север в паликовские леса. Рассредоточив подразделения вдоль реки Гайны, они преградили отход и на запад, в Логойский лес.

Перед рассветом мы поняли, что каратели в основном блокировали нас. Пробираться на юг или восток — значило оказаться зажатыми между сильными вражескими гарнизонами почти в чистом поле и небольших перелесках. Одновременно стало очевидным, что теперь уже можно не ожидать возвращения отрезанных от нас нескольких групп. Но уходить из леса было уже поздно.

Занималось утро тревожного дня. Все чаще и громче стали раздаваться пулеметные и автоматные очереди.

Внезапный шквал пулеметных очередей раздался примерно в километре от лагеря. За ним последовала частая дробь ружейно-автоматного огня. Громкие перекаты эха пронеслись над бором. После некоторого затишья стрельба возобновилась еще сильнее, грохнули отдельные взрывы гранат. Над поляной в трехстах метрах от нас взвилась красная ракета. Через несколько мгновений сквозь огонь автоматов и взрывы гранат до нас донесся голос дозорного партизана Симонова:

— Немцы…

Мы поняли, что Симонов встретил карателей огнем и только безвыходное положение лишило его возможности оторваться от врага и присоединиться к нам. Смерть боевого товарища на посту говорила о том, что медлить было нельзя ни минуты.

Теперь у нас оставался только один шанс на выход из-под удара — максимально быстро перебраться на небольшой островок, расположенный километрах в двух среди большого топкого Гайновского болота, которое на всех картах обозначалось непроходимым. Уйти и замести следы, как бы раствориться в утреннем тумане, — вот в чем было наше спасение. Стоит только замешкаться, дать немцам возможность отрезать нас от этого болота и сесть нам на хвост, и мы пропали.

По команде партизаны бросились через бор к спасительному болоту. Последними отходили бойцы группы прикрытия. Стремительно продвигались мы сквозь чащу и бурелом, густой сосняк и заросли пушистого молодого березняка. Враг шел чуть ли не по пятам.

Едва переводя дух, мы остановились в заранее выбранном месте, у края болота вблизи трех огромных сосен. Под прикрытием одной группы, выставленной метрах в двухстах, мы быстро вытащили из зарослей десятка два специально приготовленных толстых жердей и длинные шесты. Переправлялись на островок, затерянный примерно в трехстах метрах от края болота, одновременно по двум маршрутам. Длинные жерди укладывались на кочки и кусты. Затем партизаны, балансируя, вступали на колышущийся и порой утопающий помост. Так, последовательно укладывая и подбирая за собой жерди, мы довольно быстро добрались до небольшого сухого и густо заросшего лесом и кустарником острова. Переправу — переход через это, как мы ранее выяснили, в принципе проходимое болото — завершили бойцы прикрытия. На разведку в район Кормши были высланы Соляник с двумя бойцами.

На островке партизаны почувствовали себя несколько увереннее и высказывали надежду на то, что немец не знает об острове.

— Здорово мы спрятали концы в воду, — балагурили повеселевшие партизаны, занимая круговую оборону.

Стрельба в лесном массиве раздавалась со всех сторон от острова. То в одном, то в другом месте вспыхивала ожесточенная перестрелка. В воздухе все время висел самолет-«костыль».

Бойцы выжидали. Каждого тревожила мысль о том, что будет, если враг разгадает уловку и обнаружит отряд?!.

— Плохи наши дела, — вздохнул партизан Вигура. — Сидят

сложа руки и ждут у моря погоды шестьдесят боеспособных мужиков…

— Ты забыл приплюсовать двух братьев Нейманов, они тоже грозная сила, подрывающая экономическую мощь врага, — заметил Иван Иванович Вышников.

Партизаны дружно засмеялись, вспомнив июльское утро, когда наши разведчики захватили братьев, рывших картофель в поле. На вопрос, кто они и что делают, братья ответили:

— Мы партизаны.

— Из какого отряда?

— Отряда Нейманов.

— Сколько же вас?

— Мы с братом.

— Что здесь делаете?

— Подрываем экономическую мощь Германии…

Эта байка всегда веселила партизан.

Голоса партизан постепенно перешли на шепот, а затем совсем стихли. Вдоль края болота с разных сторон поднялась стрельба, послышались крики. Так продолжалось около часа. К полудню в лесу наступила тишина.

Перед вечером на островок перебрался Василий Андросов из группы Чуянова. Он был белый как полотно. Волнуясь и сбиваясь, он доложил о нескольких схватках с эсэсовцами, большими группами рыскавшими по лесу. Обнаружив местных жителей, гитлеровцы одних расстреливали на месте, а некоторых с диким гиканьем подхватывали на штыки, бросали на землю и закалывали.

Фашисты бесчинствовали в лесу до наступления вечера. Заходящее солнце скрылось в клубах черного дыма, наполнившего воздух удушливым запахом пожарищ. Вскоре дым, оседавший над лесом, слился с ночным мраком.

Группа лейтенанта Соляника, вернувшись в расположение отряда на рассвете, принесла горькие вести. Деревня Сухой Остров и хутора Кормши превращены в пепелища, а жителей, не успевших укрыться, изверги согнали в сараи и заживо сожгли. В этот день многие семьи были истреблены гитлеровцами полностью.

После экспедиции каратели опубликовали в печати сообщение, в котором похвалялись уничтожением «гренадерами фюрера» около 500 «лесных бандитов». Они, конечно, умолчали, что их жертвами были почти исключительно дети, старики и женщины. Убийцы умолчали и о схватках с партизанами, в ходе которых потеряли убитыми и ранеными не один десяток солдат и офицеров.

Позже из немецких документов стало известно, что

> «усмирение вдоль железной дороги Минск — Борисов — Орша проводила первая пехотная моторизованная бригада СС под командованием бригаденфюрера СС Фишера фон Троенфельда».

Именно этот палач и головорезы Дирлевангера в ответе за сожженных заживо жителей деревень Прилепы, Ляды, Дубравы, Сухого Острова и хуторов в Кормшском лесу.

Утром наш отряд вернулся в лагерь. Вечером похоронили москвича Василия Симонова. С прощальным словом выступил комиссар. Мы поклялись отомстить врагу за смерть боевого товарища, за убитых детей, женщин и стариков — жителей хуторов Кормши.

Быстро прошло лето. Наступила дождливая осень. В сентябре небо затянулось тяжелыми тучами. Лес нарядился в багряный убор. Но сейчас он никого не радовал. Поля опустели и раскисли. Ночи стали длинными, холодными и сырыми. Гайна почернела и бесшумно несла мутные воды в извилистую Березину.

Грустно шумели осенние ветры в соснах над безлюдным полуостровом Гребенчук, далеко врезавшимся в болото. Густые заросли надежно укрывали лагерь от самолетов и чужих глаз. Несколько небольших шалашей из веток кое-как еще спасали нас от дождей, сырости и пронизывающих ветров. Но они совершенно не могли укрыть людей в летней одежде от наступавших заморозков. Холод до костей пробирал партизан. Они каждой ночью теснее жались друг к другу, тщетно пытаясь согреться. Многие настолько коченели, что, не дождавшись утра, убегали под густую ель, где под большим котлом с водою постоянно поддерживался огонь.

С каждым днем холода усиливались. Ноги у большинства постоянно были мокрые. Многие простудились и сильно кашляли.

Партизаны, донашивающие летнюю одежду, фактически были раздеты. Все труднее становилось с питанием. Мы голодали. Еще холоднее становилось на душе от печальных вестей с фронта.

В общем, отряд оказался в кризисном положении: наступление зимы застало людей без крова, продовольствия, добротной обуви и теплой одежды. Питание рации село, и она молчала. Командир бездействовал. Горько было видеть, что и Панкевич в это трудное время тоже опустил руки. Он днями просиживал в дряхлом шалашике и записывал что-то в свой блокнот.

В ноябре положение в отряде стало настолько плачевным, что

партизаны заговорили во весь голос:

— Мы пришли воевать, истреблять фашистских гадов, а не мерзнуть, голодать и умирать от болезней в лесу.

— За такое отношение к подчиненным на фронте к стенке ставят…

Кисляков, Ерофеев, я и парторг Ивановский пошли к комиссару и заявили, что настроение в отряде паническое. Нужны срочные меры, иначе голодные и раздетые люди начнут разбегаться. Ведь уже не выдержал Жилицкий и сбежал из отряда. Панкевич внимательно выслушал нас, задумался… и беспомощно развел руками:

— Что я могу поделать? Поймите, мы не где-нибудь, а в глубоком тылу. Давайте пригласим на всякий случай командира, поговорим.

Комиссар проинформировал приунывшего Сивакова о нашем разговоре и спросил:

— Что будем делать, командир? Так дальше жить нельзя.

Долго собирался командир с мыслями и едва слышно проговорил:

— Я много думал о нашем положении и пришел к выводу, что обстановка требует либо немедленной помощи по воздуху из Центра, либо ликвидации нашего отряда и передачи личного состава в другой сильный отряд. Сами мы беспомощны. Считаю, что надо сейчас же отправить за линию фронта связного для доклада о положении дел и получения указаний.

В тот же вечер, взяв пистолет с имевшимися к нему четырьмя патронами и карту, я отправился на Большую землю.

— Скорей возвращайся, — шумел мне вслед партизанский лагерь.

Я действительно скоро вернулся в отряд. Откровенно говоря, я и не собирался пробираться к далекой линии фронта.

Мне было совершенно ясно, что даже в лучшем случае на дорогу к фронту зимой уйдет не меньше месяца. Вряд ли раздетый и голодный отряд смог бы продержаться столько в морозное и вьюжное время. Кроме того, не было никакой гарантии, что я благополучно пройду почти тысячекилометровый путь по тылам врага. Короче говоря, я понимал, что отряд может спасти экстренная помощь в ближайшие же дни. У меня еще раньше созрела идея обратиться за советом в подпольный обком партии. Эту идею я и решил осуществить. Добраться туда можно было за несколько дней. Я не без труда отыскал товарища Стригу, который познакомил меня с секретарем райкома И. И. Ясиновичем. Он выслушал меня и порекомендовал сначала

обратиться в подпольный межрайком партии Борисовской зоны, расположенный на одном из паликовских островков возле хутора Старина. Ясинович показал дорогу. Там меня внимательно выслушали, и межрайком решил направить в наш отряд комиссию из трех человек для принятия необходимых мер на месте. Возглавил ее член межрайкома, командир партизанской бригады «Старик», старый большевик, член партии с 1917 года Василий Семенович Пыжиков, известный партизанам под фамилией Владимиров.

На рассвете в сопровождении взвода отряда «Беларусь» мы отправились в путь. К исходу дня достигли деревни Горелый Луг. Гостеприимные хозяева деревни приютили нас на ночлег. Скоро мы убедились, что в этой деревне старый большевик Василий Семенович Пыжиков свой человек. До поздней ночи к нему шли люди. Одни расспрашивали о наших делах на фронтах, другие докладывали о борьбе здесь, на месте, третьи делились своими личными бедами. Каждому из них Василий Семенович находил доброе и вдохновляющее слово, слово коммуниста. Он владел ключом к сердцу простого человека, понимал его нужды и жил ради него.

Пыжиков один из тех, кто боролся за Советскую власть в Белоруссии, один из счастливцев, кому довелось видеть и слушать Владимира Ильича Ленина. Об этом Василий Семенович рассказывал проникновенно, с горящим огоньком в добрых и умных глазах. Впервые он увидел Ильича на Финляндском вокзале в Петрограде.

— Потом еще было две встречи с Лениным, — рассказывал Пыжиков. — И всегда Владимир Ильич зажигал нас верой в победу труда над капиталом, рабочих и крестьян над буржуазией. Ильич открывал нам глаза в новую жизнь без эксплуатации и нищеты…

В 1917 году Василий Семенович командовал отрядом Красной гвардии в Петрограде, принимал активное участие в Февральской революции. Потом по решению ЦК ВКП(б) был направлен на Западный фронт, где воевал против немцев, белополяков и белогвардейцев в качестве комиссара 145-го полка 51-й бригады, а затем комиссаром этой бригады. В грозные годы партия направляет в Приморский край молодого и талантливого организатора-большевика на борьбу против японских оккупантов. В Приморье Пыжиков командовал партизанским соединением и участвовал в освобождении Владивостока.

Перед войной командир бригады «Старик» возглавлял отдел пропаганды и агитации ЦК КП(б) Белоруссии.

В неблизком пути в Смолевичский район поведал комбриг

нам и о своих встречах с Ф. Э. Дзержинским. Мы слушали очень внимательно Пыжикова. Как были нужны людям сейчас эти страницы прошлого!

Не прошло и трех дней, как мы прибыли на Гребенчук. Сплошные тяжелые тучи висели над поседевшим лесом. Тускло блестели ледяные зеркала, покрывшие лужи, водоемы и болота. Бор окутался белоснежной шалью и застыл. Все изменилось, один только лагерь отряда был без изменений. Он по-прежнему представлял жалкую картину. Сиротливо и тоскливо стояли запорошенные снегом убогие шалаши. Нас встретили хотя и с удивлением, но без энтузиазма. Ведь мы шли налегке, а измученным бойцам мерещился хлеб, теплая одежда и добротные сапоги. Худые и небритые партизаны, все посиневшие от холода, стуча зубами, теснились вокруг нескольких костров, единственных очагов жизни. Тут же у костров на подстилке из хвороста и листьев лежали несколько больных, прикрытых всевозможным тряпьем.

Пыжиков с первых же минут пребывания в лагере понял, что требуется немедленно спасать отряд от полной деморализации и развала. Кисляков выстроил партизан и доложил ему:

— Товарищ уполномоченный подпольного межрайкома, по вашему приказанию отряд «Смерть фашизму» построен…

К строю энергично подошел Пыжиков — чувствовалась в нем военная выправка, хотя и был он в штатском. Перед ним стояло около 80 вооруженных партизан. Они поеживались, прижимались друг к другу. Рядом с ними молчаливо дрожало и топталось десятка три невооруженных новичков, недавно прибывших в отряд.

— Здорово, орлы! — подняв руку к выгоревшей на солнце военной фуражке, приветствовал он.

— Здравия желаем, — недружно и тихо ответил строй.

Поправив ремень, на котором висела кобура длинноствольного трофейного парабеллума, Пыжиков твердым голосом объявил решение межрайкома о снятии с должностей Сивакова и Панкевича, об отзыве их в распоряжение партцентра Борисовской зоны и назначении межрайкомом командиром отряда одного из боевых товарищей отряда «Беларусь» Тарунова Василия Федоровича и комиссаром Дедюлю Ивана Прохоровича, автора этих строк.

Он сказал, что нет безвыходных положений, когда за дело берутся энергичные люди, подчеркнув, что судьба отряда в руках самих партизан.

— Да ведь вас какая сила — целая сотня здоровых и крепких духом бойцов! С вами можно горы своротить… А требуется не так

уж много… Во-первых, нужны теплые светлые землянки, не иметь их в лесу непростительно. Нужна пища, но и она с неба не свалится, ее надо уметь достать у немца на автостраде и в деревнях. Одежду и обувь нужно настойчиво добывать у гитлеровцев и с помощью колхозников выделывать самим. Недостающее оружие также пока можно взять лишь в бою. Межрайком партии выражает уверенность, что вы, не медля ни минуты, проявите волю, энергию, находчивость и смекалку, крепко встанете на ноги и вновь начнете бить оккупантов! Для большевиков нет непреодолимых трудностей. Мы верим, что слава о вашем отряде разнесется по всей Борисовщине. Желаю вам больших успехов в борьбе с ненавистным врагом. Отряд может и должен с честью выполнить возложенные на него задачи. Посмотрите на себя, на кого вы сейчас похожи?.. Не гроза для гитлеровцев, не орлы, какими я хочу вас видеть, а мокрые куры… стыдно глядеть… Сейчас не время митинговать, — закончил Пыжиков, — да и погода не располагает к этому. Друзья, нужны решительные действия…

Я еще никогда не видел такого преображающего воздействия на людей простых, но правдивых и прямых слов. Бойцы буквально за несколько минут стали неузнаваемы. Они подтянулись, стали смотреть уже не осуждающе и с укоризной, а скорее виновато. Программа оздоровления обстановки была до обидного проста и ясна. И каждый, наверное, в душе подумал: «Как же это мы сплоховали и сами не додумались…» Последние слова Пыжикова: «Смерть немецким захватчикам! Да здравствует победа!», были встречены с большим воодушевлением. Потом Пыжиков обстоятельно представил нам нового командира.

Василий Федорович Тарунов родился в 1914 году в деревне Старинки Горьковской области, коммунист, бывший рабочий-сталевар, с 1937 года служил в армии. Перед войной был начальником саперной службы одной из частей Красной Армии, дислоцировавшихся на территории Белоруссии.

Василий Федорович прошел большую школу борьбы с врагами в составе старейшего белорусского отряда «Беларусь». За храбрость, проявленную в боях, Тарунова наградили орденом Красной Звезды. Он стал первым орденоносцем в нашем отряде.

На этом совещании Василий Федорович поделился боевым опытом партизан Палика. Здесь же я подробно рассказал о бригаде «Старик», отличавшейся организованностью и армейским порядком, о небольших аккуратных и добротных землянках ее командира Пыжикова, батальонного комиссара Бывалого и начальника штаба майора Чумакова, в которых мне довелось побывать. Просторными, светлыми и теплыми были у них и

землянки для самодельной типографии, госпиталя и хозвзвода. На другой стороне линейки располагались землянки-близнецы для боевых подразделений. В центре красовался армейского типа грибок для часового. В стороне, меж густых елей, дымились кухня и баня. Все было построено с умом и толком.

Примерно такую планировку решили сделать и мы у себя. До утра разрабатывали общий план и выясняли многие детали. Были сформированы группы плотников, печников, кровельщиков, добытчиков кирпича в разрушенных хуторах.

Ночью прибыли две подводы с хуторов. Их встретили с огромным ликованием. На них привезли лопаты, пилы, топоры. Наши лекари при свете костров рассматривали медикаменты и хирургические инструменты, добытые в деревне Сухой Остров. Больных прикрыли старыми полушубками и одеялами, привезенными днем с базы межрайкома партии.

Лагерь, как бы обретя второе дыхание, гудел, все жаждали работы. И пока что со смаком затягивались самосадом.

И закипела настоящая трудовая жизнь. Несмотря на беспрерывный снегопад, переходящий в дождь, где-то через неделю вместо ветхих шалашей появились довольно теплые, просторные землянки, заработала лагерная кухня. Запахло печеным хлебом, о котором раньше лишь мечтали. В стороне запарила настоящая партизанская баня. По вечерам зазвучали песни. Люди ожили и воспрянули духом. На очередном партсобрании Ивановский подвел итоги:

— Людьми умело командовать нужно, тогда они не только хорошие землянки построят, горячую пищу организуют, обуви понашьют, одежду добудут, но и сотни фрицев на тот свет отправят.

Собрание отметило, что жизнь отряда вступает в норму. Вместе с тем были поставлены задачи по дальнейшему укреплению дисциплины и обеспечению отряда многим недостающим. Ведь, как и раньше, партизаны ели еще без соли. Чуть не четверть отряда не имела оружия. Плохо обстояло дело с питанием рации. Совсем мало было патронов и взрывчатки. Нужно было одеть и обуть партизан. Многие, к нашему стыду, ходили в лаптях. А главное, требовалось без промедления начинать бить фашистов и полицаев, которые, обнаглев из-за бездеятельности отряда, стали все чаще грабить население в ближайших селах. Предстояло наладить систематическую разведку.

Развернулось творческое соревнование. Каждый стремился что-то предложить, сделать, как-то помочь скорее преодолеть трудности. Организовывали сапожную, пошивочные мастерские,

приступили к обработке коровьих и овечьих шкур. Началось изготовление пусть неказистых на вид рукавиц, обуви, снаряжения. Особым энтузиастом в этом деле стал старший Нейман, не проявлявший особого рвения к участию в боевых операциях.

Каждый день из лагеря стали уходить группы. Одни к автомагистрали, другие с задачей добыть продукты питания, одежду и оружие. Они никогда не возвращались с пустыми руками.

Как-то в штабной землянке мы до рассвета разрабатывали планы на будущее. Почти весь отряд был уже вооружен. Надо было скорее приступать к активным боевым делам. Для повышения организованности и укрепления отряда было решено изменить его структуру, перестроив по военному образцу: отделение, взвод, рота.

Для ведения активных боевых действий на автомагистрали и железной дороге Минск — Москва на участке от станции Жодино и до пригорода Борисова создали первую роту во главе с Иваном Михайловичем Деминым и батальонным комиссаром Яковом Борисовичем Лихтером. Вторую роту скомплектовали из двух взводов и невооруженной группы. В нее в основном включили местную молодежь, которой предстояло быстро экипироваться у себя дома по-зимнему и отправиться на паликовские острова для военной подготовки и строительства запасной базы отряда и стационарного госпиталя. В ее состав ввели и специальную группу для добычи оружия, боеприпасов и взрывчатки. Командиром роты назначили лейтенанта Андрея Александровича Кислякова, политруком — Ивана Прочакова.

Был создан также разведывательный взвод во главе с Евгением Михайловичем Чуяновым. Перед взводом стояла задача постоянно и активно вести разведку, выяснять замыслы и намерения врага, собирать всю информацию о дислоцированных в Смолевичском районе, Борисове и Минске силах противника, их передвижении, строительстве укреплений, системе охраны коммуникаций, вести учет полицейских сил и всех важных объектов в зоне отряда. Данные надо было собирать не только в интересах отряда, но и для регулярной информации штаба партизанского движения на Большой земле.

Хозвзводу, порученному Василию Андросову, предстояло обеспечивать в любых условиях партизан питанием, наладить ремонт оружия, починку и пошивку, обуви и одежды.

Быстро побежали короткие зимние дни. Каждую ночь несколько групп со взрывчаткой на плечах тайком пробирались к

железной дороге. Не всегда и не всем удавалось взорвать эшелон. Часто замерзшие, измученные, голодные, с тяжкой ношей за спиной возвращались подрывники в лагерь. Мрачные и злые, они отдыхали день, а к вечеру снова отправлялись в поход.

Железная дорога Минск — Москва была твердым орешком. Противник охранял ее круглосуточно. Вдоль полотна дороги возвышались наблюдательные вышки с пулеметами, откуда хорошо просматривались подступы к дороге. Днем с севера ее надежно прикрывала автомагистраль, по которой непрерывным потоком к фронту и обратно сновали отдельные грузовики и целые автоколонны с живой силой, техникой и снаряжением.

К югу от железной дороги простиралась открытая местность. Здесь вдоль линии патрулировали на мотоциклах и велосипедах группы полицейских и охранников. В небе регулярно висели разведывательные самолеты. С наступлением сумерек на железную дорогу выходили десятки дополнительных групп охранников. Они стреляли направо и налево при намеке на подозрение.

Много усилий затрачивали оккупанты на охрану дороги! Но, несмотря на это, почти каждый день на участке нашего и соседних отрядов со скрежетом и треском летели под откос поезда. Гитлеровцы били тревогу, усиливали охрану. По ночам они на машинах и броневиках стали курсировать и по автомагистрали. Перекрывали засадами наиболее вероятные подступы к железной дороге. Но партизаны все же минировали дорогу! Счет паровозов и вагонов, пущенных под откос, продолжал расти.

Но вскоре жизнь подрывников омрачилась — кончилась взрывчатка. Пришлось добывать ее из снарядов и авиабомб, подобранных партизанами и населением на полях и в лесах. Но вот настал час, когда ни снарядов, ни бомб не стало. Обиднее всего, что это совпало с наиболее ответственным периодом сражений на фронте: шла Сталинградская битва.

Как же все-таки достать взрывчатку и патроны?

Мы с командиром решили посоветоваться с партизан нами и местными жителями. Командир направился в штаб отряда, а я — к политруку первой роты Лихтеру, чтобы с ним пойти в деревни. Яков Борисович Лихтер, набросив шинель, сидел у соснового стола. На столе лежали исписанные листы.

— Бьюсь над листовкой. Исписал кучу бумаги, и все не клеится что-то.

Я просмотрел написанное. Это была не листовка, а целое воззвание. Взялись писать заново, так, чтобы словам было тесно, а мыслям просторно. Учитывали и практическую сторону: чем

короче листовка, тем легче ее переписывать, хранить и передавать. Закончив листовку, мы передали ее машинистке Тамаре для размножения. Большими буквами она быстро отпечатала:

«Прочитай и передай другому!»

Дальше выделила заголовок:

«Фашисты не пройдут!»,

и ниже:

«Сталинград — могила для фашистских орд!»

В листовке говорилось о тяжелых боях на Волге и героизме ее защитников. Листовка заканчивалась словами:

> «Истребляй оккупантов, жги их склады, препятствуй, чем можешь, переброске подкреплений к фронту, уничтожай связь! Помни — разгром врага на Волге приблизит час освобождения Белоруссии. Смерть немецким оккупантам!»

Захватив десятка по два листовок, мы со связными направились в деревню Бабий Лес. Как только солнце село, Лихтер пошел в Бабий Лес, а мы с Петей Мальцевым по опушке леса направились в Росошно. По пути Петя рассказал, что родился в деревню Калюшки, до войны учился, любил поозорничать, забраться в чужой сад, подраться. В 1941 году в шестнадцать лет уже запасся оружием: спрятал в лесу самозарядную винтовку, два автомата с дисками и патронами. Семнадцати лет Петя пришел в отряд со своим трофейным оружием.

Неожиданно, как бы решившись, он попросил меня принять в отряд сестру Катю.

— Как только в Смолевичах узнают, что я в партизанах, ее сразу повесят. К тому же она жена офицера Красной Армии да и человек смелый, решительный.

Пока вы будете в Росошно заняты, я приведу Катю, за нее я ручаюсь, — настаивал Петя. — А вот за старшего брата, работающего в Смолевичах на станционной водокачке, я не поручусь…

— Где, на какой водокачке? — прервал я его.

— На водокачке, которая наполняет паровозы.

Это было находкой. К водокачке, обеспечивавшей водой

маршрутные паровозы, мы так искали подходы, а на ней, оказывается, работает брат нашего партизана!

На мои расспросы Петя ответил, что брата он не любит и при случае собственноручно пристрелил бы его как пособника врага.

— Не торопись стрелять! Разобраться надо! Приводи сестру к ручью за деревню к 12 часам. Хочу с ней поговорить. Понял?

— Понял, товарищ комиссар! — радостно вскрикнул парень, убегая.

К дому нашего связного Павла Кирильчика я подошел с огорода. Кругом было тихо. Только в клети сзади хаты что-то шумело. В нос ударило кислым запахом сивухи. Я прильнул к окошку и увидел в клубах пара на перевернутой вверх дном бочке самого хозяина. Открыв дверь, вошел. Хозяин настолько был увлечен работой, что вначале даже не заметил меня.

— Кто там? — Кирильчик вынырнул из пара. — Вот нежданный гость! — протягивая руку, говорил Павел. — Пришли бы завтра, попали бы сразу на первак. К Новому году решил немного сделать для отрядного госпиталя.

— Я пришел по очень важному и срочному делу. Соберите вашу дружину на гумне.

— Хорошо, я быстренько.

Первым пришел его младший брат Григорий. Запыхавшись, прибежал юркий Николай Лущик. Вскоре вернулся сам Павел и сказал, что Дубовский болен.

Передав дружинникам отпечатанные листовки, я сказал, что сейчас, как никогда, отряду нужны боеприпасы и взрывчатка. Какие у дружины есть возможности в этом смысле?

На некоторое время воцарилось молчание. Колхозники прикидывали, думали…

— Возможности невелики, но кое-что можно сообразить, — начал Григорий. — Во-первых, надо попытаться поискать снаряды на Борисовском артиллерийском полигоне. Помню, до войны там оставались невзорвавшиеся снаряды и мины, а теперь наверняка и немецких прибавилось.

— Во-вторых, — сказал Лущик, — мы уточним, у кого из деревенских припрятаны запасы динамита, шнура и капсюлей, которые оставались еще со времен работ на лесозаготовках. Завтра к вечеру привезем все, что найдем.

— А пока нет возможности взрывать поезда, нужно хотя бы задерживать их в пути, — продолжал Григорий.

— Интересно, как это можно? — поинтересовался я.

— Очень просто, — отвечал он. — Как только приближается поезд, я выбегаю на линию и размахиваю зажженной головешкой. Состав медленно останавливается, и меня спрашивают, что

случилось. Я говорю — только что спугнул людей, возившихся у железнодорожного полотна, поэтому не исключено, что заложена мина. Тут и начинается переполох… Одни палят в кусты из автоматов, другие, понукаемые офицерами, с фонарями осторожно ищут несуществующую мину. Немцы бегают, нервничают, ругаются, паникуют, а поезд стоит 25—30 минут, иногда и больше, за ним нагромождаются другие составы, паровозы гудят… А я сижу у костра, покуриваю да усмехаюсь себе в усы. Останавливаются и встречные поезда. Начать движение никто не решается, ибо ни у кого нет миноискателей. Шум, свистки, крики, стрельба продолжаются до тех пор, пока со станции не примчится автодрезина с саперами и те не проверят путь. В общем получается настоящий цирк. Ведь никому из фрицев неохота подорваться…

— Хорошо придумано. Вот бы заставить оккупантов ползать на каждом километре, — вставил Павел Кирильчик.

— Нет, на каждом километре не получится. Немцы не дураки. Они быстро поймут нас.

Проведение «саботажа» решили поручить самому инициатору — Григорию. Конечно, мы понимали, что это лишь временная мера, злоупотреблять которой нельзя, ибо в случае подозрения гитлеровцы сразу рассчитаются с ее организатором.

Лущику было поручено утром же выехать на Борисовский полигон, собрать невзорвавшиеся снаряды крупных калибров и доставить их в условленное место.

Под конец совещания Павлу Кирильчику пришла мысль попытаться забивать в стыки рельсов небольшие стальные стержни-болванки. Организацию этого дела он и взял на себя.

Распрощавшись с дружинниками, я поспешил на встречу с Катей Мальцевой. Было без четверти двенадцать. Сильно морозило. Взошла луна. Луг, покрытый чистым слежавшимся снегом, переливался в голубоватом свете, точно огромный серебристый ковер.

Я и не заметил, как оказался у места, где меня уже ожидали.

— Ваше приказание выполнил, Катю доставил, — доложил Петя.

— Как в деревне?

— Два дня назад немцы увели пять коров и настреляли сотню кур. Листовки расклеил. Хотел было пристукнуть старосту, но оставалось мало времени, и я лишь пригвоздил на его воротах листовку. Пусть просвещается, — улыбнулся Петя, надеясь на похвалу.

— Листовки — хорошо. А насчет старосты — запомни, ты не судья. В следующий раз выполняй только то, что приказывают.

Понял?

— Понять понял, но староста — шкура, предатель! Сам видел, как он помогал полицаям наших красноармейцев отвозить в Смолевичи. Таких гадов нужно немедля истреблять…

— Об этом позже, а теперь прогуляйся, пока я поговорю с сестрой.

— Мальцева, — несмело протянула руку молодая женщина среднего роста. Из-под платка в свете луны блестели кольца вьющихся черных волос, а через плечо до пояса спускалась аккуратно заплетенная коса. Строгий взгляд больших глаз и бледное строгое лицо.

На предложение установить связь с братом, работающим на водокачке в Смолевичах, Катя, как бы извиняясь, тихо ответила:

— Договориться с ним будет нелегко, но я сделаю все, чтобы выполнить приказ.

Проинструктировав ее, как лучше установить связь с братом, я назвал время и место следующей встречи. А на прощанье сказал, что с сегодняшнего дня Катя — партизанка нашего отряда, и выразил уверенность, что она оправдает высокое звание народного мстителя.

За неделю взрывчатки добыли гораздо больше, чем можно было ожидать. Николай Лущик по пути к Борисовскому полигону совершенно случайно встретил несколько крестьянских подвод, везущих снаряды от эшелона, прибывшего с боеприпасами на станцию. Для перевозки оккупационные немецкие власти мобилизовали из ближайших деревень все подводы. Снаряды возили на склады, расположенные в сосновом лесу около большака Борисов — Логойск.

Узнав это, Николай, невзирая на опасность, поспешил на станцию и в общем потоке нагрузил на телегу десяток тяжелых артиллерийских снарядов. Выехав за город, Лущик остановился и пропустил следовавшие за ним подводы. Когда те скрылись за поворотом, он прикрыл снаряды сеном и свернул на проселочную дорогу. Объезжая гарнизоны врага, Лущик благополучно прибыл на Кормшу. Наутро с красными от бессонницы глазами «он мобилизовал» из Росошно для перевозки снарядов еще четыре подводы. Они тоже благополучно доставили нам драгоценный груз. Лущик с Павлом Кирильчиком еще по три раза съездили за снарядами.

Итак, у нас образовался немалый запас снарядов. Подрывники чуть не плясали от радости. Частью взрывчатки решили поделиться с северным соседом — отрядом «Дяди Коли». Соседи не остались в долгу и прислали взамен из своих запасов несколько десятков двухсотграммовых шашек прессованного тола

для детонации и пятьдесят взрывателей.

Большую помощь оказали нам и жители деревни Бабий Лес. По нашему заданию они разыскали в лесу и передали в отряд около пяти пудов динамита и несколько сот капсюлей, применявшихся до войны для подрыва больших сосновых пней. Колхозник Силич вместе с динамитом передал Чуянову припрятанные им две винтовки с патронами.

За это же время на автостраде партизанские группы сумели добыть значительное количество патронов и около сотни гранат. Группы и отделения подрывников спешно готовились к диверсиям.

Едва мы стали обладателями взрывчатки, как радио передало долгожданную весть о победоносном наступлении советских войск на Волге и окружении там более чем 300-тысячной фашистской армии.

В честь этого мы решили нанести по гитлеровцам два мощных удара одновременно — на железной и шоссейной дорогах Минск — Москва. С чьей-то легкой руки операцию окрестили «Дуплетом». Целые сутки тщательно подготавливали план операции.

Основной удар было намечено нанести на шоссе. Цель — уничтожение крупной автоколонны. Согласно нашим наблюдениям, каждую ночь по автомагистрали проходили две-три колонны по 15—20 тяжелых грузовиков. Часто такие колонны возглавляли и замыкали легкие танки. Минирование и засаду намечалось осуществить на одной из излучин дороги, имевших довольно высокую насыпь. Замысел состоял в том, чтобы примерно в полночь, когда движение прекращается, быстро уложить в ровики на автостраде через равные промежутки двенадцать снарядов крупного калибра с прикрепленными натяжными взрывателями. Расчет делался на то, чтобы сразу подорвать все снаряды, как только колонна втянется в их зону. Для стрельбы по танкам был подготовлен расчет противотанкового ружья. Главные силы первой роты должны были рассредоточенно укрыться по обе стороны шоссе. Они были разбиты на огневые, нападающие и прикрывающие группы. Несколько групп получили задачу — быстрый сбор трофеев. Небольшая группа должна была после поджечь машины противника.

Второй удар этой же ночью как можно дальше в стороне от лагеря должны были одновременно нанести по вражескому эшелону две группы подрывников, подорвав заряды под паровозом и в центре состава. Для облегчения и быстроты действий группам на первые две трети пути были выделены

носильщики головых зарядов.

Наконец все было подготовлено. Первыми после обеда ушли подрывники. Отряд выступил перед вечером. Шел густой мокрый снег, завывал пронзительный ветер. На этот раз мы были рады такой погоде, она помогала маскировке. К вечеру добрались до Острова. Здесь взяли несколько подвод для перевозки снарядов. С наступлением темноты направились в совхоз «Бадагово», а оттуда кружным путем — к автомагистрали. Колонну вел наш верный помощник — дед Остапкевич. В хвосте шел обоз. Когда до шоссе оставалось с полкилометра, остановились в роще. С магистрали доносился беспрерывный рев моторов. Маскируясь в обледенелых зарослях и складках местности, отряд вслед за разведкой бесшумно развернулся в боевой порядок и стал подтягиваться к дороге. Внизу все еще стремительно проносились отдельные запоздавшие машины. Как только наступило затишье, подрывники как бы растворились в белой дрожащей мгле со своей партизанской «артиллерией» — немецкими снарядами.

Наступил самый ответственный момент, от которого, в сущности, зависел успех всей операции. Выдалбливать в спрессованном снегу поперечные ровики для укладки снарядов было не так легко. А ведь в любую минуту могла появиться крупная вражеская колонна. Одиночных машин мы не боялись: их тотчас бы расстреляли, оттащили на 200—300 метров вниз и столкнули в овраг. Все партизаны, наблюдая за работой на автостраде, сильно переживали, но не имели возможности ничем помочь. Минуты ожидания превратились в вечность. Однако страхи были напрасными. Через каких-нибудь 15 минут снаряды на шоссе были уложены. Все облегченно вздохнули — главное было сделано.

Теперь все стали напряженно вглядываться в беловато-мутную ленту шоссе. Вдруг вдали за поворотом мелькнули узкие снопы света, а потом показались желтоватые глаза фар идущих машин. Все прижались к земле. Подрывники крепко сжали подрывные шнуры. Но… шло только три машины, и мы беспрепятственно их пропустили. Так повторялось не раз.

Около двух десятков одиночно следовавших грузовиков пропустили мы. Трудно было подрывникам удержаться, чтобы не дернуть за шнур. Но они понимали, что отряд вышел на охоту не за одной машиной.

Было очень холодно.

— Ну и холодище, черт возьми! — не выдержал Мазур.

— Тебе-то не к лицу прибедняться. Посчитай, сколько на тебе одежек? — ответил кто-то из партизан.

— Лук в семи одежках и то мерзнет, — оправдывался тот.

— Эх ты! А что же говорить тем, кто в одних штанишках?

— Ладно считаться, ветер всех насквозь продувает… Вот не мешало бы нам пропустить фронтовую чарочку, — не унимался Мазур.

— Ложись! — пронеслась по цепи команда Демина.

Партизаны дружно бросились на землю. Со стороны Минска приближалось множество огоньков. Тяжелый гул моторов с каждой минутой нарастал. Вот колонна скрылась за холм, потом машина за машиной снова стали выныривать, пронизывая ярким светом прозрачную толщу падающих снежинок. Сквозь шум моторов автомашин слышался басистый рев танков и скрежет их стальных гусениц. Было ясно, что в колонне не менее 20 машин.

— Колонну сопровождают танки! — прокричал Демин командиру отряда.

— Значит, важный груз следует. Старайтесь подорвать головной. И пусть противотанковое ружье бьет без промаха.

Тарунов снова впился глазами в приближавшуюся колонну. Наступал самый решительный момент. Сквозь пелену снега все отчетливее начали вырисовываться темные силуэты машин с горящими фарами. Один танк громыхал впереди, второй замыкал колонну.

Партизаны замерли. Время тянулось медленно-медленно. Все взгляды были устремлены на головной танк. «Неужели он окажется неуязвимым…» — думали почти все бойцы. Колонна неумолимо приближалась к роковой черте.

Наконец головной танк, взмывая снежные вихри, ворвался в заминированную полосу, за ним, разрезая снежную мглу, потянулись огромные, крытые брезентом заиндевевшие грузовики и несколько автобусов. Пахнуло горькой мазутной гарью. Партизаны, слившись с запорошенной землей и затаив дыхание, изготовились к стремительному броску.

Серия сильнейших взрывов потрясла окрестность. В воздухе просвистели осколки, всех обдала упругая волна горячего воздуха, заложило уши. В черном облаке дыма, закрывшем колонну, раздался скрежет гусениц, а через несколько секунд последовал сильный одиночный взрыв, и длинные языки огня взметнулись к серому небу. Наша «артиллерия» сделала свое дело… И почти вслед за этим раздался совсем негромкий выстрел ПТР.

Из машин выскакивали и бросались на землю вражеские водители, офицеры и солдаты. Раздавались автоматные очереди.

— Огонь! — крикнул Демин.

По шоссе неистово ударили наши автоматы и пулеметы. Не выдержав ураганного огня, гитлеровцы быстро переметнулись на

другую сторону шоссе и пытались опуститься по откосу насыпи. Но тут по ним открыли огонь партизаны, засевшие слева от шоссе. Многие фашисты свалились замертво, а остальные, как затравленные крысы, заметались между горящими машинами.

— Вперед! — прозвучала команда Демина.

Партизанская лавина с мощным криком «ура!» устремилась вперед. Не обращая внимания на беспорядочную стрельбу противника, партизаны бросились к машинам.

Под дулами автоматов и винтовок из-под изуродованных взрывами машин, трясясь от страха, вытянулось несколько немцев. То тут, то там раздавались выстрелы по тем фашистам, которые отстреливались и пытались бежать. От зорких партизанских глаз не ускользнул ни один гитлеровец.

Наш артиллерийско-пулеметный «концерт» поднял переполох во всех ближайших гарнизонах. В небо на горизонте полетели десятки ракет. Но партизаны были заняты своим делом: быстро собирали многочисленные трофеи, проверяли содержимое грузовиков, забирая все нужное. Все это быстро по цепочке передавалось в обоз.

Задерживаться на автостраде было опасно, так как к месту засады могли быстро подъехать части из Борисова и Жодино или подойти новые большие колонны. Поэтому вскоре был подан сигнал отхода. На шоссе остались лишь группа во главе с Михаилом Зубко, поджигавшая машины, и несколько подрывников для уничтожения вышедших из строя танков. От пылавших машин стало светло, будто днем. Командиры подразделений доложили, что потерь нет и партизаны готовы к походу. Отряд двинулся в обратный путь.

Спустя часа два отряд вошел в Остров. Колхозники, слышавшие наш «концерт» на шоссе и уже узнавшие от впереди идущих разведчиков о его результатах, всей деревней вышли встречать нас. Они подносили бойцам кринки с парным молоком, крепко жали руки, поздравляли, радовались, приглашали в хаты отдохнуть, обогреться.

— Шутки сказать! Сколько времени вылежать на ветру да морозе, — говорила жена нашего связного Антона Яцкевича.

— А ты не теряй слов зазря. Беги быстрей да неси бутыль, — усмехнулся он, — вот и отогреемся.

— Ура! — закричал Мазур. — Сбылась моя думка о чарочке! — И побежал в хату Яцкевича.

Вышел он оттуда с солидной бутылью и гаркнул на всю улицу:

— Сюда, славяне! Махнем жизнерадостной сорокаградусной!

К нему потянулись продрогшие бойцы. Заткнув за пояс

трофейные рукавицы, Мазур обеими руками охватил посудину и прямо из горлышка снял пробу. Оторвавшись, довольно крякнул и заключил:

— Хороша водица… Так вокруг пупка и закружилась. К употреблению годна! Подходи, хлопцы!

Бережно, при свете приобретенных на шоссе электрофонарей с острыми прибаутками наливал Николай в кружки порции «святой воды». Каждого приложившегося наделял луковицей, ломтем хлеба.

Жители Острова проявили горячую заботу о партизанах: обогрели их и накормили. Труднее пришлось отделению Юрочки, охранявшему на улице перепуганных и замерзших пленных. Оно с большим трудом удерживало наседавших разъяренных жителей.

— Бей гадов! Чего с ними возиться! — кричал какой-то старик, протискиваясь вперед.

— Дух из них, извергов, вон!

— Больно уж мы добренькие. А они с нашим братом не церемонятся. Чуть что и пуля в лоб. Мы разве не люди?! — возмущался третий.

— Растерзать кровопийцев, и делу конец! — истошно вопила седая женщина, бросая в немцев первый попавшийся под руку ком снега.

— Граждане, граждане, ну успокойтесь! — оттеснял наступавших взволнованный Юрочка. — Не позволено законом убивать пленных.

— Детей жечь и заживо бросать в колодцы им дозволено?!

— Вешать, стрелять, морить люд голодом им тоже можно?!

— С нами они хуже, чем со скотом, обращаются, а мы с ними должны цацкаться?! — не унимались озлобленные жители.

Всю улицу запрудил народ. Все возбужденно обсуждали, некоторые кричали, размахивая руками, пробирались к пленным.

— Тебе, Иван Прохорович, надо обязательно выступить. Действуй. А я утихомирю народ возле Юрочки, — бросил на ходу командир отряда.

Собираться с мыслями было некогда. Встав на скамейку у забора, я громко крикнул:

— Товарищи! Внимание!

Но разгоряченные жители никак не могли умолкнуть.

— Тише, товарищи! Комиссар говорить будет! — подняв вверх автомат, что есть духа зычно возвестил разрумянившийся Мазур. Люди начали подходить поближе.

От имени командования и партизан я горячо поблагодарил жителей за их помощь и теплую заботу о партизанах. Потом рассказал об успешном начале великого наступления наших

войск на Волге, окружении там огромной гитлеровской армии, о невиданном мужестве бесстрашных советских воинов, громящих оккупантов в мороз и вьюгу в бескрайних приволжских степях.

— Немецко-фашистское командование принимает срочные меры для переброски на фронт все новых резервов. Поэтому задача всех советских людей, находящихся в тылу у немцев, максимально препятствовать этому. Мы, партизаны, а нас на оккупированной земле огромная армия, делаем все, чтобы побольше уничтожить гитлеровцев здесь, в его тылу. Вот и сегодня враг недосчитался почти сотни солдат, двух танков, около двадцати машин, много оружия и снаряжения. Это наш подарок фронту.

— Молодцы, партизаны… так их… — восторженно загудела толпа.

В это время в стороне железной дороги раскатисто прогремело два глухих, но сильных взрыва. Я сообщил людям, что это на «железке» наши подрывники взорвали гитлеровский эшелон… Это тоже вклад в дело победы…

— Ура! — крикнул кто-то, и над деревней понеслось неудержимое многоголосое «у…ррр…ааа!..».

— Смерть немецким оккупантам!

— Да здравствует победа!

И тут кто-то закричал:

— Растерзать гадов немедля!

— Нечего сволоту жалеть!

— Зуб за зуб! Смерть за смерть! Сейчас же к стенке их! — грозно раздавались негодующие крики.

Я видел, что еще немного, и колхозники кинутся на фашистов. Но этого нельзя было допускать. Я объяснил собравшимся, что есть закон — пленных не убивать. С ними, как с преступниками, разберется правосудие. А действовать методами гитлеровцев нам нельзя, не к лицу советскому человеку. Мы не фашисты.

— Фашистов жалеет, а еще комиссар! — вырвался из толпы ехидный крик.

— Ты брось комиссара задевать! — последовал властный окрик одного из колхозников. — Он из-за линии фронта партией прислан партизанами руководить, немцев бьет, рискуя жизнью, чтобы скорее освобождение пришло, а ты мелешь не знамо что!

Жители притихли, и, воспользовавшись этим, я твердо закончил:

— Расправляться надобно не с пленными, а с теми, кто еще с оружием в руках порабощает белорусскую землю. Вот поэтому мы зовем в наш отряд новых, смелых товарищей из Острова. Кто

хочет взять оружие, вливайтесь в наши ряды!

Распрощавшись с жителями деревни, партизаны построились и двинулись к лесу. Замыкала колонну группа молодых парней, возглавляемых учительницей Соней, получивших сегодня боевое крещение.

Прошедшая ночь нагнала на оккупантов немало страха. Забравшись в блиндажи и щели, гитлеровские солдаты во всех окрестных гарнизонах до утра строчили из пулеметов и непрерывно пускали ракеты. Во все концы помчались усиленные разъезды, патрули и карательные команды.

Что касается фашистов в Смолевичах и Борисове, то они всполошились еще с вечера. Дело в том, что за два дня до операции на шоссе и «железке» немцы решили собрать в смолевичском кинотеатре своих офицеров на какое-то совещание. Мы узнали об этом и поставили двум нашим партизанам задачу совместно с группой при подпольном райкоме партии подготовить взрыв здания. С помощью местных подпольщиков Лашука и Лученка заряд благополучно был доставлен в Смолевичи и уложен в огромную круглую печь кинотеатра. Сильный взрыв полуразрушил здание кинотеатра. Но, к сожалению, из-за какой-то ошибки это произошло тогда, когда зал уже был почти пуст. Хотя враг и не понес значительных потерь, но получил большой психологический удар.

Комендатура, гестапо и полиция — все заметались. Разгром большой автоколонны еще больше накалил обстановку. А диверсия на железной дороге буквально ошеломила немцев.

— Это не случайность, а цепь взаимосвязанных партизанских операций! — возмущенно орал по телефону смолевичский комендант. — Это ваш недосмотр, — упрекал он начальника гестапо.

— Простите, — прерывал тот, — но ведь вы давно хвалились, что ваши солдаты раз и навсегда покончили с партизанами в районе…

Густой снег, выпавший за ночь, надежно скрыл следы отряда. Гитлеровцам так и не удалось напасть на них.

Отряд с немалыми трофеями вернулся в лагерь на заслуженный отдых. Начальник штаба в журнале боевых действий записал:

> «На автомагистрали Минск — Москва в районе Белых Луж сожжено 22 грузовика и автобуса противника, подорвано два его легких танка, убито около 80 гитлеровцев, захвачены пленные, много оружия, различное военное снаряжение, медикаменты,

продовольствие. Отряд потерь не имел. Руководил операцией И. М. Демин».

Недавно созданный особый отдел отряда занялся допросом пленных. В штабе разбирали захваченные карты, приказы, письма. Мы с врачом Геней Рогенбоген заинтересовались небольшой книжицей со свастикой.

— «Памятка немецкому солдату. Помни и выполняй», — вопросительно посмотрела Геня на меня и Тарунова, переведя заглавие.

— Читайте, читайте. Нужно знать, как противник одурманивает своих солдат, превращая их в убийц и преступников, — сказал командир и тут же распорядился вызвать командиров рот, политруков, начальника штаба и разведки.

— Мерзавцы, звери! Это же памятка людоедов… — гневно воскликнула Геня, бегло пробежав текст. Ее глаза наполнились слезами, видно, она вспомнила о злодеяниях фашистов в лагере смерти в Тростенце под Минском и своих родных, истребленных гитлеровцами в минском гестапо.

Когда все собрались, командир сказал:

— Послушайте один из захваченных ночью документов.

Срывающимся голосом Геня начала читать:

— «1. Утром, днем, ночью всегда думай о фюрере, пусть другие мысли не беспокоят тебя. Ты должен только действовать, ничего не бояться. Ты, немецкий солдат, неуязвим. Ни одна пуля, ни один штык не коснутся тебя. У тебя не должно быть нервов, сердца, жалости — ты сделан из немецкого железа. После войны ты обретешь новую душу, ясное сердце — для детей твоих, для великой Германии. А сейчас действуй решительно, без колебаний.

2. На войне не нужны сердце и нервы. Уничтожь в себе жалость и сострадание — убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, — убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее твоей семье и прославишься навеки.

3. Ни одна мировая сила не устоит перед германским напором. Мы поставим на колени весь мир. Ты, немец, абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки. Как подобает германцу, уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоем пути, думай всегда о возвышенном, о фюрере и ты победишь. Завтра на коленях перед тобой будет стоять весь мир!»

— Это же не памятка солдату, а расистская проповедь разбоя и смерти… Вот она, коричневая чума… «Новый порядок» без

прикрас, — слышались по ходу чтения возмущенные реплики.

По моему распоряжению на следующий день «памятку» перевели на белорусский и русский языки, прокомментировали и размножили. Прочитав ее, партизаны и жители были потрясены. Это еще больше открыло им глаза на подлые замыслы врага.

Зима — самое тяжелое время для партизан. А она все настойчивее вступала в свои права. Белым одеялом покрылись леса, луга и поля. Крепкий мороз заковал в ледяную броню болота, реки и озера. Тусклое негреющее солнце едва светило. Гуляли ветры, бушевали метели.

Летом и осенью мы широко пользовались богатыми дарами природы. На полях были картофель и колосья ржи, на лугах — щавель, в лесу — множество грибов и разных ягод. Да и рыбу понемногу ловили. Большим подспорьем являлся весь этот подножный корм. Теперь мы его надолго лишились. Добыча теплой одежды, зимней обуви, заготовка продовольствия — от всего этого мы были освобождены летом. А нынче это были довольно сложные проблемы. Но никто не роптал. Все старались, придумывали, изобретали, комбинировали. Хлеб мы брали у немцев, а вот за соль, в которой испытывала нужду вся Белоруссия, мы очень благодарны Григорию Савельевичу Якимовичу и нашему связному-подпольщику Николаю Борисовичу Суше. Рискуя жизнью, он снабжал нас солью, а мы делились по-братски с соседними отрядами и местными жителями.

В стужу и оттепель, днем и ночью мы старались не терять впустую ни одного часа, ни одного дня. Каждые сутки спецгруппы уходили на боевые задания, и, как всегда, были у них и успехи и неудачи. Вести о боевых операциях отряда доходили до Борисова и Минска. Иногда они, эти вести, благодаря фантазии народа, горящего ненавистью к врагу, превращались в настоящие легенды. Что ж, это было неплохо, так как вселяло уверенность в людей, сеяло уныние в немецких гарнизонах, деморализовало полицаев и других предателей. Кстати говоря, и сами немцы в ближайших гарнизонах, не имея точных данных, обычно стремились преувеличивать наши силы. Это позволяло им оправдывать свои потери и неудачи.

Советские патриоты шли в отряд, и он рос как на дрожжах. Остановка была только за оружием. Из-за нехватки оружия мы были вынуждены впоследствии на время даже ограничить прием людей в партизаны.

В отряд вливалось много преданных, решительных и отважных людей. Особенно мне запомнился приход группы подпольщика лейтенанта Ивана Тимофеевича Фоминкова.

С этим мужественным и храбрым человеком я впервые встретился в жаркое лето 1942 года на партизанской тропе под городом Борисовом. Я с группой партизан пробирался к железной дороге, а он со своей комсомольской группой подпольщиков — на автомагистраль. На восемь человек у них было четыре винтовки, три топора и две пилы. Кто-то из нас с тревогой заметил:

— Магистраль забита транспортом и солдатней противника, а вы идете туда с четырьмя винторезами да тремя топорами.

Иван Тимофеевич понимающе улыбнулся на это и произнес:

— У нас имеется еще секретное оружие под названием эс-эс-эс.

Мы недоуменно переглянулись. Острый глаз Ивана Тимофеевича заметил это.

— Три эс-эс-эс, — пояснил Фоминков, — значит, смекалка, смелость и стремительность. Это оружие надежно, оно нас никогда не подводило.

Мы договорились о месте встречи в лесу после выполнения задания. При встрече группа Фоминкова теперь уже имела на вооружении пять винтовок, немецкий автомат и пистолет парабеллум.

— Столбов телеграфных десятка два спилили и легковушку в кювет свалили. Пассажиров из нее вытряхнули, а оружие и документы с собой захватили, — сообщил Фоминков.

По нашей просьбе Иван Тимофеевич рассказал о себе: родился на Смоленщине, в деревне Подлипки Всходского сельсовета Угранского района. Как и все его сверстники, учился в школе, потом в военном училище в городе Минске, после — служба в частях Красной Армии в Западной Белоруссии. Войну встретил под Минском. Контуженный, он оказался на оккупированной территории. Только встав на ноги, коммунист Фоминков возглавил подпольную комсомольскую организацию в деревне Бабий Лес Смолевичского района, в которую входили комсомольцы Николай Сорока, Михаил Лютаревич, Сергей Ковалевский, братья Константин и Николай Силичи и Алеша Карбанович. Обожженный огнем трех войн, лейтенант Фоминков быстро передал свой боевой опыт и знания молодежи и поднял ее на борьбу с врагом. Молодые патриоты жгли вражеские автомашины, спиливали телефонные столбы вдоль автомагистрали, регулярно выводили из строя узкоколейку, истребляли живую силу противника. Это они под руководством Пети Шиенка переправили с Игнатом Силичем десятикилограммовую мину в гарнизон Высокие Ляды и при активном участии истопника-подпольщика, казаха Аскерова взорвали баню вместе с оккупантами и их пособниками. Около

сорока врагов было истреблено. Комендант гарнизона объявил награду за голову Аскерова, ушедшего в отряд после взрыва. Из отряда Аскеров ответил в гарнизон коротко: «Трепещите, гады! Я вас пока только слегка попарил, весь жар его впереди!»

Фоминков решительно не хотел больше оставаться в деревне и прибыл в отряд со своей боевой группой из пяти человек, вооруженных винтовками.

— Я член партии, поймите вы это. Я больше не могу сидеть дома и, только изредка подковывая ваших лошадей, делать ежи-колючки и раз в месяц ходить в Минск. Мое место в строю, с автоматом, — страстно говорил он. — Не возьмете к себе — уйду в отряд «Дяди Коли» или создам свой. Я должен воевать, а не отсиживаться. Бить врага — это мой долг, мое право.

Мы удовлетворили просьбу лейтенанта Фоминкова и не ошиблись в нем. С первых же дней Иван Тимофеевич проявил себя бесстрашным воином-партизаном, грозой для оккупантов…

Наряду с пополнением из деревень в отряд потянулись подпольщики из городов и гарнизонов, чтобы установить связь и получить помощь в организации борьбы против оккупантов на местах. В этом важную услугу им оказали наши первые разведчицы-связные Надежда Троян, Шура Казак, Галя Трифонова, Ирма Лейзер, Лида Кирильчик, Тося Спопотова, Ядвига Саричева.

Пионером в этом деле была семнадцатилетняя комсомолка Шура Казак из деревни Шпаковщина. Александра Ивановна Казак (ныне работает учительницей в городском поселке Жодино) выполняла весьма ответственные задания по связи с Минском почти восемь месяцев — с трудной осени 1942 и до лета 1943 года. Маленькую Шуру, на вид хрупкого подростка, можно было видеть шагающей по автомагистрали, сидящей на попутной телеге и даже мчавшейся в легковой автомашине среди гитлеровцев. Как видно, оккупантам и в голову не приходило, что рядом с ними сидит понимающая немецкую речь всевидящая и всеслышащая юная партизанская разведчица, а в ее сумке запрятаны магнитные мины, антифашистские листовки или же разведматериалы, планы, карты, медикаменты, боеприпасы для отряда. Однажды (это было в марте 1943 года) наша Шура вернулась из Минска в тот же день, когда и ушла в город, хотя ее задание было рассчитано на несколько дней. Оказывается, выйдя на автостраду возле Смолевичей, она пристроилась к группе стоявших там гитлеровских офицеров и сказала им, что едет к родственникам в Минск. Те остановили проходивший автобус и взяли ее с собой. В автобусе уже находились офицеры высоких рангов. Они, не обращая внимания на вошедших, продолжали

обсуждать между собой предстоящую в апреле карательную операцию против нашего отряда. Хотя Шура поняла не все, но в главном разобралась. Досрочно возвратившись в отряд, она доложила о планах гитлеровцев.

Накануне сурового 1943 года отряд установил тесный контакт с патриотами, работавшими на минском хлебозаводе «Автомат», выпекавшем хлеб для фронта и оккупантов, окопавшихся в городе. Совместными усилиями отряда и патриотов на заводе была создана подпольная группа, в которую входили Данила Рачицкий, Михаил Зубко, Андрей Знак, Михаил Когут, Алексей Леончик (Шелестов), Антон Ивашкевич, Михаил Павлов, Елена Янушкевич — всего двенадцать человек. Связь с руководителями подпольщиков отряд поддерживал через смелую и бесстрашную патриотку Нину Романову — сестру Елены Янушкевич.

По заданиям командования группа добывала и переправляла в отряд биржевые карточки, пропуски в город Минск и для выхода из города, бумагу, медикаменты, а также деньги и другие ценности для отправки за линию фронта.

Прошло время боевой выучки, и минским подпольщикам мы стали давать задания по сбору разведывательных сведений и организации диверсий. Так, например, по накладным для получения хлеба определяли количество и маршруты продвижения немецких частей через Минск, устанавливали части и спецслужбы в городе, их расположение. Подпольщикам поручали разведывать систему противовоздушной обороны и возведенных укреплений, характер сооружений и назначение, выявлять пособников врага…

Остальные товарищи распространяли листовки, звавшие к борьбе, и вести с Большой земли.

Учитывая, что завод «Автомат» имел важное значение в снабжении гитлеровцев хлебом, было принято решение поручить подпольщикам вывести его из строя. Выполнить эту задачу приказали Рачицкому и Когуту. Не без трудностей переправили взрывчатку и мину. И вот в двенадцать часов дня сильный взрыв потряс здание. Завод остановился…

Исполнитель Когут успел вовремя скрыться, но из-за промедления Даниле Рачицкому уйти не удалось. Его схватили при выходе с территории завода, вместе с ним Алексея Тишковца, Гуриновича и нескольких работников столовой. Из числа арестованных, кроме Данилы, никто ничего о подпольщиках не знал, и вскоре почти все они были освобождены: нужны были рабочие руки для ликвидации диверсии. Вернувшийся на завод Алексей рассказал:

— Страшно пытают Рачицкого. Измордовали парня до неузнаваемости. Но он держится героем.

Через два дня патриот погиб при отчаянной попытке вырваться из фашистского ада. После диверсии, всколыхнувшей весь Минск, почти все члены подпольной группы были выведены в лес, где приняли участие в составе отряда в боях против захватчиков. На заводе оставался до 22 февраля 1944 года Антон Иванович Ивашкевич. После ареста патриот мужественно перенес лагеря смерти в Освенциме, Маутхаузене и Заксенхаузене. В апреле 1945 года под городом Шверин бежал при перевозе, потом служил в Советской Армии. В настоящее время работает в городе Ставрополе.

С ноября 1942 года в районе значительно активизировало свою деятельность партийное и комсомольское подполье. Во главе созданного подпольного райкома партии был поставлен хорошо знавший людей и местные условия Григорий Демьянович Довгаленок. В северной части района находились также члены бюро райкома партии Санкович и автор этих строк.

Подпольный райком комсомола возглавлял замечательный комсомольский вожак, скромный и неутомимый Дмитрий Васильевич Леля. Под его руководством самоотверженно трудились в райкоме Ольга Петровна Устинович, Владимир Егорович Сухоцкий, Кира Корнеевна Осипова. С подпольным райкомом комсомола повседневную связь поддерживали комсомольские вожаки отряда «Смерть фашизму» Соня Ломако, Алексей Аксенов, Шура Казак и другие.

Под руководством партцентра Борисовской зоны, партийного и комсомольского комитетов района политработники, коммунисты и комсомольцы отряда осенью 1942 года заметно оживили пропаганду и политико-массовую работу среди населения и партизан.

Я хорошо помню, какую громадную роль играла наша печать и живое слово партии коммунистов в напряженные дни Великой Отечественной войны, особенно в глубоком вражеском тылу.

Миллионы советских людей, оказавшихся на оккупированной территории, были лишены правдивой информации о положении страны и событиях на фронтах. На всех площадях и скверах городов через мощные репродукторы геббельсовские пропагандисты крикливо восхваляли «новый порядок», умалчивая, конечно, о том, что этот «порядок» таил в себе смертельную опасность для каждого советского гражданина. Нагло трубили они и о «разгроме» Красной Армии, и о том, что Москва и Ленинград «стерты с лица земли». Пропагандистская

машина оккупантов держалась на силе оружия, терроре, дезинформации, клевете и провокациях.

Советские патриоты, оставшиеся на оккупированной территории, считали жизненной необходимостью противопоставить лживой фашистской пропаганде слово партийной правды, какой бы тяжелой она ни была. Основными формами политической работы подпольных партийных и комсомольских организаций в массах были устное слово и распространение рукописных листовок, обращений и воззваний, призывающих к борьбе с врагом всеми доступными средствами.

До прибытия нашего отряда в район этим делом занимались товарищи, базировавшиеся на Палике. Несколько слов о делах этих энтузиастов: политработника Б. Г. Бывалого, В. И. Ничипоровича, Н. П. Покровского, В. С. Пыжикова и других. Уже в начале 1942 года перед патриотами встал вопрос о создании типографии и издания в ней газет, брошюр, листовок, плакатов; рукописные выпуски не удовлетворяли спроса.

В Борисовско-Бегомльской зоне это удалось сделать в сентябре — октябре 1942 года партизанской бригаде «Старик», которой командовал уже известный читателю коммунист В. С. Пыжиков.

В район расположения бригады на хутор Старина прибыли посланцы ЦК КП(б)Б и Белорусского штаба партизанского движения — руководители Борисовского межрайкома партии и военно-оперативного центра. Они же принесли по горсточке шрифта, верстатку, несколько линеек и шпон. Но нужны были касса, печатный станок, уголки для набора шрифта, молоток и плашка для выравнивания набора, наконец, типографская краска.

Необходимое оборудование для типографии сделал столяр Иосиф Рачковский из партизанской деревни Пострежье. Среди партизан оказался бывший наборщик Маловишерской типографии Виктор Кондратьев. Комбриг соседней бригады «Народные мстители» В. Т. Воронянский выделил имевшихся в бригаде печатников Шапиро и Иоффе.

В октябре мы начали получать из бригады «Старик» листовки, разоблачавшие лживую фашистскую пропаганду и призывавшие население саботировать мероприятия немецких властей и развертывать партизанскую борьбу всеми возможными средствами, информировавшие население и партизан о положении на фронтах.

В это же время мы начали получать ежедневные листовки «Вести с Родины» по материалам Совинформбюро.

А в день празднования XXV годовщины Великого Октября вышел первый номер партизанской газеты «Народный мститель».

Важными мобилизующими документами в борьбе с фашизмом были перепечатанные нами приказы Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

С начала 1943 года паликовской типографией печатались газеты подпольных райкомов КП(б)Б: «Ленинец» — орган Плещаницкого РК КП(б)Б, «Смерть фашизму» — орган Смолевичского РК партии и нашей бригады, «Красное знамя» — Холопеничского, «Чырвоны хлебароб» — Толочинского райкомов партии. Были изданы первые номера газет Борисовского и Бегомльского подпольных райкомов.

В выпущенных типографией двух номерах комсомольско-молодежной газеты Борисовского межрайкома комсомола был опубликован рассказ писателя В. Лидова «Таня» о героическом подвиге комсомолки Зои Космодемьянской.

Была также отпечатана и распространена среди населения и партизан брошюра «Партизанская война в Белоруссии» и другие пропагандистские материалы.

В конце 1942 года из бригады «Старик» к нам обратились за помощью: один наборщик не мог выполнять возросший объем работы типографии. Мы вывезли из гарнизона Косино наборщика Андрея Апановича и направили его на Палик. Много риска и настойчивости проявили наши связные, доставлявшие в Минск и другие города листовки, а оттуда — бумагу, краску для типографии.

Сознавая важность и силу печатной пропаганды, командование нашего отряда совместно с партийной и комсомольской организациями района зимой 1943 года поставили задачу создать свою типографию и организовать выпуск печатного органа РК КП(б) и нашего отряда. Много энергии, инициативы и упорства в добывании шрифта, типографской краски, бумаги, изготовлении матриц и создании базы издательского дела в целом проявили товарищи Г. С. Якимович, В. М. Бочаров, В. Бондарчук, В. И. Бондарева, наборщик В. Сопотов. Клише заглавия газеты «Смерть фашизму» и листовок «Вести с Родины», изображавших взрыв на «железке» и штурм опорного пункта противника, мастерски изготовил партизан-художник Иван Шагойка.

В выпуске газеты и листовок «Вести с Родины» большую роль играли наши неутомимые радисты Володя Тарасов, Валентина Торопова, а также радист москвич из группы разведупра Володя Миронов. Они в любых условиях обеспечивали редакцию необходимой информацией с Большой земли.

Неоценимую помощь оказывали редакции и комсомольцы-подпольщики Лида и Костя Кирильчики, Оля Савицкая,

подпольщики Смолевичей, Минска, Борисова, снабжавшие типографию весьма дефицитными бумагой и типографской краской. Ежечасно рискуя своими жизнями, они и сотни других безымянных патриотов выполняли задачу большой важности.

За весь период в типографии отряда-бригады было выпущено 58 номеров газеты «Смерть фашизму» общим тиражом 20 тысяч 800 экземпляров; 337 номеров «Вестей с Родины»; воззваний и других листовок общим тиражом свыше 50 тысяч экземпляров.

Передо мной копия отчета бригады за 1943-й и январь — февраль 1944 года. В разделе о печати бригады значится:

> «В основном перед печатной пропагандой ставятся задачи доносить до сведения широких масс населения оккупированной немцами территории успехи Красной Армии на советско-германском фронте, известия о крепнущем союзе прогрессивных народов в борьбе против гитлеровской тирании, будить в народных массах уверенность в неизбежной победе Красной Армии и вовлекать широкие слои населения во всенародную партизанскую войну против немецко-фашистских захватчиков…»

В типографии напечатали также брошюры «Доклад И. В. Сталина на торжественном заседании Моссовета 6 ноября 1943 года», «Приказ Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 23 февраля 1944 года».

В 1943—1944 годах были изданы листовки на злобу дня: «За все ответят фашистские мерзавцы» (500 экз.), «День Победы приближается» (500 экз.), «Укрывайтесь в леса, уходите в партизанские районы» (300 экз.), «Людей гонят немцы на смерть» (500 экз.), «Обращение товарища Сталина И. В. к белорусскому народу» (800 экз.), «Что нужно делать?» (600 экз.), «Ко всем, кто служит немцам» (300 экз.), «О чудовищных злодеяниях немцев в Катынском лесу» (400 экз.), «Фашистская клевета о партизанском движении» (ответ на «показания» Русанова) (260 экз.) и другие печатные материалы.

Среди активных сеятелей, большевистского слова в массах, зовущего к оружию и борьбе, хочется особо отметить бесстрашного патриота из деревни Прилепы Нехайчика Алексея Фомича, который, рискуя своей головой и жизнями всех членов семьи, почти полтора года бесперебойно доставлял наши печатные пропагандистские материалы в город Минск.

Повседневная политико-патриотическая работа среди населения и в подразделениях вызвала приток новых сил в наши ряды, подъем активности подпольщиков в Минске, Борисове,

Смолевичах, Логойске, значительное повышение результативности боевых операций.

Правдивой и понятной простым людям пропаганде, проводимой в тылу врага партийными и комсомольскими организациями, политическими аппаратами партизанских отрядов и бригад, оккупанты настойчиво стремились противопоставить свою пропаганду. Гитлеровцами активно использовались для антисоветской обработки населения националисты разных мастей, дезертиры и предатели. Однако предпринимаемые оккупантами усилия по воздействию на население оказались тщетными.

> «Уже с самого начала войны, — пишет западногерманский историк Эрих Хессе, — действия немцев на оккупированной территории давали советской пропаганде эффективный и в большинстве случаев неопровержимый пропагандистский материал. Советский тезис, утверждавший, что над народом вновь установилось феодальное господство с убийствами, виселицами, лагерями, нельзя было опровергнуть»[9].

Что правда, то правда. Но дело, конечно, не только в этом…

Командование бригады[10], партийная и комсомольская организации проявляли постоянную заботу об идейной закалке лесных гвардейцев. Мы исходили из того, что коммунистическая убежденность — это неодолимая сила, грозное оружие в борьбе за Отчизну.

Партийно-массовую работу в отрядах проводили политработники, отрядные партийно-комсомольские организации и агитколлективы. В первом и втором отрядах было по 20 агитаторов, в третьем — 12, в четвертом — 9. Как отмечено в отчете бригады, лучшим был агитколлектив отряда имени Кутузова (комиссар Лихтер Я. Б.). С агитаторами бригады два раза в месяц проводились инструктажи. В работе использовались преимущественно такие формы, как беседы, политзанятия. Тематика бесед и занятий: об исторических датах Родины, успехах Красной Армии на фронтах, о патриотизме, воинской дисциплине, международном положении, зверином облике фашизма.

В помощь агитаторам для работы среди личного состава и на селе были разработаны темы: «Близок день нашей победы», «20 лет без Ленина по ленинскому пути» и другие.

Большую роль в политико-воспитательной работе среди партизан и населения играли партийные и комсомольские организации. Парторганизация бригады насчитывала 65 членов и

кандидатов в члены ВКП(б), комсомольская — 206 членов ВЛКСМ. Коммунисты и комсомольцы были всегда впереди. Показывая образцы героизма, 22 коммуниста и 51 комсомолец отдали свои жизни за Отчизну. Здесь уместно напомнить, как закладывались комсомольская и партийная организации отряда. Из-за линии фронта прибыло всего 4 коммуниста и 15 комсомольцев.

В целях активизации боевой деятельности, повышения дисциплины и организованности широко практиковался метод соцсоревнования между отрядами, ротами, взводами. Отряду-победителю вручалось переходящее Красное знамя «Победителю социалистического соревнования», а в ротах — взводам отрядные переходящие знамена. Победители соревнования заносились на доски Почета, которые обновлялись ежемесячно по подведению итогов соцсоревнования. Итоги объявлялись приказом по отряду, а потом и по бригаде.

Боевые операции, потребовавшие от партизан проявления мужества, стойкости, героизма заносились в «Книгу подарков Родине» с описанием события.

И вот результат: в ноябре 1943 года подбито и уничтожено 72 автомашины противника, в декабре — 102, в январе 1944 года — 163…

Почти все партизаны ежедневно выходили на задания. Одни группами по пять-семь человек пробирались с минами к железной дороге и там совершали диверсии. Другие из засад громили автоколонны противника на автомагистралях и уничтожали его наземную и подземную связь, а третьи срывали лесозаготовки, отрезали путь оккупантам к селам.

В каждодневной тяжелой борьбе с врагом не отставали от юношей и наши славные девушки-партизанки. Вспоминается мне подвиг комсомолки Маруси Ободовской.

Небольшой группе в составе Пети Шиенка, Маруси Ободовской, Воробьева и трех других партизан было приказано спилить дюжину столбов телефонной связи вдоль автострады восточнее поселка Жодино. Как доложили потом в штабе, в пути кто-то сказал:

— Столбы спилить — дело не новое. Вот придумать бы такое дельце, от которого при одной мысли немцев в дрожь бросало бы!

Много обсудили они вариантов, каждый фантазировал как только мог. Наконец остановились на предложении Воробьева — уничтожить связь, а потом…

У Пети Шиенка как подрывника оказался при себе взрыватель натяжного действия, а у Воробьева — припрятанный снаряд возле деревни Остров. Выполнив приказ, группа переместилась ночью примерно на три километра западнее и, заминировав шоссе, расположилась в ожидании легковой машины. Партизанам явно не везло: проходили всевозможные грузовики, но легковых машин не было. Перед рассветом группа сняла свою мину-снаряд и удалилась на дневку в лес. Днем у ребят созрел новый план — подорвать машину на исходе дня, так как ночью не видно, с кем имеешь дело. Подобрали место с глубоким кюветом. Нерешенным

остался вопрос, как вынести снаряд на автостраду, заполненную транспортом противника.

Примерно за час до наступления темноты группа пробралась к автостраде и залегла в сосновых зарослях. Через считанные минуты справа от партизан на автостраде появилась Маруся Ободовская с детской коляской, заполненной доверху кочанами капусты. Под ними лежал аккуратно сложенный шнур-моток телефонного провода, прикрепленный одним концом к чеке взрывателя. Машины проносились рядом, обдавая Марусю волнами холодного ветра. Маруся катила коляску с таким видом, будто рядом не было заклятых врагов. Поравнявшись с группой, она остановилась, осторожно извлекла из коляски шнур, отмотала несколько витков и бросила его в кювет. Потом не спеша спустилась с насыпи, взяла конец провода в руку и спокойной походкой направилась к сосновым зарослям.

— Молодец, Маруся! — похвалили ее товарищи, дрожавшие в засаде от холода и от волнения. Основная трудность была преодолена — 152-миллиметровый снаряд находился на автостраде.

В обе стороны сновали на грузовиках фашисты, не обращая внимания на сиротливо стоящую детскую коляску. Постепенно ее заносило снегом. С каждой минутой небо все больше тускнело. Партизаны до слез всматривались в проходивший мимо транспорт, но желаемая цель так и не появлялась.

Мороз крепчал, и ждать дальше было невмоготу. Шиенок приказал группе отползать назад и укрыться за соснами, а сам взялся за обледеневший шнур. К мине приближалась колонна крытых грузовиков, следовавших на восток. Они двигались по обледеневшей ленте шоссе медленно, с натужным ревом. Длинные кузова были битком набиты гитлеровцами. Петя решил подорвать предпоследний грузовик, так было безопаснее.

С грохотом над автострадой взвился красно-черный смерч. Вздрогнул лес, прошитый осколками. Когда развеялось облако дыма и снега, на автостраде не было видно ни коляски, ни двух грузовиков, замыкавших колонну. За спиной у Пети раздался топот. К нему бежали его друзья.

— Вы куда, черти? — прокричал он.

— За трофеями, — последовал ответ.

— Отходить! За мной! — приказал Петя и поспешил в глубь леса. Вскоре на автостраде застрочили немецкие автоматы. Пальба не утихала до поздней ночи.

Когда группа приблизилась к деревне Остров, впереди вдруг появилась одинокая фигура.

— Кто идет? — окликнул Шиенок.

— Свои. Мне нужно видеть вашего комиссара, — прозвучал в ответ грудной женский голос.

Маруся Ободовская тут же узнала незнакомку и бросилась к ней:

— Здравствуй, Катя! Ты что здесь делаешь в такое ненастье?

— Иду в отряд, — последовал ответ.

Это была Катя Мальцева, сестра Пети Мальцева. На следующее утро она рассказала в штабе о встрече со своим братом, работавшим на водокачке в Смолевичах, но отстраненном от работы по неизвестным причинам. Сказала и об опасности для нее оставаться в деревне. Катя просила взять ее в отряд.

— Что же вы будете делать у нас без оружия? — спросил Катю командир отряда.

— Сначала добуду оружие, а потом буду бить оккупантов, — не задумываясь ответила Катя. — Прошу с первой же группой направить меня на боевое задание. Пойду без оружия, а там будет видно.

Командир распорядился включить Катю в группу лейтенанта Фоминкова, отправлявшуюся в засаду на шоссе Логойск — Минск. В ходе боя она захватила винтовку и из нее уничтожила двух гитлеровцев. Это было ее первое боевое крещение.

Потребность в динамите выросла настолько, что нам пришлось создать отдельную команду опытных подрывников, которая тем только и занималась, что разыскивала снаряды и невзорвавшиеся авиабомбы, обезвреживала их и передавала в подразделения. Среди умельцев по обезвреживанию бомб хочется назвать подрывника и бесстрашного стрелка из ПТР Ивана Степановича Мархеля и немца-антифашиста Курта Ланге. Добытую взрывчатку партизаны использовали изобретательно и экономно. Непревзойденным мастером по замысловатым «сюрпризам», скромным по затратам, но эффективным по результатам, слыл у нас комсомолец Василий Евсеевич Лаврухин. О нем и некоторых его делах расскажу подробнее.

Лохматые снежные тучи заволокли небо. Позже обычного пробивался слабый рассвет. Дозорные, поглубже зарывшись в окопчик у кладбища у Заречья, сильно продрогли. Морозный ветер, дувший со стороны покрытого льдом болота, точно огнем, обжигал лицо Урупова, одного из дозорных. Вдруг послышался отдаленный конский топот. Партизан насторожился.

— Слышишь, Николай, кого-то несет спозаранок, — проворчал Урупов, толкнув дремавшего Мазура.

Сухо щелкнул затвор пулемета, из-за надгробной каменной плиты высунулась лохматая шапка-ушанка Мазура. Еле слышный

вначале топот быстро нарастал, становился отчетливым. Наконец на дороге показался всадник. Заметив человека у пулемета, он резко осадил коня.

— Не спеши, дура, раньше батьки в пекло, — спокойно сказал Мазур. — И не вздумай удирать, перережу одним махом! — угрожающе добавил он, не отрываясь от ручного пулемета.

— Смотри, как бы я тебя раньше не резанул! — смело бросил в ответ незнакомец.

— Ишь какой горячий! — одобрительно заметил Мазур.

— Если полицаи, живым не сдамся! — крикнул всадник, сжимая оружие.

— Мы партизаны, а ты кто?

— Партизан-одиночка Василий Лаврухин! — громко ответил всадник. Посиневшие руки крепко вцепились в немецкий автомат. Из-под ремня торчали длинные деревянные ручки двух гранат.

Бойцы переглянулись, и Урупов спросил:

— Откуда пожаловал, браток?

— Из Косино.

Партизаны еще больше насторожились, ибо хорошо знали, что бывший совхоз «Косино» стал опорным пунктом оккупантов и полицаев.

— Что ж, парень, слезай, гостем будешь, — пригласил его как ни в чем не бывало Урупов. — Смена подойдет — проведем в штаб.

Лаврухин лихо соскочил, привязал скакуна к толстой березе, подошел, присел, достал из кармана туго набитый кисет и не торопясь стал закуривать:

— Вы из отряда «Смерть фашизму»?

— Возможно, и так, — ответил Мазур, приседая рядом с Лаврухиным.

— Порядочек! Закурим, — подошел Урупов. Протягивая руки как бы за кисетом, он рванул из рук Лаврухина автомат. Парень, как ужаленный, вскочил, попятился и, выхватив гранату, крикнул:

— Вы что, полицаи?

— Тише ты, перец! — громко, но незлобиво осадил его Мазур. — Полицаи так не цацкались бы с тобой. Остынь.

— Не бойся, партизаны мы, — подтвердил Урупов. — И если ты настоящий партизан — не обидишься. В штабе разберутся.

Спокойствие и уверенность, а главное, что ни один из партизан не схватился за оружие, убедили Василия, что он попал к своим. Он заулыбался.

— Чего ж ты тогда рванул у меня автомат, как у какого-нибудь бандита? — покосился он в сторону Урупова. — Или вы не видите, кто перед вами?

— Видеть-то мы видим, а только проверить лишний раз не мешает. Ведь ты откуда привалил к нам, а? То-то же! Нет, брат, ты уж потерпи, придет смена, в штабе разберутся что к чему.

Через полчаса его доставили в лагерь. Сидя в штабной землянке на еловой колоде перед Василием Федоровичем, мной, Кисляковым и Соляником, Лаврухин заметно волновался: то теребил треух, то отбрасывал с высокого лба длинные пряди русых волос. А из-под широких бровей глядели умные упрямые глаза.

— В 1939 году взят в армию, — докладывал он, — служил рядовым в 109-й дивизии, а потом сапером. На фронте с первого дня войны истреблял танки. В Белоруссии в бою под Минском тяжело ранило осколками снаряда в голову, руки и ногу. Сельские ребятишки обнаружили еле живого, колхозники затащили в деревню Боровцы и спрятали в погребе. Вылечили. Окрепнув, связался с патриотами на местных торфоразработках. Помогал жечь мосты, и сам жег, рвал линии связи. Однажды гитлеровские шпики выследили одного из подпольщиков и схватили его. Узнав об этом, я бежал из деревни в лес. Пробродил трое суток, голодал, замерзал. В поисках партизан забрел в Косино и там «временно», до встречи с партизанами, «прижился». Пообвыкнув, снова тайком уходил по ночам на шоссе и, действуя уже в одиночку, взрывал вражеские машины, мосты, нападал на одиночных немцев.

— Где же ты брал взрывчатку? — заинтересовался Василий Федорович, которому Лаврухин сразу пришелся по душе.

— Так я же сапер, товарищ командир! Находил в лесу мины, снаряды и пускал в дело.

— Ну и много ли ты натворил дел? — не вытерпел новый начальник штаба отряда Кисляков.

— Хвалиться особо нечем, — ответил Лаврухин. — Малых мостков пяток сжег, пару машин на минах взорвал да семерых фрицев прикончил. По одному. Вот пока и все…

— Не так уж мало для одного, — похвалил командир отряда.

— А не трудно было воевать в одиночку? — спросил я у Лаврухина.

— Очень трудно, товарищ комиссар. Ни поговорить, ни посоветоваться, а ранят — и подобрать некому. Да я бы давно пришел к вам, если бы не этот гад, косинский комендант Вилли Куш. Ведь это он виноват в уничтожении жителей поселков Сарнацкое и Прилепы. Я, как узнал, сразу решил: убью негодяя, и не пулей, а взрывом, так, чтобы и потрохов от него не осталось, чтобы на всю округу разнеслась весть об этом. Так он же, гад, словно догадался. Встретил меня на днях и спрашивает: «Скоро

уйдешь в партизаны?» А я сдуру взял и шутя ляпнул: «Пока не собираюсь, а как только надумаю, то не уйду, а уеду на вашем жеребце, господин комендант». Сказал и закаялся, думал, схватит. Нет, только рассмеялся, Ну а я все же понял, что дело дрянь, подкрался ночью к его конюшне, кокнул часового, сорвал замок с двери, вскочил на жеребца — и к вам. Но я еще доберусь до него, все припомню и ему, и его дружку логойскому коменданту Андре Фюрстеру.

Мы оставили Василия Лаврухина в отряде.

Бежали неспокойные дни. Все рассказанное им подтвердилось. К этому времени Василий прочно вошел в нашу дружную семью, ни одной ночи он не оставался в лагере. Вместе с подрывниками пускал под откос вражеские эшелоны, минировал шоссейную дорогу Минск — Москва, участвовал в боях, засадах. Все время рвался в Косино, чтобы расправиться с комендантом. Но ему пока не разрешали.

Василий высоко ценил силу коллектива, но стремление действовать в одиночку так и не покидало его. Примерно за неделю до Нового года мне доложили, что с Николаем что-то неладно: перестал шутить, уединяется и о чем-то задумывается. Вызвал его к себе.

— Я уже сам хотел идти к вам, товарищ комиссар. Скажу по секрету, я не дурачусь, а заела меня думка послать новогодние «подарки» комендантам Логойска и Косино. Голова идет кругом, товарищ комиссар, но ничего дельного никак не придумаю, — пожаловался он.

Партизанам тоже хотелось сделать новогодний «сюрприз» ненавистному логойскому коменданту — Андре Фюрстеру. Ему надо было отомстить за сожженные и разграбленные Кормшу и Ляды, за массовые расстрелы. Но, боясь нас, комендант почти не покидал гарнизона. А уж если выезжал, то с большой охраной. Это был злобный и коварный враг. Если к нему попадали люди, заподозренные в связях с партизанами, то уж тогда садист изощрялся в истязаниях. Кроме того, он лично участвовал в массовых казнях и расстрелах. Партизаны давно решили уничтожить также и другого палача — коменданта Вилли Куша. Но и этот гитлеровец был осторожен, как гиена.

В общем, мы хорошо понимали, что оба матерых гитлеровца могут клюнуть только на что-то не вызывающее никаких подозрений.

Обо всем этом я и сказал Лаврухину. В разговоре я почему-то вспомнил историю с троянским конем и кратко поведал об этой хитрости древних греков Васе.

— Здорово придумано, — восторженно воскликнул он. —

Однако нам-то от этого не легче, ведь у них был здоровенный конь, а у нас что? — безнадежно махнул он рукой.

— У каждого свое… Хитрости не повторяются. У них был конь, а у нас… 152-миллиметровый снаряд и 100-килограммовая бомба… — заметил я.

— Понял, товарищ комиссар, все понял. Нет, это же здорово получится! Пристрою снаряд на санях так, чтобы взрыватель сработал от вожжей: натянул — и взрыв. Да запрягу комендантского жеребчика, подведу поближе к Косино, пугну его посильней, и дело с концом. Конь помчится домой галопом. Комендант увидит, обрадуется, дернет за вожжи и — будь здоров… А вот что придумать для Фюрстера?..

Стали мы советоваться, как разделаться с комендантом логойского гарнизона. Я вспомнил, что в Логойске у коменданта есть склад «трофейного» партизанского оружия, нечто вроде музея, который Фюрстер демонстрирует высшим чинам, которые изредка навещают местечко.

— Вот бы так устроить, чтоб авиабомба была водворена в музей как экспонат и там взорвалась, — мечтательно говорил Вася. — А если… — задумался вдруг Лаврухин, — а если незаметно вмонтировать туда взрыватель замедленного действия? Придумал! — воскликнул он, весь просияв.

Два дня Лаврухин колдовал над снарядом и авиабомбой. Только я и начальник разведки Чуянов, познакомивший Васю с расположением немцев в Логойске, знали, где и что он делает. На третьи сутки Вася явился ко мне за взрывателем.

— К вечеру будет все готово…

— Умеешь пользоваться-то им? — спросил я.

— Могу, ведь сапером-подрывником был. Только скажите, чей он, наш или английский?

— А что? — поинтересовался я.

— Для уверенности спрашиваю. Свой не подведет. А с ихним может случиться такая же петрушка, какая получается и со вторым фронтом… Будешь ждать, а он если и сработает, так с опозданием.

— Можешь успокоиться: взрыватель наш и не подведет. Но как ты его пристроишь, чтобы немцы не обнаружили?

— Ничего, подумаю и пристрою…

В ночь на 30 декабря Лаврухин отправился на Логойское шоссе. Лохматая лошаденка трусцой плелась по рыхлому снегу. Понукая ее, Василий вглядывался в ночную темноту.

В темном зимнем небе ярко горели звезды. Вася ежился от двадцатиградусного мороза, засовывая застывшие ноги глубже в сено.

Не доезжая до деревни Мачужичи, разбросавшей свои приземистые избы чуть поодаль от шоссе, Лаврухин остановился у небольшого моста, с трудом вывалил из саней шестипудовую авиабомбу на снег, отвел коня за горку. Вернулся. Столкнул бомбу вниз по откосу. Она зарылась в глубокий снег. Утопая в сугробе, Василий нащупал ее, обхватил и стал поднимать. Но скользкая, непомерно тяжелая для одного человека громадина вырывалась из рук, падала, придавливая ноги. «Что же делать?» — растерянно думал он.

Решив, что всему причиной обледеневшие рукавицы, он снял их, ухватился за металлический корпус мокрыми от пота руками, но, вскрикнув, тут же отдернул: лоскутки кожи остались на металле, из рук начала сочиться кровь. Лаврухин со злостью плюнул, выругался, надел рукавицы, сбегал к саням за веревкой. Обмотав бомбу, он забросил один конец веревки на перила моста и, упираясь в перекладину, стал подтягивать бомбу кверху, к настилу…

Когда работа подошла к концу, на востоке уже светало. Василий приладил наружный взрыватель, прикрепил к нему длинный шнур, грубо замаскировал все, завалился в сани и погнал лошадь в деревню Мачужичи.

У забора, подпертого сугробами, привязал коня. Вошел в хату. У печи суетилась пожилая хозяйка. Появление чужого человека насторожило ее.

— Ночь трудился, хозяюшка, замерз, как собака. Решил погреться. Да, признаться, и проголодался…

— Грейся, хаты не жалко, а есть самим нечего. Скоро по миру пойдем. Много теперь бездомных, всех не наделишь, — ворчала хозяйка.

— Да дай человеку кусок хлеба, чего раскудахталась, — послышался с печи хриплый голос.

— Ты все отдал бы черту лысому, старый пень! Лежишь на печи, да еще и командуешь, — завопила старуха.

— Не черту лысому, а партизану, — спокойно поправил ее Лаврухин и достал из-под полы автомат.

— Батюшки, что же это творится! Спасенья нет! Ты что же мне свою пистолю показываешь?! Ты кого пужаешь, сукин сын! — еще громче заорала старуха.

— Та перестань орать, дуреха! — властно прикрикнул, слезая с печи, дед. — Не обращай на нее внимания. Она у меня добрая, только для виду хорохорится, — примирительно сказал он. Потом подошел к Василию и спросил: — Ты что, парень, шутишь или впрямь партизан?

— Самый настоящий, батя, стопроцентный, — весело ответил

Лаврухин. — И не думайте, что я ввалился к вам из-за жратвы. Нет, тут дело посерьезнее. — И уже тихо, заговорщически сказал: — А ну подойдите поближе.

Когда хозяева, заинтригованные его поведением, приблизились, прошептал:

— На вашем мосту, вон, видите, на том, — показал он в окно, — я заложил большую бомбу на фашистов. Так вы сообщите поскорее всем деревенским, чтобы они не ходили по мосту, а то взлетят на воздух. Ясно?

— Та куда уж яснее, — прошептала старуха.

— Так-так, понятно, — твердил старик.

— Только смотрите, чтобы немцы про это не узнали.

— Мы-то не донесем, а вот как другие… — пожал плечами хозяин.

— Давай скорее одевайся, — стала теребить деда старуха. — А ты, родненький, садись, я тебя сейчас горяченькой бульбочкой попотчую. Я же тебя посчитала было полицаем.

— Некогда, мамаша, мне рассиживаться, спешу, — отмахнулся Василий и вышел из хаты.

Когда Лаврухин был уже на дворе, до него донесся хриплый голос старика:

— Хлопец! Обожди минуточку.

Открылась дверь, и он увидел деда с тяжелой ношей.

— На возьми, это прошлогодние орехи, пригодятся.

— Да это же автомат с патронами! — удивился Вася. — Спасибо, папаша, большое спасибо!

Выехав на большак, он подумал:

«Ну, кажется, дело на мази. Сейчас эта бабка разнесет новость не только по своей, но и по соседним, деревням. Наверняка сегодня же узнают про бомбу полицаи и в Косино, и в Логойске. Полицаи, конечно, снимут ее и на радостях доставят галопом в Логойск. Перед Новым годом они захотят заслужить несколько бутылок шнапса, сигареты, марки и похвалу начальства».

Весь расчет был построен на следующем.

Стремясь отличиться перед командованием и миновать фронт, Фюрстер прибегнул к оригинальной уловке. По его приказу полицаи и солдаты стаскивали в комендатуру все найденное вокруг советское оружие. И он создал из «его своеобразный «музей».

— Вот посмотрите, — похвалялся Фюрстер начальству, — все эти трофеи нами добыты в боях с партизанами.

Эсэсовцы поощряли «храброго» коменданта чинами, наградами и марками. А, в свою очередь, комендант награждал

полицаев, доставлявших ему ценные «экспонаты», водкой, сигаретами и оккупационными марками.

Про себя Лаврухин рассуждал: «Полицаи, разумеется, снимут с бомбы взрыватель натяжного действия, не предполагая, что внутри аккуратно вмонтирован и залит расплавленным толом специальный взрыватель замедленного действия. Сработано чисто. Не подкопаешься… В новогоднюю ночь в Логойске будет сильный салют…»

Обратный путь показался ему короче и легче, хотя навстречу часто попадались подводы и обозы. Перед деревней Свидно в сторону Логойска промчалась группа пьяных полицаев. А немцы, занятые в этой деревне охотой на кур и свиней, даже не обратили внимания на проезжавшего партизана. Вскоре деревня осталась позади.

Размышляя о подготовке нового «сюрприза», предназначенного косинскому коменданту Кушу, Лаврухин не заметил, как прибыл в лагерь. За работу взялся сразу же и целых полдня провозился над снаряжением этого «сюрприза». Когда все было готово, попросил меня дать указание часовому, чтобы тот никого не подпускал к саням. Через минуту Василий спал как убитый. Вечером он вскочил и бросился к разрисованному морозом окну землянки.

— Уже ночь на дворе! Безобразие, почему не разбудили раньше? Теперь все пропало! Черт возьми!.. — с отчаянием кричал он.

— Чего разбушевался, Лаврухин? Сейчас только шесть часов вечера. Успеешь еще, — успокоил его Чуянов.

Через полчаса на жеребце коменданта, запряженном в сани, он отправился с «сюрпризом» в сторону Косино. На полпути немецкий жеребец, видимо, почуял, что приближается к дому, и прибавил шагу.

«Хорошо!» — с удовлетворением отметил про себя Василий.

Не доезжая Косино, он с трудом остановил рвавшегося вперед жеребца, слез с саней, присоединил вожжи к взрывателю с таким расчетом, чтобы 152-миллиметровый снаряд взорвался только после того, как кто-то дернет за вожжи. Этим «кто-то», по мысли Васи, должен был оказаться сам Куш.

Но он ошибся. Немецкий комендант еще днем отправился в Логойск. Новый год он собирался встретить в компании Фюрстера, а утром выехать на родину, в отпуск. Такого поощрения он добился особым усердием при «усмирении» жителей в селениях Сарнацкое и Прилепы. Так что жеребец с миной примчался во двор комендатуры, когда Куш отсутствовал. Встретили упряжку полицаи.

Телефонистка Логойска потом рассказала нам, что за несколько минут до наступления Нового года между старшим полицаем Косино и комендантом Кушем в Логойске состоялся такой разговор.

— Алло, алло! — дрожащим голосом кричал в трубку старший полицай. — Мне Логойск, барышня… Логойск? Господин комендант? У нас беда случилась, очень плохо…

— Что плохо? — всполошился Куш.

— Большое несчастье, взорвался ваш жеребец, и побило много людей.

— Какой жеребец? Что ты мелешь? Откуда он взялся? Где и что взорвалось — говори толком.

— Слушаюсь! Это было десять минут назад. Сидим мы в блиндажах…

— И, как всегда, самогон хлещете, мерзавцы!

— Оборони бог, играли в картишки…

— Ну, потом?

— Потом слышим автоматную очередь. Часовой поднял тревогу. Мы схватили карабины и вывалили на улицу. По дороге из Тадулино прямо на нас выбежал ваш вспененный жеребец, запряженный в сани. Пытались остановить, а он как бешеный рвется. Забежал я вперед и намертво схватил за узду. Лошадь остановилась. Ну, мы к саням сбежались. К этому времени и ваши солдаты, услышав стрельбу, подошли к нам. В общем народу нашего много собралось. Потом кто-то взял вожжи и потянул за них. Вот тут-то как рванет, как трахнет… Когда я очнулся, кругом стоны… В комендатуре все стекла высыпались.

— Как себя чувствуешь?

— Жив, господин комендант.

— А другие как?

— Они разлетелись… сейчас собираем.

— Сколько же забрали?

— Пока 12 человек.

— Всех немедленно повесить!

— Кого повесить?

— Забранных партизан!

— Да их здесь и не было.

— Кто же вас побил и кого, черт возьми, забрали?

— Я же говорил — не забрали, а собрали, а побил, говорю, ваш жеребец… Он и взорвался.

— Идиот, иди проспись и не мели чепуху.

— Господин комендант! Господин комендант!

Полицаю и в голову не приходило, что дернувший за вожжи взорвал замаскированный в санях 152-миллиметровый

артиллерийский снаряд.

Лаврухин, направив жеребца в Косино и дав автоматную очередь, был уже далеко и, хотя не слышал телефонного разговора, определил по взрыву, что жеребец выполнил свою миссию и «подарок» попал по назначению.

А как-то будет в Логойске? Вася с волнением посматривал на часы. По его расчетам, до взрыва оставались считанные минуты. Волнение достигло наивысшего предела.

Вдруг далеко впереди в небо рванулся сноп яркого пламени, долетел гул мощного взрыва. Вася взобрался на Прудищенскую высоту и замер от того, что увидел. В Логойске бушевало огромное пожарище.

Обессилевший, но радостный, он ввалился ко мне в землянку:

— Товарищ комиссар, сработали наши «партизанские кони» не хуже троянского.

Наступил первый день 1943 года. Безмятежно кружась, ложились на землю хороводы пушистых снежинок. Перед строем отряда был объявлен приказ о представлении к правительственным наградам командиров, партизан, связных и жителей, наиболее отличившихся в борьбе с гитлеровскими захватчиками. В числе первых был назван комсомолец Василий Лаврухин.

Результаты новогодних «сюрпризов», как об этом вскоре мы узнали, превзошли все наши ожидания. Весть о минировании моста быстро достигла ушей полицейских, и те не замедлили явиться к нему с саперами. Обнаружив натяжной шнур, они осторожно сняли наружный взрыватель, тщательно осмотрели бомбу и, убедившись в безопасности, доставили ее к коменданту Логойска Фюрстеру.

Полицаи были щедро вознаграждены. Бомбу комендант не замедлил хвастливо продемонстрировать своему коллеге Кушу, приехавшему в гости на Новый год. Затем он сообщил о бомбе в канцелярию гауляйтера фон Готберга. А бомбу положили в склад-музей.

Фюрстер жил рядом с комендатурой. Невдалеке были расположены гарнизонные склады боеприпасов, горючего и продовольствия. А склад-музей находился в пристройке, примыкавшей к складу боеприпасов.

Хозяин, Куш и офицеры летной части успели проводить старый год, наполнили бокалы в ожидании нового. В это время раздался взрыв. Вместе с Васиным новогодним «подарком» от детонации взорвались и другие начиненные взрывчаткой экспонаты комендантского «музея». Здание комендатуры и склад-музей были разнесены в щепки. Все, кто находился за

праздничным столом, погибли. От взрыва «музея» взлетел на воздух склад боеприпасов, загорелись и начали взрываться бочки с бензином. Полуразрушенные склады запылали. Более часа раздавались взрывы снарядов и патронов.

Все это наделало очень много шума не только в Логойске, Косино, окрестных деревнях, но и в самом Минске. На место происшествия из Минска прилетела специальная комиссия. Больше недели она вела расследование и пришла к выводу, что смерть обоих комендантов, 14 офицеров и 30 солдат, не считая множества раненых, уничтожения склада боеприпасов, горючего и продовольствия, а также комендатуры, равно как и диверсия в Косино, являются делом рук партизан, которые среди полицаев имеют своих людей. Было брошено в тюрьму 20 полицейских. Впоследствии они были расстреляны.

Новый комендант на похоронах погибших оккупантов поклялся проучить «бандитов». Эта угроза дошла до нас в тот же день. Следовало ожидать быстрых и активных контрдействий. Поэтому мы усилили боевые заслоны со стороны Логойска, увеличили количество дозоров и на всякий случай держали в боевой готовности на высотах около деревни Ляды усиленный взвод.

Все эти меры помогли нам обезопасить себя от попыток разведывательных групп, созданных из немцев и полицейских, проникнуть в район расположения отряда.

Наши боевые действия не прекращались. Удары гвардейцев партизанского фронта становились все более чувствительными и дерзкими. Так, в морозную ночь на 12 января группа партизан под командованием лейтенанта Ивана Фоминкова вышла на автомагистраль Минск — Москва у деревни Криница с заданием взорвать железобетонный мост. Хотя яркий лунный свет и не способствовал скрытному продвижению к цели, расположенной почти у самого гарнизона противника, все же партизаны благополучно добрались до объекта. Выставив наблюдение, приступили к закладке снарядов.

Слипались ресницы от трескучего мороза, коченели руки, теряли чувствительность ноги. То и дело тяжелые снаряды выскальзывали из рук, с двухметровой высоты пробивали лед и скрывались в воде. С трудом их вытаскивали, оттуда и снова крепили вверху… И вдруг в самый разгар сигнал тревоги: со стороны Минска по автомагистрали идут три санные подводы по две лошади! В каждой вооруженные люди в белых маскировочных халатах.

Открытая местность и хорошая видимость от морозного лунного света исключали скрытый отход партизан. Фоминков

решил дать бой.

Утром в отряде стало известно, что в ночной схватке было убито и ранено 22 оккупанта. У партизан ранен в могу Володя Рогожкин.

Наши успехи и их неудачи все больше бесили гитлеровцев. Они готовили против нас самые коварные планы, о которых мы в то время и не догадывались. За дело взялись гестапо и абвер.

О вражеском лазутчике «Лесном волке» мы узнали намного позже после того, как он пробрался в отряд. Гитлеровцы подготавливали своего диверсанта в специальных школах сначала в Ново-Борисове, а затем на станции Печи-Сортировочная. В Ново-Борисове почти у самого берега реки в глубине сада стоял приземистый двухэтажный особняк. Высокий деревянный забор с натянутой поверх колючей проволокой и деревья скрывали его от посторонних глаз. Прохожих, останавливавшихся у забора хотя бы ненадолго, часовые гнали прочь или задерживали.

В доме за тяжелыми ставнями все делалось тихо и не спеша. Гитлеровцы в эсэсовских мундирах занимались здесь теми таинственными делами, которые не допускают шума и огласки. Шеф этого тайного заведения полковник абвера Нивеллингер любил повторять своим подопечным, что их тщательно скрываемая деятельность требует самых глубоких раздумий, сосредоточенности, тщательного психологического анализа, адской изобретательности и, конечно, конспирации.

— Мне, — поучал он своих подчиненных на одном из совещаний, — нужны не храбрые служаки-фронтовики, щелкающие каблуками, а думающие, способные офицеры. На основе глубокого знания психологии людей различных национальностей, специфических местных условий и современных достижений в области нашей службы они должны уметь разрабатывать самые невероятные, но вполне реальные варианты нанесения по врагу, в данном случае по здешним партизанам, тайных смертельных ударов. Наше оружие — максимальная хитрость и коварство, внезапность и неотвратимость удара, наносимого в самое уязвимое место противника, полнейшая скрытность и минимальная численность привлекаемых сил. Нужна не грубая сила, а буквально ювелирная работа, в которой важны все звенья: оригинальный замысел, отличные исполнители и совершенные средства. В этом заложены наши огромные возможности. В заключение, чтобы не задерживать ваше внимание, приведу отвлеченный пример. Практика показывает, что крупный партизанский отряд, маневрирующий в лесных массивах и приносящий нам немалый

урон, порой неспособна быстро уничтожить даже целая дивизия. А вот наш агент или небольшая группа при идеальной подготовке способны одним бесшумным ударом сделать это. Об этом говорят не только наши исследования, но и некоторый опыт на западе. Все. Прошу принять сказанное к исполнению, а майора Шварца зайти ко мне.

Через несколько минут сухопарый майор в пенсне докладывал развалившемуся в кожаном кресле полковнику:

— Герр оберст, в основу операции, разработанной с целью уничтожения отряда, который на вашей карте обозначен номером два, мною заложены все ваши идеи. Вот ее кратко изложенный план.

— Ну что же, тут неплохо задумано. Действуйте, но помните: провал должен быть исключен… Ваш успех — мой успех, а я сумею достойно вознаградить… Кто исполнитель?

— Агент «Фиалка». Вот его досье. А после можете познакомиться с ним лично.

Шеф отпустил майора.

Раскрыв дело «Фиалки», эсэсовец внимательно всмотрелся в небольшую фотографию. На него смотрел самодовольный, ухмыляющийся человек с широким ртом. Угодливо прищуренные глаза еле выглядывали из-под лохматых бровей. Светлые волосы были тщательно расчесаны на пробор. Отложив снимок, гитлеровец еще раз пробежал по анкете: Дуроф Михель, тридцать пять лет; отец — царский офицер, дворянин; в Германии с 1918 года, член нацистской партии с 1935 года. В кратких характеристиках значилось, что агент оправдал себя как провокатор на радиозаводе в Дрездене. Жадный, за деньги продаст кого угодно, хоть мать родную. Хитрый, ловкий и выносливый. «Фиалка», засланный в небольшой партизанский отряд в Дзержинском районе, убил там двух командиров, незамеченным скрылся и навел на партизан карательный батальон. Далее значилось, что на эту операцию он пойдет под кличкой «Лесной волк» с новой для него «легендой».

Окончив чтение, полковник нажал кнопку, и вскоре в его кабинете появился плоскоголовый истощенный мужчина среднего роста, лицо которого скривилось в заискивающей гримасе.

— Хайль Гитлер! — выпучив серые бесцветные глаза, простуженным голосом поприветствовал вошедший.

— Хайль, — слегка махнул рукой абверовец. — Садитесь, мой друг, — предложил офицер. Обойдя вокруг и тщательно осмотрев весьма костлявого «друга» в грязном истрепанном советском обмундировании, он довольно воскликнул: — Все в порядке, Теперь ты выглядишь настоящим военнопленным. — И, важно

усевшись в кресло, продолжил: — Сегодня тебя отвезут в лагерь. Там ты должен еще лучше изучить нравы советских военнопленных, войти к ним в доверие, подобрать по своему усмотрению группу из 4—5 человек и с нею по сигналу бежать в то время и тем способом, о которых мы сообщим позже. Срок подготовки — 10 дней. Да, не удивляйся, если при побеге кто-либо из новых «друзей» ради правдоподобия будет ранен или убит.

— Меня могут опознать. Партизаны из Дзержинского района часто бывают и в Смолевичском районе. Увидев меня, они, безусловно, расскажут, что я скрылся из их отряда.

Полковник, как можно мягче и растягивая слова, вполголоса сказал:

— Должен сообщить, что семья Дуроф по-прежнему неплохо живет в Пруссии, и уверен, что благодаря вашему усердию ее положение в будущем еще улучшится…

Несколько помедлив, он уже более жестким тоном продолжил свои инструкции:

— У тебя два пути. Первый — отлично выполнить задание, проникнув в партизанский отряд… — тут он, поморщившись, еле выдавил: — «Смерть фашизму», как они его именуют, а потом… с деньгами домой. Второй путь — провал и смерть, гибель семьи. Третьего не дано, — закончил абверовец, окинув агента испытующим взглядом.

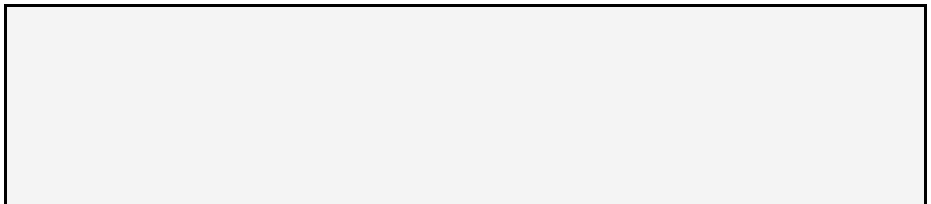
— Ясно, господин полковник, — без энтузиазма ответил тот, сжав узкие плечи.

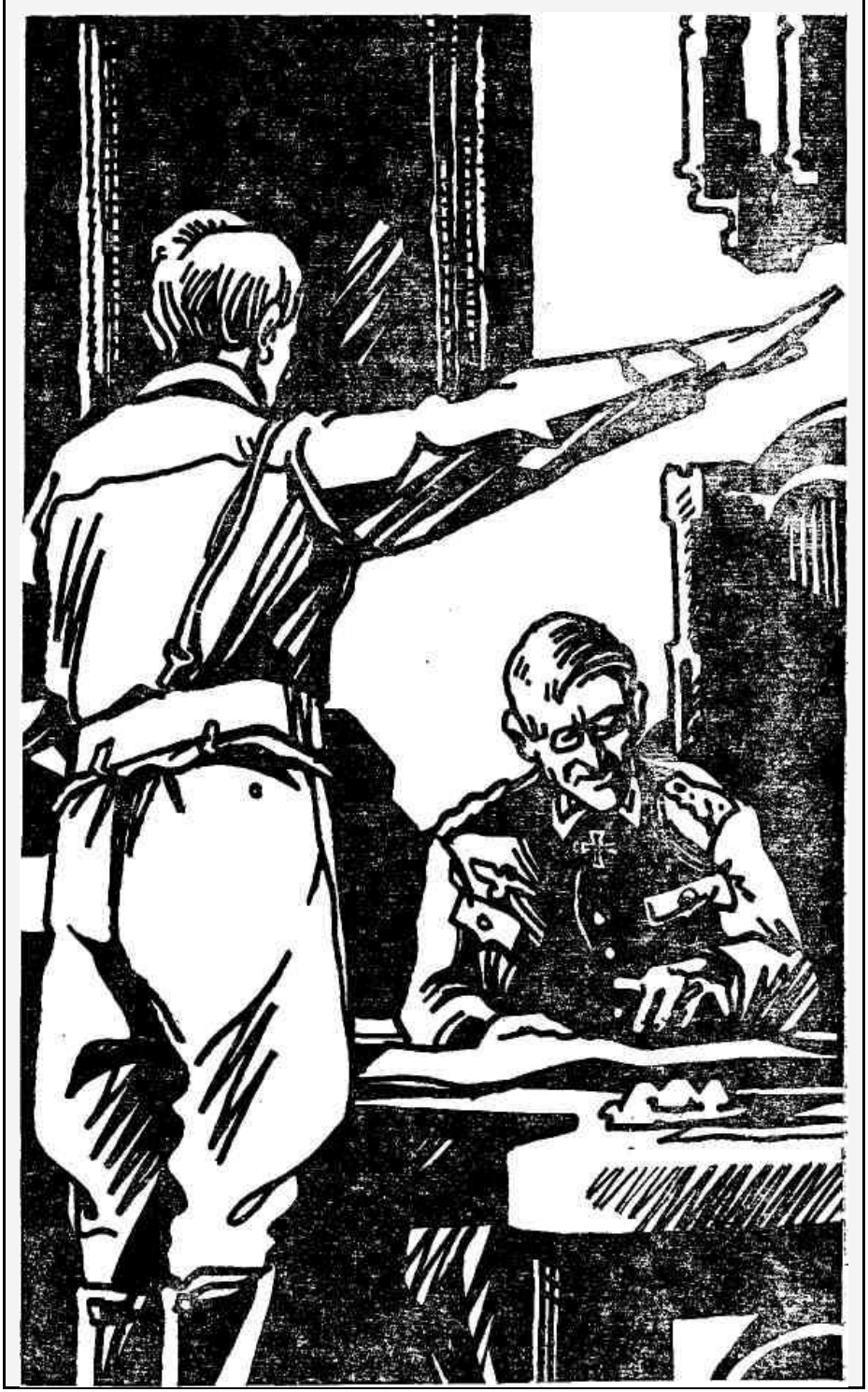
Офицер провел его в соседнюю комнату, отдернул на стене шелковую занавеску и показал на карте примерный район действий партизанского отряда. Местом возможной встречи с партизанами были названы деревни Остров, Бабий Лес и Шпаковщина. Сообщив пароль, он сказал диверсанту, что через некоторое время в отряд придет «Дракон» с указаниями о дальнейших действиях.

Гитлеровец сурово посмотрел в глаза лазутчику и сказал:

— Все детали с тобой уже отработали, и надеюсь, вопросов нет.

Так к отряду начали тянуться тайные щупальца абвера, а потом и гестапо.





Позже, слушая доклад начальника разведки Чуянова, я

невольно вспомнил дошедшую до меня весть об акции, учиненной оккупантами в моей родной деревне на Любанщине. Когда Чуянов закончил доклад, я рассказал ему об этом поучительном случае.

Поздней осенью появился в деревне Осовец неизвестный. Его изможденное тело прикрывали жалкие лохмотья. Из распухших пальцев ног сочилась кровь. Пришелец дрожал всем телом. Жители деревни ахнули при виде «горемычного», шептавшего посиневшими губами о побеге из лагеря военнопленных. Ему посочувствовали, завели в дом, обогрели и накормили. Появившиеся позже деревенские активисты доверчиво похлопали «военнопленного» по плечу и определили в семью Стефаниды Кунцевич. Шли дни — он набирался сил и втирался в доверие к патриотам. Скоро активисты уже считали его своим человеком, и он знал об их тайниках со спрятанным оружием. Однажды безлунной ночью в деревню нагрянули каратели. Их встретил пригретый в деревне предатель. По его доносу деревенские активисты были схвачены, а оружие изъято. Раздавая зуботычины, негодяй приговаривал:

— Вот тебе, дураку, в благодарность за гостеприимство. Я говорил, что в долгу не останусь…

Из деревни увели семь скрученных и окровавленных патриотов. И в следующую ночь недалеко от Любани на окраине Костюковского леса их повесили. А предатель снова напялил на себя фашистский мундир…

…После разгрома фашистской Германии я посетил родную деревню Осовец. Примерно в километре от нее зеленым островком выделяется в поле кладбище. На нем под вековыми березами в братской могиле покоятся патриоты. На нехитром памятнике высечены имена и фамилии моих друзей юности:

Кураш Василий Данилович,
Кураш Емельян Данилович,
Лобатый Николай Иванович,
Журавский Николай Иванович,
Мицкевич Михаил Иванович.

Не подозревая об опасности, мы продолжали заниматься своими делами. Одной из своих постоянных и важных задач мы считали систематическое нарушение телеграфной и телефонной связи гитлеровцев в районе действий отряда. С этой целью почти все группы, выходившие на боевые задания, по мере возможности обрывали провода, спиливали столбы, уничтожали тройные куски полевого кабеля между гарнизонами. То же самое делали и

другие отряды. В конце концов гитлеровцам пришлось отказаться от использования воздушной линии связи, проходившей вдоль магистрали Минск — Москва. Вскоре партизанская разведка установила, что для обеспечения постоянной и устойчивой связи между гитлеровской ставкой и группой армии «Центр», действовавшей на Восточном фронте, немецкие связисты еще в 1941 году тайно проложили подземный многожильный кабель.

Центральный Комитет Коммунистической партии Белоруссии потребовал от Штаба партизанского движения, чтобы такая важная линия была скорее найдена и выведена из строя. Эта на первый взгляд простая задача оказалась очень крепким орешком, потребовавшим немало усилий и времени.

Было очевидным, что кабельная линия проходит либо вдоль железной, либо автомобильной дороги Минск — Москва. Но где именно? Вот этого пока никто не знал. Однако Василий Федорович заверил командование, что требование ЦК будет выполнено. По нашему заданию партизаны опросили многих жителей. И все было безрезультатно. Но скоро, когда казалось, что все попытки напрасны, совсем случайно один житель Смолевичей подтвердил: да, гитлеровские связисты между автострадой и железнодорожной магистралью укладывали в отрытую траншею какой-то толстый кабель.

Нить была найдена. По карте мы определили район, где шоссе близко подходило к железной дороге.

До самого утра дрожал тусклый огонек в штабной землянке. В ней комплектовали группу для розыска кабеля, намечали участок действий и хлопотали о необходимом инструменте. Найти и перерубить кабель приказали группе во главе с начальником штаба Кисляковым. Андрей, любивший смелые и острые дела, с огоньком взялся за поиски «золотой жилы», как в шутку называли кабель.

Ночью группа достигла автомагистрали. Беспрерывное движение одиночных машин и колонн заставило партизан лежать на снегу не меньше часа. Наконец автомагистраль затихла. Примерно в метре от бровки дороги бойцы начали долбить топорами, ломами и кирками мерзлую землю. Несколько часов они то скатывались кубарем в кювет и, распластавшись на снегу, пропускали автоколонны противника, то снова выбирались и продолжали работу. Вся ночь была убита зря — кабеля не нашли. Не отыскали его и в последующие дни.

Вскоре мы были вынуждены посылать на поиск кабеля ежедневно уже две специальные группы партизан. Бойцы с проклятиями долбили ломами и кирками промерзшую землю. Работа, не говоря уже об опасности, была чрезвычайно тяжелой.

Причем к рассвету требовалось опять засыпать отрытый участок и хорошенько его замаскировать, иначе немцы могли раскрыть наши намерения, усилить охрану этого района и устроить засаду. День проходил за днем, партизаны отрыли сотни ям, набив кровавые мозоли, а кабель оставался ненайденным. Безуспешные поиски быстро охладили первоначальный пыл бойцов. Все чаще раздавались голоса, что поиски пора прекратить, чтобы зря не мучить людей. Мы были уже на грани того, чтобы отказаться от розысков этого неуловимого чертова кабеля, как вдруг к нам в землянку прибежал обрадованный Кисляков и взволнованно заявил:

— Товарищ командир, я нашел колхозника, подробно рассказавшего мне, где точно немецкие связисты проложили этот кабель. Выделите мне группу, и уж теперь я наутро выложу вам кусок этой «фашистской жилы», будь она трижды проклята!

Вечером неутомимый Андрей ушел с бойцами на поиски. Как всегда, партизанам пришлось померзнуть на снегу, выжидая удобное для работы время, замирать, пропуская мимо грузовики, тягачи и танки. Когда наступила тишина, продрогшие люди с остервенением начали вгрызаться в землю. Взломав ломами и топорами ледяной панцирь, они пустили в ход лопаты. И каждый тревожно думал: «Неужели опять все труды пропадут даром?!»

— Ну, кажется, на этот раз добрались до гитлеровской жилы, — неуверенно сказал Андрей, вытирая рукавом гимнастерки пот с лица. И он не ошибся. Под лопатой был кабель. Через час усталый Кисляков, улыбаясь во весь рот, выбрался из ямы, держа в руках желанный кусок кабеля длиною в 70 сантиметров.

— Установить на дне мину натяжного действия, засыпать яму, сверху пристроить мину нажимного действия и замаскировать. Сделать так, чтобы комар носа не подточил. Быстро! — приказал Кисляков и начал рассматривать извлеченный кабель. При свете электрофонарика он насчитал сорок восемь медных проводков, завернутых в разноцветную изоляцию и помещенных сначала в алюминиевую, а затем в резиновую трубку.

— Хитро придумали фрицы, — сказал он, передавая кабель Вигуре. — Так, сейчас полночь. До рассвета 8 часов, да часа 3—4 связисты будут искать порыв, потом взорвется мина, и они будут вызывать минеров, затем ремонтники провозятся часа три, пока спаяют перерубленные жилы. В общем, на сегодня подземная связь фюрера будет молчать почти весь день. Отлично! А теперь, хлопцы, давайте по пути телеграфных столбов десятка два спилим.

— Товарищ лейтенант, может, еще машину долбанем на автостраде? — спросил Вигура, когда разделались со столбами.

— Безусловно! За мной! — скомандовал Кисляков, направившись к кустарнику, черневшему за поворотом шоссе.

Просидев в засаде более часа, группа хотела уже уходить, когда вдали засветились фары одиночной машины. С нею мстители расправились буквально за пять минут. Это был отставший от колонны грузовик с горючим. Шофер и его напарник были убиты первой же автоматной очередью, и машина опрокинулась в кювет. Забрав винтовки, патроны, полушубки, партизаны подожгли грузовик. Группа Кислякова вернулась в лагерь с таким видом, будто пустила под откос эшелон с ценнейшим грузом.

Однако радовались мы рано. В следующую ночь партизаны на другом участке отрыли несколько ям, но кабеля не обнаружили. Вернулись усталые, злые и недоумевающие: где-же теперь искать кабель?!

Очередная ночь оказалась еще хуже. На том месте, где был впервые обнаружен кабель, партизан обстреляли гитлеровцы, ожидавшие их в засаде. Это сильно озадачило нас. Найденная нить ускользала. Все бились над разрешением загадки. В конце концов пришли к выводу, что нужна точная схема прокладки кабеля.

А где раздобыть ее? Первым делом решили захватить в плен связиста. Началась настоящая охота за гитлеровскими связистами. За месяц мы захватили в плен трех солдат из частей связи, но они даже не знали о существовании кабеля. И вот Кисляков, ходивший сам не свой, вызвался вновь сходить на то место, где нашел кабель.

— Я оттуда живую схему приволоку, — доказывал он.

Группа Кислякова вновь благополучно докопалась до кабеля, вырезала большой кусок и, заминировав едва засыпанную яму, сделала засаду. Через несколько часов прибыли на аварийной машине фашистские связисты. Быстро обнаружив яму, они начали рыть. Грохнул взрыв, и партизаны, пленив одного немца, разделались с его перепуганными напарниками.

Ошарашенный фашист, пугливо озираясь на партизанских командиров, быстро выложил все, что знал. А знал он не больше нашего. Этот связист подтвердил, что кабель в принципе проложен вдоль шоссе.

— У кого есть схема прокладки кабеля? — спросил в заключение Василий Федорович.

— Она имеется только у начальника участка. Я это знаю потому, что только с помощью этой схемы мы можем обслуживать

линию, особенно зимой, — сказал немец.

Мы и сами знали, что схема есть и в Борисове, и в Минске, но от этого нам легче не было. В штабе вновь начали ломать головы над тем, как же раздобыть злополучную схему. На ноги были поставлены все смолевичские подпольщики. И тут очень кстати оказалось сообщение партизана Пети о кабеле.

В студеную февральскую ночь командир хозвзвода говорил молодому партизану Пете, недавно пришедшему из деревни Авангард:

— Этот секретный кабель — явный бред. Какой дурак поверит, что по одному проводу может вести переговоры одновременно Гитлер и еще чуть ли не сотня его офицеров? Загнул, браток, похлеще барона Мюнхгаузена. Брось дурачить нас. Надоело. Пора спать.

Уставшие бойцы быстро заснули. Не спалось только виновнику спора Пете и ординарцу начальника штаба бойцу Ивану Вигуре. Они ворочались и вздыхали. Мысли их вертелись вокруг проклятого многожильного подземного кабеля, вызвавшего такой шум в землянке. Рассказала Пете о кабеле высокой частоты сестра, которая слышала об этом от немецкого унтера из команды по обслуживанию трансформаторной будки.

— Поверил сестре и сам сел в лужу, — раскаивался он. — Хорошо, что сразу не полез к начальству. Друзья только болтуном назвали, а пошел бы к командованию, настоящим дураком прослыл бы.

Ивану Вигуре кабель тоже не давал покоя, и он, не согласившись с Петей, упрекнул:

— Нет, ты так не сдавайся. Дело это важное, пойдем к начальству и расскажем все.

Мы с командиром внимательно выслушали партизана. Его сообщение об унтере было очень кстати.

Первоначально Петя предложил выследить этого унтера, захватить его и, переодевшись в немецкую форму, пробраться к начальнику линейного участка с тем, чтобы захватить у него схему линии связи. Но более разумным оказался план начальника разведки Чуянова.

Тут же было решено послать в деревню Воробьева, братьев Городецких, Петю и Вигуру. Ночью хлопцы уже были в деревне. Там они узнали, что унтер Долгов не немец, а поляк, которого фашисты силой заставили служить, и что он по натуре неплохой человек.

Недаром говорится, что на ловца и зверь бежит. Не успели партизаны выпить по кружке молока, как под окном послышались шаги. Екнули у хлопцев сердца. Они замерли у двери. Унтер,

согнувшись, открыл дверь и перешагнул через порог. И тут его бросило сначала в жар, а потом в холод: перед ним стояли незнакомцы с красными звездами на кубанках.

— Хенде хох! — выкрикнул Вигура, ткнув унтеру в грудь самозарядку. Тот медленно поднял худые руки. Минута, и он, связанный, уже лежал на полу. Вошла Петина мать. Поняв, что произошло, она со слезами запричитала:

— Что же ты наделал, хлопче! За него теперь и меня и сестер перевешают, село сожгут, кола не оставят… Всем известно, что он к нам ходит, и вдруг пропал… О горе! Пожалей, сынок, нас и отпусти его с богом. Ты же знаешь, что он не такой, как все эти кровопийцы.

— Перестань уговаривать, — прервал Петя. — Если он не такой, как все фашисты, тем лучше. Не думай, у нас в отряде быстро с ним разберутся. Дай скорее тряпку завязать ему глаза.

В полночь унтер был в штабе. Он разминал затекшие руки и растерянно осматривался. Его автомат и «вальтер» лежали на столе перед командиром отряда. Парни наперебой рассказывали, как они взяли унтера. Поблагодарив, мы отпустили их и приказали о происшедшем никому не говорить.

Унтер гитлеровской армии Долгов охотно рассказал о кабельной связи, указав точное место ее прокладки.

— Кабель оберегают как зеницу ока, — предупредил он. А потом заговорил о своей любви к девушке из деревни Авангард.

— Хватит лирику разводить, господин Долгов, — прервал его Тарунов. — Скажите прямо — вы фашист или нет?

— Моя Польша стонет от гитлеризма… Я против фашизма, то видит матка боска, — горячо ответил унтер.

— Это нужно доказать делом, — ответил Чуянов.

— Я готов.

— Что вы можете сделать для нас?

— Я сделаю все, что прикажете, пан офицер. И оправдаю ваше доверие.

— А если подведете?

— Бог наказуе меня.

— Если подведете, не бог, а мы накажем вас. Командование решило дать вам возможность искупить вину перед своим и нашим народами, перед нашей землей, которую вы топчете вместе с гитлеровцами.

Командир вышел из-за стола и приблизился к нему:

— Вы вернетесь в гарнизон на трансформаторную будку и станете беспрекословно выполнять наши указания. К очередной встрече с нами приказываю вам переснять все имеющиеся схемы по размещению подземного кабеля и трансформаторных будок,

обозначив на них наиболее уязвимые места. Захватите с собой также образец кабеля.

— Будет сделано, пан офицер, — отчеканил унтер.

Чуянов сказал Долгову, что встреча с ним назначается на четверг в 9 часов вечера на северной опушке перелеска между трансформаторной будкой и деревней Авангард. В случае неудачи — следующая встреча там же в пятницу. Сообщив унтеру пароль, Чуянов предупредил:

— Не вздумайте шутить с нами. Не выйдет! Надеюсь, вы меня поняли? На выполнение задачи дается четыре дня.

— Понял, пан офицер. Будет сделано. Скажите, а смогу ли я потом жениться на девушке из Авангарда?

— Завоюете такое право, возражать не будем. И закатим партизанскую свадьбу, — улыбнулся Тарунов и, перейдя на деловой тон, закончил: — Если вас спросят на службе, где были эту ночь, скажите: «У знакомой девушки».

На рассвете унтер-офицер был в гарнизоне. Докладывая своему начальнику о ночном визите к девушке, он поставил перед ним бутылку доброго самогона. Конфликт был улажен.

Наступил четверг. Еще засветло Чуянов с Вигурой отправились в дорогу. По лесной просеке они напрямик вышли к деревне Росошно. Сделав последний перекур на опушке леса, партизаны пошли низиной в обход деревни. Морозило, и снег скрипел под ногами. Чуянов молча шел, думая о предстоящей встрече. Прервал его размышления Вигура:

— Я что-то не верю в эту затею, ведь не зря этот унтер носит на груди крест со свастикой. Фашист он…

— Пусть будет хоть чертом с рогами, главное, чтобы принес схемы, — ответил Чуянов. А у самого тоже шевельнулась мысль о возможном коварстве унтера.

— Вот уверен, не придет он, — твердил Вигура.

— Как это? Он же дал слово и знает, что ему будет за измену, — не сдавался Чуянов.

— Слово — это еще не дело. У него выбор небольшой — или петля на шею, или обещание. А за жизнь, браток, чего хочешь пообещаешь. Отпустили его да еще напутствовали: «Будь здоров! Возьми автомат и пистолет — пригодятся тебе, оккупанту». Осталось только расцеловаться. Ну тот, ясное дело, и думает: «Ловко я их одурачил!» А сегодня в лучшем случае сидит где-то и на радостях водку хлещет. А может быть и так, что вместе с фашистами притаился в снегу и поджидает нас, дураков.

Спору, наверное, не было бы конца, если бы вдруг перед самым местом встречи по ним не ударили автоматные очереди. Бросившись на землю, партизаны начали отстреливаться и по

одному быстро переползать от автострады в рощу. С трудом оторвавшись от преследования, они остановились у деревни Грядки.

— Вот тебе и унтерское слово, — зло упрекал напарник Чуянова. — Нашли кому верить! Честного человека в фашистскую свору на веревке не затянешь. А этот уже больше года с ними якшается… Эх и дали же мы маху… Если бы я знал, что так получится, то совсем иначе поступил бы с ним в Авангарде.

Чуянову не хотелось верить в провал, но он молчал, потирая замерзшие руки. Что он мог сказать в оправдание? Ничего: их обстреляли в сотне метров от места встречи.

— Чего ж ты молчишь? Факт ведь налицо, — не унимался Вигура.

— Но это может быть и случайным совпадением… Вот завтра выясним, — ответил Чуянов.

— Выясняй, выясняй, но только без меня. Я не желаю попадать в лапы гестапо. Сегодня чудом остались целы, а завтра эта авантюра может боком выйти.

— Если боишься, не ходи! Как-нибудь обойдемся без тебя! — вспылил Евгений Михайлович.

Вторую встречу с поляком прикрывал уже взвод разведки нашего отряда. Однако эта мера оказалась излишней. Еще издали на опушке перелеска партизаны увидели Долгова. С появлением Чуянова унтер радостно побежал ему навстречу. Он был один и сказал, что в четверг не пришел, так как был в наряде.

— Вот возьмите, тут все необходимые схемы, — быстро проговорил он, вытаскивая из-под борта шинели небольшую трубку. — А это, — он показал, улыбаясь, на большой сверток, — полтысячи автоматных патронов и две новые батареи для рации.

Порубкой кабеля задали вы немцам хлопот и страха, — рассказывал он. — По всей линии связисты сходили с ума и ругались на чем свет стоит. На место диверсии прилетал даже специальный уполномоченный из ставки Гитлера. Если бы он не был окружен большой свитой, то погиб бы от разрывавшихся мин. Четыре связиста из аварийной команды и трое из свиты представителя были ранены. Хорошо работаете! — заключил Долгов.

Договорились о следующей встрече и разошлись.

— Оказывается, вчера ты был прав, Женя. Унтер-то не только сдержал слово насчет схем, но по собственной инициативе припер патроны и батареи для рации.

Итак, схемы есть. Это была огромная удача.

Все необходимые сведения о кабеле мы передали по радио на Большую землю. Копии схем отослали соседним партизанским

отрядам и в штаб Борисовской зоны.

Как только у нас появились схемы, подземный кабель почти каждые сутки выводился из строя. Аварийные команды немецких связистов метались с одного места повреждения к другому. При этом они ломали голову не только над тем, как ликвидировать последствия диверсий, но и над разнообразными «сюрпризами» партизан. Мины, поставленные Кисляковым, были только началом. Новый день приносил оккупантам новые неожиданности: то минировалась яма, то подступы к ней, то концы оборванного кабеля. В общем, при всей осторожности саперы и аварийные команды все время несли потери. Очевидцы потом рассказывали, что к месту диверсии связисты подходили с нескрываемым страхом. Немцы забирались в кювет, прижимались к земле и оттуда, уткнувшись носами в снег, ковыряли землю в яме длинными шестами с крюками на концах. И всегда мина взрывалась в самом неожиданном месте. Гитлеровцы метались вокруг места порубки с проклятиями. Работы по восстановлению кабеля шли медленно. Крестьяне из ближайших деревень, наблюдавшие за возней аварийников, только смеялись. Но через несколько дней им стало не до смеха. Гитлеровцы заставляли мужчин, женщин и детей разгребать снег и вытаптывать землю вблизи мест повреждения кабеля. Если взрыва не было, они приступали к ремонтным работам. На время нам пришлось обходиться без минирования.

Тянулись тяжелые зимние дни. Но ни морозы и бураны, ни бронемашины, круглосуточно патрулировавшие по шоссе, ни вражеские засады не могли остановить партизан. Они упорно выполняли приказ Большой земли — систематически нарушали линию подземной связи гитлеровцев. К концу года фашисты вынуждены были поставить на своем кабеле крест. Подземная линия связи «Ставка — Фронт» была парализована. В то время мы еще полностью не представляли, какое большое и важное дело сделали белорусские партизаны.

В канун 20-летия освобождения Белоруссии от гитлеровских захватчиков Председатель Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, Герой Советского Союза В. И. Козлов, бывший в годы войны секретарем Минского подпольного обкома партии и командиром крупного партизанского соединения, писал:

> «Получение точного плана подземной линии связи в корне изменило характер операции по разрушению кабеля. Прежде всего копии схем были переданы в бригады «Штурмовая» и «Дяди Коли», через районы действия которых также проходила линия. Не надо было

> тратить времени на поиски кабеля. Операции на линии приняли массовый характер. Только за октябрь — декабрь 1943 года партизанами Борисовско-Бегомльской зоны связь разрушалась 779 раз. Практически это означало, что в конце года подземная линия связи Берлин — группа гитлеровских армий «Центр» была выведена из строя»[11].

Впоследствии немецкое командование приступило к прокладке новой кабельной линии, но уже вдоль железной дороги, которая сильно охранялась. Однако эти работы в связи с летним наступлением советских войск и освобождением Белоруссии так и не были закончены.

Партизанские будни приносили нам новые заботы. В нашем лазарете на Палике около двух месяцев лежал партизан по фамилии, кажется, Мурзин. Только что встав на ноги, он, худой и обросший, слонялся по лагерю. Бойцы делились с ним последними крохами хлеба. В хозвзводе его потеплее одели. После каждой удачной нашей вылазки против врага он горько сетовал, что ему приходится пока отсиживаться в госпитале и не участвовать в истреблении гадов.

Кто мог предполагать, что это был первый гестаповский лазутчик, именуемый в гестаповской картотеке «Змеей».

Однако «Змее» явно не повезло. Едва проникнув в наши ряды, лазутчик, случайно подорвавшись на противопехотной мине, попал в госпиталь. Гестапо, потеряв с ним связь, решило, что засланный диверсант погиб, не выполнив задания. Выздоровев, предатель откладывал диверсию до восстановления сил, чтобы сразу же можно было бежать из лагеря и быстро добраться до ближайшего немецкого гарнизона. Наконец гестаповский наймит выздоровел и, набравшись сил, решил, что его час настал. Обстановка для выполнения задания была благоприятная.

Дело в том, что пробу пищи партизаны делали нерегулярно и часового у котла не выставляли. Это-то «Змее» и нужно было. Засыпать яд в котел ему ничего не стоило.

Коварный замысел вражеского агента был сорван совершенно случайно. В то утро, когда он засыпал мышьяк в общий котел, завтрак оказался приготовленным ранее обычного. Пока объявили подъем, повар решил накормить кота, путавшегося под ногами. Когда бойцы начали греметь у пищеблока пустыми ведрами, бачками и котелками, кто-то из них заметил кота, корчившегося в предсмертных судорогах. Почувствовав неладное, все насторожились. Вызвали врача. Он тут же установил, что завтрак

отравлен смертельной дозой мышьяка.

Стало ясно, что яд в отрядный котел засыпал какой-то фашистский диверсант. Часовой, стоявший на рассвете недалеко от пищеблока, доложил, что погреться к огню под котлом приходили многие партизаны, но он не видел, чтобы кто-нибудь бросал что-либо в котел. Лишь когда, проверив людей, мы обнаружили исчезновение вражеского лазутчика, часовой припомнил, что и тот приходил к котлу.

Этот случай сильно насторожил нас. Ведь из-за нашей беспечности более двух месяцев отряду угрожал тайный удар, и только случайность спасла нас. С этого дня раз и навсегда на кухне был установлен самый строгий контроль. И это, как мы потом убедились, спутало карты гестапо, настойчиво тянувшего к нам свои тайные щупальца.

Но и враг не дремал. Он усиливал свою полицию и гестапо, комендатуру и службу регулирования, развивал сеть агентуры и вербовал провокаторов. День ото дня незаметно пробираться в Минск становилось все труднее.

Однажды с очередными заданиями в Минск ушли Галя Трифонова и Ирма Лейзер, которая в совершенстве владела немецким языком. Ушли и в срок не вернулись. Я и начальник разведки еще раз тщательно проверили маршрут их следования, сверили с образцами дубликаты сделанных для них паспортов и пропусков. Все как будто было в порядке, а девушки так и не вышли на условленное место. Посланный по их следам человек вернулся ни с чем.

Не знали мы тогда, что всему причиной была небольшая записка-донесение вражеского лазутчика, отправленная из отряда.

Предательский донос быстро полетел через полицая в Логойск, а затем в Минск. Гораздо позже нам стало известно, что в ней сообщалось:

> «Герр шеф, сегодня в Минск направились партизанки Галя и Ирма. О первой сообщал раньше. Последней примерно 20 лет, среднего роста, блондинка, крупные белые зубы, хорошо говорит по-немецки, имеет при себе коричневую клеенчатую сумку с мясом и луком. Ловите их. «Дракона» пока нет. «Лесной волк».

Три дня охотились гитлеровцы и их тайные агенты за партизанками и наконец напали на след ничего не подозревавшей Ирмы Лейзер. У квартиры ее родителей замаскировался круглосуточный пост. Агенты гестапо, оснащенные портативными рациями и фотоаппаратами, день и ночь караулили у дома и, как

тени, преследовали ее и всех вышедших из квартиры. Каждый, даже самый случайный, контакт Ирмы с любым человеком фиксировался, и за этим человеком тотчас же тянулся «хвост». Позже Ирма рассказывала, что сначала она даже не видела «типов», следовавших за ней. Зажав покрепче коричневую сумку, она радовалась тому, что удается оставаться в Минске незамеченной. Но постепенно ею качала овладевать смутная тревога. Несколько раз она замечала за своей спиной одних и тех же людей. Сначала Ирма гнала от себя все подозрения, решив, что это какие-то жулики. Но потом, столкнувшись при выходе из часовой мастерской лицом к лицу с одним из шпиков, не выдержала и спросила:

— Что вы хотите от меня, молодой человек?

— Я свой, — сказал он шепотом, — берегитесь, за вами давно следят.

— Шутник-человек! Кому это я нужна? — внешне спокойно ответила она и направилась вдоль улицы. Времени на долгие размышления не было. Если это даже провокация, решила она, то все равно о ней кто-то и что-то знает… Значит, надо немедленно уйти от преследования. Но как?.. «Четверг — базарный день», — вдруг мелькнуло у нее в голове, и она быстро повернула в сторону рынка, надеясь затеряться в толпе.

Ирма волновалась. В голове проносились страшные мысли, возникло много неясных вопросов… Больше всего ее тревожила мысль о том, не раскрыла ли она врагу партизанские явки? Переходя улицу, Ирма посмотрела назад. В тридцати-сорока метрах за ней шел уже известный субъект. По другой стороне, то и дело оглядываясь, брел его напарник. На некотором расстоянии от него шагал еще один детина с небольшим чемоданчиком.

Невольно ускорив шаг, Ирма наконец оказалась на базарной площади. Окунувшись в шумную толпу, партизанка начала быстро протискиваться сквозь бурлящий человеческий водоворот к центру базара. Затем, присоединившись к группе женщин, почти бегом направилась к переходу через железнодорожное полотно. Перебежав дорогу, оглянулась. Сзади никого не было. Не теряя ни секунды, девушка добежала до ближайшего перекрестка и свернула в узкий переулок, по сторонам которого изредка виднелись уцелевшие деревянные домики, утонувшие в снежных сугробах. Забежав в первый же открытый двор, Ирма, едва переведя дух, остановилась и чутко прислушалась. Со стороны площади неслись крики, гул автомашин и вой сирен. «Облава! — поняла она. — Надо скорее уходить».

Утопая в глубоких сугробах, бросалась Ирма из одного переулка в другой. Ей предстояло пробраться почти через весь

город, с юга на северо-восток…

Неизвестный юноша, сообщивший Ирме об опасности, фактически спас ее. Еще на подступах к базарной площади, догадавшись о замысле девушки и в душе радуясь за нее, он решил не мешать ей. Когда она повернула за угол и скрылась в толпе, он не спеша дал сигнал напарнику подтянуться, а сам сделал вид, что ринулся в толпу. Вскоре он вынырнул из нее и виновато доложил гитлеровцу, что партизанка где-то потерялась. Спустя несколько минут над площадью завыли сирены. Началась облава. Гестаповцы целый день искали Ирму по всему городу.

Лишь поздно вечером на Логойском шоссе, когда Ирме казалось, что она спаслась, ее опознали, надели наручники и доставили в гестапо. Пять дней и ночей партизанку морили голодом, нещадно били плетьми, подвешивали за руки на крюки, загоняли под ногти иглы. На шестой день ею занялся какой-то новый палач. Началась психологическая атака. Усадив полуживую девушку в кресло, выхоленный эсэсовец направил на нее яркий луч света, приказал оказать медицинскую помощь, накормить и поместить в теплую комнату с хорошей постелью. Укоризненно покачав головой, он сказал ей:

— Ну разве можно так варварски обращаться с этой прелестной девушкой? Я надеюсь, что она станет благоразумной. Ведь она лишь начинает жить…

Все утро он мягко уговаривал ее, рисуя то блестящие перспективы, то муки кромешного ада. Постепенно, теряя терпение, он стал переходить к угрожающим намекам:

— Ваше упорство, нежелание рассказать правду и помочь нам может привести к тому, что, несмотря на мое заступничество, расстреляют ваших арестованных родителей… Сомневаюсь, чтобы такую очаровательную девушку радовала перспектива оказаться с отрубленными руками и языком. Вы же знаете, как сурово расправляются у нас с партизанами.

Но физически и духовно истерзанная Ирма, сверкая глазами, едва шептала:

— Нет, нет и нет!

Наконец эсэсовец не выдержал и сорвался:

— Большевичка, партизанка! У меня и камни говорят, заговоришь и ты, бандитка!

Вскоре Ирма уже не реагировала ни на дикий рев гестаповца, ни на зверские побои. Тогда палач отошел к столу и вытащил из него окровавленную плеть с металлическим наконечником, зазубренные щипцы и несколько почерневших от крови полусогнутых иголок. Потом извлек тиски и какую-то замысловатую машинку с множеством проводов и выключателей.

Делал это он медленно, многозначительно поглядывая на Ирму. У него не дрогнул ни единый мускул.

Ирма, еле держась на ногах, молча стояла в углу, прислонившись к стене подземелья. Приготовления к очередной пытке вновь привели ее в ужас, вся она напряженно сжалась в комок, коленки дрожали. При одной только мысли о пытках она обливалась холодным липким потом. «О, лучше бы сразу смерть!» — думала она. Блеск парабеллума в руках палача даже обрадовал ее. «Как, наверное, легко умереть от пули сразу!» — думала она.

— Выбирай — смерть или свобода, гадина!

— Смерть! Но знай, проклятый фашист, мы бессмертны, нас не убьешь!!!

Грянул выстрел, и она вздрогнула. По щеке больно хлестнули осколки кирпича, в ушах зазвенело. Последовал второй и третий выстрелы. Пули долбили стенку на уровне головы, но не задевали ее. «Конец, сейчас конец!» — думала полуживая разведчица. Не выдержав, она повернулась и крикнула:

— Убивай же, гад ползучий!

Галя, вернувшаяся в отряд с опозданием на двое суток, сказала, что дважды подходила к условленному месту за городом, но Ирма не появлялась. Мы поняли, что с ней случилось что-то страшное. Пришлось Галю вновь направить в Минск, чтобы узнать о судьбе пропавшей связной и предупредить подпольщиков об опасности. Но ни девушка, ни подпольщики так ничего и не узнали об Ирме.

Как-то в полночь дежурный по штабу тревожно постучал в окно нашей землянки. Мы еще не спали, и командир быстро открыл дверь.

— Тут Ирму принесли из лесу. Наверное, замерзла. Врач приводит ее в сознание.

— Ты откуда взялась такая? — удивилась Геня, как только Ирма открыла глаза.

— С того света, — с трудом выдавила Ирма. Слезы медленно покатились из ее закрытых глаз. Худенькое тело затряслось. Она пыталась еще что-то сказать, но губы не слушались. Ирма вновь потеряла сознание… Беззвучно плакали и ее подруги.

К вечеру Ирме стало лучше, и девушки начали расспрашивать ее.

— Поправлюсь, все расскажу. Одно лишь посоветую сейчас: умирайте с оружием в бою, но живыми не попадайтесь к ним, этим извергам, — прошептала она.

Дней через десять после возвращения Ирма, почувствовав себя чуть лучше, вопреки запретам врача все же встала с постели,

закуталась в длинный кожух и, пошатываясь, пошла к штабной землянке.

Едва переступив порог, она тихо, но твердо проговорила:

— Прошу скорее выслушать меня, я больше не могу молчать! А потом поступайте как знаете…

На нее было страшно смотреть: темные круги под ввалившимися глазами, сморщенную кожу лица прорезали глубокие складки, исковерканы уши, обезображена шея. Она рассказала нам о том, что уже известно читателю. Потом, передохнув, продолжила:

— Они явно пытались действовать на мою психику. Из вопросов я поняла, что в отряд пробрался враг. И теперь мне надо было во что бы то ни стало вырваться из застенка и сообщить об этом. Между тем палач поднял руку и крикнул: «Продолжим! Значит, фройлен, вам не хочется красиво жить, вкусно кушать, хорошо одеваться, любить и быть любимой. Вы предпочитаете умереть. Вам даже не жалко своей сестры?!» — тут гестаповец нажал кнопку. В комнату втолкнули мою сестру. Неожиданность встречи потрясла нас обеих. Несколько мгновений мы растерянно смотрели друг на друга, не в силах произнести ни слова. Я глазами дала понять сестре, что они от меня ничего не узнали. Палач, помахав перед лицом плетью, проскрипел сквозь зубы: «Ты, наверно, желаешь, чтобы и с сестрой проделали то же, что с тобой? Она молода, красива и хочет жить… Молчишь?.. Если уж ты не жалеешь ее, то не думай, что мы ее пожалеем. Начали!» — рявкнул он.

За спиной сестры сверкнуло раскаленное железо.

— Будешь говорить? — бросились ко мне. Я решила, что настало время воспользоваться «отступной» легендой, которую дали мне наши товарищи. Бросилась к фашистам.

— Что вы хотите от меня?

— Говори все, что знаешь, но только правду! В твоих руках жизнь сестры, — выпалил палач, нарочно приближая проклятый аппарат к руке сестры, зажатой в тисках.

— Хорошо! — испуганно вскрикнула я. — Только оставьте в покое сестру.

И я сказала им только то, что мне было еще в отряде разрешено сказать.

— Я была послана в Минск партизанским отрядом «Смерть фашизму». Отряд находится в лесном массиве Логойского района. Точное место не знаю, так как от меня это скрывали. В штаб отряда привозили с завязанными глазами и очень редко. Вокруг штаба густой темный лес, укрепления с небольшими пушками и пулеметами. Слышала, как в стороне раздавался гул каких-то

моторов. На настойчивые вопросы, сколько в отряде партизан, я, ссылаясь на разговоры жителей, назвала 12—15 тысяч. Зная, что немцам известны фамилии командира и комиссара отряда, я назвала их.

Как бы между прочим сказала им, что при подготовке партизанских разведчиков на занятиях часто бывал какой-то мужчина, который пользовался особым доверием у начальника разведки отряда… Похоже, что и он готовился к какому-то важному делу. Тут гестаповцы как бы невзначай спросили, слышала ли я какие-нибудь разговоры о массовых заболеваниях или отравлениях среди партизан. Я ответила, что ничего подобного я не слышала. На мой взгляд, это сообщение их сильно заинтересовало. Далее сказала, что будто до Минска нас довезли на партизанской грузовой машине, высадив перед шлагбаумом километра за два. На машине партизаны ехали в немецкой форме. В Минск меня послали с задачей разведать, где и какие стоят части, учреждения, узнать расписание поездов, расположение зенитных батарей и укреплений. Собрав эти сведения, мне приказано было прийти 10 или 11 января к 12 часам дня в деревню Слобода, где должна была ожидать автомашина.

Повторяла я это дословно в течение недели. Гестаповцы били меня, пытались сбить и запутать, но я твердила, как попугай, одно и то же. Наконец я сказала им, что пусть не сомневаются во мне, пусть лучше проверят меня на деле. Больше меня не били, а на днях сказали, что оставляют сестру в качестве заложницы, а меня отпускают. Моя задача — вернуться в отряд и устроиться работать на кухне. Что делать потом — будет сказано их человеком позже. Если я не выполню их приказ — сестру повесят, а меня застрелит этот человек. В отряде я должна была заявить, что сбежала при транспортировке в лагерь смерти Тростенец. Меня подвезли на броневике до Косино и высадили, дальше я добралась пешком. Вот и все. Теперь решайте сами, что и как. Я сказала правду.

Тяжело вздохнув, разведчица поникла головой. Мы, успокоив и отпустив Ирму, крепко задумались.

Теперь мы окончательно поняли, что провал Ирмы — дело рук провокатора, засевшего в отряде.

«Но кто он?» — ломали мы голову. Начали действовать методом исключения, разбирая по косточкам каждого вновь принятого в отряд. Вот жители деревень Бабий Лес, Остров и Юрово. Мог ли кто из них оказаться провокатором, запутанным в гестаповские сети?

Например, во имя чего мог бы стать предателем Русецкий,

житель деревни около Зембина, бежавший из-под расстрела. Ведь после истязаний его жену и двоих малышей фашисты расстреляли. Может ли он с незаживающей раной в сердце переметнуться на сторону убийц семьи? Нет и нет!

Затем мы перешли к другой части пополнения — к бывшим военнослужащим Красной Армии, при разных обстоятельствах попавшим в лагеря военнопленных, и людям, бежавшим из концентрационных лагерей. Перед нашим взором встали измученные, опухшие от голода и истерзанные люди, едва добравшиеся до нас.

Вот длинноногий Лесков, которого ребятишки из Острова нашли без сознания в кустах. Это же бесконечно преданный нашему делу человек. Или группа военнопленных из лагеря в Печах во главе с Мошковым. Рискуя жизнью, они убили полицая-конвоира и с его винтовкой бежали с места работ вблизи лагеря. Немцы при преследовании убили троих и одного ранили. Только трое едва добрались до нас. Факт убийства полицая, побега и гибели военнопленных был проверен и подтвержден жителями. После побега для устрашения фашисты расстреляли в лагере 15 военнопленных. Ну разве такие люди способны встать на путь предательства? Безусловно, это исключалось. Таково было мнение всех.

Чуянов высказал мысль о том, что врагу, возможно, удалось пристроиться к отряду еще за линией фронта. Был же Жилицкий. При первых трудностях он спасовал, а однажды в трудную минуту дезертировал. «Трус и предатель, — настаивал Чуянов, — черти из одного болота». Но и эта версия была отвергнута, ибо лазутчик уже давно либо сам нанес бы удар, либо навел на отряд карателей.

В общем, метод исключения дал осечку, так как кадровое ядро и командование были вне подозрения, а больше никого не оставалось. К разгадке тайны мы не приблизились ни на шаг. Сошлись на том, что надо повысить бдительность, следить за всеми подозрительными действиями, какие могли бы выдать лазутчика, а сейчас, перепроверив показания Ирмы, устроить ее на пищеблок, как ей было приказано немцами.

Но коварство врага не могло приостановить наших активных действий. И об одном из эпизодов я хочу рассказать здесь.

Произошло это ранней весной 1943 года. С белорусской земли намного раньше обычного отступала зима. Уже в начале апреля весеннее солнце растопило глубокий снежный покров и освободило ото льда реки.

Вскрылась Березина. Она была могучим водным рубежом на пути движения гитлеровских резервов к фронту. По мере

дезорганизации железнодорожного передвижения на территории Белоруссии все большее значение приобретали автомобильные перевозки, особенно по автостраде Минск — Москва, проходящей через Борисов. Здесь находился мост, который давно мозолил нам глаза. Без преувеличений можно сказать, что мост тот играл исключительно большую роль. Немцы отлично понимали это и охраняли мост усиленным караулом, соорудив возле него дзоты с пулеметами, опоясав его проволочными и минными заграждениями, прикрыв зенитными орудиями. А мы, партизаны, давно мечтали поднять мост на воздух, парализовать важнейшую автодорожную артерию, питавшую гитлеровский фронт.

— Вот бы сейчас, когда Березина необычайно разлилась, взорвать Борисовский мост! Это была бы большая помощь фронту… — в который уже раз говорили мы с командиром Чуянову.

Но наша беда состояла в том, что, имея все необходимое для взрыва моста, мы не имели к нему доступа. А его и надо было найти во что бы то ни стало.

…Семен Никитич Книга, дорожный мастер, имел свободный вход на Борисовский мост. Более того, он обслуживал его.

Вот и сегодня ранним весенним утром он подходил к мосту, когда к нему обратился гитлеровский часовой, стоявший у перил:

— Герр майстер, комм гер, шнеллер! Зи маль, ви швайне швиммен[12], — загоготал эсэсовец, показывая на Березину. Вслед за этим он, вскинув автомат, дал длинную очередь.

Старый мастер посмотрел на воду и увидел в слегка дымившемся тумане десятки медленно плывущих трупов.

«Сволочи, сколько людей губят», — горестно подумал он и, сжав зубы, сурово посмотрел на ухмылявшуюся морду эсэсовца.

Накануне войны Семен Никитич жил в Борисове и работал дорожным мастером на закрепленном за ним участке шоссе Минск — Москва. Он был образцовым работником, в идеальном порядке содержал свой участок автострады и мост через Березину — тот самый мост, который построили при нем. В то время и на работе и в семье все было хорошо и ясно.

Но вот грянула страшная война. Не колеблясь Семен Никитич распрощался с семьей и ушел на восток. Он хотел попасть в Красную Армию, в которой воевал еще безусым пареньком. Однако его планы спутала немецкая пуля. Раненный, он, наверное, погиб бы в том страшном водовороте войны, если бы его не спас один житель. Тот человек перевязал ему рану, накормил и помог добраться до дома. А тут, как в пословице «беда беду тянет», навалилось на него страшное горе. Гитлеровцы дотла сожгли его дом, и жена с тремя детьми осталась без крова.

И это бы ничего — ведь лето. Да четырнадцатилетняя дочка Аня оказалась при смерти — ее тяжело ранили фашисты. От всех этих бед хоть с ума сходи. Но ничего, с помощью добрых людей нашли выход — как-то перекрутились и не дались смерти.

Со времени вражеского нашествия на родную землю Семен Никитич не только испытал много сам, но видел, как люди гибли под огнем пулеметов и автоматов, пухли и умирали от голода, чернели от лютого горя. Однако они не сдавались, не становились на колени. Не сломили фашисты и его. Первое время Семен Никитич жил надеждой, что скоро фронт остановится, вернутся наши войска и он отомстит врагу за все. Однако время шло, а оккупанты по-прежнему хозяйничали в Борисове. Ценой большого риска ему удалось некоторое время скрываться от грозных приказов гитлеровцев. Так не могло быть вечно: заботы о семье все сильнее давили на него. Надо было искать работу, чтобы не умереть с голода. После долгих мытарств мастер обратился к старому знакомому Борису Елиневскому, и тот помог Семену Никитичу устроиться дорожным мастером на свой старый участок Минского шоссе. С камнем на сердце работал человек за кусок хлеба с опилками, обслуживая мост и закрепленный участок дороги. Часто хотелось ему бросить все к черту и уйти к партизанам.

— Работа, работа, бистро шагаль! — закричал часовой, уставившись выпученными глазами на техника.

Семен Никитич поплелся к железной лестнице. На этот раз он спускался под мост необычно медленно, внимательно осматривая и оценивая устои и фермы моста. Глубоко запавшими глазами он проводил исчезавшие за поворотом реки трупы. «Наших топят, стреляют, вешают, гноят в тюрьмах и лагерях смерти, заживо зарывают в землю, морят голодом… А я все выжидаю да прикидываю, спасаю семью из-за куска хлеба, продолжаю осматривать мост, фактически способствуя врагу. Конечно! Мост надо взорвать!»

Закончив осмотр моста, мастер быстро поднялся и еще раз окинул взглядом могучую реку. «В самый раз рвануть его в начале паводка! — подумал он. — Восстанавливать этакую махину можно начинать лишь после спада воды, да и труд этот очень сложный… Крупных мостов на Березине близко нет, значит, обход Борисова для потока немецкого автотранспорта будет делом не легким…»

Всю ночь мастер не смыкал глаз. Мысли вертелись вокруг моста. Он думал, как поднять стальную громаду на воздух. Понимал, что это связано с огромным риском, но был готов на все. «Одно дело решить, что надо взорвать, — рассуждал

мастер, — а другое — чем и как взорвать. Взрывчатка есть у немцев, но разве у них ее добудешь?» Один на один с этим великаном мостом он был беспомощен… Где же выход? Голова тяжелела, наливаясь свинцом. Но этот человек не терял надежды. Еще никогда в его жизни не было безвыходных положений.

В 1919 году в самое архитяжелое для молодой республики время Семен Никитич нашел самый верный выход — стал с винтовкой в руках отстаивать Советскую власть. Когда Советскую Россию со всех сторон зажали интервенты, без колебаний вступил в партию большевиков. В первых рядах до самой победы дрался за рабоче-крестьянскую власть. Партбилет, врученный секретарем полковой партийной ячейки, всегда направлял его на верный путь в жизни.

Итак, к моменту, когда назрела необходимость взорвать Борисовский мост, дорожный мастер и партизаны уже шли навстречу друг другу. Мы, правда, еще не знали, что собой представляет теперь этот дорожный мастер, который, судя по имевшимся сведениям, добросовестно служил оккупантам. Нам пока не было известно, что он коммунист и сам горит идеей взрыва моста. Учительница Слонская, жившая в деревне Высокие Ляды, по нашему заданию установила, что Семен Никитич, имея большую семью, в воскресные дни часто навещает борисовский рынок, выменивая там кое-что из вещей на продукты.

Для установления связи Чуянов наметил партизана-комсомольца Юлика Макаревича из деревни Сутоки, хорошо знавшего город Борисов.

Действуя осторожно, мы стремились к тому, чтобы вызвать Семена Никитича на откровенный разговор, узнать его отношение к немцам. А в зависимости от этого планировать дальнейшие действия. Не откладывая своего намерения в долгий ящик, было решено сделать первую попытку знакомства с мастером в ближайшее воскресенье. Причем на Юлика возлагалась и другая важная задача — привезти с рынка обувь для партизан.

Выехав еще ночью с необходимыми документами и сделав в Борисове немалый круг, Юлик ранним воскресным утром остановился у дома, где жил дорожный мастер.

— Разрешите ведро воды набрать, напоить лошадей? — обратился партизан к Семену Никитичу, которого уже издали приметил во дворе.

— Воды не жалко — берите!

— Ну спасибо! — закуривая, сказал Юлик, когда лошадь была напоена. — А еще просьба — подскажите, как лучше доехать до рынка, а то я впервые тут. Решил мукой поторговать.

— Так чем рассказывать, давайте лучше сам покажу. Я тоже

на рынок собираюсь, — охотно предложил Семен Никитич.

Вскоре они вместе ехали и не спеша вели немудреный разговор. Хотя разговор велся ощупью, все же по ряду реплик Юлик понял, что мастер ненавидит оккупантов. Однако многие ответы мастера были уклончивыми, так как он заподозрил, очевидно, в собеседнике не то спекулянта, не то полицая и переменил тему разговора на рыночные дела.

Узнав, что в обмен на муку нужна добротная мужская обувь, мастер вздохнул, уныло показал на свою худую обувь и горестно развел руками:

— Хорошей обуви дома давно нет, так же как и муки.

— Семен Никитич, — неожиданно назвав Книгу по имени и отчеству, добродушно улыбаясь, начал Юлик, когда приехали на базар, — спасибо, что указали путь. Если будет время, дождитесь, пока я управлюсь с делами… Подвезу вас обратно… Да и насчет муки станет виднее, чего-нибудь сообразим, — обещающе подморгнул он.

Обращение по имени возымело на мастера магическое действие.

— Хорошо, я обязательно через часок подойду.

Медленно бродил Книга между редкими крестьянскими телегами, но никого из знакомых, которые могли бы помочь установить связь с партизанами, не встретил.

Купить на базаре что-либо из продуктов или выменять на вещи было очень трудно. Съестного было мало, цены стояли баснословные. Худые, изможденные женщины и оборванные ребятишки метались из стороны в сторону. Они были голодны и искали хоть немного муки, хлеба, картофеля. Те, кому удавалось обменять пиджак, пальто на продукты, крепко прижимали их к груди и поспешно покидали рынок. Среди пестрой толпы мелькали холеные морды оккупантов, хищно заглядывавших в сумки горожан.

Безрезультатно пробродив около часа, Семен Никитич поспешил к тому месту, где оставил обладателя муки. Увидев, что тот еще торгует и телега не запряжена, он стал наблюдать за ним. И чем больше он смотрел, тем больше недоумевал. Довольно странная это была торговля… Почему-то обмен шел только на обувь, и куда ее столько одному человеку, почему парень все время оглядывается и каждую пару обуви сразу тщательно прячет, отчего его так старательно опекает одноногий бородач, откуда появился седобородый дед у распряженного коня?

— Хотя бы килограммчик достать детям на затирку, — выкрикивала пожилая женщина, протискиваясь к телеге.

Верткий Юлик, поводя по сторонам быстрыми глазами и не

видя опасности, вновь объявил:

— Граждане! Меняю только на мужскую обувь.

— Вот те и на! — разочарованно ахнула женщина, добравшись до телеги.

— А если нету сапог или ботинок, так тогда и есть, по-твоему, не надо! — раздался простуженный голос.

— Граждане! Повторяю, что меняю муку лишь на обувь. Не наседайте зря, подходите да выкладывайте башмаки покрепче.

— Вот приведу полицая, тогда по-иному заговоришь, спекулянт проклятый, — угрожающе процедила какая-то женщина с черными кругами под глазами.

— Попробуй только, раздерем, как жабу! — грозно цыкнул на нее одноногий бородач в тельняшке и поднял вверх костыль. Женщина осеклась и скрылась.

Изголодавшиеся жители, имевшие обувь, еще плотнее сгрудились вокруг телеги. Они толкались, лезли вперед, стремясь поскорее заполучить муку.

Когда Юлик выменял около 50 пар обуви, он хорошо прикрыл ее, завалил сеном, кивнул калеке и позвал деда. Люди быстро отхлынули от телеги. Оглянувшись кругом, Юлик громко позвал стоявших в стороне чумазых оборванных ребят. Голодные взгляды закоченевших ребят он заметил давно.

— Хлопцы, а ну быстро подходите и готовьте шапки. Только по очереди! Получайте и помните добрых людей, — приговаривал он, вытряхивая немалые остатки муки из мешков.

Худые и голодные ребятишки мгновенно облепили телегу. Глаза их радостно сверкали при виде белой муки, наполнившей их замусоленные шапки.

Через пять минут все было кончено. К запряженной дедом телеге подошел взволнованный техник. Все виденное им начисто отмело предположение, что Юлик спекулянт или полицай. «Тогда кто же?» — напряженно думал он. В нем все сильнее зрела догадка, что именно здесь он может найти верный путь к партизанам.

— У меня к вам есть серьезный разговор, — решительно сказал Юлику Семен Никитич.

— Я охотно вас выслушаю, товарищ Книга, — не менее решительно ответил тот, пристально глядя на взволнованное лицо мастера. — Но только базар не место для серьезных разговоров, да и задерживаться мне нельзя. Сами знаете, какое сейчас опасное время. Садитесь, по дороге и поговорим.

Партизан незаметно подал знак калеке сниматься с поста наблюдения, а деду, севшему в качестве ездового, трогать в путь. Быстро выехали с базара, Юлик решил, что для откровенного

разговора создана необходимая почва. Поэтому, не теряя времени, он открыл свои первые карты:

— Семен Никитич, времени у нас мало, и я буду краток. Первое: видимо, вы уже догадываетесь, что так много обуви нужно не одному человеку, а многим партизанам. Значит, теперь ясно, кто я и откуда. Второе: вы, наверное, заметили также, что партизаны знают, кто вы, кем и где работаете. Третье: поскольку сейчас у меня путь иной, чем утром, то подвезти не могу, наоборот, чуть в сторону проедем. Четвертое: в этом мешке для вас с полпуда муки. Вот и все пока, а теперь я слушаю вас.

— Поверьте, я всей душой ненавижу оккупантов и уже давно хотел, — сбивчиво начал немного ошеломленный и в то же время обрадованный мастер, — связаться с партизанами, с их командованием… Ведь я коммунист и готов на все…

Юлик уже хорошо понимал, что перед ним настоящий советский патриот.

— Говорите, вы на все готовы?

— Да, на все! — быстро ответил техник. Глаза у него возбужденно сверкали, а на впалых щеках появился румянец. — Только прошу, если что случится со мной, позаботьтесь о безопасности семьи.

— Есть у вас конкретные предложения?

— Я бы мог попытаться взорвать мост через Березину, но в подготовке взрыва мне нужна помощь.

— Я вижу, вы решительный и деловой человек. Именно такие нам нужны. Большего сейчас сказать не могу. Командованию будет доложено. Меня зовут Юлик. Скоро я вас навещу дома.

Поздно вечером Юлик доложил нам в штабе об удачном выполнении задания.

— Понимаете, я боялся, что встречу трусливого человека, которого нипочем не уговоришь на такое рискованное дело, или, что еще хуже, фашистского прислужника… А тут — коммунист, патриот, — радостно сообщил он.

Чуть не до утра обсуждали мы план подготовки взрыва моста. Дело было сложное, и нам пришлось немало поломать голову. Фактически у нас это был единственный шанс взорвать мост. Ведь еще раньше было признано, что атаковать и потом взорвать хорошо охраняемый мост в таком крупнейшем гарнизоне, как Борисов, дело безнадежное. Мост охранял караул, насчитывающий почти два взвода — более 50 немцев. По обе стороны моста были парные часовые, по два дзота с пулеметами и малокалиберными пушками, окопы с бетонированными пулеметными площадками и ячейками для стрелков. Кроме того, мост прикрывала зенитная артиллерийская батарея. А зенитки,

как известно, хорошо бьют и по наземным целям. Караул моста имел связь с комендатурой и ближайшими воинскими частями.

…Через три дня Юлик снова был в пути. Перед мостом через Березину сердце молодого партизана снова забилось учащенно. С автоматами на груди мост с двух сторон охраняли гитлеровские часовые; по нему беспрерывно шли автомашины, изредка телеги. Несмотря на загруженность магистрали, фашисты тщательно осматривали крестьянские телеги, переворачивая в них все вверх дном. «Начинается…» — подумал боец и, подъезжая к контрольному посту, еще раз придирчиво окинул взглядом свою почти пустую телегу. Поравнявшись с эсэсовцами, он низко поклонился им и быстро вытащил из-под сена две бутылки самогона. Гитлеровцы схватили их и, бегло окинув взглядом телегу, махнули руками:

— Шнеллер! Шнеллер!

Удача ободрила партизана. Не спеша свернув с автострады в город, он стал внимательно оглядывать мост, который ему и технику было приказано любой ценой поднять на воздух.

Вечером партизан наведался к дорожному мастеру. Они быстро затащили небольшую телегу в дощатый сарай.

— Чем порадуешь, сынок? — нетерпеливо спросил Книга, закрывая сарай.

— Приказом командования и долгожданным гостинцем для фрицев, папаша.

— Не совсем понимаю…

— Нам с вами, Семен Никитич, приказано поднять в небеса мост через Березину! — тихим, но торжественным голосом сообщил Юлик.

— Это очень хорошо. Теперь встает вопрос, как достать взрывчатку, доставить ее на мост и там замаскировать.

— Успокойтесь, Семен Никитич, — перебил юноша. — Обо всем этом наше командование хорошенько подумало. Часть взрывчатки я сейчас привез. Ее можно незаметно проносить. А теперь ближе к делу. Послушайте наш план…

Поздно вечером, тепло простившись, они расстались. Семен Никитич понимал, что успех взрыва над Березиной — это дело чести всей его жизни. Поэтому осечки быть не должно. Старый мастер хорошо сознавал, что требовались в этом деле исключительная выдержка, спокойствие, хитрость и осторожность…

Обдумав все хорошенько, техник дня через два зашел к шефу охраны моста и не спеша деловито сообщил о неполадках, возникших на мосту в результате весеннего паводка. Бесстрастным голосом сказал, что неполадки нужно побыстрее

устранить и он готов, если ему разрешат, заняться этим. Шеф похвалил мастера за усердие и разрешил произвести нужный ремонт. С этого дня Семен Никитич приходил на работу необычно рано, спускался под мост. Сначала сопровождавший эсэсовец раз или два спустился вниз, а затем стал оставаться наверху. И от случая к случаю лишь заглядывал под мост, просовывая голову через сплетение ферм.

На этом этапе подготовки Семена Никитича больше всего беспокоило, как бы получше замаскировать толовые шашки на дне инструментального ящика и обмануть бдительность немцев, а затем и заложить их в заранее подготовленное отверстие у центральной опоры моста.

Но, как говорят, лиха беда начало. Едва живой прошел Семен Никитич с первой шашкой. Чуть не полдня он кружил возле избранной опоры моста, пока, наконец, не выпал из поля зрения охранника: появились благоприятные секунды, чтобы положить шашку. Обливаясь холодным потом и с колотящимся сердцем, он быстро повернулся, положил четырехсотграммовый брикетик тола и прикрыл его.

Домой пришел усталый и разбитый. «Ведь положил только одну шашку тола, а как переволновался! — размышлял он. — А их надо перетаскать целую сотню. Выдержат ли нервы? Придется носить сразу по нескольку шашек — скорее будет», — уже засыпая, решил он. Со следующего дня Семен Никитич переносил не по одной-две шашки, а закладывал ими все дно своего ящика.

Наконец дни ужасных переживаний позади. Под центральную опору моста, которую Семен Никитич называл «нашей», уложено около сорока килограммов тола. Попрощавшись с семьей, отправлявшейся в условленное место, мастер пошел в сарай. Там он достал взрыватель с часовым механизмом, завел его на раннее утро следующего дня и, тщательно завернув в тряпку, положил в потайной карман. В пиджак сунул гранату, а в ящик уложил две последние шашки тола.

Внутренне патриот хотя весь и напрягся, но уже торжествовал, считая дело законченным. Однако, как это часто бывает, торжество оказалось преждевременным: шеф охраны пожелал лично проверить ход ремонтных работ и вообще состояние моста. Напрасно техник пытался убедить его, что нет надобности офицеру лазить под мост и рисковать жизнью — сорваться или простудиться. Гитлеровец как будто предчувствовал беду и был непреклонен, настаивая на своем.

Такого поворота дела Семен Никитич никак не ожидал и подготовлен к этому не был. Дрогнуло сердце. «Сорвалась операция, пропал труд, все пошло прахом!» — с горечью думал

он. Успех взрыва повис на волоске — ведь при внимательном осмотре моста снизу заложенный им взрывной заряд без особого труда можно было обнаружить!

Но делать было нечего, пришлось вместе с гитлеровцем спускаться под мост. Мастер, цепляясь за крепления, медленно передвигался от одного быка к другому. Проклятый гитлеровец неотступно следовал по пятам и совал свой нос в каждую дырку и щель. Он цепким взглядом осматривал все детали моста. Видя это, Семен Никитич весь холодел.

Вот уже часть моста, за которую он меньше всего беспокоился, осмотрена. Выбравшись на поверхность, немец закурил сигарету и хотел было направиться к той части, где у центрального быка был заложен заряд тола. Нужно было выиграть время, мастер, скорчив жалкую мину и сославшись на сильное недомогание, попросил отложить дальнейший осмотр до завтра. Вид у него был и впрямь ужасный. Однако фашист криво улыбнулся и на ломаном русском языке ответил:

— Ничего, ви будет живи. Рус говорит, не надо завтра делать чего сиводня можно. Ком, ком, герр майстер, — и потащил техника за рукав.

И на этот раз пришлось повиноваться: другого выхода не было. Ковыляя позади нациста, Семен Никитич лихорадочно думал: «Обнаружит фашист тол, и крышка! Что делать? Может, выдернуть чеку из гранаты, и будет сразу конец всем мучениям?» И рука потянулась к карману пиджака. Опомнившись, отдернул ее и громко проговорил:

— Гут, герр шеф. Если рус берется за дело, то доводит его до конца. Я пойду первым.

Гитлеровец не возражал. Мастер решил находиться все время впереди с тем, чтобы собою закрывать основной бык, острие которого со всех сторон было обложено шашками тола и прикрыто с боков.

А фашист, как назло, осматривал все очень внимательно. Ловко цепляясь за перекладины, он теснил мастера.

— Форвертс, герр майстер![13] — кричал он.

«Как мучительно медленно тянется проклятое время», — думал Семен Никитич, бросая взгляд на солнце. Было всего лишь около трех часов дня. С каждым шагом вперед приближалось роковое место… Он еще сильнее побледнел, затрясся как в лихорадке, его начало поташнивать. Плохое состояние мастера заметил и шеф.

— Вы как мильх, герр майстер. Ви больной, но надо работа, работа! Умираль потом будет. Сегодня война, работа надо…

— Да, я знаю, надо работать, — тихо ответил дорожный

техник. В этот миг он случайно глянул на острозубый молоток, лежавший сверху инструментов в ящике. Тут же мелькнула отчаянная мысль. Нужно было какое-то время, чтобы сориентироваться. Обернувшись к обер-лейтенанту, сказал:

— Господин офицер, я тут на минуту задержусь, а вы проходите вперед! — После этого мастер внимательно огляделся кругом: их с немцем никто не видел, и он облегченно вздохнул.

— Корошо, корошо, — ответил тот, осторожно протискиваясь вперед мимо техника. Едва пропустив гитлеровца, Книга со всего размаха ударил увесистым молотком его по голове. Фашист глухо охнул, медленно опустил руки и камнем полетел вниз. Следом скрылся под водой окровавленный молоток.

На мосту, услышав всплеск воды, часовой перегнулся через перила.

— Вас ист лос?[14]

— В реку упал обер-лейтенант! — закричал Семен Никитич, делая вид, что не заметил часового.

— Алярм![15]

— На помощь! — звал Книга.

Несколько гитлеровцев бросились к лодкам.

Как кошка, бросился Семен Никитич к тому месту, где была заложена взрывчатка, быстро сунул туда взрыватель замедленного действия и положил последние шашки тола. «Итак, дело сделано, а теперь будь что будет», — беззвучно прошептал он обветренными губами. Его била мелкая дрожь.

Воспользовавшись суматохой немцев, он проскользнул между фермами моста подальше от места падения офицера и вылез на мост.

Мастера тотчас же обступили встревоженные гитлеровцы. О себе техник не думал. Больше всего он желал, чтобы фашисты вновь не начали осматривать мост и не нашли заряд тола. За семью Семен Никитич не беспокоился: ее еще утром вывезли в партизанский отряд.

Охая и ахая, техник рассказывал немцам о «неосторожности» господина шефа.

— Вы же слышали, — обращался он к знакомому фельдфебелю, — как я ему не советовал лезть под мост и говорил, что это опасно. Когда он упал, я был далеко от него. Еле-еле сам не свалился, а проклятый ящик так и тянул вниз, — говорил он.

— Чего же вы стоите? Нужно искать багры! — крикнул фельдфебель.

— Какое несчастье с шефом! Какое несчастье! — горестно восклицал он, а про себя тревожно думал: «Хотя бы его не

нашли!»

Мастер и гитлеровцы бросились к бараку охранников. Но, к большому удивлению (немцы обычно предусмотрительны), там ни багров, ни шестов не было. В поисках их немцы метались как угорелые. Всюду раздавались крики и брань.

— Здесь недалеко есть пожарная команда. Я быстро сбегаю туда, они приедут и помогут, — предложил мастер фельдфебелю.

Тот согласно кивнул головой. Семен Никитич поставил на землю ящик и быстро пошел вдоль шоссе в сторону Минска.

Скрывшись за поворотом, он с огромным волнением стал ждать попутную машину. На его счастье, скоро появился грохочущий грузовик с досками. Книга «проголосовал» и взобрался на смолистые доски. Машина взревела и тронулась. Через час он был уже в безопасности. Сойдя с грузовика и отдав шоферу приготовленную пачку сигарет, он быстро устремился в густой бор и по тропе, устланной сосновыми иглами, пришел к заброшенной смолокурне, возле которой его уже давно ожидал Юлик. Выбежав навстречу Семену Никитичу из густого ельника, юноша нетерпеливо спросил:

— Ну как там? Чего я только не передумал… Ведь условленное время давно прошло.

— Все в порядке! — ответил уставший техник и, присев на бревне, рассказал Юлику заключительный эпизод с офицером. Партизан выслушал и восторженно воскликнул:

— Да вы же прямо дважды герой, папаша!

— Нет, Юлик, я просто обыкновенный коммунист.

На душе у него было светло и радостно, как это бывает в большой праздник. Этот день запомнился ему на всю жизнь: ведь он твердо встал на верную дорогу славной борьбы с заклятым врагом.

В штабе отряда, размещавшемся в двух-трех километрах от Сухого Острова, мастер с Юликом появились уже среди ночи. Выслушав их, мы от всей души поздравили коммуниста и комсомольца с возвращением и успехом.

— Товарищ комиссар, спасибо за душевные слова, но насчет успеха… еще рановато говорить, — деловито ответил Семен Никитич. — Может всякое случиться. Вдруг кинулись, обнаружили мое исчезновение, начали осмотр моста и нашли заряд… Тогда что?!

К сожалению, Книга мог оказаться прав. И все мы стали с беспокойством ждать утра.

На рассвете над Березиной раздался оглушительный взрыв. Мост вздрогнул, и его южная сторона со скрежетом стала оседать. Это было настолько неожиданно, что охранники-гитлеровцы

сначала просто остолбенели. Опомнившись, они как сумасшедшие заметались. По тревоге примчалась дежурная аварийная команда. За ней почти вслед начали прибывать саперные подразделения. Весь гарнизон, поднятый на ноги, гудел, как растревоженное осиное гнездо. Немцы делали все, чтобы удержать оседавшую громаду. Под мостом росли штабеля шпал. Но все это оказалось бесполезным. К вечеру центральная часть моста настолько просела, что даже пешее движение по нему стало невозможным. По обе стороны моста скопились огромные пробки из все подъезжающих автоколонн и одиночных машин. Все были в смятении, так как никто толком не знал, где теперь найти переправу через полноводную Березину. Да поблизости ее и не было. На севере и юге от Борисова хозяйничали партизаны.

Совершенная диверсия взбесила комендатуру, гестапо и полицию в Борисове. Вину за происшедшее они пытались свалить друг на друга. Их бешенству не было предела еще и потому, что не осталось лиц, непосредственно отвечавших за сохранность моста: командир охраны погиб, а мастер исчез. Все они сошлись на том, что диверсия — дело рук партизан.

Возведение понтонов и подходов к ним потребовало непрерывной работы саперов и понтонеров в течение месяца. Но и это далеко не спасло положение. По понтонам машины шли тихо в один ряд. Пропускная способность понтонов была очень мала, и у переправы всегда скапливалось огромное количество военной техники, создавались большие пробки.

Все это нам уже потом сообщили связные. Утром же мы услышали только одиночный глухой взрыв в направлении Борисова. Ликованию партизан не было конца. Командование еще раз поздравило Семена Никитича и Юлика с заслуженным успехом.

Вскоре меня с товарищем Книгой вызвали к одному из секретарей подпольного обкома партии. Здесь отважного подпольщика и партизана поблагодарили за подрыв моста, проявленное мужество и героизм. На все вопросы коммунист скромно отвечал, что он лишь выполнил свой долг.

— Главную роль сыграли партизаны, они доставили тол, разработали план. Ну а я только, как говорят, исполнитель…

— Семен Никитич, — обратился к нему секретарь, — скромность — дело, конечно, хорошее. Но мы все считаем, что взорвали мост все же вы. Без вас он и поныне стоял бы целехонький. Лучше расскажите, как трудно было, когда каждодневно ходили по краю пропасти…

— Чего теперь вспоминать… Дело прошлое… — как бы оправдываясь, отвечал он. — А по правде говоря, нелегко было

каждый день своими собственными руками смертный приговор носить… себе и семье.

Семен Никитич стал одним из лучших партизан, быстро войдя в нашу дружную семью, он участвовал во многих боевых делах.

Впоследствии по моей рекомендации товарищ Книга был назначен политруком роты. И надо сказать, мы не ошиблись в нем. Политрук умел воодушевлять мстителей на подвиги и смелые вылазки личным примером. Помнится, в мае 1944 года он возглавил дерзкий налет небольшой группы на подразделение фашистов, проверявших и чинивших узкоколейку на участке Будогово — Жодино. Неожиданный налет имел полный успех: партизаны в коротком бою без потерь уничтожили более 20 оккупантов, а двоих привели в лагерь.

Семен Никитич Книга сделал все, что мог, ради скорейшего освобождения родной Белоруссии. Вплоть до прихода наших войск отважный коммунист оставался активным народным мстителем.

Сейчас он на пенсии и живет в Смолевичском районе. Грудь патриота украшают боевой орден и медали.

Подвиг Семена Никитича на реке Березине всколыхнул боровшуюся Минщину, вдохнул свежие силы. Но не дремал и враг…

Однажды взвод Траило после очередного ночного выхода к автостраде остановился на дневку в деревне Мгле. Уставшие бойцы чувствовали себя прескверно: вот уже три ночи подряд они ни с чем возвращаются обратно. Вроде бы и командир лихой, а толку мало: то идут очень большие колонны, то лишь одиночные машины. Взвод на скорую руку позавтракал и расположился отдыхать на большом сеновале, стоявшем на самой окраине села у болота.

— Нужно было бы охрану выставить, командир, — обратился к Траило его помощник.

— Люди устали, пусть отдохнут! Я сам буду охранять, — ответил он. — Побыстрее укладывайтесь, вечером вновь пойдем в засаду на шоссе.

Уединившись в углу сарая, командир взвода начал составлять донесение в штаб. Потом небрежно сунул лист бумаги в полевую сумку, лег на спину и закрыл глаза.

«Дракон», которому благодаря дьявольским ухищрениям удалось пробраться в партизанские командиры, мысленно проверял себя, правдоподобно ли изобразил в донесении трудности, якобы препятствовавшие выполнению боевого задания. «Конечно, поверят! — ухмыльнулся он. — Ведь

командование знает, что я не отступал перед трудностями, хотя это и стоило крови».

Его настойчивость и смелость заметили во время засады под Прилепами. Командир отряда очень уважал и ценил храбрых партизан и командиров.

Надо сказать, что в штабе отряда при рассмотрении вопроса о назначении Траило взводным предлагали не спешить, а получше разобраться в его бесшабашной боевой активности, подчеркнутом беспрекословии в обращении и угодничестве. Однако доверчивый командир продолжал настаивать на своем. Его поддержал Ерофеев, вступивший в должность помощника начальника особого отдела отряда. Так месяца полтора назад вражеский агент, пропущенный эсэсовцами через лагерь военнопленных, заменил погибшего в бою командира взвода.

Лазутчик «Дракон» лежал с закрытыми глазами и прикидывал различные варианты, как лучше выполнить приказ борисовского гестапо, которое предписывало в ближайшее время убрать с дороги начальника особого отдела отряда Чуянова, его заместителей Ерофеева и Лапшина. Эту задачу он должен был выполнить лично, не передоверяя ее другим диверсантам, один из которых уже не оправдал надежды гестапо, хотя во время одного из боев этот изменник стрелял в спину помощника начальника особого отдела Владимира Рогожкина. К счастью, Рогожкин был лишь ранен и через полтора месяца снова стал в строй.

Вдруг заскрипели ворота сеновала, и в узкую щель быстро прошли Ерофеев, а за ним Лапшин. Траило открыл глаза и от неожиданности вздрогнул. Он спокойно отнесся бы к появлению кого угодно, но только не этих партизанских контрразведчиков. В душе трусливый «Дракон» не на шутку встревожился. Одна за другой у него мелькнули мрачные мысли. Однако раздумывать было некогда, и он быстро доложил:

— Товарищ лейтенант, взвод расположился на дневку.

— Почему нет охраны?

— Люди очень устали, и я сам охраняю.

— Заботиться о бойцах командир обязан, но он не должен делать то, что положено делать солдатам.

— Виноват, — ответил Траило, не спуская настороженных глаз с Ерофеева, который, окинув его стройную фигуру, спокойно спросил:

— Впереди есть ваши люди?

— Нет, все здесь, — машинально ответил «Дракон».

— Нельзя так беспечно располагать взвод на дневку. Даже поста не выставили. Если мы нашли вас без труда, то так же легко

вас могут найти и фашисты. Что тогда будете делать?

— Драться будем, товарищ лейтенант! Нам не привыкать! — бойко ответил «Дракон», по характеру «разноса» почувствовавший, что пока его ни в чем не подозревают.

— Поймите — немцы не дураки. Вы уже однажды побывали у них в лапах, а при такой охране вновь попадете.

— Виноват, исправлюсь! — отчеканил лазутчик и, подняв командира первого отделения, приказал выставить посты.

Теперь «Дракона», быстро забывшего о недобром предчувствии, заинтересовало, куда намерены идти офицеры штаба отряда. Чтобы узнать это, он умышленно попросил Ерофеева взять донесение в штаб.

— Сейчас мы идем в другую сторону — в Шпаковщину. Будем возвращаться часа через два и возьмем, — добродушно ответил Лапшин.

— Одни идете в Шпаковщину! — подчеркнуто удивленно спросил Траило. — Разве можно так рисковать, товарищ лейтенант?.. Там вражеские гарнизоны совсем рядом, немцы рыщут по деревням… Разрешите мне прикрывать вас?

— Не тревожьтесь и людей не беспокойте. Мы справимся сами, — решительно отказался Ерофеев, и они с Лапшиным покинули сарай.

Лазутчик потоптался на месте, скорчил лукавую рожу и вдогонку многозначительно произнес:

— Понимаю, товарищ лейтенант… Ваше деликатное дело не любит свидетелей. Извините, не подумал об этом раньше.

«Какая удача! Такой случай подвалил — прямо по заказу! Сегодня же надо действовать!» — решил «Дракон». Едва захлопнулись ворота сеновала, как он растолкал спящего помощника и сказал:

— Еду в штаб с докладом. Остаетесь за меня. Буду к вечеру.

А сам подумал: «Если и не прикончу их, то выслежу пришедшую к ним на встречу «минскую куклу».

И быстро скрылся в лесу.

Ерофеев и Лапшин прошли полем до леса, пересекли проселочную дорогу и пошли по тропинке. Вдвое сократив расстояние, они быстро добрались до Шпаковщины. Не желая лишний раз попадать кому-нибудь на глаза, партизаны обошли деревню и вышли на опушку соснового леса. Осмотрелись, прислушались. Вокруг было спокойно.

— Оставайся здесь для прикрытия, а я пойду к условленному месту. Будь начеку, в случае чего — сигнал крик кукушки, — распорядился Ерофеев и скрылся в кустарнике. Продираясь через густые заросли, он отчетливо слышал довольно близкий гул

моторов с автострады. Поджидая прихода связного из Смолевичей, лейтенант погрузился в размышления. Он никак не мог смириться с тем, что днем немцы на глазах у партизан безнаказанно мчат к фронту эшелон за эшелоном, гонят сплошным потоком автомашины. «Это значит, что мы пропускаем на восток, к фронту, силы и средства врага, которые таят в себе смерть для многих тысяч советских людей…»

Задумавшись, он не заметил, что давно прошел час, назначенный для встречи. Выглянув в последний раз из-за толстой ели и не увидев связного, разведчик внимательно огляделся и положил в расщелину гнилого пня небольшой пузырек с зашифрованной запиской — приказом. И направился к Лапшину.

И, конечно, они совсем не предполагали, что буквально рядом, в лесу, их подстерегала смертельная опасность — в поисках их следов рыскал «Дракон».

Впоследствии мы узнали, что он, как гончая, сбившаяся со следа, метался по лесу вокруг деревни Шпаковщина. И все безрезультатно. Его не оставлял панический страх: ведь стоило контрразведчикам первым обнаружить его, и всему наступил бы конец! Отчаявшись, он то бросал поиски, то вновь начинал их, подхлестываемый мыслью о приказе гестапо. Так повторялось несколько раз… Выбившись из сил и не найдя партизанских чекистов, Траило вернулся к своему взводу.

ФРОНТ БЕЗ ЛИНИИ ФРОНТА

Все сильнее пригревало весеннее солнце. Ожил вековой бор на Кормше. Почти к самому лагерю подступили весело искрящиеся на солнце весенние воды. Холодная зима, полная тревог и лишений, осталась позади.

К весне отряд значительно вырос. Теперь против оккупантов ежедневно выступали многочисленные боевые группы не из одной роты, как это было, например, перед Новым годом, а уже из трех рот, насчитывавших около пятисот бойцов. На вооружении у нас уже были десятки трофейных ручных пулеметов, несколько наших станковых пулеметов «максим» и даже отечественные минометы.

В горниле партизанской войны выковалось и закалилось немало отважных командиров-вожаков. Первую роту водил в бой Иван Михайлович Демин, а вторую — бывший участник рейда 2-го гвардейского кавкорпуса генерала Доватора по тылам врага гвардии старший лейтенант Григорий Анисимович Щемелев. Бойцов третьей роты возглавлял бесстрашный лейтенант Иван Фоминков. Это он, узнав, что из Судабовки в лес возле Острова за дровами выехал немецкий конный обоз, недолго раздумывая, бросился туда с небольшой группой партизан. Дерзкий налет увенчался полным успехом: был уничтожен вражеский взвод, взято четыре пулемета, двадцать винтовок и весь конный обоз.

К числу лучших лесных гвардейцев мы по праву относили также белокурого весельчака и храбреца политрука Ивана Прочакова, степенного лейтенанта Олега Довноровича, капитана Казиева Лятифа Алиш-оглы, политрука Георгия Массолова, лейтенантов Ромашко, Шимановича и многих других

партизанских командиров.

Наша большая партизанская семья жила суровой боевой жизнью, наносила по врагу беспрестанные удары. На непокорившейся белорусской земле не было такого места, где проклятые народом оккупанты чувствовали бы себя спокойно. Армия народных мстителей ежедневно пополнялась, расширялись ее владения. Противник все сильнее ощущал результаты партизанских ударов. Так, еще осенью 1942 года он был вынужден отказаться от ночных автопереброс по магистрали Минск — Москва. Враг фактически лишился возможности использовать наземные линии связи вдоль Минского шоссе. Даже круглосуточная работа аварийных команд не обеспечивала полного восстановления того, что партизаны успевали вывести из строя за ночь. Фашистам не помогали ни патрули на бронемашинах, ни танки, ни многочисленные минные и проволочные заграждения.

Руководители гитлеровского рейха и командование вермахта, уверовав в бредовую теорию о России — «колоссе на глиняных ногах», при разработке плана нападения на Советский Союз не предполагали возможности возникновения активного подполья на оккупированной советской территории.

Западногерманский историк Эрих Хессе в книге «Советско-русская партизанская война 1941—1944 гг. в отражении немецких военных инструкций и приказов» отмечает, что перед войной и в первые дни войны главари германского государства рассматривали партизанское движение лишь как «назойливое зло», уничтожить которое можно будет сразу же после разгрома Советской Армии.

Однако жизнь сказала свое решающее слово. Уже в июле 1941 года штабы групп армий «Центр» и «Север» доносили в Берлин о возникших в результате действий партизан трудностях снабжения и обеспечения войск.

Столь активное выступление патриотов с оружием в руках вынудило оккупантов пересмотреть свой взгляд на партизанское движение. 23 июля 1941 года в срочном порядке командование вермахта издало директиву по борьбе с партизанами, за ней последовали директивы от 16 сентября и 25 октября. В директивах предусматривались драконовские меры по отношению к борющимся советским патриотам…

Все это оказалось неэффективным. Партизанское движение с каждым днем росло и набирало силу. Гитлер в своем приказе № 46 от 18 августа 1942 года бил тревогу:

«…Действия партизанских отрядов на Востоке за

последние несколько месяцев стали крайне опасными и ныне представляют серьезную угрозу нашим коммуникациям, идущим к фронту».

Он потребовал для ликвидации партизанского движения использовать фронтовые части.

Буржуазные историки нередко пытаются доказать, будто вермахт не принимал участия в карательных акциях на оккупированной территории. Факты говорят о другом. А именно: если до появления приказа № 46 в «наведении порядка» в тылу немецких войск участвовало 10 охранных дивизий, 27 полицейских полков и 144 полицейских батальона, то осенью 1942 года к этим силам были приданы 15 полевых дивизий. К весне 1943 года количество участвовавших в борьбе с партизанами дивизий вермахта увеличилось до 25. Вместе с ними действовали части СС и СД, а также вспомогательные войска.

В соответствии с приказом Гитлера № 46 с августа 1942 года предпринимаемые вооруженные акции против партизан на временно оккупированной советской территории рассматривались командованием вермахта как «выполнение задачи, равной другим фронтовым задачам».

На одном из совещаний высшего командования вермахта Гитлер озлобленно сетовал, что наряду с другими сильными средствами ведения войны большевики создали и новый грозный вид оружия, именуемый «партизан». Не случайно вермахту предписывалось подобно тому, как он вел борьбу против советских «катюш» на фронте, «всеми средствами» бороться против партизан в тылу. При всех штабах вермахта были учреждены специальные должности офицеров, на которых возлагалась ответственность за борьбу против партизан. В их распоряжение передавались отличившиеся в боях части вермахта, а также зондеркоманды, укомплектованные уголовными элементами и преступниками.

Западногерманский историк Хессе свидетельствует о том, что немецкому командованию, несмотря на многочисленные попытки, в 1942 году не удалось разработать действенный способ подавления партизанского движения.

«Почти все концентрированные операции немецких войск против партизан, — пишет он, — оказывались ударом в пустоту».

В декабре 1942 года гитлеровцы издали новую директиву, в которой предписывалось вести борьбу против партизан «всеми жесточайшими методами». В ней указывалось, что ни один немец

не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности или к суду военного трибунала за свое поведение в ходе борьбы против партизан и их пособников. К последним они относили младенцев и престарелых. Оккупационным властям предписывалось создавать «оборонные деревни». Такие деревни появились и в районе наших действий — Ляховка, Сорское, Белое болото. И это оккупантам не помогло. Враг по-прежнему терпел неудачи, хотя и менял тактику борьбы.

В конце марта во многих соседних с нами немецких гарнизонах сосредоточивались крупные боевые части с орудиями и танками. Это говорило о том, что над отрядом нависают грозовые тучи. Да это и было понятно. Наша боевая активность резко возросла, и теперь немцам было крайне необходимо поскорее разделаться с нами. Притом весной это сделать было легче, чем морозной и снежной зимой. Они хотели любой ценой расчистить себе дорогу для создания запасного укрепленного района на Березине и Гайне.

Кроме решения этой стратегической задачи, оккупанты стремились выполнить строгое указание Геринга и приказ командующего полицией безопасности и СД от 19 марта 1943 года о захвате дармовой рабочей силы для вывоза в Германию. Войскам и полицейским карателям предписывалось вместе с тем при захватах деревень «не оставлять ни скота, ни продовольствия». Далее предлагалось «не обращать внимания на то, что сельскохозяйственное производство на оккупированной территории захиреет».

Нам не пришлось в ту весну читать приведенные выше указания главарей фашистского рейха, но мы видели исполнение их на деле. Вермахт, полиция безопасности, СД и чиновники никогда не ограничивали себя в жестокости по отношению к советским людям. Свидетельство этому — преднамеренный разбой и грабежи на Минщине и в Борисовско-Бегомльской зоне весной и летом 1943 года.

Кроме вооруженной силы, оккупанты активно использовали против борющегося советского народа свою агентуру и провокаторов. Сражения на невидимом фронте происходили днем и ночью и почти всегда приобретали весьма острые формы. О таких схватках с врагом многое еще скажут мемуаристы.

Контрразведке отряда приходилось иметь дело с вражескими лазутчиками, диверсантами, террористами и целыми лжепартизанскими бандами, созданными абвером, гестапо или СД.

Гестапо и абвер упорно и настойчиво протягивали свои невидимые щупальца и к нашему партизанскому отряду. В

прилегающих лесах начали все чаще бродить подозрительные «любители» весенней природы, в ближайших деревнях стали появляться часовые мастера с явной военной выправкой, блуждали торговки и сомнительные военнопленные.

В это тревожное время из подпольного обкома партии на основании данных, полученных от советской разведки, проникшей в Ново-Борисовскую диверсионно-разведывательную школу абвера, нам сообщили точные приметы одного из гитлеровских лазутчиков, посланного в наш отряд.

И действительно, чуть ли не на следующий день к нам пожаловал под видом советского военнопленного новоиспеченный диверсант. Приметы совпали. Раньше он был полицаем. Зная все это, нам было нетрудно уличить фашистского наемника.

На допросе под неопровержимыми уликами он сразу же «раскололся», перепугался и взмолил о пощаде. Показания полицая были довольно скудными. То, что он знал о диверсионно-разведывательной школе в Ново-Борисове, было известно и нам. Заинтересовало нас другое. Он утверждал, что в разное время под видом бежавших военнопленных и с другими «легендами» абверовцы заслали в отряд несколько диверсантов. Это заставило нас крепко задуматься, тем более что этот сигнал был не первый.

— Знаешь ли хоть одного из засланных к нам мерзавцев? — строго спросил лазутчика Чуянов.

— Одного во время обучения я знал в лицо, но мне неизвестно, куда он направлен — к вам или в другой отряд.

— Что еще знаешь — все выкладывай! От этого зависит твоя судьба.

— Возможно, это не относится к делу, но расскажу. В борисовской тюрьме нам показывали действие на людей мышьяка, засыпанного в пищу, — раздался неуверенный ответ.

Я на миг задумался, вспомнив совеем недавно повторную попытку одного из пойманных лазутчиков засыпать мышьяк в наш котел. Это и был человек, которого прислали с инструкциями для Ирмы.

— Вот откуда ниточка тянется! — шепнул мне Чуянов, продолжая допрос. — Расскажите об этом подробно. На ком проводились испытания?

— Точно не знаю, но люди в камере были страшно худыми. Одеты были в гимнастерки. Было еще два подростка по 14—15 лет. Бедняги ребята будто чуяли беду и наотрез отказывались есть отравленную похлебку. После сильных побоев они, горько плача, все же проглотили похлебку… и мучились дольше всех.

— Вот гады! — не выдержав, крикнул Чуянов. — За это четвертовать надо! Назовите фамилии убийц!

— К сожалению, не знаю, — побледнев, проронил полицай. — Меня сразу провели в отдельную кабину с окошечком и закрыли. Рядом стояло еще несколько таких же кабин. Потом всех по одному отвели обратно. Из тюремного начальства я тоже никого не знаю…

— Говорите правду!

— Клянусь, что говорю чистую правду! Поверьте, сказал все, что знал. А еще прошу, — тут он грохнулся на колени и зарыдал, — не расстреливайте и не вешайте меня… Я еще ни одного человека не предал и не убил… Я… я… искуплю вину. Готов на все!

— Наказание тебе присудит народный суд, — ответил я ему. — Но заранее скажу, что мера наказания зависит и от тебя. Если твои руки не обагрены кровью советских людей и ты навсегда хочешь порвать с врагами Родины и поможешь нам выявить других диверсантов, то суд, может, и позволит тебе искупить вину…

Вскоре мы получили подтверждение, что он был довольно безвредным полицаем и не успел причинить большого вреда. Дело его было специально рассмотрено нами. Сначала было решено негласно показать лазутчику трех человек, поведение которых у многих из партизан вызывало те или иные подозрения. Один был трусом, а другой — пьяницей, корчившим из себя дурачка. Третий в корне отличался от них — это был довольно храбрый, ловкий и дисциплинированный боец. Но он был, пожалуй, слишком общительным, а главное, любил заглядывать куда не надо: часто вертелся возле штаба отряда и особенно у землянки радистов. Все три типа в разное время прибыли зимой в отряд из района Борисова.

Под разными предлогами их провели возле окна штабной землянки, в которой находился Чуянов и подследственный.

— Не тот! Не знаю и этого, — отрицательно качал головой полицай, когда мимо прошли первый и второй подозреваемые.

Он без колебаний сразу же опознал третьего:

— Он, клянусь матерью, это он! Проверьте, у него на правой щеке черная бородавка.

— Он знает вас в лицо?

— Знает, вместе учились в гестаповской школе. Помнится, назывался Мешковым.

— Но это не Мешков.

— Я знаю его как Мешкова. Он исчез вскоре после того, как немцы устроили инсценировку сдачи партизан в плен, снятую на

кинопленку. Вывезли человек 100 истощенных и грязных пленных к разгромленной и сожженной партизанами автоколонне под Белыми Лужами. Дали обреченным неисправные и без затворов старые винтовки и начали снимать. Смотрите, мол, какие доходяги партизаны и как они под силой германского оружия сдаются в плен! Немцы строчили из автоматов и пулеметов… Одни пленные падали, другие бросали оружие и подымали руки. Обратно привели меньше половины вывезенных. В тот же вечер, говорят, из лагеря бежала группа пленных. Я ничего определенного сказать не могу, но не исключено, что среди них был и он.

«Мошков» тотчас же был арестован. Он пытался отпираться, божился, клялся, что он честный советский человек и ненавидит фашистов:

— Мой арест — какое-то недоразумение! Я готов выполнить любое задание и доказать преданность!

— Хватит, Мешков! — не выдержал Чуянов.

Подлец растерялся, задрожал, но сейчас же спохватился:

— Я Мошков, а не Мешков. Говорю же, что здесь явная ошибка. Меня принимают за кого-то другого… Вот смотрите — у меня сохранилась даже красноармейская книжка.

Когда в землянку для очной ставки ввели его бывшего однокашника-полицейского, Мешков остолбенел. Приведенный подтвердил свои показания. Однако Мешков быстро овладел собой. Даже понимая, что дальнейшие увертки ни к чему, он все же настойчиво ставил под сомнение показания полицая:

— Он враг и предатель, а вы ему верите! Это же гестаповский диверсант и провокатор, понимаете?! Я его совершенно не знаю, он спутал меня с кем-то…

После некоторой паузы полицай, внимательно разглядывая Мешкова, уверенно заявил:

— Это он! Видите черную бородавку? Пусть не юлит!

— Шкура! Сволочь! — презрительно процедил разоблаченный лазутчик. Тут произошло нечто неожиданное. Он как-то сжался, будто кошка перед прыжком, и через мгновение бросился на полицая, мертвой хваткой вцепившись в его глотку. Однако сильный удар помощника Чуянова быстро осадил злобного предателя. Придя в себя, он тут же раскис и в истерике начал биться головой о стенку землянки, вопя: — Я ненавижу вас, большевики! Ваши карты биты, а дни сочтены, запомните это! Стреляйте! Режьте! Но от меня ничего не узнаете. Жаль, что мне не удалось свести счеты с вами — чекистами. Хайль! — истошно взвыл диверсант и, упав на пол, забился в истерическом припадке.

Когда его, окатив водой, поставили на ноги, Чуянов сказал:

— Идиот! Если бы ты не был ослеплен ненавистью, то смотрел бы на все по-иному. Но теперь поздно!

Глядя на хищный оскал его лица, я почему-то вспомнил о предательском донесении, посланном из лагеря в гестапо после ухода наших девушек-связисток и подписанном «Лесной волк». «Надо проверить — не он ли?» — быстро мелькнула у меня мысль. И я как можно спокойнее сказал Чуянову:

— Ну вот и «Лесной волк» финишировал…

Удар был настолько неожиданным и точным, что диверсанта всего передернуло. Поняв, что пощады ему не будет, он в исступлении выкрикнул:

— Ненавижу вас! Убивайте! Но знайте, за «Лесного волка» вам еще припомнят гестаповские драконы…

Больше ничего мы от него не добились. А на истерические вопли о драконах, откровенно говоря, не обратили внимания. А зря!

…Поздно ночью решалась участь раскаявшегося лазутчика-полицая. В штабе разгорелся спор. Одни требовали расстрелять.

— Они, подлюги, мышьяк засыпают в наш котел, отравляют, жгут и вешают советских людей, а мы с ними возимся. К стенке предателя, и дело с концом! — гневно шумел Кисляков.

Другие считали возможным и полезным предоставить полицаю возможность искупить вину. После долгих дебатов решили использовать его для разведки против немцев. Он был назван «Фигаро» и после соответствующей подготовки получил от Чуянова контрспецзадание. Мы не просчитались. Благодаря правдоподобной «легенде» о причинах его возвращения ему удалось обмануть гестаповцев и остаться у них на службе. От него поступил, как увидим ниже, ряд важных сведений…

Нам стало известно, что противник решил провести против нашего отряда карательную операцию довольно крупного масштаба. Проанализировав поступающие данные, в том числе и донесение «Фигаро», мы убедились, что блокаду гитлеровцы начнут в самые ближайшие дни. Не было никаких сомнений в том, что при любых вариантах осуществления блокады немецкое командование обязательно постарается расположить часть своих сил по узкоколейке. Об этом, в частности, свидетельствовало то, что в конце зимы оккупанты срочно восстановили до рубежа реки Гайны полотно и мосты на узкоколейке, которые мы довольно основательно разрушили еще осенью.

По нашему предположению, командование карательной экспедиции, основываясь на устаревших данных об отряде,

наметило следующий план. Немцы были уверены, что отряд, находящийся в лесном массиве в районе Гребенчука, во всех случаях будет переходить к жесткой обороне основной базы. Это «наше твердое намерение» в целях дезинформации мы постоянно «доводили» до эсэсовцев через своих связных, а последний раз — через «Фигаро». Исходя из этого, они решили, захватив рубеж узкоколейки, блокировать отряд, а затем уничтожить его методическим наступлением. По их расчетам, отступать на юг мы не могли, так как там тянулся обширный почти открытый участок, а за ним проходили оживленная автомагистраль и круглосуточно охраняемая железная дорога Минск — Москва.

На западе непреодолимым барьером для партизан фашисты считали широко разлившуюся Гайну и Гайнское болото. Основной удар они замышляли нанести крупными силами мотопехоты и танков с востока. Штаб карателей полагал, что стоит только оседлать узкоколейку, разделив тем самым лесной массив на две части, как наши коммуникации на севере окажутся перерезанными. Этим оккупанты надеялись захлопнуть западню и зажать партизан в мешке. Расправиться с нами на суше гитлеровцы намеревались пехотой и танками, а тех, кто сумеет прорваться к реке и болоту, расстрелять с самолетов. Уничтожив отряд, гитлеровцы получали бы беспрепятственный доступ в Логойский и Плещеницкий районы, богатые строительными материалами (лесом и камнем), необходимыми для возведения по западному берегу Березины тыловой оборонительной укрепленной полосы.

Оценив складывающуюся обстановку, мы с командиром и начальником штаба решили сманеврировать отрядом и тем самым спутать планы карателей. До рассвета отряд бесшумно покинул обжитый Гребенчук и переправился на левую сторону Гайны. Первая рота расположилась в бывшей школе на Антопольской высоте, вторая находилась в глубине соснового бора близ деревни Ляды. Третья ушла на север — в район деревни Швабовки. Штаб, часть разведки и хозяйственный взвод остановились в деревнях Заречье и Сутоки.

Расчеты врага оказались бы верными, если бы отряд пассивно оставался в старом районе. Не зная наших истинных планов, враг готовился окружить лесной массив, где оставались лишь пустые землянки да набитые соломой и сухими листьями чучела в немецкой форме. На наиболее вероятных направлениях появления карателей наши саперы установили и замаскировали значительное количество противопехотных мин нажимного действия. При входе в лагерь и на всей его территории вокруг землянок повесили дощечки с надписями: «Берегись!

Заминировано!», а кое-где и в самом деле поставили мины.

Скрытно и быстро выведя отряд из подготавливаемой ему западни, командование и штаб решили неожиданным и смелым ударом разгромить первую группу карателей, которую они, несомненно, должны выслать по узкоколейке. От исхода этой операции зависело многое. Нам хотелось показать им, что блокировать нас не так-то просто.

Наш прогноз оправдался. Разведка установила, что на станции Жодино уже был оборудован специальный состав для перевозки немецкого подразделения, чтобы оседлать узкоколейку. В состав входили платформы, оборудованные как подвижные укрепленные огневые точки. Их фашисты вымостили железнодорожными шпалами, по краям уложили мешки с песком, а между ними соорудили бойницы и пулеметные гнезда. Пока только не было известно, когда и сколько карателей будет выслано на этих платформах в первую вылазку и как они будут вооружены.

Эти данные были получены поздней ночью. Из Жодино в штаб прибыл наш связной — лейтенант Ромашко. Он доложил, что утром из Жодино немцы выдвинут по узкоколейке около роты — до 100 человек, вооруженных пулеметами, автоматами, винтовками и гранатами.

В засаду было решено выдвинуть нашу первую роту. Все было взвешено и продумано до мелочей. Перед рассветом рота под руководством мужественного и хладнокровного Демина и комиссара Лихтера, погрузив на подводы партизанскую «артиллерию» — 10 тяжелых снарядов, — отправилась к узкоколейке. Третья рота под командованием лейтенанта Фоминкова с целью отвлечения части сил противника выступила на ответвление от автомагистрали шоссе Москва — Вильнюс.

Над деревьями низко неслись сплошные облака. Моросил густой мелкий дождь, часто переходящий в снег. В общем, для партизанской вылазки погода была в самый раз. Походную колонну замыкали медсестра Валя Бондарева и политрук Прочаков.

Рота благополучно прошла Кормшский лес, пересекла поляну и добралась до места засады. Подрывники быстро установили на узкоколейке снаряды, протянув от них подрывные шнуры. За это время остальные замаскировались вдоль насыпи в обледеневшем кустарнике и изготовились к бою. Начинало светать.

Ждать под дождем на холодной расквашенной земле было, конечно, не очень-то приятно. Но вот до партизан донеслось сначала тихое гуденье рельсов, потом из-за макушек деревьев показался черный дым. А вскоре все увидели пыхтевший паровоз.

Состав плелся так медленно, что казалось, будто он крадется по рельсам. Перед небольшим деревянным мостом, примерно в двухстах метрах от засады, он остановился. На землю важно сошли два офицера, солдаты с пулеметом и тремя овчарками. На платформах, за мешками с песком, настороженно зашевелились рогатые каски карателей. Из бойниц грозно смотрели стволы пулеметов и винтовок. Сошедшие гитлеровцы нерешительно огляделись по сторонам и трусливо зашагали к небольшому, недавно восстановленному деревянному мосту. Тщательно осмотрев его, они поспешно вернулись и вскарабкались в тамбур паровоза. Вслед за ними впрыгнули и собаки. Тотчас до партизан донеслась команда:

— Форвертс!

Паровоз вздрогнул и не спеша потащился. Демин, руководивший операцией, весь напрягся и решительным жестом подал сигнал подрывникам. Через несколько секунд безотказно сработала наша «артиллерия»: почти одновременно под небольшим составом взорвались все десять снарядов, заложенных в полотно узкоколейки. Взрывы произошли с перекатом, что еще больше увеличило эффект. Для фашистов, успокоенных только что произведенным осмотром моста, это показалось потрясающе внезапным. На землю то тут, то там шлепались в грязь куски шпал, рельсов, мешки с песком, исковерканное оружие, убитые и раненые немцы. Едва стихли взрывы, как раздался дружный и мощный партизанский залп. Со стороны разбросанных, покореженных платформ неслись крики и брань. Но вскоре начали раздаваться и ответные беспорядочные очереди из пулеметов и автоматов. Над головами партизан засвистели пули, с треском разрывавшиеся в ветвях кустарника. Немцы вели огонь разрывными пулями. Уцелевшие фашисты залегли на некоторых платформах и противоположной стороне узкоколейки. Постепенно их огонь становился сильнее и организованнее. Попав в засаду и чуя смертельную опасность, немцы упорно отстреливались. Партизанская рота, хотя и нанесла врагу взрывом большие потери, все же оказалась прижатой к земле из-за выгодного расположения на высоте противника.

— Фойер![16] — с надрывом раздалась команда на узкоколейке, и спустя секунду последовал приказ: — Форвертс!

Через насыпь поползла плотная вражеская цепь. Гитлеровцы дали дружный залп в сторону партизан и с диким криком ринулись в лобовую атаку.

Вскрикнул за кустом один партизан, у березы застонал другой… Перед атакующими взметнулся с земли Василий Лаврухин, дал длинную автоматную очередь по гитлеровцам и,

прошитый пулями в грудь, упал на землю. Падали и каратели. Но, не обращая внимания на потери, гитлеровцы наседали. Вот они почти рядом, менее двух десятков метров…

Зашевелилась в тревоге засада. Казалось, не выдержат больше нервы накала боя… и вдруг с левого фланга по цепи противника полоснула свинцом длинная пулеметная очередь, за ней вторая, третья. Это пулеметчик Николай Матвеевич Кудревич, бывший подпольщик из деревни Тадулино, строчил из очередного диска, только что перезаряженного вторым номером Владимиром Кононовым под пулями врага. Цепь поредела и споткнулась. С воплями гитлеровцы ринулись обратно на насыпь. Николай Матвеевич вскочил с земли и, стоя во весь рост, строчил им вдогонку короткими очередями, сопровождая их крепкими словами. Когда уцелевшие гитлеровцы перевалили через узкоколейку и готовы были открыть ответный огонь, Кудревич снова плотно прижался к земле для перезарядки дисков пулемета.

Дуэль не на жизнь, а на смерть длилась около часа. Оставшихся в живых оккупантов партизаны прочно приковали к земле. Постепенно их огонь стал стихать. Каратели, не имея возможности отойти под нашим огнем, понимали, что они могут спастись, только лишь оттягивая время, необходимое для подкрепления. Они начали окапываться, получше прятаться за насыпью и уцелевшими платформами, а также экономить патроны, ведя прицельный огонь. Время работало против партизан. Поэтому Иван Михайлович Демин решил, что с гитлеровцами надо покончить быстро и решительно. Для этого требовалось незаметно сманеврировать частью сил, нанести неожиданный и смертельный удар в самое уязвимое место — с фланга и тыла. Эту чрезвычайно трудную задачу он возложил на группу партизан, которую приказал возглавить политруку Прочакову.

Как только бойцы этой группы начали отползать по-пластунски через кусты в сторону, рота усилила огонь по немцам, втянув их в огневую перестрелку. Ведя бой, все напряженно следили, как Прочаков со своими бойцами незаметно подобрался к узкоколейке далеко в стороне, в зоне, где им уже не угрожал огонь фашистов. Еще миг, и партизаны, увлекаемые отважным политруком, быстрым броском переметнулись через насыпь и скрылись в низком кустарнике. Гитлеровские командиры видели это, но, прижатые к земле нашим огнем, были бессильны парировать удар. Неотвратимый натиск группы Прочакова решил исход боя. Каратели, зажатые с двух сторон в огневые клещи, понесли большие потери, дрогнули и заметались. Замолчали их последние пулеметы. Яростно огрызались лишь отдельные

автоматчики. По сигналу Ивана Михайловича рота решительно ринулась вперед, забросала немцев гранатами и завершила разгром. И только теперь партизаны увидели результаты боя. В кювете, отдуваясь последними струями пара, лежал разбитый паровоз. Исковерканные платформы, вывернутые шпалы и мешки с песком загромождали насыпь узкоколейки. По обе стороны валялись пулеметы, автоматы, винтовки, убитые фашисты, и, уткнувшись носом в землю, валялись две оскалившиеся ищейки. Из всего карательного отряда спаслась бегством лишь одна собака-ищейка.

Партизаны, не теряя времени, начали сбор немецкого оружия и боеприпасов. Раскрасневшийся Иван Прочаков спешил к подводе с первым трофеем — бельгийским пулеметом и двумя коробками патронных лент. Положив их, он бегом вновь направился к узкоколейке. И тут произошла роковая случайность. Едва Прочаков поравнялся с распростертым на земле умирающим фашистским офицером, как тот, слегка приподнявшись, быстро вытянул руку. Сверкнуло дуло бельгийского маузера, и в тишине вдруг раздался громкий выстрел… Все вздрогнули и обернулись. Прочаков, схватившись за грудь, выпрямился, покачнулся, сделал два небольших шага вперед и без единого звука медленно рухнул на протянутые руки подоспевших товарищей. Немецкая пуля остановила сердце советского патриота, политрука и любимца роты. Кто мог предполагать, что этот нелепый случай уже после боя вырвет из наших рядов одного из самых отважных партизан.

Рота Демина одержала большую победу. Но радость партизан была омрачена тяжелой утратой — гибелью политрука Ивана Прочакова. Бойцы, горестно опустив головы, шли за подводой с телом погибшего политрука и четырьмя ранеными партизанами. Колонну замыкали подводы, нагруженные 16 исправными пулеметами, 50 автоматами, винтовками и патронами. Полсотни бойцов обзавелись пистолетами. Последним устало отшагивал батальонный комиссар Лихтер, изредка косившийся на дырки, простреленные в шинели.

Мрачно насупились низко плывущие тучи, моросил густой дождь. Мокрые бойцы шли уже без разбора — по сплошной грязи. К обеду вошли в Юрово. Перед телом политрука, которого хорошо знали во всей округе, крестьяне молча снимали шапки, низко склоняли головы, а женщины и девушки не скрывали слез.

К подводам с ранеными жители несли бинты, простыни, хлеб, горячее молоко. Старик Шемпель, живший против школы, снял с себя кожух и осторожно укрыл им побледневшего от потери крови и холода Лаврухина.

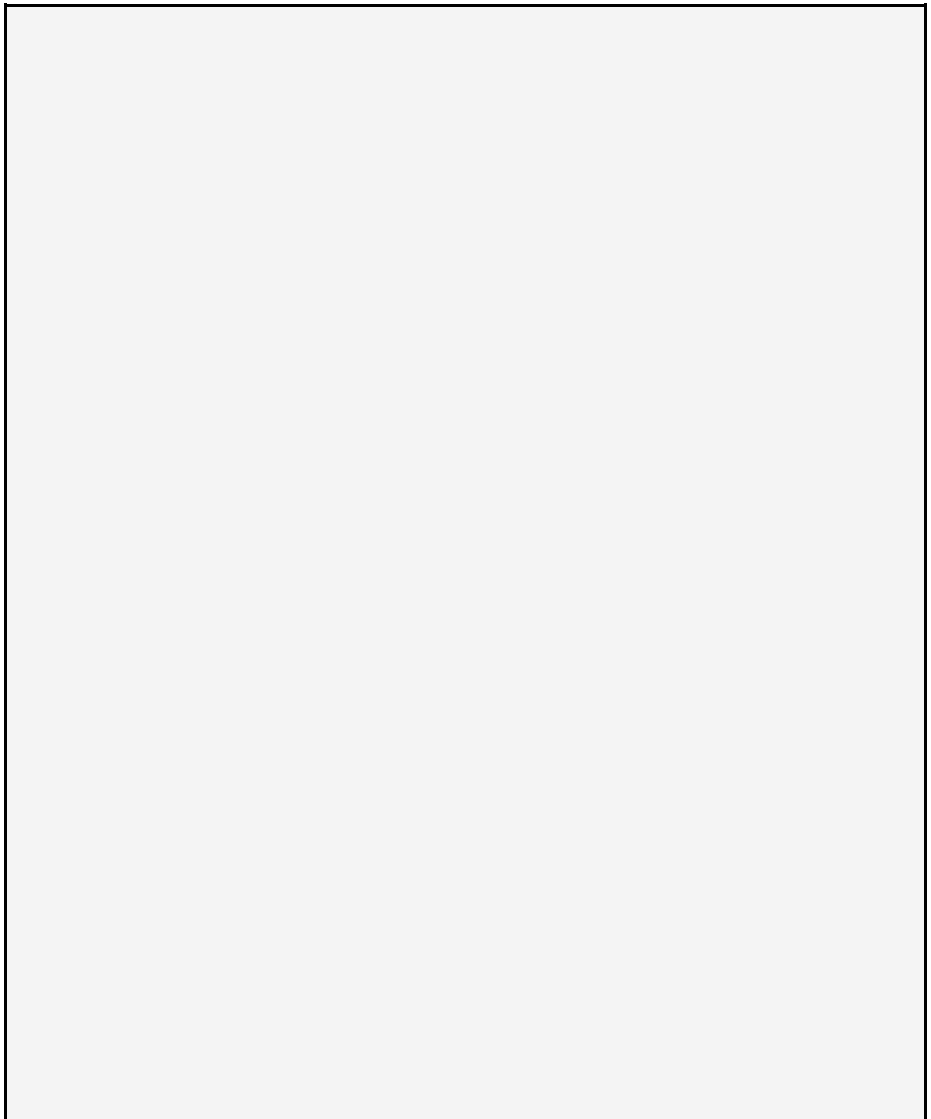
Вечером на кладбище в Заречье состоялся траурный митинг.

Боевое оружие политрука Прочакова — автомат и пистолет — перед строем вручили молодому партизану Николаю Силичу. Преклонив колено, боец поцеловал оружие и, затем став «смирно», сказал:

— Клянусь до последнего дыхания не выпускать из рук это оружие, не щадя жизни, бить ненавистного врага! Я обещаю бить оккупантов за двоих!

И надо сказать, что он сдержал свое слово. Силич мужественно и смело мстил врагу за Прочакова, за своего заживо сожженного отца, за кровь и слезы советских людей.

Трехкратно прогремел партизанский прощальный салют, и рота двинулась к отряду.



Противник предполагал, что главные силы отряда сосредоточены в Кормшском лесу за рекой Гайной. В приказе от

24 марта 1943 года командира особого батальона СС (подпись неразборчива) говорилось:

> «…Немецкие и полицейские дозоры неоднократно обстреливались из деревень Свидно и Загорье. Противник всякий раз отходил на север, через Гайну и занимал оборонительные рубежи в деревнях Ляды и Сутоки. Тщательно проведенной разведкой установлено, что речь идет об активной бандитской (так гитлеровцы называли партизан) группе, которая прибыла из района озера Палик и все больше продвигается на юг и юго-запад. Банда насчитывает примерно пятьсот человек…
>
> Задача: зондербатальон СС Дирлевангера изгоняет охранение противника возле деревни Свидно, преследует его до лагерей возле деревень Ляды и Сутоки, захватывает и разрушает эти деревни…»

Далее из приказа видно, что, кроме особого батальона СС под началом лютого палача Дирлевангера (кстати, этот батальон состоял исключительно из уголовных элементов: убийц и воров, набранных из тюрем), в операции принимали участие две роты изменников и полицейские команды.

Патриоты из Логойска сумели вовремя предупредить отряд об опасности. К утру по нашему сигналу эвакуировались в леса за речушку Цна все жители деревень Ляды, Сутоки, Антополье, Заберезовка. На рассвете мы встретили убийц и грабителей сильным пулеметным огнем из засад. Только к вечеру оккупантам удалось потеснить наши роты (кончились боеприпасы) и занять деревни Ляды и Сутоки, но в них не было ни одной живой души.

Как позже стало известно, убийца Дирлевангер и гауптштурмфюрер СС палач Вильке и их батальоны повинны в сожжении 19 марта деревень Прилепы, Ляды, Дубрава и Сутоки. Эти же гитлеровцы повинны и в трагедии деревни Хатынь, о которой с гневом и болью рассказывают людям колокола мемориала.

После разгрома гитлеровской Германии в «свободном» мире появились адвокаты фашизма, которые стремятся дать возможность военным преступникам уйти от ответственности за кровавые преступления на нашей земле. Уцелевшие гитлеровские палачи, фальсификаторы истории и нередко органы юстиции на Западе кивают сегодня на своих подручных — местных полицаев и прочий запродавшийся им сброд.

Напрасно усердствуете, господа! Советским людям хорошо известно, кто, когда и где свершил кровавые злодеяния.

Подсчитано и подтверждено документами, что фашистские

варвары только на территории Белоруссии превратили в руины 209 городов и городских поселков, 9200 сел и деревень. В сотнях из них были уничтожены мирные жители. От рук оккупантов в республике пало 2 миллиона 230 тысяч советских граждан. Разве такое страшное преступление может быть когда-нибудь забыто? Никакие ухищрения врагов нашей Отчизны не могут затмить правду.

Почти одновременно с успешно проведенной на узкоколейке операцией первой роты была осуществлена вторая, не менее дерзкая операция третьей ротой во главе с лейтенантом Иваном Фоминковым в районе деревни Батуринка, что на шоссе Вильнюс — Московская автомагистраль.

Перед рассветом партизаны по длинной полосе перелеска вышли к шоссе и заняли огневой рубеж за штабелями заготовленных дров. Минеры заложили на проезжей части шоссе мины-снаряды, замаскировали их почерневшим талым снегом, протянули шнуры в укрытие и затаились в тревожном ожидании. Наконец дозорный просигналил о движении со стороны Вильнюса грузовиков противника. Вот появился первый, второй, третий, еще и еще. В кузовах поблескивали на солнце рогатые каски.

— Артиллерия, огонь! — команда лейтенанта Фоминкова затерялась в перекате сильных взрывов. И на этот раз отлично сработала бесствольная партизанская «артиллерия». В считанные секунды было уничтожено три грузовика и живая сила в них. Рассчитывали на четыре, но… оборвался шнур, и один снаряд от 152-миллиметровой пушки не сработал.

Колонну охватила паника. По гитлеровцам, выпрыгивавшим из уцелевших грузовиков, почти в упор ударили четыре пулемета, семнадцать автоматов и около трех десятков винтовок…

В этом бою, кроме командира роты Ивана Фоминкова и его помощника по разведке Володи Рогожкина, отличились комсомольцы Дмитрий Булавский и Олег Довнорович. Они установили ручные пулеметы на штабеля дров и прицельным огнем срезали около трех десятков гитлеровцев. Прикрываясь огнем, рота без потерь отошла в свою лесистую зону.

Внезапный удар роты Фоминкова по автоколонне был для оккупантов раскатом грома в ясном небе. Гитлеровцы не ожидали, чтобы в безлесной полосе среди белого дня в считанных километрах от таких крупных гарнизонов, как Минск, Острошицкий городок и Логойск, была почти полностью разгромлена автоколонна с войсками, двигавшимися в боевой готовности к фронту…

Успех этой операции и полное уничтожение передовой роты врага на узкоколейке сильно напугали начальника карательной

экспедиции. Удары партизан оказались ошеломляющими. Гитлеровцы стали действовать очень осторожно и предусмотрительно. Если вначале оккупанты предполагали провести операцию против отряда силами двух пехотных полков с тремя приданными танками, то после печальных для них уроков из Минска было срочно вызвано подкрепление — броневики и танки. До прибытия этих дополнительных сил над Кормшским и Логойским лесами два дня с раннего утра до поздней ночи висели самолеты-разведчики.

По всему фронту боевые действия гитлеровцы начали на третий день после вылазки в Сутоки и Ляды. Едва ветви деревьев озарились первыми лучами восходящего солнца, как воздух сотрясли мощные залпы артиллерии. Тысячи снарядов и мин посыпались на Кормшу, Гребенчук и их окрестности. Задрожала и застонала земля. Многочисленные самолеты с бреющего полета поливали свинцом все подозрительные поляны, просеки и дороги. Вскоре там над лесом повисли черные столбы дыма: каратели, добравшись до оставленного нами лагеря, жгли землянки.

Перед вечером на большаке Сухой Остров — Юрово появились ревущие немецкие бронемашины и танки. Их колонна, то и дело ведя беспорядочный огонь, медленно пробиралась на занятый отрядом левый берег реки Гайны к деревням Юрово, Прудище, Антополье, Сутоки, Мостище, Таковщина. По этим действиям мы поняли, что враг не ограничится прочесыванием Кормшского и Борисовского лесов, а предпримет активные действия и в восточной части Логойского района, где расположились наши роты. Чтобы активно и уверенно противодействовать противнику и, умело маневрируя, избегать его ударов, нам надо было возможно точнее знать его дальнейшие замыслы. Этими данными нас обеспечил «Фигаро».

Чуянов встретился с ним на Антопольском аэродроме у заброшенного колодца. «Фигаро» сообщил, что ранее доставленные им устаревшие данные о партизанах и об их намерении во всех случаях обороняться (они были подготовлены нашим штабом) в то время вполне удовлетворили немцев и повысили его авторитет. Бывшего лазутчика оставили при руководстве экспедицией. Поэтому он смог выяснить в общих чертах планы карателей. Противник и в самом деле замышлял намного больше, чем мы предполагали ранее. Упустив наш отряд из Кормшского леса, враг решил взять реванш, зажав нас в холмистом Швабовском лесу. С этой целью войскам усиленного логойского гарнизона было приказано занять и удерживать деревни Ляды и Юрковичи, взять под контроль реку Цну и тем самым отрезать наш отход на запад.

Плещеницкий и зембинский гарнизоны должны были прочно оседлать шоссе Зембин — Плещеницы, преградив отряду путь к запасной базе в Паликовском лесу. Гайнское болото, сильно разлившееся во все стороны, отдавалось под контроль авиации и отдельных маневренных групп карателей. Наступление основных сил противника с танками, бронемашинами и артиллерией предусматривалось развернуть с юга и юго-востока. Операцию рассчитывали завершить в три дня. На этой же встрече «Фигаро» передал Чуянову немецкие данные о сигналах для связи с авиацией и корректирования огня артиллерии во время боя. Впоследствии они сыграли для нас очень важную роль.

Итак, гитлеровцы по-прежнему надеялись прочно зажать нас в кольцо и затем быстро уничтожить. При сложившейся обстановке отряду было опасно оставаться не только в занимаемых деревнях, но и в небольшом треугольнике лесного массива между разлившимися реками Цна и Гайна. Этот сосновый лес, разбитый широкими просеками на квадраты, несмотря на весеннюю распутицу, был проходим даже для бронемашин и танков. Пригайнское болото, покрытое худосочным сосняком и лозняком, также не могло надежно укрыть партизан. Оно было залито студеной водой и хорошо просматривалось и простреливалось с самолетов.

Кроме того, после длительного боя на узкоколейке и огневого налета на автоколонну возле деревни Батуринка отряд располагал незначительным количеством боеприпасов.

А ведь для активной обороны крайне нужны пулеметы, винтовки, автоматы и главное — боеприпасы к ним. Нехватка оружия и боеприпасов — вот основная болезнь, от которой мы никак не могли вылечиться. Пусть не подумают читатели, что партизаны забывали о трофеях. Нет! Но большую часть их использовать не приходилось. Возьмешь, бывало, в руки бельгийский пулемет, французскую винтовку, немецкий автомат, посмотришь на их хорошую отделку, повертишь в руках, а потом отправляешь на склад или зарываешь в землю: нет к ним боеприпасов. А Большой земле тогда было не до нас. И мы это хорошо понимали.

Наконец было принято решение заблаговременно вывести отряд из затягиваемой петли. Время летело, как никогда, быстро. Было уже 12 часов ночи, когда мы окончательно выработали план дальнейших действий. Первым отправили обоз с ранеными. Жителей предупредили об опасности верховые связные. Первой и второй ротам было приказано, взяв курс на север, отойти в соседний Плещеницкий район. Третья рота оставалась для обеспечения прикрытия с тыла. После выполнения этой задачи ей

надлежало отойти через удерживаемую отошедшими ротами брешь на шоссе также в Плещеницкий район.

Не спали ночью ни партизаны, ни враг. Гудели его машины, строчили пулеметы, в небо взвивались десятки ракет. Каратели подтягивали силы для решающего штурма партизанской обороны. Позднее мы узнали, что гестаповцы с нетерпением ожидали информацию от «Дракона». Как им нужны были самые свежие данные о неуловимом отряде! Но лазутчик не появлялся на условленном месте. Метался и сам «Дракон». Он не знал наших планов, а с пустыми руками идти ему было нельзя. Как мы узнали позже, гестапо приказало ему во время блокады убрать командование отряда.

Первая рота и вспомогательные подразделения отряда, пройдя за ночь через Мостище, Таковщину, Цну и Малиновку, под утро незаметно пересекли шоссе Зембин — Плещеницы и заняли оборону на прилегающих высотах. В их задачу входило прикрыть выход второй и третьей рот.

Вторая рота, выходя правее в районе Швабовки, наткнулась на карателей. После короткой схватки Георгий Анисимович Щемелев отвел партизан в лес. Несколько позже он сделал попытку прорваться через небольшой лес между Швабовкой и Цной, но и это не удалось. Немцы, патрулировавшие лес, втянули партизан в перестрелку. Начинало светать. Немецкие моторы ревели справа и слева. Поэтому застревать здесь на день было опасно. Тогда Щемелев решил оторваться от противника, дождаться ночи в лесу и уже потом вновь попытаться проскользнуть на север правее Зембина. Рота, преследуемая карателями, отступала в направлении Гайнского болота.

Третья рота к концу дня вступила в бой с фашистами у Юрово, сдерживая их натиск дотемна. Ночью она откатилась в лес к бывшей деревне Мыльнице.

Эта некогда красивая деревушка в начале апреля 1943 года пережила страшную трагедию. Поздней ночью фашисты забросали дома гранатами и подожгли их. Тех, кто пытался вырваться из пылающих домов, они хватали и бросали обратно в огонь. Все жители деревни от мала до велика погибли в ужасных мучениях. Деревни не стало за каких-нибудь 15—20 минут. Чудом уцелели только две девушки-сестры — двадцатилетняя Ядя и восемнадцатилетняя Нина, накануне ушедшие в село Заречье проведать старого дедушку. Возвращаясь утром, они еще у заболоченных зарослей услышали смрадный запах горелого мяса. Среди едва дымившихся пепелищ повсюду были полусгоревшие трупы людей. А на месте родного дома в золе и углях чернели обуглившиеся тела отца, матери и двух младших братьев. Отряд

приютил убитых горем сестер.

Мыльницу мы никогда не забывали, и фашисты заплатили нам за нее кровью!

Щемелев, расположив роту в обороне, с тревогой в душе думал: как воздух нужны были сейчас ему легкие пушки или хотя бы пара батальонных минометов! В тылу каждая единица сработала бы за батарею…

Несмотря на низкую облачность, воздушные разведчики карателей засекли вторую роту и установили общее направление ее движения.

Едва рота появилась на открытом месте, как фашистский самолет с черными крестами на крыльях промчался над ней почти на бреющем полете и выпустил красную ракету. Партизаны уже знали, что это сигнал для вызова артиллерийского огня. И действительно, над их головами тотчас засвистели снаряды и злобно зашипели мины, а вслед за этим раздались первые разрывы. Щемелев, быстро развернув роту из колонны в цепь, приказал партизанам рассредоточиться и занять высоту, покрытую высоким вереском и вековыми соснами. Партизаны без промедления бросились вперед. Но тут произошло непредвиденное. Достигнув вершины, бойцы роты совершенно неожиданно увидели оккупантов, шедших по противоположному склону высоты развернутым строем с оружием наперевес. По сигналу командира роты партизаны мгновенно залегли, не замеченные врагом. Было хорошо видно, как ноги гитлеровцев утопали в раскисшем весеннем поле, но они не останавливались, так как, видимо, стремились поскорее добраться до вершины господствующей высоты.

По своим силам противник значительно превосходил роту. Нервы у всех напряглись до предела. Щемелев уже по опыту знал, что фашистскую пехоту, еще не обнаружившую партизан, надо ошеломить, то есть подпустить как можно ближе и обрушить на нее огневой удар в упор. Но стоит только поторопиться и открыть огонь преждевременно, как внезапность будет утрачена. Немцы залягут, завяжут с ротой бой, а затем, обладая численным перевесом, артиллерийской и авиационной поддержкой, легко расправятся с ней. Отступать же было поздно и некуда. Сзади рвались снаряды и мины.

Быстро оценив обстановку, Щемелев приказал выдвинуть на один фланг — к проселочной дороге, по которой противник мог подтянуть танки, бронемашины и живую силу, — противотанковое ружье, один станковый и два ручных пулемета.

Для прикрытия другого фланга и тыла роты со стороны Швабовского леса был выставлен скорострельный танковый

пулемет, снятый еще летом с танка Т-34, и выдвинут взвод, возглавляемый Комшеко. Таким образом, Щемелев создал своеобразный огневой мешок, расположив роту подковообразно. Он выжидал, подпуская врага все ближе. Сейчас как никогда требовалась исключительная выдержка. Он по себе хорошо знал, как трудно, особенно молодым, необстрелянным партизанам, удержаться и не открывать огня до самого последнего момента. Поэтому еще раз передал по цепи:

— Без команды не стрелять! После команды вести только прицельный огонь! Беречь каждый патрон!

Густая цепь карателей надвигалась все ближе и ближе. Расстояние между бойцами и цепью гитлеровцев составляло метров 50.

— Огонь! — крикнул Щемелев и дал очередь из автомата. Внезапный шквал огня обрушился на карателей. Всю цепь врага передернуло, она заметно поредела, дрогнула, рассыпалась, и значительная часть ее несколько отхлынула. Началась паника. На раскисшее поле, беспомощно взмахивая руками и бросая оружие, свалилось сразу несколько десятков карателей.

Немцы, понеся большие потери, залегли. Только некоторые продолжали ползти по-пластунски вперед, надеясь укрыться от нашего огня за соснами.

Но вот сквозь огонь и крики раненых понеслись команды опомнившихся гитлеровских командиров. Хотя ряды карателей сильно поредели, они под пистолетами унтеров снова полезли вперед. В ход пошли партизанские гранаты, и с прорвавшимися в зону обороны было быстро покончено. Наконец уцелевшие каратели, не выдержав натиска партизан, со всех ног кинулись убегать. Оказавшись вне зоны огня роты, они залегли в кустарнике. В сторону партизан взвились зеленые ракеты — на высоту был вызван артиллерийский и минометный огонь. Мощные разрывы снарядов и мин стали приближаться к партизанам.

Вот тут неоценимую помощь и оказали сведения «Фигаро» о немецких условных сигналах. Щемелев быстро одну за другой выпустил вверх две красные ракеты. Через минуту огонь артиллерии прекратился. Тогда он выпустил из ракетницы в сторону немцев еще и зеленую ракету. Гитлеровские артиллеристы поспешно перенесли свои залпы вперед, на свою же отошедшую пехоту. Цепь фашистских солдат была накрыта густыми разрывами снарядов. Через несколько минут над ней тоже взвились две красные ракеты, а в нашу сторону полетела зеленая. Разрывы переметнулись на высоту. Видя это, Щемелев вновь пустил красные ракеты, а зеленой перенес огонь вражеской

артиллерии на залегших немцев. Так повторялось несколько раз. Наконец артиллеристы, запутавшись в этой чехарде, прекратили огонь.

Больше часа длилась ружейно-пулеметная дуэль с вылезшими из кустарников карателями. Но боеприпасы в роте стали кончаться, и поэтому надо было искать выход из положения. Причем не было сомнений, что противник постарается быстро подтянуть силы и вновь атаковать высоту. Щемелев, посоветовавшись с командирами взводов, решил не ждать, а контратаковать оставшихся немцев, отогнать их подальше в поле и собрать трофейное оружие и боеприпасы.

Так и было сделано. Прижав пулеметным огнем карателей с флангов, рота поднялась и с ходу подавила оставшиеся очаги сопротивления. Через полчаса партизаны вернулись на прежний рубеж, нагруженные немалыми трофеями.

Щемелев осмотрелся, обошел высоту, перегруппировал бойцов и пулеметы. Всем было приказано получше замаскироваться и окопаться. Партизан он предупредил, что уйти сейчас с этой выгодной безымянной высоты — значит погибнуть. На ней надо было продержаться до вечера. Партизаны, разгромив первый отряд карателей и подкрепившись трофейными сухими пайками, воспрянули духом.

Как и ожидал Щемелев, затишье оказалось недолгим. Подтянув подкрепление, каратели предприняли новое наступление, но теперь они повели его уже с двух сторон. Справа на проселочную дорогу из Швабовки вынырнули два желтовато-зеленоватых танка и броневик, а за ними показалась колонна автомашин с пехотой. Далеко впереди, ближе к левому флангу роты, из-за небольшой высотки партизаны увидели новую цепь карателей, которая с большой дистанции подвергла высоту сильному пулеметному обстрелу.

Высота замерла. Партизаны изготовились к отражению второго, более сильного штурма. На этот раз на внезапный удар рассчитывать уже не приходилось, предстоял жестокий бой с крупными силами фашистов.

Не снижая скорости, танки ударили своими пушками по обороне партизан. За танками бежала спешившаяся с грузовиков пехота. Командир роты махнул рукой расчету ПТР. Кочанов прижался к противотанковому ружью и тщательно прицелился. Раздался выстрел. Тотчас же головной танк, резко снизив скорость, немного продвинулся вперед и остановился. Над ним показались желто-красные языки пламени. Быстро выскочил экипаж. Один за другим раздавались меткие выстрелы снайпера Ильи Силковича по экипажу. К танку подбежала пехота и начала

песком и грязью сбивать огонь с горящей машины. Щемелев махнул фуражкой, и по врагу длинной очередью полоснул наш испытанный станкач «максим». Оккупанты заметались и, бросив убитых, поползли от танка в разные стороны. Через несколько минут, опасливо крадучись, выдвинулся из-за кустов второй танк. Прогремел неприцельный выстрел его пушки, бешено застрочили пулеметы, поднялась пехота. Открыв ураганный автоматный огонь, она попыталась с ходу взобраться на высоту. Кочанов с Кашиным вторым выстрелом из противотанкового ружья подбили и этот танк. По карателям хлестнули партизанские пулеметы. Вражеская цепь дрогнула и залегла.

— Пусти-ка, Георгий Анисимович, еще пулю по броневику, но бей по бензобакам, — посоветовал Щемелеву Вася Соляник.

Желание Соляника петээрщики исполнили в точности. Из броневика, стоящего боком, сразу же взвилось красное пламя. К нему было бросились каратели, но их отогнала пулеметная очередь.

— Форвертс! — истошно вопили унтеры. Но пехота не «рвалась» подниматься в атаку.

В нашу сторону понеслась зеленая ракета. Ожила вражеская артиллерия и минометы. Щемелев попытался вновь пустить красные ракеты, но они оказались испорченными. Искать другие у командиров взводов было некогда: противник пошел в психическую атаку. Град пуль засыпал высоту. Пришедший недавно в отряд Иван Филиппович подхватился с места, бросил оружие и кубарем покатился с сопки к болоту.

— Назад, трус! Застрелю! — грозно крикнул замкомиссара по комсомолу Аксенов и вскинул автомат. Паникер вскарабкался на четвереньках на сопку и занял свое место.

Огонь партизан уже не мог полностью сдержать натиск противника, рвавшегося вперед. Гитлеровская цепь все приближалась, и вскоре артиллерийский огонь стих. Щемелев выжидал, возлагая все надежды на два резервных пулемета, расположенных на флангах. Положение накалялось все сильнее. Фашисты хотя и несли потери, но все же рвались, надеясь силой смять партизан. До немцев оставалось уже каких-нибудь 50—60 метров, как вдруг с обоих флангов вдоль атакующей цепи ударили резервные пулеметы. Это было столь неожиданно, что гитлеровская пехота с воплями отхлынула назад и залегла. На поле осталось десятка два трупов.

Георгий Анисимович облегченно вздохнул и вытер пот со лба. Кризис на время миновал. Но положение было очень трудным, у большинства партизан кончились патроны. А вдали показались еще две цепи немцев.

Щемелев твердо знал, что как бы тяжело ни было, но пока что отходить в лес нельзя. На пути наверняка засада. На открытом болоте, залитом водой, партизан перещелкают, как куропаток. Тут он вспомнил о собранных им за это время ракетах и быстро сообразил, что сейчас можно опять обмануть немцев и направить огонь их артиллерии и минометов на подходящие цепи.

— Держитесь, орлы! Ни шагу назад! — громко крикнул он и выпустил зеленую ракету далеко вперед — в сторону карателей. Сигнал сразу же был принят немецким корректировщиком. Еще мгновение, и вражеские цепи потонули в сплошной стене черно-серых фонтанов от рвущихся снарядов и мин. Враг заметался во все стороны, но на этот раз почему-то не дал сигнала на прекращение огня. Опомнившись, каратели хлынули к лесу. И тут произошло то, чего никак не ожидали ни гитлеровцы, ни партизаны. Опушка леса ощетинилась сильным ружейно-пулеметным огнем. Щемелеву показалось это чудом. Ведь он не мог предполагать, что это им на помощь пришла третья рота во главе с лейтенантом Фоминковым. Ее внезапный удар с фланга в столь критический момент оказался для фашистов роковым. Почти вся эта группировка полегла на поле боя, не оказав сильного сопротивления.

Трудно сказать, почему немцы не остановили губительный артиллерийский огонь. Возможно, был убит командир или корректировщик, который должен был подавать сигналы артиллерии.

Раздумывать об этом было некогда, и Щемелев решил еще раз повторить удавшийся прием и зеленой ракетой перенес огонь по немцам, накапливавшимся для атаки против правого фланга роты. И вовремя. Несколько снарядов накрыло цель. Однако противник быстро спохватился и дал отбой. Началась ракетная и артиллерийская чехарда. Каратели направляли ракетами огонь своей артиллерии на высоту, а Щемелев — на карателей. Артиллеристы начали посылать снаряды из стороны в сторону, а вскоре снова, как и в первый раз, запутавшись, вообще прекратили стрельбу.

Больше пяти часов рота отбивала натиск врага. Лишившись артиллерийской поддержки, каратели атаковали все нерешительнее, а к концу дня их активность совсем спала. Но противник не думал отходить. Возможно, он решил, что тут сосредоточился весь отряд. Прижавшись к земле, немцы держали высоту под непрерывным обстрелом, но атак не предпринимали. Щемелев связался с Фоминковым и договорился о том, что третья рота с наступлением темноты прикроет огнем отход партизан с высоты.

Едва на землю спустились сумерки и лес стал выглядеть сплошной черной стеной, как вновь на высоту обрушился огонь артиллерии и минометов. В это время разведчики доложили Щемелеву о том, что часть сил противника переправилась через Гайну и начинает заходить в тыл безымянной высоты. Щемелев срочно выделил отделение с пулеметом и приказал «подразнить» карателей в тылу роты, а затем отойти вслед за ротой. Партизаны, периодически ведя огонь силами прикрытия, незаметно стали отходить и вскоре оказались в лесу. Последними зелеными ракетами немецкой артиллерии еще раз указали на их же цепь на Гайне. А немецкое подразделение, выйдя на высоту с тыла, было обстреляно своими же войсками, уже занимавшими ее с противоположной стороны. На высоту был вызван огонь артиллерии. Почти всю ночь каратели нещадно уничтожали друг друга. Партизаны Щемелева молчали: не было боеприпасов. Все попытки разведчиков нащупать проход на север не увенчались успехом. Противник плотно замкнул кольцо и в то же время не проявлял активности. Он, по-видимому, пытался разобраться в обстановке. Партизанам ничего не оставалось, как только маневрировать в районе Швабовского леса и в окрестностях бывшей деревни Мыльницы.

Обнаружив утром, что на высоте партизан нет, гитлеровцы приступили к методическому прочесыванию леса. Первая половина дня прошла в коротких, но ожесточенных стычках. Петля затягивалась все туже и туже. Противник не спешил. Во второй половине дня он уже не стал лезть напролом и приостановил прочесывание. Враг чего-то ожидал. И действительно, часам к шести вечера над расположением партизан с оглушительным ревом пронеслись самолеты и сбросили тысячи термитных шариков и небольших зажигательных бомб. Начался лесной пожар. Ветер быстро распространял огонь. За первой волной самолетов последовали новые. Огонь и сплошной горький дым заставили партизан оставить занимаемые позиции. Мокрые до нитки, голодные и измученные боями, они были вынуждены отступить в единственном направлении, которое противником не прикрывалось, — к разлившемуся болоту. Глубокая холодная ночь застала партизан на кочках, поросших худосочным сосняком и окруженных студеной водой.

Зная о катастрофическом положении рот Щемелева и Фоминкова, мы с командиром отряда бросили в бой первую роту с севера, надеясь этим отвлечь противника. Однако каратели легко отпарировали удар назойливого Демина, выставив против него сильный заслон. Все свое внимание они сосредоточили на партизанах, укрывшихся в болоте.

Гитлеровцы, не ожидая отхода партизан к болоту, буквально рассвирепели. Они хотели как можно скорее свести счеты с Щемелевым за своего полковника — начальника экспедиции, убитого им из противотанкового ружья в броневике у безымянной высоты, и за те большие потери, которые понесли на подступах к ней. Позже было выяснено, что на следующий день они собрали там около двухсот трупов своих солдат и офицеров. Запомнили они и темную ночь, когда, обманутые Щемелевым, до самого рассвета истребляли друг друга.

На наше счастье, установилась нелетная погода. Над болотом нависли сплошные низкие серые тучи. Страшно даже было подумать, чем бы все могло кончиться, если бы на открытое болото обрушились фашистские стервятники.

Войска карателей нерешительно остановились перед залитым водою мшистым низкорослым сосняком. Гитлеровским воякам, очевидно, было страшно снова лицом к лицу встретиться с партизанами. Всю первую половину дня они ограничились тем, что простреливали полосу вдоль края болота из пулеметов и автоматов. Щемелев рассчитывал, что фашисты все же не рискнут лезть в заболоченную полосу кустарника. Ухала немецкая артиллерия. Но ее снаряды все время ложились с большим перелетом, глухо разрываясь в болоте. В полдень более батальона полупьяных карателей, натянув резиновые сапоги с длинными голенищами, все же полезли в воду.

Наступил тяжелый момент. Рота Щемелева с боем, почти по колено в воде, медленно отходила все ближе и ближе к открытой глади Гайнского болота. И вот сквозь тальник засеребрилось разводье. Каждому партизану было ясно, что дальше.

Мертвой хваткой уцепившись в последнюю цепочку тощего кустарника, рота стала отчаянно отстреливаться. Цепь фашистов остановилась и замаскировалась в кустарнике. «Еще пять-десять минут, и патронам конец. С фронта наседает до зубов вооруженный враг, а в тылу — бескрайняя гладь болота, залитого паводковыми водами. Что же делать?!» — лихорадочно метались мысли Щемелева. Но раздумывать было уже некогда. Промедление означало неминуемую гибель. И тут, как это часто бывает в самые критические моменты, молниеносно пришло решение.

— Спасенье только в прорыве через цепь карателей! — решительно бросил он побледневшему Солянику. — Рванемся в направлении сосновой рощи по сигналу зеленой ракеты. Прикажи беречь патроны и готовить людей на левом фланге! Остальное беру на себя.

Приказ о прорыве мгновенно облетел партизан. Их огонь

заметно утих. Все понимали, что путь к жизни лежал через зону смерти. Иного выхода не было.

Рота сжалась как стальная пружина. Гитлеровцы, восприняв прекращение огня по-своему, уже решили, что еще один последний нажим — и с партизанами будет покончено. Щемелев ждал. Прорываться было выгоднее, когда немцы, выйдя из кустов, возобновят движение цепью. Бросок окажется более неожиданным, а огонь немцев менее эффективным. Приближался решающий момент.

Едва немцы, поднявшись в рост, пошли в последнюю атаку, как в небо взвилась зеленая ракета. Тотчас же партизаны с криком «ура!» бросились на врага. Яростная контратака мокрых и грязных людей, поднявшихся прямо из болота, ошеломила карателей. В панике они бросились врассыпную, беспорядочно огрызаясь. Когда их командиры поняли, что случилось, было уже поздно. Рота, вихрем обрушившись на врага, смяла перепуганных фашистов на трех узких участках, повзводно вырвалась из болота и рассыпалась в спасительной роще.

Роте Фоминкова бой пришлось вести в другом месте. Она залегла в районе давно заброшенного хутора, расположенного на поляне у Гайнского болота. Ей во что бы то ни стало нужно было выиграть время и продержаться на суше до наступления ночи, чтобы потом, переправившись через болото и реку Гайну, уйти обратно в Кормшские леса. Иного выхода не было. В полдень на лесной дороге заревели моторы, и к хутору по залитой водой дороге устремились два танка. Расчет Фоминкова на недоступность поляны для танков не оправдался. Выскочив на поляну, танки развернулись и открыли пулеметный огонь.

Поскольку в роте ни противотанковых ружей, ни гранат не было, то занимаемую позицию пришлось спешно бросить и скрыться в затопленном лозняке. Цепенея от холода, бойцы погружались в ледяную воду, укрывались от пуль противника за мшистыми кочками. Вскоре на партизан при поддержке танков стала надвигаться густая цепь карателей. Хлюпая резиновыми сапогами по воде, они стреляли, не жалея патронов. Партизаны огня не вели, ибо каждый патрон был на учете. А каратели, пройдя 20—30 метров, останавливались, поливали свинцовым дождем заросли и снова двигались вперед.

Гитлеровцы теснили партизан все дальше. Но вот и отступать им стало некуда, и, подпустив вражескую цепь поближе, бойцы ударили по ней метким кинжальным залпом. Цепь заметно поредела. Каратели остановились, замешкались и бросились назад. На некоторое время воцарилось затишье. Но спустя несколько минут снова застрочили немецкие пулеметы и

автоматы. Фоминков, прикрывавший фланг роты с группой окоченевших в воде бойцов, наверное, впервые в жизни растерялся. Он не видел выхода из создавшегося положения. Осмотрев магазин своего автомата, он ахнул. В нем желтели последних три патрона.

— Три патрона в автомате да пять в нагане… Недолго еще продержимся, — нервно пробормотал командир. Он знал, что не лучше было с боеприпасами и у бойцов.

— А что потом?! — со страхом спросил его связной Николай Силич.

— Будем уничтожать гадов прикладами и зубами, — возбужденно бросил Фоминков.

После каждого партизанского выстрела в кустах, где засел враг, раздавался вскрик или всплеск воды. Спесь карателей была сбита. Они прятались за пни, большие мшистые кочки и купины. Боясь партизанских пуль, гитлеровцы, не выглядывая, вслепую палили по кустам. Но долго так продолжаться не могло. Уже стали хорошо слышны команды гитлеровских офицеров. И, хотя цепь еще не двигалась с места, было ясно, что немцы скоро вновь пойдут в атаку. Рота, оставшись без патронов, отразить ее не смогла бы. Поэтому Фоминков решил, использовав замешательство карателей, вывести людей вплавь через речку. Это была отчаянная попытка в борьбе за жизнь. Правда, шансы на успех переправы были очень малы. Но уцелеть почти без патронов при очередной вражеской атаке было вообще невозможно. Конечно, можно было бы попытаться прорваться через кольцо карателей, но затем партизан расстреляли бы и раздавили немецкие танки.

Жребий был брошен, и Фоминков, стараясь быть внешне спокойным, сказал командиру взвода Леониду Мамату:

— Силич и три бойца останутся со мной для прикрытия. А ты, Леонид, переправляй роту через речку и веди ее на Кормшу. Тебе как мастеру спорта по плаванию и карты в руки. Немцы в реку не пойдут. Действуй!

— А как же вы?

— Леонид, выполняй приказ! Каждая секунда дорога…

Высокий и стройный богатырь Мамат, пришедший в отряд из Минска, партизанил лишь около двух месяцев. Но и за это короткое время успел полюбить роту и ее храброго командира. Позже он говорил мне, что с нехорошим предчувствием оставлял Фоминкова и других своих товарищей перед носом у врага. Но приказ есть приказ.

Быстро выдвинувшись вперед, рота через несколько минут вышла из-под обстрела и вскоре оказалась на берегу разлившейся

реки.

Из воды выглядывали верхушки пожелтевшей прошлогодней осоки, мохнатые бороды мха да местами прозрачные льдины. Мамат пристально вглядывался в черневший на той стороне лес, а мысли его были заняты судьбой Фоминкова и его товарищей. Их одиночные выстрелы, доносившиеся из кустарника, терзали Леонида.

«Мы в безопасности. А вдруг там кто-нибудь уже ранен и безнадежно отсчитывает последние свои минуты, — подумал Леонид. — Назад! Только назад, на помощь!» И он бросился обратно к кустам. Но из лозняка раздался властный окрик:

— Стой! Ты куда, сумасшедший? Назад!

Сквозь заросли продирались Фоминков и вся его группа.

— Оторвались, но командир ранен, — устало сказал Леониду Силич.

— Чепуха! В мякоть, — вяло махнул рукою побелевший Фоминков и опустился на землю.

Подхватив Фоминкова, Леонид хотел потащить его к реке. Но ротный запротестовал:

— Беги скорей туда, ты там нужнее! Роту надо спасать! С минуты на минуту появятся немцы…

Передав командира Силичу, Мамат помчался к роте. Бойцы со страхом толпились у берега. Мамат решительно приказал всем, кто умеет хоть немного плавать, немедленно переправляться. В это время где-то совсем недалеко раздались пулеметные очереди, и партизаны горохом посыпались в речку. Переплывали каждый по-своему. Одни плыли, поддерживая над водой оружие, другие цеплялись за медленно плывшие льдины, клали на них оружие и, отчаянно гребя свободной рукой, уходили по течению. Третьи, а их было немало, на мгновение исчезали, затем появлялись и с криком вновь погружались в воду. Несколько человек беспомощно барахтались, подхваченные течением. Не раздумывая, Мамат кинулся им на помощь. Его мастерство пловца многим спасло жизнь. Один за другим выбирались на другой берег Гайны партизаны.

Леонид то и дело бросался к середине реки. Его сильные руки подхватывали то одного, то другого. Он то нырял, вытаскивал утопающего, то забирал у ослабевшего оружие…

Где-то выше по течению к реке вышли немцы. По переправе издали ударили пулеметы.

— Плавать умеешь? — тревожным голосом спросил Силича подошедший к реке Фоминков.

— Могу, товарищ командир.

— Скорее спасай людей, братец. За меня не беспокойся, я

переплыву. — Эти слова прозвучали как приказ. И Силич, закинув винтовку за спину, бросился в воду. Следом за ним тихо поплыл и Фоминков.

Никогда партизаны не забудут эту переправу. Они мужественно боролись с ледяной стихией. Наконец, подталкиваемые Маматом, Фоминковым и Силичем, остальные бойцы достигли топкого берега. Гитлеровцы остервенело хлестали из пулеметов. То тут, то там раздавались вскрики и стоны.

— Помоги раненым, — приказал Фоминков Силичу. А сам, повернувшись в сторону карателей, с проклятьем послал в них из нагана последнюю пулю. В это время он как-то вздрогнул, пошатнулся и беспомощно опустился на землю. Вражеская пулеметная очередь прошила его грудь. Мамат бросился к нему.

— Командуй, Леонид… прощайте, товарищи, — прошептал он безжизненными губами. Леонид прильнул к груди командира и беззвучно заплакал.

Опомнившись, Леонид приказал партизанам подобрать раненых и побыстрее пробираться в Кормшский лес. А сам, взвалив Фоминкова на спину, по-пластунски пополз за ротой, скрывавшейся в кустарнике. Вражеский пулемет не умолкал, но Леонид не слышал его. Задыхаясь от усталости, он достиг Кормшского леса, где на небольшом островке расположилась рота.

На следующий день партизаны похоронили своего бесстрашного командира, сына Смоленщины, коммуниста Ивана Тимофеевича Фоминкова, лейтенанта 361-го полка 100-й дивизии, защитника Отчизны в трех войнах. Вместе с ним похоронили и погибших боевых товарищей.

Прошли десятилетия, а образ славного сына Смоленщины не меркнет в памяти партизан. Всегда, где было трудно, туда шел коммунист Фоминков. Жизнь каждого партизана он оберегал пуще своей, дорожил ею. Победы коммуниста Фоминкова достигались почти всегда бескровно или самой малой кровью. Как говорится, он не лез на рожон, был противником штурмов сильно укрепленных гарнизонов врага партизанами, вооруженными стрелковым оружием и сорока пяти миллиметровой пушкой без прицела.

— Наше дело, — говорил он, — не бетон прошибать лбом, не добираться до поганого фрица через минные поля, систему проволочных заграждений и метровые стены дотов, а бить его из засад там, где он не ждет…

Фоминков действовал по науке великого партизана Дениса Давыдова: теснить, беспокоить, томить, вырывать что по силам и,

так сказать, жечь малым огнем неприятеля без угомона и неотступно…

Командование отряда придерживалось той же тактики и стратегии, что и Фоминков, и не водило партизан на штурм неприступных дотов и каменных стен, хотя и выслушивало из-за этого неоднократно поучения некоторых ретивых стратегов-самородков. В наших условиях враг был всегда на виду, и поэтому за одного оккупанта платить втридорога жизнями бойцов мы считали недопустимым. Наши подразделения, блокируя гарнизоны, заставляли самого противника вылезать из своих неприступных крепостей.

Экспедиция карателей близилась к концу.

Учинив кровавую расправу над жителями деревень Хотеново (заживо сожгли в сарае 184 человека), Сухого Острова, Рудни, Мехед и других, оккупанты оставили пригайновские леса. Желая выслужиться и боясь признать свою неудачу, их командование отрапортовало высшему начальству: «Все партизаны уничтожены». Так фашистские палачи выдавали желаемое за действительное.

На самом же деле наш отряд с честью вышел из сурового испытания. Ведь в ходе боев партизаны нанесли чувствительные удары по врагу. Каратели потеряли за всю блокаду не одну сотню убитыми и ранеными.

Напрасно отрядный врач Мария Юлиановна Силич опасалась, что после ледяных купелей отряду не отделаться от массовых простудных заболеваний. Этого, как ни странно, не произошло. Не понадобились собранные ею запасы разных целебных трав.

Отряд, по частям вырвавшись из блокады, вновь собрался вместе и быстро восстановил свою боеспособность. При этом надо сказать, что большую помощь отряду, особенно в боеприпасах, оказал подпольный межрайком партии, в распоряжении которого находился действующий аэродром. Прошло всего три дня после ухода карателей, как наши боевые группы снова появились со своей «артиллерией» на автомагистрали и железной дороге.

Вырвавшись из блокады, отряд расположился на опушке соснового леса у бывшей деревни Мыльница, о которой сейчас напоминают лишь одинокие, затерявшиеся в густом бурьяне развалины. Да, это село не возродилось до сего времени.

Откровенно говоря, мы рассчитывали, что после первой карательной операции немцы дадут отряду сравнительно большую, скажем месяца два, передышку. Поэтому в отряде развернулась подготовка к «оседлому образу жизни».

Партизаны ремонтировали оружие, чинили обувь, штопали разорванную одежду. Подрывники вновь выплавляли тол, чтобы

минировать автомагистраль и железную дорогу. Люди Чуянова энергично восстанавливали нарушенные связи с подпольщиками и связными в районе, Борисове и Минске, налаживали разведку.

Новыми делами занялись и политработники. Как я уже говорил, печатный орган подпольного райкома партии и нашего партизанского отряда — газету «Смерть фашизму» — раньше приходилось печатать на Палике в типографии партизанской бригады «Старик». Печаталась газета нерегулярно, а ее доставка причиняла много хлопот и была небезопасной. Небольшие срочные сообщения «Вести с Родины» мы печатали на своей штабной пишущей машинке, захваченной в Смолевичах. Отстукивая их, машинистка Тамара шутила:

— Стучи, стучи, старушка! Это тебе не в Смолевичской управе доносы строчить. Послужи и нам — партизанам.

Такое состояние с печатной пропагандой нас не устраивало. Поэтому подпольный райком партии и мы с командиром, критически оценивая опыт прошлого, решили создать собственную типографию и самим отпечатать первомайский праздничный номер газеты.

Политрук Василий Бочаров с группой товарищей из подпольного райкома партии и штаба отряда день и ночь трудились над созданием собственной типографии. Это было довольно трудным делом. Они собирали печатный «станок», разбирали и чистили с трудом добытый шрифт, сортировали бумагу и разводили печатную краску.

Праздник решили отметить прежде всего активными боевыми действиями. После тщательной подготовки в предмайскую ночь в засады и на диверсии в разных направлениях ушло более 300 человек. Озаряя весеннее небо, огненными вихрями взметнулись взрывы на железной дороге и автостраде. Под откос было пущено два эшелона. Гитлеровцы недосчитались около двадцати автомашин, свыше 60 солдат и офицеров. Отряд стал действовать еще решительнее и злее, чем до блокады.

В ту же предпраздничную ночь во многих деревнях и на автомагистрали появился праздничный номер газеты «Смерть фашизму». Сотни наших, еще пахнущих свежей краской листовок появились в Минске, Борисове, Смолевичах и Логойске. Газеты и листовки звали белорусский народ на священный бой с врагом.

Жители деревень и городов очень обрадовались, убедившись, что партизаны не разбиты и уничтожают врага по-прежнему.

1 Мая в два часа в Юрово состоялся торжественный митинг и парад партизан. Перед трибуной, над которой реяло красное знамя, с песнями прошли стройные ряды партизанских подразделений. За ними шла колонна местных жителей.

Демонстрацию замыкала веселая детвора. Вечером наша рация донесла до людей голос Москвы. Для жителей и партизан это был незабываемый праздник.

Жизнь у нас шла своим чередом, люди оставались людьми со всеми присущими им человеческими качествами. В общей цепи постоянных тревог, неимоверных тягот и боевых дел находила место и любовь. Наши девушки всегда вели себя достойно, а когда возникала необходимость, они умели постоять за себя. Мне вспоминается один эпизод. Однажды майской ночью в землянку взвода первой роты ввалился Николай Мазур, заливаясь заразительным смехом. Он смеялся долго, от души.

— Чего ржешь как сумасшедший? — поинтересовался находившийся в то время в землянке Володя Рогожкин.

Николай начал смеяться еще сильнее. Глядя на Мазура, рассмеялись и партизаны, изучавшие до этого трофейные немецкие и бельгийские облегченные пулеметы, захваченные возле Жодино.

Николай вытер навернувшиеся слезы и молвил:

— Коханье, хлопцы, цэ не картошка. Воно, проклятое, ночью одному хлопцу коли не жизню цельную куштовало, так полжизни как пить дать. Я видел, братцы, веселую картинку. Любо-мило посмотреть. Ничего не скажешь — весна, почки в лесу распустились, опасное время для молодых сердец, — Николай прищурил левый глаз и снова загоготал.

Озадаченные партизаны обступили его со всех сторон. Их съедало любопытство. Друзья долго просили его рассказать о том, что видел, даже обещали молчать как рыба, но и это не помогло. Тогда они пошушукались, азартно свистнули и вцепились в Николая.

— Поставить ему банки — сразу поумнеет! — крикнул кто-то.

Через секунду Николай лежал на нарах животом вверх. Он понял, что с ним не шутят: живот загорелся огнем, а мастера банок под общий хохот не унимались. Ему стало не до смеха.

— Сдаюсь! — завопил он диким голосом.

— Обманешь — получишь двойную порцию!

Мазур потрогал рукой раскрасневшийся живот, обвел виновников сердитым взглядом и недовольно проворчал:

— Людоеды, тигры вы!

— Ближе к делу, Коля, — зашумели шутники.

Николай помялся, чертыхнулся и начал свой рассказ:

— Дело это лирическое, не простое. Ночь, луна, аромат цветов, красота кругом, как в сказке. По всему лагерю прошел невидимкой сон. Он всех угомонил, но оказался бессильным

перед любовью. И вот одна возлюбленная пара выпорхнула из своих гнездышек, с оглядкой перескочила просеку и остановилась у кудрявой березы, почти рядом со мной. Я стою на посту и не знаю, что мне делать. А они тем временем обхватились руками и сладко целуются. О боже, что было потом! Аж страшно становится. — Мазур выпучил глаза и схватился за голову.

Друзья переглянулись и закричали:

— Да говори же, чертова душа!

— Они ворковали сначала мирно и ласково, как голуби, — продолжал Николай. — И вдруг долетело до меня приглушенное сердитое слово и гулкая затрещина, а потом на просеке появился на четвереньках и сам голубь. И здесь голубка не оставила его в покое. Она как начала крестить его то одной, то другой ногой под то самое место, откуда ноги растут… Рубит сапогом и приговаривает:

— Вот тебе за нахальство, а это на память. Получай да помни, что настоящая любовь не с юбки начинается… Понял или еще подсыпать?

Партизаны долго смеялись вместе с Николаем, острили и фантазировали, как кто умел. Наконец им захотелось знать и героев ночи.

— Не скажу! И банки здесь не помогут! — сердито ответил Николай.

На отряд надвигалась гроза. Наши надежды на стабильное положение в этом районе развеялись. Уже к середине мая немцы вновь начали готовиться к очередному летнему наступлению. Фронту требовались все новые резервы живой силы, техника и боеприпасы. Своевременной доставке всего этого по сильно растянутым коммуникациям Белоруссии мешали действия народных мстителей. Поэтому ставка Гитлера приказала оккупационным властям очистить от партизанских соединений и частей лесные массивы и максимально повысить пропускную способность железных и шоссейных дорог. К концу мая во все гарнизоны прибыли крупные вражеские подкрепления.

На очередной встрече, состоявшейся в Борисовке, «Фигаро» сообщил Чуянову все, что ему удалось узнать о планах карателей. На этот раз немцы готовились провести еще более крупную операцию под кодовым названием «Котбус». Документы противника свидетельствуют о том, что эта акция гитлеровцев была рассчитана на полное истребление людей в зоне боевых действий и превращение территории в безжизненную пустыню, где были бы уничтожены все возможности для жизни. Операцией руководил СС — бригаденфюрер, генерал-майор полиции фон

Готберг.

Силами нескольких дивизий оккупанты намеревались огнем и мечом пройтись по партизанской зоне северо-восточной части Минской области. При этом главный удар противник планировал нанести по Бегомлю, в котором партизаны были подлинными хозяевами и имели непрерывно функционирующий аэродром для связи с Большой землей. Гитлеровцы намеревались сплошь прочесать Смолевичский, Логойский, Плещеницкий, Лепельский и Холопеничский районы, а также северную часть Борисовщины вплоть до Западной Двины.

Враг готовился к длительной осаде. На узловых станциях появились бронепоезда, в гарнизоны прибыли мотопехота, танки и артиллерия разных калибров.

Чтобы выстоять в предстоящих схватках, отряду нужно было в короткий срок серьезно подготовиться.

В первую очередь встал вопрос о пополнении боеприпасами. Кому не ясно, что с 10—15 патронами на винтовку и 200 на пулемет долго не навоюешь. Да и этот комплект с каждым днем заметно таял. На поиски боеприпасов ежедневно уходило несколько боевых групп. Они устраивали засады на шоссе, большаках, отбивали обозы, громили небольшие автоколонны. Однако, как назло, среди разбитых машин и повозок не попадалось ни одной с патронами. Часто группам даже за счет захваченного трофейного оружия не удавалось компенсировать израсходованные патроны. У всех на уме была одна мысль — где достать патроны?

Очень большую надежду штаб отряда возлагал на три группы партизан, которых переодели в форму немецких регулировщиков. Несколько дней подряд, невзирая на огромный риск, они выходили на дороги, «проверяли» документы и «регулировали» движение вражеского автотранспорта. Бесстрашные партизаны, применив эту хитрость, захватили и пригнали в лагерь несколько грузовиков с продовольствием и разным снаряжением. Но, увы, ни в одном из них боеприпасов не оказалось. Вскоре враг, заметив бесследное исчезновение машин, насторожился. Наша уловка была разгадана, и последовал секретный приказ — в случае появления на дорогах пеших партизанских «патрулей» или «регулировщиков», в отличие от немецких на мотоциклах, — открывать по ним огонь без предупреждения. Фашистские автомобилисты стали выполнять приказ в точности, и нашим партизанам пришлось отступить.

Нам оставалось одно — обратиться за помощью в соседние отряды и к руководству партизанским движением Борисовской зоны. Однако скоро выяснилось, что соседние партизанские

соединения, как и мы, сидели на мели. Некоторую помощь оказал лишь штаб Борисовской зоны, выделив из своих фондов 10 тысяч винтовочных патронов и противотанковое ружье с боекомплектом. В нашем положении это было все же ощутимым подспорьем.

Как-то к концу дня вместе с этим драгоценным грузом наши связные доставили в отряд также приказ командования партизанской зоны — форсированным маршем выступить в район партизанской бригады «Железняк» для защиты районного центра Бегомль и расположенного вблизи него партизанского аэродрома.

Так неожиданно пришел конец нашей «оседлости». Отряду было приказано прикрыть Бегомль совместно с бригадой «Мститель» от карателей, сосредоточившихся в Плещеницком гарнизоне. Для этого нам требовалось к рассвету оседлать шоссе Плещеницы — Бегомль, расположенное примерно в 60 километрах от нас. Медлить мы не могли. На переход у нас оставалась только короткая ночь.

Этот марш мне очень хорошо запомнился. Партизаны, напрягая все силы, за ночь форсированным броском преодолели не один десяток километров. Причем не раздалось ни одной жалобы и никто не отстал.

В музее истории Великой Отечественной войны в Минске меня растрогала до слез экспозиция, рассказывающая о подвигах юных героев Белоруссии, орлятах великой битвы. Хотя среди портретов юных партизан и фронтовых сыновей полков я не увидел славных орлят наших подразделений, но это ни в коем случае не значит, что у нас их не было. Первыми проложили дорогу к нам подростки из детдома имени Крупской, находившегося в деревне Антополье, того самого детдома, который перед войной был переведен в эти края с Витебщины.

Четыре бывших детдомовца — Костя, Андрей, Саша и Сережа — еще с вечера наотрез отказались ехать на телеге с обозом. Не согласились они остаться и с третьей ротой в районе Мыльницы, которой было приказано действовать в тылу группировки карателей.

Детдомовцам, уже понюхавшим пороху, хотелось принять участие в защите Бегомльского района, полностью очищенного от захватчиков и жившего уже несколько месяцев по законам Советской власти. Над Бегомлем гордо развевалось родное красное знамя. Это был дорогой сердцу каждого партизана и белоруса островок Советской власти на оккупированной земле.

Убеждая юных партизан ехать с обозом ради сохранения сил, я вспомнил первую встречу с ними поздней осенью возле

мельницы в Антополье. Насквозь промокшие ребята упорно искали что-то на дне речушки у плотины, не обращая внимания на холодный дождь и студеный ветер. Я спешился, подошел к ним и, стараясь преодолеть шум воды, крикнул:

— Здорово, хлопцы! Что, налимы попадаются?

— Лучше проваливай отсюда, — грубовато ответил другой, нехотя повернувшись в мою сторону. Детдомовцы, устремив взгляды на берег, замерли без движения. Постояв несколько секунд молча, они негромко заспорили, размахивая раскрасневшимися от холода руками. До меня донеслись отрывки фраз: «…Он же со звездочкой…», «Сам бачу, а ты откуда знаешь, что у него под звездою? Белошивый[17] тоже может нацепить к шапке звезду и ходить, вынюхивать, где чем пахнет…», «Нет, это наш…»

— Чего расшумелись, братва? — спросил я.

— Да вот спорим: белошивыи ты или красный? — неуверенно ответил один.

— Красный, хлопцы!

— А ты не гнешь?

— Честное пионерское, ребята, не гну!

— А чем докажешь?

Пришлось достать и показать свое удостоверение. Мне нередко приходилось и раньше и потом делать это, чтобы доказать причастность к партизанам. Но с таким внутренним волнением и гордостью я не показывал его даже ни одному взрослому.

Ко мне на берег быстро вскарабкался стройный паренек лет пятнадцати. Это был Костя Комаров. Вытерев руку о рубаху, Комаров осторожно взял документ и впился в него глазами. Не спеша прочитав его, он быстро взглянул на меня восхищенным и в то же время удивленным взглядом. Затем обернулся к друзьям и, не выдержав, крикнул:

— Ребята, да это комиссар наших партизан! Выходи живее!

Мокрые ребята быстро окружили меня. Столь неожиданная новость оказала на них неотразимое впечатление. Надевая рубахи и штаны, они с ног до головы оглядывали меня. Восторженные взгляды не раз прошлись по моему автомату, пистолету и доброму коню.

— И не страшно одному ездить, когда кругом полно фрицев? — не вытерпел самый младший.

— Ладно молоть чепуху, — ответил за меня Костя. — Раз ездит, значит не страшно! — И, обратившись ко мне, сказал, подбирая подходящие слова, от которых давно отвык: — Так вот какое дело… Ты, то есть вы… товарищ… комиссар, нам и нужны

позарез…

— Нет, хлопцы, так дело не пойдет, — перебил я его. — Видать, у нас пойдет серьезный разговор, а мы стоим на виду, под дождем да на ветру. Давайте укроемся в кустах…

Минут через десять мы вели разговор возле потрескивающего костра. Изголодавшиеся ребята трясущимися руками сначала осторожно взяли по ломтику хлеба да маленькому кусочку сала из моего неприкосновенного запаса. Старший паренек, тихо поблагодарив меня, кратко поведал о пережитых ими невзгодах. Я с волнением выслушал это повествование.

Каждый понимает, что у любого подростка, попадающего в детский дом, нелегкая судьба. А у этих, оставшихся в оккупации, она сложилась исключительно трудно. К холоду, недоеданию и сиротству прибавилось еще и более тяжкое испытание. Гитлеровские медики, испытывая острый недостаток в запасах свежей крови, решили превратить детдом в филиал донорского пункта. Узнав это, советские люди рассредоточили ребят по деревням. Немцам временно пришлось отказаться от своей затеи. Но вскоре они стали готовиться к тому, чтобы выловить воспитанников детдома и вывезти их в Германию. На этот раз часть детдомовцев бежала из деревень в лес. Гитлеровцам все же удалось выловить несколько десятков воспитанников этого детдома. Они доставили детей в специальный детский лагерь, который находился в Минске. Из этих ребят выжили единицы: фашистские варвары в белых халатах со свастикой брали детей группами по 10—15 человек в какую-то «клинику» и выкачивали из них кровь до последней капли. Обескровленных, мертвых детей вывозили ночью за город и зарывали в землю.

— А мы четверо, — рассказывал Костя Комаров, — чудом избежали этой участи, несмотря на опасность, все же решили остаться в здешних краях, достать оружие и податься к партизанам, — закончил рассказ юноша. В подтверждение он вытащил из кустов найденную на дне речки винтовку без затвора.

Я внимательно выслушал ребят и прямо сказал, что им еще рано партизанить. Тут же я пообещал отвести и разместить их на зиму по знакомым мне крестьянам. Но не этого ждали хлопцы. Они сильно возмутились:

— Какой же ты комиссар, если боишься взять нас в партизаны!

— Вот если бы Чапаев, он бы…

— Если не возьмешь, мы следом побежим за тобою…

— Мы столько мечтали, а ты отмахиваешься от нас… Ты не гляди, что ростом малы, это от голодухи. Мы сильные и выносливые… — убеждали подростки, уже недружелюбно

посматривая на меня.

— Не отстанем, пока не возьмешь в партизаны, — решительно и настойчиво заявил под конец Костя.

И действительно, не отстали… Мне пришлось сдаться и увести их в отряд… Ликованию ребят не было конца. Тепло встретили их и партизаны.

Моим воспоминаниям как нельзя лучше импонировал теплый майский вечер. Отряд быстро двигался через лес по широкой просеке, оставляя в стороне деревни Чемки, Мостище, Таковщину, реку Цну.

В шесть утра в километре от указанной позиции, шоссе Плещеницы — Бегомль, сделали привал и выслали усиленную разведку. Бойцы опустились на землю кто где стоял, надеясь хотя бы на несколько минут сомкнуть глаза. Однако отдохнуть так и не удалось.

В воздухе появились два немецких разведчика, названных за двойной фюзеляж «рамами». Переваливаясь с крыла на крыло, они закружили над лесом. Командир отряда, я и командиры рот быстро выдвинулись на опушку леса для рекогносцировки и стали наблюдать в бинокли.

— Вынюхивают, сволочи! — сверкнул сердитыми глазами в сторону самолетов командир отряда.

— Это только увертюра. Жаль, что не успели заминировать мост на шоссе, — прищуриваясь и пристально посмотрев на командира, сказал Демин.

— Когда же мы могли успеть? И так неслись как на пожар! — ответил я. — Будем надеяться, что майор Воронянский, как опытный партизанский вожак, уже успел сделать это.

Но надежды наши не оправдались. Вдруг примерно в 400 метрах на шоссе из-за возвышенности, как из-под земли, вырос броневик, а за ним появилась большая колонна крытых грузовиков с карателями. Они миновали мост, но никакого взрыва не последовало. Мы вскочили и, маскируясь, бегом бросились к отряду. Через минуту роты по сигналу устремились к шоссе, до которого было не более 300—350 метров. Партизаны спешили перекрыть шоссе, но все же не успели. Колонна врага змеей проскользнула в сторону Бегомля. Отряд при всем желании не смог внезапно нанести удар по немецкой походной колонне.

Оседлав шоссе, мы стали ждать. Наступил поздний вечер, а гитлеровцы больше не появлялись. Весь командный состав тяжело переживал неудачу. Еще бы, упустили противника перед самым носом! Утром, когда со стороны Бегомля до нас донеслись орудийные выстрелы, мы совсем приуныли. Каратели штурмовали Бегомль, а мы сидели сложа руки. Нас грызла

совесть за бесплодный вчерашний день, за то, что не задержали и не разгромили колонну фашистов из плещеницкого гарнизона. Мы возмущались и отпускали крепкие слова по адресу Воронянского, бригада которого согласно приказу должна была удерживать рубеж до прихода нашего отряда.

NACH MOSKAU

После небольшого совета с командирами рот было решено на шоссе оставить первую усиленную роту, а активными действиями остальных рот отвлечь на себя как можно больше сил противника и прикрыть Паликовские леса, а также деревни Мстиж и Холмовку.

Первой роте вскоре удалось подбить на шоссе четыре автомобиля и истребить 18 гитлеровцев, потеряв лишь одного партизана. Фашисты подбросили на место боя сильное подкрепление. Рота была вынуждена сняться и отойти в глубь леса. Каратели долго обстреливали вековой бор из миномета, но углубиться в него не осмеливались.

В целом против нашего отряда противнику пришлось сосредоточить более полка пехоты. Выставив этот заслон, каратели выжидали развития событий в направлении главного удара. Наступление на Бегомль основными силами немцы вели со стороны Вилейки, где оборонялась бригада «Железняк», и от Зембина — против бригады Лопатина — «Дяди Коли».

Кольцо блокады с каждым днем сжималось все плотнее. На востоке ударные отряды карателей теснили партизанскую бригаду имени Кирова, на севере — бригады товарищей Мельникова и Керпича. Методично и настойчиво превосходящие силы немецких войск продвигались к сердцу Борисовской партизанской зоны — к Паликовским лесам. Окруженные партизанские соединения и части лишились свободы маневрирования. Примерно через неделю партизанская оборона во многих местах стала не выдерживать натиска гитлеровцев. Один за другим отряды начали с жестокими боями отходить в район Паликовских лесов. Туда был вынужден откатываться и наш отряд.

В нелегкое для партизан Борисовско-Бегомльской зоны время гитлеровская газета «Дойче альгемайне цайтунг» 22 мая 1943 года вынуждена была признать:

> «…Нельзя отрицать, что эта борьба стоит нам больших жертв, сковывает часть наших сил и наносит нам серьезный ущерб…»

Выполняя священный долг перед Советской Отчизной, лесные гвардейцы не знали тогда настоящей цены тому, что они делали. Никому не приходило в голову задумываться над этим. Люди делали то, что было в их силах, и даже больше. Девиз был один — истреблять оккупантов и их пособников повсюду, где только можно, не давать им покоя ни днем, ни ночью. В неравной борьбе с врагом нередко творились такие дела, которые выходили за пределы человеческих возможностей…

Как-то поздним вечером, едва оторвавшись от наседавших карателей, отряд занял оборону на выгодном рубеже по холмам у деревень Броды, Тартак и Холмовка.

Штаб отряда расположился в лесу вблизи той небольшой деревушки Крайцы, в которой год назад ожидали нас каратели, когда мы шли из-за линии фронта. Ситуация ухудшалась с каждым днем. Полукольцо немцев методично сжималось и наконец охватило дальние подступы большого паликовского болотистого массива, в котором ранее царила относительно спокойная жизнь.

Для врага не было секретом, что Палик являлся колыбелью белорусских партизан Борисовско-Бегомльской зоны, их крепким бастионом. Достигнув его границ, каратели не отважились с ходу преодолевать внушавшие им страх сплошные леса и болота. Они остановились, окопались по всему сплошному фронту, создали двойную линию обороны, закупорили все возможные выходы и начали активную разведку огромного массива с воздуха.

Большую роль в завершении блокады нацистское командование отвело своей авиации, которая по мере ведения воздушной разведки интенсивно удлиняла радиус своих действий. Вскоре налеты охватили зону обороны и нашего отряда. Десятки черных штурмовиков с рассвета до позднего вечера обрушивали бомбы туда, где обнаруживали малейший признак жизни, — на поля, деревни, поляны и просеки в лесу. На подозрительное место сбрасывались сотни зажигательных и фугасных бомб. Освободившись от бомбового груза, фашистские летчики переходили на бреющий полет и поливали землю свинцом из пулеметов и пушек. Наши потери от авиационных налетов были невелики: партизаны еще до этого научились хорошо маскироваться в лесу и укрываться в отрытых щелях.

Труднее приходилось санитарной части отряда, которая разместилась в крестьянской хате, расположенной под тенистыми липами. Во дворе теснилось около десятка подвод с ранеными партизанами. Здесь же, под открытым небом, раненым оказывалась первая помощь. Наш немногочисленный медицинский персонал работал круглосуточно и самоотверженно. Врачам приходилось спасать не только раненых партизан, но и местных жителей от свирепствовавшего брюшного тифа. Не имея почти никаких медикаментов, они порой исцеляли людей, применяя лишь народные средства, начиная с крапивы, горькой полыни, болотного бобка, малины и черники и кончая крепкой самогонкой и тертым серпорезником, заменяющим йод.

Опытный хирург Тихомиров, врачи Геня Рогенбоген и Мария Юлиановна Силич, невзирая на бомбежки и обстрелы с

самолетов, забывая о сне и отдыхе, буквально в адских условиях боролись за спасение людей. Они вернули к жизни сотни взрослых и детей. Ни один раненый партизан не забыл своих спасителей. А спасенные от смерти жители Палика и по сей день беспредельно благодарны им.

10 июня после многодневной авиационной обработки лесного массива каратели пошли на штурм. От ударов артиллерии и авиации застонали земля и небо. Пехота и танки противника вскоре подавили сопротивление на востоке партизанской бригады имени Кирова, отрядов «За Родину» и «Гвардеец», а на юге отбросили к Палику бригаду «Дяди Коли». Несмотря на ожесточенное сопротивление партизан, карателям удалось выйти непосредственно к границам Паликовского леса. Вражеское кольцо замкнулось еще плотнее, а зона маневра для партизан катастрофически уменьшалась. В это время партизанам во многом помогала нерешительность и «лесобоязнь» карателей. Вновь наступила пауза. Лишь после повторной двухдневной воздушной и артиллерийской обработки подозрительных районов гитлеровцы рискнули повести наступление через лес, вбивая клин между бригадой «Дяди Коли» и бригадой имени Кирова.

На этом направлении находились наши запасные базы и госпитали. Над ними нависла серьезная угроза. По приказу штаба отряда начальники запасных баз немедленно вывезли и раздали партизанам неприкосновенный запас сухарей, муки, крупы, сушеного мяса и соли. Было решено рассредоточить раненых и больных в самых глухих и недоступных местах, хорошо укрыть и замаскировать их. К каждому раненому выделили по два здоровых бойца для ухода и охраны.

Почти неделю отряд с боями отступал вдоль лесной дороги к деревне Пострежье. Над нами круглосуточно рвались снаряды и мины. Росли наши потери. С наступлением дня, когда на нас обрушивалась еще и авиация, начинался настоящий ад. Артиллерийская канонада и огонь захлебывающихся пулеметов смешивались с гулом авиации, грохотом рвавшихся бомб. Кругом бушевало пламя пожаров и стлался едкий дым. Метались не только люди, но и дикие звери. Даже осторожные лоси после многодневных шараханий присоединились к домашним животным скрывавшихся в лесу крестьян и следовали за ними. Как мы ни пытались уклониться от столкновений с немцами, стычки происходили каждый день. Они истощали наш скудный боезапас. Мы все время стремились вырваться из блокады в северном направлении — к Западной Двине, но все наши, преимущественно ночные, попытки оставались безуспешными. Поэтому нам пришлось покинуть сушу и перебраться на гнилое

Домжерицкое болото, покрытое густой острой осокой, зарослями лозняка, мшистыми кочками да тощим березняком. На этой обширной трясине было разбросано множество небольших островков и гряд. Здесь под кронами редких елей и сосен временно укрылись от карателей наши партизаны и местные жители. Однако враг неумолимо подбирался и сюда. Зловещий грохот становится все сильнее. Обстановка усложнялась. Патронов не было, продукты кончились. Брусника, клюква и разные болотные травы не могли утолить голод. Люди заметно ослабли, похудели, многие начали пухнуть, руки и ноги покрывались язвами. Было настолько трудно, что, казалось, уже нет выхода из создавшегося положения.

В это время немецкие самолеты сбросили над нами множество листков, в которых говорилось:

«Партизан, сдавайся! Твое положение безвыходно!»

В листовке значилось, что она служит пропуском для перехода к немцам я гарантией сохранения жизни. Кругом пестрели листовки. Но они вызывали только проклятия партизан.

С нашего небольшого островка, затерявшегося в трясине и простреливаемого артиллерией немцев, полетело «SOS», переданное на Большую землю отрядной рацией. Одной лаконичной фразой мы с командиром просили лишь патронов и хлеба. Радиограмма была послана утром. По правде говоря, мы почти не рассчитывали на быструю помощь. А она как раз пришла неожиданно быстро — в первую же ночь. Ответная радиограмма о присылке самолета и требовании обозначить для него кострами район сбрасывания парашютов с грузовыми контейнерами пришла перед вечером. Узнав об этом, партизаны от радости плясали. Едва послышался гул самолета, как сразу же вспыхнули костры, обозначая квадрат. Резко снизившись, самолет сделал круг и очень точно на восьми парашютах сбросил предназначавшийся нам груз: пять контейнеров было найдено еще ночью, а три партизаны нашли, утопая по грудь в болоте, уже утром. Драгоценный груз — патроны и сухари — воскресил отряд. Как он был кстати! Помощь Большой земли поставила партизан отряда на ноги, вооружила их и дала возможность выйти из такого критического положения, в котором отряд, пожалуй, еще ни разу не был. Отряд стал готовиться к прорыву блокады.

Мы не сомневались, что рано или поздно каратели все же полезут в болото. И действительно, запасшись резиновыми сапогами, надувными жилетами, шестами, проводниками и собаками, немцы полезли в болото. По Домжерицкому болоту

покатилась дикая волна смерти, поглотившая многих бойцов и местных жителей. То тут, то там на болоте разыгрывались трагедии, многие из которых так и остались безызвестными.

Одна из них произошла на густо заросшем островке, где был укрыт партизан с ампутированной ногой и его два телохранителя — пожилой боец с дочерью, недавно прибывшие к нам в отряд из Логойска.

— Отец, к островку уже близко, совсем близко подходят каратели, — тревожно сообщила запыхавшаяся девушка и присела рядом.

— Много их, наверно, там?

— Все болото усеяно. Скоро будут здесь. Что же делать, папа? Ведь нас боеспособных только двое.

Еще раз посмотрев на дочь, партизан крепко сжал губы. Сурово насупились его лохматые брови. Мысли партизана бились, как птица в клетке. Он понимал, что ему вверена судьба и раненого бойца и родной дочери. Наступала минута трагической развязки, и он должен был с честью выдержать, быть может, последнее в жизни испытание. Уйти с безногим они, конечно, не могут. «Значит, остается одно, — решил он, — быть здесь до конца. Да и лучшего места, чем этот островок, окруженный болотной водой, не найти».

Вдруг до островка донеслись совсем близкие выкрики-команды. А вслед за ними раздались душераздирающий крик ребенка и нечеловеческий вопль женщины:

— О-о-й! Сы-но-чек! Гады, за што закололи крошку?! Людоеды!.. Режьте и меня, проклятые, за што лишили его жизни?..

Вопли несчастной матери, звенящие на самой высокой ноте, потрясли троих партизан, укрывшихся на островке. Крики женщины продолжались какие-то секунды. Раздался предсмертный хрип: и ее, видно, постигла участь ребенка.

— И ее, несчастную, прикончили, звери! — в бессильной злобе промолвил раненый партизан, замаскированный в густой траве и плотных ветвях вывороченной ели. Приподнявшись на локти, он позвал к себе отца девушки:

— Дорогой Андрей Андреевич! Проберись сюда, у меня к тебе есть большая просьба.

Партизан подхватил самозарядную винтовку и осторожно полез меж сучьев. Когда он вплотную приблизился к больному товарищу, тот зашептал:

— Дай слово, что выполнишь просьбу?

— Какая такая просьба, Микола? Говори! Смогу — сделаю, не смогу — не взыщи, — ответил Андрей Андреевич шептавшему

Николаю.

— Ты знаешь, — тихо продолжал тот, — я потерял жену, детей, дом, ногу. Не осталось у меня ни брата, ни свата, ни кола, ни двора. Я знаю — моя песня спета. Будь другом, умоляю тебя, бери дочь и скорее уходите отсюда. Вы здоровые, ловкие, и вам удастся вырваться. Ну зачем вы будете из-за меня погибать?! А за меня не беспокойся. У меня есть сухари, граната и нож. Повезет, так и без вас не пропаду… А в случае чего живым не дамся.

Николай протянул горячую руку Андрею. Глаза его лихорадочно блестели.

— Ты что, Микола, с ума спятил или смеешься надо мной? — отбросив руку партизана, возмутился Андрей Андреевич. — Вместе жили, вместе партизанили, рискуя жизнью, а ты мне такое мелешь… Нет, браток, не обижай напоследок… Уж ежели суждено, так вместе и умирать будем.

— Да обожди ты! Не шуми. Я серьезно прошу… ведь не ради тебя, а во имя нее, — Николай показал на девушку. — Ей, молоденькой, жить да жить надо.

— Ты это брось! По-твоему, получается, что я должен оставить раненого товарища, потерять совесть и спасать свою шкуру, а в душе тешить себя мыслью, что сделал это ради спасения дочери. За кого же ты меня принимаешь? Да и дочь моя, я уверен, не пойдет на такую подлость. Прости за резкость. Нет, так не выйдет! У нас есть оружие. Постоим за тебя да за себя, отомстим за безвинно погибших. Вот это будет по-партизански! — раздраженно отчитал Андрей боевого товарища и, затрещав сучьями, отполз от него.

В это время метрах в двухстах послышались крики, выстрелы. Затем зашуршала осока — это каратели выбирались из болота.

Немцы, ведя сильный огонь по зарослям островка, подходили все ближе и ближе…

— Ну, доченька, меться хорошенько да в ближних, — глубоко вздохнув и прицелившись из-за лежащей ели, сказал Андрей, когда стало очевидно, что немцы их не обойдут.

Начался неравный поединок. Один за другим падали фашисты, сраженные меткими выстрелами хорошо замаскировавшихся отца и дочери. Немцы, наконец, обнаружили место, где засели бесстрашные мстители. Усилив огонь, фашисты начали методическую осаду, стремясь захватить смельчаков живыми. Они все чаще кричали: «Партизан, сдавайся — будим давайт жизнь! Опоздаешь — будит капут!»

В ответ гремели скупые одиночные выстрелы, вслед за которыми раздавались громкие вскрики карателей. От пуль противника отца и дочь спасали толстые стволы деревьев,

лежавших углом. Но так долго продолжаться не могло. Немцы приближались, патроны кончались. Все ближе начали рваться гранаты.

Понимая, что с минуты на минуту наступит неизбежная развязка, Андрей Андреевич что-то зашептал дочери. Та согласно кивнула головой. Тогда он подполз к Николаю и торопливо бросил ему:

— Ну, дружок, теперь у нас тебя нечем защищать, и мы попытаемся их от тебя отвести. Лежи тихо, и тебя они не заметят. Прощай!

Через несколько дней Николай рассказал:

— Тщательно прикрыв меня мхом и еловыми ветвями, Андрей с дочерью быстро перескочили ель и метнулись в кусты. Шум погони стал быстро удаляться. Наконец послышалась яростная вспышка автоматной стрельбы, разрывов гранат, каких-то неясных криков. Затем все смолкло. Потянулись ужасные дни одиночества. Обрубок ноги горел огнем. А тут еще терзала мысль, что два здоровых человека ценой своих жизней спасли меня, калеку! А надо было наоборот… Я же предлагал им… — горестно сокрушался он.

Ровно через год, в двадцатых числах июня, в Паликовском лесу до последнего патрона защищали раненых побратимов седовласый патриот Иван Юлианович Городецкий и его юные дочери Галя, Мария и Броня. Они выполняли свой священный долг и навечно остались в наших сердцах.

…До отряда со всех сторон, то издалека, то вблизи, доносились стрельба и глухие взрывы гранат. Вечерело. На островке наступило заметное оживление: отряд стягивал кулак прорыва. Это была единственная возможность спасти отряд и тысячи безотлучно следовавших за нами советских людей. Все командиры и партизаны отлично понимали, что в сложившихся условиях прорыв — это тоже чрезвычайно рискованное дело. И его осуществление повлечет неизбежные жертвы. Однако опыт нам подсказывал, что они будут тем меньше, чем лучше все подготовятся. Мы созвали командиров.

— Сегодня в ночь совместно с партизанским отрядом «За Родину» пойдем на решительный прорыв блокады, — сообщил Василий Федорович командному составу. — Прорыв — дело трудное, но наш путь только вперед! Оставаться здесь — значит погубить отряды. Этого допустить нельзя!

Затем командир кратко изложил план прорыва и поставил подразделениям конкретные боевые задачи. На одних возлагалась главная задача — штурм обороны противника. Другим надлежало во что бы то ни стало надежно прикрыть пробитую брешь с

флангов, пропуская через нее из огненного кольца партизан и местных жителей. Третьи должны были обеспечить заслон с тыла. Даже угроза смерти не давала им права отойти раньше других.

Приказ быстро облетел остров. О прорыве говорили партизаны и исстрадавшиеся местные жители. Предстояло нелегкое испытание физических и моральных сил, испытание на прочность голодных, измотанных переходами и боями сотен партизан и нескольких тысяч местных жителей. Приказ на прорыв вдохнул в людей свежие силы и надежду. Но нашлись и такие, кто оказался за время блокады надломленным и, ослабев телом и духом, поддался страху. Таких было немного, но ворчание о безнадежности положения можно было услышать то тут, то там. Командованию, коммунистам и комсомольцам нужно было мобилизовать всех до единого этих растерявшихся на выполнение боевой задачи. С секретарем подпольного райкома партии Довгаленком и руководителем партцентра Борисовщины Павлом Антоновичем Жуковичем мы посоветовались, как это лучше сделать. В ротах провели партийно-комсомольские собрания и беседы с гражданским населением. Девиз был один — прорыв любой ценой, это жизнь и продолжение борьбы. Руководители партцентра изъявили желание идти на прорыв вместе с нами. Такое доверие нас радовало, но и обязывало.

— Жарко будет ночью, товарищ комиссар, — озабоченно произнес парторг Ивановский, подошедший ко мне после беседы с коммунистами штурмовой группы. — Все довольны, что штурмом будет руководить сам Тарунов. Сегодня парторганизация пополнилась более чем двумя десятками коммунистов.

— Это очень хорошо. В этом наша сила и залог победы… До встречи на хуторе Старина.

Мы крепко пожали друг другу руки. На этот раз расставание было каким-то тяжелым, с нехорошим предчувствием…

В этот день стемнело раньше обычного. Небо заволокли плотные тучи. Затем хлынул проливной дождь. Все вокруг наполнилось глухим шумом. Умолкли пушки и пулеметы немцев. Они ушли с открытых мест в чащу, укрылись под пятнистые плащ-палатки и в наскоро сделанные шалаши. Карателям, по-видимому, и в голову не приходило, что в такое ненастье по топкому, во многих местах непроходимому болоту на узком участке фронта блокады бесшумно надвигаются два партизанских отряда. Их командование вообще уже считало, что никаких организованных партизанских сил нет, а остались лишь деморализованные одиночки, рассыпавшиеся по болоту.

В сплошной тьме выдерживать направление было очень

трудно. Ударная группа прокладывала дорогу по компасу. За ней, через 80—100 метров, двигались заслоны и колонна главных сил. С каждым километром эта колонна становилась все длиннее: к ней присоединялись партизаны других отрядов и местные жители. Каждый понимал, что прорыв — это последний шанс спастись. Шли насквозь мокрые, порой проваливаясь в болото по пояс, а то и по грудь. Все помогали друг другу.

Холодный дождь продолжал лить как из ведра. Одежда набухла, неприятно прилипая к телу, отяжелела и тянула книзу. Многим, особенно ходячим больным, истощенным и несшим тяжелые грузы, было просто невмоготу. Им как воздух нужны были передышки. Но останавливаться было нельзя — июньская ночь коротка. Собрав последние силы, все неудержимо шли вперед.

Лишь перед рассветом колонна достигла намеченного исходного рубежа для прорыва. Ступив на сушу, партизаны облегченно вздохнули. Колонна подтянулась, остановилась и перестроилась в боевой порядок. Ускоренным шагом ушла вперед ударная штурмовая группа. Вправо и влево развернулись боковые заслоны. Соблюдая осторожность, отряд продолжал путь вперед.

Тьма начинала отступать, чуть-чуть посерело. По всему чувствовалось, что враг уже совсем близко, но он пока молчал. Только изредка низко нависшие черные тучи то тут, то там по фронту блокады озарялись вспышками ракет, а в небо врезались золотистые нити трассирующих пуль.

Наконец сквозь мокрый кустарник штурмовая группа вплотную приблизилась к рубежу, занятому противником. Почти над нами взвились вверх ракеты, и совсем близко раздались автоматные очереди. Ударная группа бесшумно развернулась в густую цепь для атаки.

— Хальт! — вдруг громко раздалось впереди. Вверх взметнулась осветительная ракета, а из кустов тотчас же ударил пулемет.

В ответ злобно хлестнули наши короткие автоматные очереди. Пулемет смолк.

— Партизанен! — дико завопило несколько карателей. Над станом врага взвились десятки новых ракет, как днем осветив впереди лежащую местность.

— Смерть карателям! Вперед! Ура-а-а!

Грозное партизанское «ура!», несмотря на сильный огонь пулеметов и автоматов, разносилось над необъятным паликовским массивом. Местом прорыва была избрана большая поляна в полукилометре от деревни Пострежье. Подразделение карателей, застигнутое врасплох, открыло хотя и сильный, но

беспорядочный огонь. Поляна озарилась дрожащим светом десятков ракет, наполнилась оглушительной дробью бешено строчивших пулеметов и автоматов, раскатистым партизанским «ура» и воплями гитлеровцев. Каратели заметались в панике. Многие из них падали под партизанскими пулями на пути к окопам. Некоторые, пытаясь спастись, бежали в лес. Сопротивление продолжали оказывать лишь пулеметы в окопах. Но и их быстро заставили замолчать гранатами.

Штурм был внезапным, решительным и мощным. Вражеское кольцо на участке прорыва лопнуло, и этим надо было быстро воспользоваться. Мы знали, что враг постарается быстро подтянуть резервы и заткнуть брешь, а по нашим следам пустит сильный отряд преследования. К рассвету пробитую брешь мы расширили по фронту почти до километра. Это были ворота жизни. Огонь врага здесь смолк. Однако он все неистовее разгорался по всей окружности блокады противника. Перепуганные каратели, пока еще не разобравшись в обстановке, со всех видов оружия палили по Домжерицкому болоту. Громыхали десятки пушек, методично били минометы и повсеместно захлебывались сотни пулеметов.

Все, кто вырвался из блокады, навсегда запомнят это летнее утро, ставшее свидетелем жаркой схватки. Дождь перестал, и вымытый лес засверкал в лучах летнего солнца. Мокрые, грязные, оборванные и обессилевшие люди ликовали. Враг был повержен, а путь к свободе и дальнейшей борьбе открыт. Через пробитую отдушину валил поток бойцов и жителей. Партизаны подбирали вражеское оружие и боеприпасы, потрошили их кожаные ранцы в поисках продовольствия, подбирали брошенные в панике карателями шинели, плащ-палатки, мундиры.

Наконец каратели опомнились от удара. Вначале они попытались контратаковать наши заслоны, оседлавшие большак, наспех собранными силами. Потом подбросили резервы. Особенно большую напористость проявляли гитлеровцы на большаке со стороны Лепеля. На наш заслон, залегший за стволами толстых ольховых деревьев, каратели лезли как осатанелые. По активной перестрелке было видно, что там нелегко, но все полагались на стойкость товарищей, знавших, что за их спиной из кольца выходили советские люди, с оружием и без оружия, взрослые и дети.

Меткие партизанские выстрелы вжали в болотистую жижу вражескую цепь. Она заметно редела, и казалось, что враги вот-вот поползут обратно. Однако этого не произошло. Впереди послышался шум, и из-за поворота на большаке появились всадники. Дружно заговорили наши пулеметы. На узкой ленте

большака образовалась свалка… Прикрываясь огнем, заслоны оторвались от противника и растаяли в Паликовском лесу.

Каратели, понеся большие потери, не осмелились преследовать нас. Больше двух дней они подбирали разбухшие на солнце трупы солдат и лошадей своего кавэскадрона. Десятки карателей еще долго блуждали по лесу.

В те архитяжелые дни, когда казалось, что мы попали в безвыходное положение, командир подрывной группы, ныне учитель Александр Петрович Муровицкий на полях книги «Былое и думы», с которой он не расставался, записал:

> «…20 июня 1943 г. Боеприпасов мало. Продуктов нет. Готовимся к прорыву блокады. Немцы свирепо наседают. Нам тяжело. Раненых носим с собой. Базы давно нет. Но никто не хнычет.
>
> 23 июня. Прорыв блокады около деревни Пострежье. Все позади… Ох уж это Домжерицкое болото — и спаситель и смерть. Кто победит? Мы!
>
> 24 июня. Нашли муку, спрятанную нами же до блокады в речушке. Печем пресные лепешки прямо в огне на золе. Очень вкусно — и весело. И грустно за погибших товарищей».

При прорыве блокады в схватке с карателями погибли замечательные партизаны — наш парторг Тимофей Кондратьевич Ивановский, лейтенант Олег Довнарович и пятнадцать других боевых товарищей. Это были тяжелые утраты… Понес потери также отряд «За Родину». Павших героев мы похоронили недалеко от Пострежья, возле дубовой рощи, в скромной братской могиле. Ценою своих жизней они спасли жизни многих тысяч советских людей.

Спустя несколько дней секретарь ЦК КП(б) Белоруссии товарищ Пономаренко сердечно поздравил командование и личный состав отряда с замечательной победой и пожелал нам новых боевых успехов.

По решению межрайкома партии Борисовско-Бегомльской зоны отряд был преобразован в бригаду того же наименования. Комбригом был назначен Василий Федорович Тарунов, комиссаром бригады я.

Вторая военная весна с самого начала стала жаркой во вражеском тылу и предвещала не менее жаркое лето на фронте. Патриоты видели, что противник проводит интенсивную переброску живой силы и боевой техники к фронту по железным и шоссейным дорогам. Главные коммуникации использовались по

уплотненному графику. Нам стало известно об усиленной подготовке немцев к летней операции под кодовым названием «Цитадель», стремившихся добиться реванша за поражение под Сталинградом. На эту операцию гитлеровцы возлагали большие надежды, рассматривали ее как решающую.

«Победа под Курском, — говорилось в директиве гитлеровской ставки войскам, — должна явиться факелом для всего мира». Солдатам и офицерам предписывалось «победить или погибнуть».

А перед партизанами Москва поставила задачу усилить удары по врагу на его коммуникациях. Приказ касался всех партизанских отрядов и прежде всего тех, которые находились у важных артерий, питавших фронт. Именно на таком бойком участке автострады и железной дороги в районе между Минском и Борисовом действовал наш отряд.

Из Кормшского леса, где укрывалась центральная база отряда, ежедневно выходили десятки диверсионных групп с толом, снарядами, бомбами. В эти жаркие дни у партизан вызывало беспокойство только одно — нехватка боеприпасов и взрывчатки.

Народная армия в тылу росла с каждым днем и усиливала удары по врагу. Для гитлеровцев это был настоящий второй фронт. Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Клюге докладывал Гитлеру:

> «В тылу у меня повсюду партизаны, которые все еще не только не разбиты, но все более усиливаются. К тому же их активность возросла… А 400 этих проклятых диверсий на железной дороге!»

Фельдмаршал фон Клюге нервничал. Еще бы! Ему доносил командующий охранными войсками и начальник тылового района группы армий «Центр» генерал Шенкендорф:

> «Существует угрожающее положение, создавшееся в результате действий партизан. Важнейшие пути подвоза по железной дороге постоянно находятся под угрозой. Число налетов партизан, диверсий и т. п. с каждым днем возрастает…»[18]

После блокады перед разведчиками стояла задача: восстановить связь с подпольщиками. С этой целью вышел к автостраде начальник разведки с группой прикрытия. Впереди них по широкой асфальтовой полосе нескончаемым потоком

тянулись на восток тяжелые грузовики, выплевывая из выхлопных труб струи черного дыма. Почти касаясь верхушек деревьев, пролетали транспортные самолеты с черными крестами на крыльях. Как хотелось резануть по ним из пулемета бронебойными! Как хотелось! Но это нельзя было делать: противник находился рядом и давал о себе знать пулеметными очередями то с железной дороги, то со стороны станции Жодино, то с нефтебазы. Да и не обстрела ради пришли сюда разведчики. У них другая задача — нужно связаться с подпольщицей Таней Конюховой, получить сведения о гарнизоне, а главное, о перебросках по железной дороге живой силы и боевой техники. Это было очень важно для нас, а еще важнее для фронта, для Москвы. В данный момент вся надежда возлагалась в этом отношении на Таню. Она являлась пока единственным человеком, кто добывал важные сведения о противнике, по ее же словам, из «первых рук», и сведения были всегда полными и точными.

Однажды заместитель командира бригады Григорий Савельевич Якимович, наладивший подпольную работу Тани, спросил ее:

— Что это за первые руки?

Лицо Тани густо покрылось краской. Потом она успокоилась и с достоинством ответила:

— Нашего верного друга. За точность сведений ручаюсь.

Яркое июньское солнце щедро заливало светом опушку соснового перелеска, отделенного от автомагистрали Минск — Москва стометровой, недавно вырубленной немцами полосой безопасности. Начальник разведки Евгений Михайлович Чуянов с группой расположился в тени сосен. Тем временем разведчик Петя Мальцев скрытно добрался до края перелеска, внимательно осмотрелся вокруг и, поднявшись на одно из высоких деревьев, прикрепил на его верхушке белую тряпицу. Это был сигнал срочного вызова на встречу подпольщицы Тани. Опустившись с дерева, Петя по-пластунски дополз до опушки и укрылся в густых зарослях.

Прислушавшись к дневным шорохам и ничего подозрительного не обнаружив, разведчик пристальным взглядом наблюдал за деревней, опоясанной колючей проволокой. Она была безлюдной. Казалось, что там нет ни одной живой души. Разведчик какое-то время был спокоен. Длительное молчание Тани начинало его беспокоить. До боли в глазах всматриваясь в дверь третьей от края хаты, он поминутно бросал косые взгляды на черный циферблат трофейных часов. Как хотелось Пете, чтобы распахнулась эта дверь и на пороге появилась Таня с белой косынкой в руке! Ему совсем не хотелось думать о возможном

появлении девушки с черным платком. Это означало бы: «Опасность! На встречу не выйду!»

Со времени последней встречи подпольщицы с партизанами прошло более двух месяцев. С тех пор она не знала толком ничего об отряде и судьбах дорогих ей людей. В конце июня Таня прочитала в местной газетенке сводку немецкого командования, в которой хвастливо сообщалось о полном разгроме партизан. При этом приводились имена убитых и захваченных в плен, расстрелянных комсомольцев, повешенных коммунистов. Среди них значилось и наше командование. «Так что же это? — думала Таня. — Неужели это правда? Видно, брешут, проклятые гады».

…Из укрытия разведчик Петя хорошо видел все, что происходило на автотрассе и рядом с ней. Вот откуда-то появились гитлеровцы с витками проволоки на плечах. Они начали сновать от одного телефонного столба с оборванными проводами к другому.

Вначале партизанам, оставшимся на поляне дожидаться Петю, казалось, что все идет своим чередом и для особого беспокойства нет причин. Вдруг трое солдат сбросили с плеч витки проволоки, закурили и, сняв карабины на изготовку, скрылись в зарослях.

— Этого еще не хватало, — обеспокоился Демин, — того и гляди фрицы на Петра наткнутся. Как у него с патронами?

— Штук тридцать будет, — невнятно ответил Чуянов, занятый мыслями о предстоящей встрече с Таней.

— Так это же всего одна длинная и две короткие очереди! — возмутился Демин.

— Не одна длинная и две короткие, а целых тридцать выстрелов, если стрелять одиночными. А если еще стрелять прицельно, то… Дались тебе эти патроны. Будто у меня их больше!

— А ты не сердись, Женя. Если бы я знал такое дело, то отдал бы свои, — с укором сказал Демин погорячившемуся Чуянову. Тот молча закрепил диск и, повернувшись к Демину, бросил:

— Ты прав, Иван. При нужде прикрой нас…

Чуянов приподнялся и, прячась в сосняке, где ползком, где пригнувшись, направился к опушке. Под ногами предательски потрескивали сухие ветви и сучья.

Петя слышал невдалеке осторожные шаги. Он хорошо знал, что оккупанты так не ходят. Но все его внимание было сосредоточено на том, что он увидел на окраине деревни.

Чуянов щелкнул языком, подражая белке, и сразу же услышал ответный щелчок. Когда начальник разведки оказался рядом, Петя еще плотнее прижал к глазам бинокль и прошипел:

— Удавить этакую мало…

— Ты о ком это? — насторожился Чуянов.

— Возьми бинокль и глянь на эту чертову куклу!

— Не шуми, немцы рядом, — тихо сказал Чуянов и взял бинокль… От неожиданности он издал какой-то непонятный хрип.

— Неужели это наша Таня? Никогда не думал… Докладывай все, что видел, — распорядился Чуянов.

Он не спускал глаз с Тани и человека в немецкой форме, шедших рядом по тропинке к узкоколейке, которая с обеих сторон была окружена густыми зарослями молодого березняка и осинника. Таня, чрезвычайно стройная и красивая, легкой походкой шла рядом с высоким мужчиной, что-то ему говорила и кокетливо улыбалась. И тот улыбался в ответ и одобрительно кивал головой, а когда они приблизились к кустарнику, попытался обнять девушку. Она ловко увернулась и погрозила пальцем. Немец поправил соскользнувший с плеча автомат и взял Таню под руку. Они снова зашагали дружно, непринужденно. Со стороны можно было подумать, что идет счастливая влюбленная пара.

Чуянов внимательно наблюдал за ними, и в голову ему невольно вкрадывалась мысль, что сегодня Тане не до встречи с ними, она занята своим личным делом. Еще больше забеспокоился Чуянов, когда услышал от Пети, что Таня приняла сигнал и сообщила о незамедлительном выходе в условленное место. А потом она встретилась вот с этим оккупантом…

Правда, Петя не знал, что место встречи с Таней находилось на узкоколейке, примерно в километре от станции Жодино. Именно туда шла она с этим неизвестным. Наконец они скрылись за густой стеной кустарника.

— Что ты на это скажешь? — не своим голосом спросил Чуянов Петю. У него учащенно билось сердце, будто он пробежал на простреливаемом поле не одну стометровку.

— Доброго ничего не скажешь. Сама с фрицами спуталась и нас к ним в западню тянет.

Все мысли начальника разведки вертелись вокруг Тани. Больше шести месяцев с риском для жизни делала Таня очень нужное партизанам дело — собирала стратегические сведения о противнике. Кроме этого, она не единожды прикрепляла на станции к цистернам магнитные мины и карала предателей…

Чуянов взял себя в руки и думал, упорно думал…

— Не смей так говорить, Петя. Не имеешь права. Таня не из тех, — решительно возразил он и, поставив затвор автомата на боевой взвод, приказал Пете смотреть в оба: — В случае

опасности — треск сороки.

— Не советовал бы совать голову в петлю. Она у тебя, начальник, не лишняя.

Чуянов колюче сверкнул воспаленными глазами:

— Я верю Тане!

— Как знаешь… Лично я по своей воле не пошел бы на виселицу. Другое дело — кокнуть фрица, а потом спросить у чертовой куклы, что у нее за шуры-муры с фашистами. Докатилась твоя Таня. Позор…

Чуянов слышал возмущение Пети, но ничего ему не ответил. Стараясь быть незамеченным, он легкой походкой пошел в глубину перелеска. Когда смолкли удалявшиеся шаги начальника разведки, Петя пригорюнился, словно расставался со своим боевым товарищем навечно, и снова стал напряженно осматривать местность. Вот заметил он и тех солдат, которые недавно скрылись в кустарнике. Теперь они лениво, поодиночке возвращались обратно.

В это время Чуянов приближался к узкоколейке, которая бездействовала уже с осени. Задолго еще до заморозков партизаны свалили с рельсов последние три паровозика и основательно повредили их. На последнем был убит шеф трассы.

Бездействие узкоколейки весьма не устраивало и военных начальников, и чинов оккупационных властей. Одним очень нужен был строевой лес, камень и щебенка из Логойского и Плещеницкого районов для выполнения предписаний ставки по возведению опорных пунктов под Смоленском, Оршей, Витебском, Борисовом. Другие жаждали больше награбить и вывезти из окрестных деревень хлеба, мяса, картофеля. Хотелось им заполучить и тысячи рук дармовой рабочей силы. Много раз делались попытки наладить работу узкоколейки, но партизаны срывали их. Рельсы покрылись плотной ржавчиной и затерялись в сочном бурьяне.

Чуянов осторожно передвигался вдоль насыпи, чутко прислушиваясь к еле уловимому гулу рельсов. Там, за поворотом, шла Таня, поддерживаемая под руку человеком с орлом и свастикой на кителе. Чуянов остановился, прислушался. Теперь рельсы стали звенеть громче я протяжнее. Он свернул в сторону и укрылся в кустарнике, откуда хорошо просматривалась узкоколейка. Его мысли были прерваны донесшимися из-за поворота словами Тани:

— Ничего удивительного. Наш Ойген[19] поймет, обязательно поймет, я уверена. Ты и он — братья по классу. Чего же еще?

Наступила пауза. Потом послышались приглушенные слова с сильным акцентом:

— Сегодня малё сказаль: братья по классу. Надо деле, много деле протиф опший враг. Понимай?

— Как же, понимаю, — ответила Таня. — Ты хотел сказать, что сегодня братья по классу должны быть и братьями по совместной борьбе против общего врага. А разве ты теперь не борешься против фашизма?

— Я борюсь, но есть много немецкий комрад в России, который есть рабочий, а стоит на другой стороне баррикада. Это есть трагеди для немецкий народ. Я не хочет, чтобы на Германия как на концентрационлагерь смотрель советский человек, а на немец только как убийца и грабител с большой дорога. Немецкий народ имеет большой вина, но он не есть весь фашист…

Чуянов увидел на повороте узкоколейки подпольщицу Таню с поблескивающим на солнце автоматом в руках и шедшего рядом с ней человека в форме офицера-тыловика. Офицер мелко семенил по шпалам и, как показалось Чуянову, умышленно высоко подбрасывал руки, будто старался показать, что в них ничего нет.

Пропустив мимо себя сияющую жизнерадостностью подпольщицу и озабоченного обер-лейтенанта, Чуянов вновь прислушался и оглянулся. Убедившись, что поблизости больше никого нет, он вышел из укрытия и окликнул:

— Таня, здоровеньки булы!

Девушка от неожиданности вздрогнула, потом резко повернулась и удивленно воскликнула:

— Женя, это ты? Живой? Живой, ей-богу, живой! — забыв об опасности, с радостью закричала Таня и побежала к Чуянову. Офицер остался на месте и с завистью наблюдал за встречей боевых друзей.

— Цел и невредим! А фашисты хвастались, что тебя, командира и комиссара схватили в лесу и повесили. Вот гады, чтоб им подохнуть, — радостно закричала Таня.

Лицо Чуянова помрачнело.

— Парторга Тимофея Кондратьевича Ивановского и шестнадцать других товарищей похоронили. Дрались как богатыри. Жаль хлопцев… Будем теперь сводить счеты с фрицами за себя и за них. А это кто? — спохватился Чуянов, ткнув дулом автомата в сторону офицера.

Вместо ответа Таня подала знак. Офицер понял жест и размашистой походкой направился к ним. Примерно в трех шагах остановился и, щелкнув каблуками, поднял вверх руку со сжатым кулаком.

— Рот фронт, товарищ, — поприветствовал он Чуянова.

— Смерть фашизму! — прозвучал ответ начальника

разведки. — Вы кто такой?

— Мой имья Карл, помощник начальника станции на железный дорога в Жодино и сменный дежурный. Я пришоль с советской товарищ познакомиться и шультер ам шультер[20] бороться против фашизмус. Фроляйн Танья знаит все корошо и скажет вам.

Из рассказа Тани Чуянов понял, что это был именно тот самый «верный друг», о котором раньше говорила она. Будучи помощником начальника железнодорожной станции Жодино, он по просьбе Тани с немецкой педантичностью учитывал все вагоны, платформы и перевозимые грузы на трассе Минск — Москва к фронту и обратно. При этом он целиком разделял мнение Тани о том, что каждый ушедший на восток вагон с живой силой, танками, снарядами или бомбами — это новый фугас под здание государства рабочих и крестьян, это вместе с тем углубление бездны, в которую ввергнут одурманенный немецкий народ.

Под давлением суровых фактов преступлений оккупантов на непокорившейся земле и влиянием подпольщицы Тани с каждым днем Карл прозревал все больше и больше. И наконец понял, что спасение соотечественников от «коричневой чумы» и чинимого гитлеровцами неслыханного позора заложено в разгроме фашистской военной машины, в поражении «третьего рейха». Во имя этой цели Карл встал на нелегкий путь борьбы, пошел навстречу тысячам опасностей, подстерегавших его на каждом шагу. И вот теперь он пришел вместе бороться за правое дело.

Чуянов несколько недоуменно посмотрел на офицера: перед ним был первый немецкий оккупант, который осознанно стремился через поражение вермахта помочь немецкому народу вырваться из фашистской неволи.

— Вы коммунист? — спросил Чуянов.

— Германский коммунист есть кто в тюрьме, а кто в могиле. Я есть только германский рабочий в позорной униформ, — Карл посмотрел на свой китель со свастикой.

Чуянов облегченно вздохнул:

— Наконец-то появился луч света в фашистском мраке! Когда же вы прозрели, «германский рабочий в позорной униформ»?

Карл признался, что он в душе никогда не был нацистом и всегда презирал их. Но до зимы 1943 года у него не хватало мужества пойти против течения, и лишь разгром фашистских армий под Сталинградом придал ему силу и решительность. Заканчивая свою исповедь, он сказал:

— Я отшень благодарью фроляйн Танья, который отшень много помог мне стать на настоящий дорога.

— Мы не отталкиваем вашу руку, хотя протянута она с большим опозданием. Надеемся, что упущенное наверстаете и доверие советских людей оправдаете.

— Смерть фашизму! — Карл опять поднял вверх сжатый кулак.

— Все же кто вы? Нам хочется, чтобы о вас знали не только Таня и я, но знали бы и в Москве, а потом, после победы, и в Берлине.

— Скажете, что он назвался Карлом. Родина сможет узнать свой сын по хороший дело…

С этого дня народный фронт принял в свои ряды нового бойца — немецкого антифашиста Карла. Находясь на жизненно важной артерии, питавшей группировку армий «Центр», Карл стремился не пропустить, а если это было невозможно, то задержать хотя бы на какое-то время продвижение к фронту воинских эшелонов и тем самым спасти жизни гонимых на бойню своих соотечественников и жизни сражающихся советских воинов, приблизить день разгрома фашизма.

Из радиоузла партизанской бригады регулярно через фронт летели загадочные точки-тире, точки-тире. На Большой земле они раскрывали очередные замыслы гитлеровцев, указывали на силы, средства и место их осуществления… Подробно рассказывали и о страшном недуге, охватившем вермахт и всю Германию после Сталинграда, о видимых и невидимых схватках между генералами вермахта, абвера, СД и гестапо. Они поведали и о спешном изготовлении супертехники — новых танков «тигров» и «пантер».

Как бессменные часовые, Таня и Карл мужественно несли боевую вахту на станции Жодино.

Минер ошибается один раз в жизни. Роковой бывает и ошибка разведчика. Знали это Таня и Карл, знали и мы, партизаны. Казалось, что все делалось по законам невидимого фронта — умно, расчетливо, осторожно, осмотрительно. И все же где-то просмотрели, в чем-то ошиблись. Карла схватили осенью абверовцы и под сильной охраной увезли в город Борисов…

Преобразование отряда в бригаду вызвало у партизан новый боевой порыв, умножило наши силы.

Сначала было создано три отряда: имени Кутузова, имени Чкалова и имени Буденного. Несколько позже образовали четвертый отряд — имени Ворошилова. Организация отрядов была армейская: они состояли из рот, взводов, отделений, хозяйственных и разведывательных взводов. При штабе бригады имелся конный разведывательный взвод, хозяйственный взвод, служба радиосвязи, боепитания и ремонта оружия, типография. Большой госпиталь и запасную базу вновь оборудовали на Палике. Всего летом 1943 года в нашей молодежно-комсомольской бригаде с учетом вспомогательных подразделений и резерва насчитывалось около 1500 человек. Это был полнокровный и довольно сильный боевой организм. От командиров всех степеней мы требовали поддерживать в подразделениях строгую воинскую дисциплину и уставной порядок. Это было необходимо потому, что наша партизанская бригада находилась на бойком месте, очень близко от двух важнейших транспортных артерий оккупантов Минск — Москва, окружена довольно сильными и многочисленными гарнизонами и должна была не только воевать, но и обеспечивать проход через сильно охраняемые врагом автостраду и железную дорогу многочисленных партийных, комсомольских и партизанских групп.

Насколько нам удалось добиться воинской дисциплины, можно судить по воспоминаниям бывшего секретаря Минского подпольного областного комитета партии и командира крупного партизанского соединения, Героя Советского Союза Романа Наумовича Мачульского, который часто бывал в бригаде. В своей книге «Вечный огонь» о нашем соединении он отзывался так:

> «Мы прибыли в бригаду «Смерть фашизму» под вечер… Я бывал во многих бригадах и отрядах Минской области. Ни про один отряд нельзя сказать, что партизанам живется легко, но что касается смолевичских

народных мстителей, то они, как и заславские, живут буквально возле самого пекла, на виду у врага. Это уже по-настоящему тяжело! И я, беседуя с партизанами, был поражен: ни один даже не намекнул на опасность. Постоянно чувствовать близость врага для них стало привычкой. Дисциплина в бригаде, ее боеготовность были выше всех похвал. Поднять весь личный состав… по тревоге здесь не составляло никакого труда, на это уходили не часы, как в некоторых других, а минуты»[21].

Такой наша бригада оставалась вплоть до прихода Красной Армии. Весьма боеспособными и монолитными были и другие отряды нашего района. При одном из таких соседних отрядов, которым руководили командир Иван Васильевич Луферчик и комиссар Максим Романович Карпилович, решил базироваться Смолевичский районный комитет партии. Когда я, несколько задетый тем, что секретарь райкома Григорий Демьянович Довгаленок отказался обосноваться при штабе бригады, где, как мне казалось, райкому было бы безопаснее, спросил о причинах такого выбора, он мне ответил:

— Иван Прохорович, на отряд калининцев так же уверенно можно положиться, как и на штаб бригады. Но здесь большое преимущество — к массе партизан райком ближе. А бойцы в отряде — патриоты, смелые, дисциплинированные и чуткие. С ними мы не пропадем!

Лето 1943 года было для нас очень жарким. Фашистские войска интенсивно готовились к наступлению на Курской дуге. Железная дорога и автострада, работая по уплотненному графику, гудели во время блокады днем и ночью. По ним гитлеровская ставка гнала к фронту все новые полчища и боевую технику.

Времени для отдыха и раскачки у нас не было. Роты, преобразованные в отряды, начали боевые действия почти с ходу. Обстановка вынуждала забывать об усталости и невзгодах. Каждую ночь десятки боевых групп стали делать дерзкие вылазки на автомагистраль и железную дорогу. По ночам лагерь на Мыльнице оставался почти безлюдным. Все партизаны, имевшие оружие, выходили бить ненавистного врага. После наших неоднократных и удачных ударов по колоннам на автостраде противник снова был вынужден отказаться от движения по ней в ночное время. Он также значительно усилил охрану железной дороги.

Еще зимой нашим подрывникам с трудом удавалось подходить к ней. Теперь же выход к полотну ночью становился

почти невозможным делом. Охранники уже с вечера забирались с пулеметами в доты и стальные полукапониры, расположенные вдоль железнодорожного полотна через 200—300 метров один от другого. Между ними непрерывно курсировали патрули, то и дело пуская осветительные ракеты. Многие из них имели при себе собак. Охрана, не смыкая глаз, до самого утра контролировала все подходы к железной дороге. Десятки наших диверсионных групп, пытавшихся проникнуть к ней, неизменно попадали под сильный пулеметный огонь, несли потери и большей частью отходили ни с чем.

Мириться с таким положением мы, конечно, не могли. Надо было принимать срочные меры, чтобы железнодорожные составы противника не могли безнаказанно идти к фронту. Нужно было предпринимать что-то действенное. Для обсуждения этого серьезного вопроса мы собрали в штабе коммунистов и подрывников. Было решено срочно менять тактику действий и попытаться наносить внезапные удары днем, когда наблюдение за подступами к железной дороге осуществлялось ограниченными силами и главным образом с вышек. Безусловно, все понимали, что дневные вылазки намного рискованнее и труднее, но у нас не оставалось ничего другого. Тактику дневных ударов тщательно обсудили.

Несколько групп подрывников ночью незаметно пробирались через автомагистраль. Затем они искусно прятались в кустарнике, в пространстве между нею и железной дорогой, ожидая наступления дня. Как только разведчики, расположенные далеко впереди по ходу движения поездов, обнаруживали приближение заслуживающего внимания эшелона, одна из групп начинала демонстративными действиями (стрельбой, криками) отвлекать внимание охраны. Подрывники в это время незаметно прокрадывались к железнодорожному полотну и, рискуя жизнью, наскоро устанавливали заряд или же просто подбрасывали мину под подходящий эшелон.

Первое время такая тактика приносила успех. Затем, когда враг распознал ее, действия подрывников начали еще больше усложняться. Вновь приходилось изменять способы действий и всячески ухитряться.

В бригаде были сотни самоотверженных смельчаков. Многие из них совершили немало героических подвигов, в том числе и на железной дороге. О всех, конечно, не расскажешь. Но об одном из них я хочу рассказать.

Речь пойдет об очень дерзкой вылазке, которую совершил среди белого дня подрывник Дмитрий Булавский. Произошло это между станцией Жодино и Борисовом. Светлая память об

отважном партизане обязывает хотя бы кратко рассказать о его жизни.

Дмитрий Булавский родился и проживал до войны на станции Жодино. До прихода в отряд он и действовал в одиночку: засыпал песок в буксы вагонов, вбивал в стыки рельсов небольшие костыли, незаметно подбрасывал в тендеры паровозов, проходивших через станцию, взрывчатку, замаскированную под куски угля. В канун революционных праздников Дмитрий умудрялся вывешивать над зданием станции красный флаг. Своими дерзкими проделками он сильно донимал оккупантов. В конце концов весной 1943 года гестапо напало на его след. Но патриотка Таня Конюхова, узнав об этом, предупредила его об опасности. Булавский бежал и пришел к нам. С ходу включился он в кипучую боевую жизнь. Лютой ненависти к врагу, отваги и храбрости в нем было хоть отбавляй. Однажды Дмитрий появился в штабной землянке и, слегка волнуясь, предложил план дневной вылазки на «железку».

— Отпущу бороду и под видом крестьянина повезу навоз на участок у самой железной дороги, а под навозом доставлю туда взрывчатку. Потом выберу удобную минутку, заложу заряд под рельсы и рвану эшелон… Я местный, каждый бугорок и ямку знаю. После диверсии скроюсь.

Для тех, кто не знал Булавского, его затея могла показаться авантюрой. Но мы изучили Дмитрия уже давно. Действовал он всегда смело и точно. Поэтому к его предложению отнеслись серьезно.

Конечно, этот план был связан с большим риском, но обстановка требовала решительных и незамедлительных действий, и мы его одобрили. Время не терпело, и Дмитрий даже не успел вырастить настоящую бороду. Среди белого дня он благополучно пересек автомагистраль. На телеге в навозе была спрятана мина, а сверху в соломе лежал автомат. Увидев телегу с навозом, фашистские патрульные, брезгливо поморщив носы, велели крестьянину побыстрее проезжать… Примерно через час Дмитрий был на железной дороге почти у самой нефтебазы. Подвода остановилась за придорожными кустами. Партизан, зорко посматривая по сторонам, быстро спрятал автомат в кусты, а мину бросил в кювет у железной дороги. Пока вдали на полотне дороги маячили какие-то люди, он не спеша сбрасывал навоз. Едва дорога оказалась пустынной, он бросился к ней. Прямо руками Дмитрий отрыл в песке полотна между шпалами углубление, всунул туда мину, прикрепил к ее чеке конец тонкого трофейного телефонного провода. Затем все искусно замаскировал сухим песком. В это время вдали показались два

охранника. Мгновение, и он вновь разбрасывал вилами навоз.

Вскоре немцы были рядом. Заподозрив неладное, они внимательно окинули взглядом все полотно. Не обнаружив ничего подозрительного, один охранник подошел к партизану. Булавский весь напрягся, но подобострастно улыбнулся и, приветствуя фашиста, слегка поклонился. А в уме у него промелькнуло: «Неужели схватят?» Увидев почти пустую подводу и покорного крестьянина, немец успокоился и, уходя, проквакал:

— Даваль бистро кончаль работа! Надо скоро проваливаль от здесь!

Дмитрий, у которого немного отлегло от сердца, понятливо закивал головой и ускорил темп работы.

Едва немцы скрылись за поворотом, как боец метнулся к дороге, отрыл присыпанный навозом моток провода и стал лихорадочно разматывать его. Скоро конец провода был уже в кустах метрах в 150 от дороги. Кругом не было ни души. Прошло еще каких-нибудь 10—15 минут, как все было готово: подвода уже стояла в густых зарослях в 300 метрах на заброшенной дороге, ведущей в ближайший лес, а отважный минер, повесив автомат на шею, напряженно поджидал добычу… Вскоре партизаны услышали сильный взрыв.

Сияющий Дмитрий прибыл в лагерь на третьи сутки цел и невредим. Подпольщица Таня сообщила, что взрывом было сильно разбито пять платформ с танками и семь с автомашинами. Под обломками взорванного эшелона погибло несколько десятков оккупантов.

Успех находчивого и смелого мстителя вдохновил и других товарищей. С его легкой руки наши боевые группы стали появляться на железной дороге в форме оккупантов и действовали в зависимости от обстоятельств. Если обстановка позволяла, то они закладывали под рельсы мины, а если нет, то путем разных уловок задерживали движение, останавливали эшелоны, «подбрасывая» фашистам саботаж.

Особенно большую активность стали проявлять наши бронебойщики. Дефицитные патроны к противотанковым ружьям доставила нам Большая земля при очередном рейсе самолета. Противотанковые ружья оказались довольно маневренным, безотказным, дальнобойным и, главное, очень результативным средством. Группы бронебойщиков, заняв выгодные позиции в 200—300 метрах, били на выбор наиболее важные цели. Чаще всего это были паровозы, а иногда и цистерны с горючим. Мишени были крупные, и все выстрелы достигали цели. Поврежденные паровозы останавливались, окутывались клубами пара и прерывистыми гудками взывали о помощи. Застопорив движение

на железной дороге, бронебойщики переносили огонь на автостраду, по автоколоннам противника.

Смелые охотники за паровозами приводили немцев буквально в ярость. Гитлеровское командование приходило в бешенство, не находя действенных способов борьбы с нашими бронебойщиками. Против подрывников, которым надо было обязательно проникать на открытое полотно, немцы выставляли усиленные патрули, вырубали лес в придорожной зоне, строили дзоты и бункеры. А вот против бронебойщиков не помогали ни эти меры, ни засады, ни облавы с собаками, ни прочесывание примагистральных участков леса. Да и на это у них не всегда хватало сил. А ведь, кроме наших, действовали также многие десятки бронебойщиков других бригад. На железной дороге создавались пробки, а на автостраде машины горели как свечи.

Из противотанковых ружей наши бойцы сбили два и подбили пять самолетов. Гитлеровские летчики были вынуждены прекратить бреющие полеты.

Наша разведка установила, что в районе населенного пункта Перемежное немцы оборудовали и содержат небольшой запасный аэродром. Туда было послано четыре отважных молодых партизана. Перед этим их тщательно проинструктировали.

Солнечным днем Петя Мальцев, Леонид Городецкий, Владимир Сокол и Высевка внезапно проникли на аэродром, перебили охрану и техников, вывели из строя все оборудование и подожгли запас горючего. Смельчаки благополучно вернулись в бригаду. Аэродром оставался мертвым до прихода частей Красной Армии.

Бригада разрасталась. Надо было расширять и масштабы ее боевой деятельности. Мы уже сами понимали, что от действий разрозненных мелких групп «удочников», как мы называли бойцов, минировавших железную дорогу, и бронебойщиков требуется переходить к более массовым способам борьбы. Наши мысли по этому вопросу как нельзя лучше были отражены в распоряжении Белорусского штаба партизанского движения о подготовке к так называемой «рельсовой войне».

В штабе бригады два вечера подряд лихорадочно проходило специальное совещание командного состава. Внимательно и горячо обсуждались все детали по подготовке к первому этапу замысла, выработанного Центральным Комитетом КП(б) Белоруссии. В то время когда на фронте развернулось величайшее летне-осеннее наступление советских войск, в тылу гитлеровской армии на огромном пространстве готовился неожиданный удар крупных партизанских сил с целью

парализовать ее железнодорожные перевозки. Осуществить такой замысел могли только силы многих партизанских соединений.

В бригаде закипела бурная деятельность. Отряды были разбиты на диверсионно-разведывательные группы. Началась их тщательная подготовка. Для этой цели в бригаду Москва прислала инструктора подрывного дела. Каждый боец обучался тем действиям, которые потребуются на железной дороге. Подрывников учили действовать быстро и точно. Одна за другой прибывали с Бегомльского аэродрома подводы со взрывчаткой и другим необходимым снаряжением.

Штабы отрядов тщательно изучили закрепленные участки железнодорожной магистрали. Ответственность бригады возрастала еще больше в связи с тем, что в наше расположение прибыло много подрывных групп из других партизанских соединений, которые базировались вдали от железной дороги, но привлекались к «рельсовой войне». Были проведены тщательные рекогносцировки, на которых уточнялись последовательность и способы действий ударных групп.

К концу июля подготовка была закончена. А 1 августа 1943 года поступил сигнал действовать. В ночь на 2 августа бригада стремительными ударами штурмовых групп смяла охрану железнодорожной магистрали, расчистив путь подрывникам. Мало кому из перепуганных охранников удалось спастись бегством.

К полотну двухколейной дороги устремилась лавина подрывников. Сотни групп взрывали стальные рельсы, выворачивали и жгли шпалы, рвали придорожную связь, уничтожали семафоры и мосты. На участке нашей бригады в несколько километров в общей сложности было взорвано около 500 метров рельсов обеих линий дороги. Рельсы взрывали не сплошь, а кусками по 15—20 метров. Позже мы узнали, что такой «обработке» дороги подвергались почти на всей оккупированной земле.

Железнодорожное движение на магистрали было парализовано. Гитлеровское командование, неожиданно вставшее перед фактом грандиозной разрушительной «рельсовой войны», неистовствовало. Но перед огромными масштабами этой войны оно было бессильно. В течение первой половины сентября несколько раз выходила на дорогу чуть ли не вся бригада.

Затем последовал короткий десятидневный перерыв, потребовавшийся для пополнения израсходованных боеприпасов и подготовки ко второму этапу операции, названному «концертом». Аэродром в Бегомле функционировал с максимальной ночной нагрузкой. Москва щедро слала все

необходимые боеприпасы.

«Концерт» начался в 20 часов 10 минут 25 сентября 1943 года. Эта была грандиозная операция по массовому подрыву железной дороги Минск — Москва. Участок бригады, действующей рядом с бригадой «Дяди доли», был расположен вблизи Жодино. Прежде чем выйти к нему, решительной атакой ударных групп была смята усиленная охрана. Затем на дорогу обрушились подрывники. В ближайшем удалении от нас дружно «работало» еще шесть партизанских бригад и отрядов. Вся дорога, куда ни глянь, озарялась вспышками взрывов. От дороги оставалось жалкое воспоминание: искореженные рельсы, полуобгоревшие штабеля шпал, покрытое ямами полотно. Картина этой «коллективной работы» была потрясающая. Достаточно сказать, что только на участке Смолевичи — Борисов за эту ночь партизаны взорвали более 4 тысяч метров рельсов и уничтожили около 8 тысяч шпал.

Заключительным аккордом этого «концерта», прогремевшего на всю Белоруссию, для партизан, вернувшихся в лагеря, было сообщение Совинформбюро о том, что Красная Армия начала освобождение белорусской земли. Радости бойцов не было предела.

Массовые диверсии на железной дороге, запланированные как продолжение второго этапа «рельсовой войны», длились весь октябрь. Собственно говоря, эту магистраль наша бригада и ее боевые соседи все время держали под прицелом. Нам активно помогали и местные жители. В это же время бронебойщики и подрывники по-прежнему расстреливали из противотанковых ружей и взрывали на минах эшелоны, когда немцы пускали их по восстановленным участкам дороги. Маневренные группы нападали и обстреливали ремонтные подразделения фашистов.

Гитлеровское командование отчаянно пыталось быстрее восстанавливать дорогу. На это дело бросались целые железнодорожно-восстановительные части и подразделения. На дорогу тысячами гнали местных жителей. И нередко крестьяне втихомолку ухмылялись — днем их силой заставляют восстанавливать то, что ночью они добровольно разрушали…

«Рельсовая война» во многом способствовала победоносному осеннему наступлению советских войск, срывая планы по переброске резервов для противодействия этому наступлению.

Наши партизаны не упускали ни одной возможности нанести урон оккупантам. Мы шли на любой оправданный риск, проявляли дерзость, инициативу и смелость. Одной из таких операций была вылазка в район торфоразработок в двух-трех

сотнях метров от гарнизона Высокие Ляды. Осуществляли ее Воробьев, Шурок, Степанов, Городецкий, братья Кулинковичи и другие.

Ранним утром на болоте, как всегда, загудели торфорежущие машины. Приступили к тяжелой работе сотни жителей, согнанных оккупантами из соседних деревень. Вскоре к болоту подошла новая группа загорелых мужчин. Одни были босиком, другие шлепали в лаптях. На плечах у всех были лопаты и ветхие торбы с немудреными пожитками. За первой группой на болоте появилась вторая, а потом и третья.

На «новичков» немецкие охранники не обратили никакого внимания: их появление на болоте было самым обычным. Гитлеровская охрана чувствовала себя здесь в полной безопасности. С автострады постоянно доносился гул моторов, а совсем недалеко находился довольно сильный гарнизон. В общем, на торфоразработках царил покой, и партизан немцы совершенно не ждали. Именно на это и делал ставку штаб бригады при разработке плана вылазки.

«Рабочие» команды без приключений добрались до торфорежущих машин, нещадно коптивших черным дымом. Около них, обливаясь потом, работали, погрузившись в темно-коричневую грязь выше колен, изможденные мужчины, женщины и подростки. Недалеко от машин на зеленой лужайке стояли на сошках в боевой готовности три немецких ручных пулемета. Рядом с ними, развалившись на траве, резались в карты или загорали гитлеровцы.

Подрядчики обеих торфорезок обрадованно встретили две группы «пополнения» и сразу же приказали им перетаскивать машины на новый участок. Дружно закипела работа…

По-иному получилось с третьей группой. Там, куда она подошла, работами руководил толстый одноногий немец. Он лениво приподнялся со стула под полосатым навесом и, прихрамывая, вышел на солнце. Зевнув до ушей, этот бегемот вытащил из кармана потрепанный блокнот и начал переписывать новичков, записывая не только фамилии и имена, но и деревни, из которых прибыли «новички». Многие партизаны не были белорусами, и им с ходу пришлось придумывать родную деревню. Гитлеровец важно и не спеша делал записи. Все шло тихо и спокойно. Вдруг со стороны работающих женщин до его ушей долетел шепот:

— В Кольниках такого нет… Партизаны…

Услышав это, одноногий немец остолбенел, на минуту лишившись речи. С него мигом слетела напускная важность. Слово «партизаны», перепугавшее гитлеровца, услышали и

новоприбывшие «рабочие». Они тревожно переглянулись: ведь такая случайность могла погубить все дело. Однако они продолжали держаться, как будто бы ничего не произошло, чтобы не выдать себя раньше времени.

— Где партизан? — вытаращив глаза, заорал во всю глотку пузатый фашист. Повернув свою лысую вспотевшую голову к женщинам, он вновь истошно завопил:

— Кто говорил партизан? Где видел партизан? — Прокричав это и не услышав ответа, он стал испуганно озираться то в сторону шептавшихся женщин, то на спокойно стоящую группу новых «рабочих», то в направлении отдаленного кустарника.

Все затихли. Молчала и испуганная женщина, никак не предполагавшая, что ее услышит толстый «шеф». Однако гитлеровец не унимался. Видно, каким-то подсознательным звериным чутьем он почувствовал присутствие партизан. Круто повернувшись к пулеметчикам, он вдруг истошно заорал:

— Тревога!

Дело приняло неожиданный оборот. Медлить было нельзя. Партизаны моментально выхватили пистолеты. Громко щелкнул первый выстрел, и одноногий упал. Тотчас же партизаны стали стрелять по охранникам, бросившимся к пулемету. За минуту было покончено с охраной у этой машины. Крики и стрельба послужили сигналом для первых групп, успевших уже рассредоточиться у первой и второй машин. Их удар был дружным и неотразимым. Двум или трем немцам, вертевшимся среди работавших, крестьяне сами разбили головы лопатами. С 15 немецкими охранниками было покончено.

— Братцы! Уничтожьте и проклятые машины-потогонки, раскрепостите нас! — просили жители, указывая на огромные грязные торфорежущие машины. — Не хотим гнуть спины на фашистов!

— За нами дело не станет! — весело отвечали партизаны.

По совету партизан все работающие отошли к лесу. Под машины быстро заложили взрывчатку. Заискрился бикфордов шнур. И через пяток минут три «потогонки» с грохотом и свистом взлетели в воздух. Вслед за ними запылали штабеля сухого торфа. К небу потянулись высоченные столбы едкого дыма. Торфоразработкам пришел бесславный конец.

На опушке леса крестьяне горячо поблагодарили партизан за раскрепощение. Несколько молодых парней, вооружившись трофейными автоматами, тут же вступили в отряд.

Так с каждым днем росла и крепла наша бригада, множились ее боевые дела.

Партизаны не любили хвалиться подвигами, считая, что на их

месте любой поступил бы так же, если не лучше. Мои боевые друзья по бригаде рисковали, были дерзкими, отважными, смело шли в бой, проявляя героизм и борясь до последнего вздоха. Они очень любили жизнь, с оружием защищая ее от лютого врага. Если же приходилось умирать, то дорого отдавали свои жизни.

Героические подвиги в бригаде совершались чуть не каждый день, потому что героизм был нормой поведения народных мстителей.

Проявлялся героизм, конечно, каждый раз по-своему, что зависело от характера боевой задачи и условий, в которых он совершался, а также от внутреннего склада партизана. Иногда нужны были смелый, бесстрашный налет, решительная атака и дерзкий удар из засады. В других случаях, особенно в разведке, требовались неимоверная выдержка, терпение и напряжение всех духовных сил. Ради спасения боевых друзей, выполнения сложной задачи или в безвыходной ситуации бойцы шли на смертельный риск, вплоть до самопожертвования. Очень часто, особенно поначалу, мы ошибались в оценке людей и их возможностей. На рискованные операции подбирали физически сильных, рослых партизан, глядя на которых невольно думалось: «Ну и орлы! Этим все по плечу!» Однако боевая практика и тяжелая партизанская жизнь показали, что такой критерий нередко ошибочен. Впоследствии мы поняли, что главное — это духовное качество бойца, его моральная стойкость и убежденность, его воля и мужество.

В конце концов, хорошо изучив бойцов, в отрядах перестали оценивать их возможности по внешним данным. Я уже приводил много примеров бесстрашия, мужества, массового героизма многих наших партизан. Не могу не рассказать и еще несколько эпизодов, убедительно подтверждающих, какие духовно сильные люди были в бригаде.

Вот, к примеру, коммунист-партизан отряда имени Чкалова Яцук, неприметный на вид, скромный человек. Он ночами просиживал на морозе в засаде у охраняемой автострады. Только за один март 1944 года он из противотанкового ружья и автомата уничтожил две немецкие танкетки и четыре автомашины.

Характерно, что чем тяжелее и опаснее складывалась боевая обстановка, тем упорнее, решительнее и инициативнее дрались народные мстители, проявляя при этом массовый героизм. В этом отношении очень памятен мне следующий случай.

Немецкое командование, ведя активную борьбу с группами наших подрывников, решило применить тактическую хитрость. Оно пыталось быстрой выброской маневренных групп перехватывать отходящих подрывников от автомагистрали.

Командир коммунист Казиев по согласованию с нами решил проучить гитлеровцев. Свою усиленную группу партизан он расположил на выгодной позиции в контрзасаде на автомагистрали вблизи Жодино. Несколько партизан, бронебойщиков и пулеметчиков было послано к железной дороге. Вскоре они успешно обстреляли вражеский воинский эшелон, выведя из строя паровоз, уничтожив и ранив в вагонах несколько десятков немецких солдат. Комендант Жодино решил преградить отход партизан к лесу и выслал в засаду большую группу эсэсовцев.

Враг сам шел в ловушку. Партизаны только этого и ждали. Ничего не подозревавшие гитлеровцы невдалеке остановились, спешились и стали колонной выдвигаться к указанному им месту. Казиев видел, что силы врага в несколько раз превосходят его боевую группу. У него было два усиленных взвода, а гитлеровцев почти целая рота. Но на стороне партизан была внезапность и выгодная позиция. Бойцам было приказано, пропустив головное отделение, обрушиться всей силой огня на походную колонну фашистов, когда она максимально приблизится к засаде. После дружного партизанского залпа среди оккупантов началась невообразимая паника. Затем началась ожесточенная перестрелка. С немцами, которых уже осталось меньше половины, надо было быстрее кончать. Тогда командиры отделений Соснин, Гриднев, Жарков и капитан Казиев, бросившись первыми, увлекли за собой в атаку всех партизан. Оккупанты не выдержали рукопашной схватки и побежали по шоссе, подставляя свои спины партизанским пулям. Пользуясь этим, боец Альянов, установив свой ручной пулемет прямо на шоссе, начал косить удиравших врагов. Когда у командира отделения смолк автомат, он кинулся к убитому фашисту, схватил его винтовку и успел прикончить еще двоих гитлеровцев. Так засада Казиева без потерь уничтожила немецкую роту, намеревавшуюся устроить засаду для партизан.

Впоследствии мы часто стали устраивать против засад врага свои контрзасады. Это значительно облегчило деятельность групп подрывников. А немецкие коменданты стали опасаться и все реже высылали на шоссе свои маневренные подразделения.

За два с лишним года борьбы в тылу врага бригада пережила много опасностей и лишений. И все это наравне с мужчинами мужественно делили наши боевые подруги — женщины. А их было немало в каждом отряде. Врачи и сестры под бомбежками и обстрелами выносили с поля боя раненых и спасали им жизнь.

Партизанки были радистками, разведчицами, поварами.

Многие женщины и совсем юные девушки были также активными и отважными бойцами, а некоторые даже подрывниками.

К примеру, Катя Мальцева. Она с группой храбрых девушек преподнесла подарок Родине к Международному женскому дню 8 Марта — совершила диверсию на железной дороге, уничтожив паровоз и четыре вагона с живой силой. Трудно назвать значительную боевую операцию, в которой Катя не отличалась бы мужеством и храбростью. Газета «Смерть фашизму» от 6 апреля 1943 года писала:

> «Катя М. смела, отважна, настойчива… Катю любят и уважают товарищи, как отважную партизанку».

Образец самоотверженности проявила Катя и в роковом бою при защите деревни Остров. Противник под сильным прикрытием бронепоезда из Жодино бросил на деревню три танка. Стальные чудовища, засыпая на ходу снарядами и поливая свинцом оборону партизан, продвигались вперед. Противотанковое ружье выстрелило и замолкло: гильза застряла в патроннике. Головной танк остановился, но продолжал вести пулеметный огонь. Второй танк развернулся и помчался в обход обороны. Над взводом партизан нависла угроза окружения и полного уничтожения. Партизаны дрогнули. В этот критический момент Катя Мальцева выскочила из своего окопчика и с гранатой бросилась наперерез танку. Она задержала танк и ценой своей жизни спасла взвод от гибели.

25 октября 1943 года на кладбище в Заречье бригада отдала воинские почести славной дочери белорусского народа, провожая ее в последний путь.

В некрологе газета «Смерть фашизму» писала:

> «Катя погибла, но память о ней будет жить в сердцах каждого партизана и партизанки. За ее смерть мы во сто крат отомстим немецким бандитам».

Было бы несправедливо не рассказать и о подвиге «Малышки». Как-то раз произошел такой курьезный случай. При очередном посещении бригады секретарь Минского подпольного обкома партии товарищ Мачульский повстречал проезжавшую на подводе небольшую девчушку. Увидев на этом подростке, одетом в ватную фуфайку, перетянутую широким армейским ремнем, перекинутый за плечо немецкий автомат, Роман Наумович сурово сказал начальнику штаба бригады:

— Совсем зря доверяете оружие таким малышам!

— Так это же Лида Пилюга! — возразил Кисляков. —

Наверное, слышали о ней! Лида, стой! Иди сюда, поговорить надо! — крикнул Кисляков вслед девушке.

— Андрей Александрович, сейчас некогда, — отозвался тоненький девичий голосок. — Вот отвезу картошку на кухню и приду в штаб.

— Так, значит, это та самая бесстрашная смолевичская комсомолка-подпольщица?! — удивленно отозвался Мачульский. — Вот уж не ожидал, что она такая вот… малышка, — как бы оправдываясь, улыбнулся он.

Да, Лиду, которой едва исполнилось семнадцать лет, мы звали Малышкой, вкладывая в это слово всю нашу любовь и теплоту. О ней в Смолевичском районе разнеслась добрая слава. Дело было так.

До войны в Смолевичах на Садовой улице в уютном домишке жила дружная семья Лиды Пилюги: отец, мать и трое детей. Война оставила семью без отца. Трудно стало матери перебиваться в голодное время с тремя ребятами. Но трудолюбивая и скромная семья не роптала, не гнула шею перед оккупантами. Люди Чуянова, видя это, установили связь с Лидой и ее старшим братом Володей. Это были честные и бесстрашные комсомольцы. Они горячо упрашивали взять их в партизанский отряд. Однако нам позарез нужна была конспиративная квартира и надежные разведчики-связные. Поэтому Чуянов убедил их в том, что они нам нужнее в Смолевичах. И их домик стал явочной квартирой.

Сначала все шло хорошо. Наши юные связные оказались очень смышлеными. Они выполняли такие ответственные задания, на которые не у всякого взрослого хватит пороху. Так, по нашему приказу Лида сумела познакомиться со словаком Войтехом Шатаром, который командовал взводом, охранявшим автомагистраль. Добившись взаимопонимания и доверия, она организовала его встречу с партизанскими разведчиками. Прошло немного времени, и все 22 словака с оружием перешли на сторону партизан.

Однако вскоре на семью Лиды обрушилось горе. Случайно получилось так, что Владимира оккупанты при очередной облаве схватили и повезли в Германию. По пути при попытке к бегству он был убит. Беда часто тянет за собой другую беду. Лида узнала, что почти одновременно в боевой схватке пал героем лучший друг их семьи — бывший танкист, бесстрашный наш партизан Леонид Косаревский. На семью навалилось еще одно несчастье. В их доме, облюбованном немецкими квартирьерами, решил разместиться штаб вновь прибывшей в районный центр немецкой части. Гитлеровцы выгнали вон мать, Лиду и маленькую Галю.

Мать, обливаясь слезами, едва выпросила разрешение разместиться в холодном и темном дровяном сарае.

Обсудив сложившуюся ситуацию, мы с Чуяновым решили забрать всю семью в бригаду. Девушка обрадованно согласилась, но, в свою очередь, категорически заявила:

— Я пойду к вам только тогда, когда взорву ненавистный штаб и отомщу за Володю и Леню!

Никакие уговоры командира отряда Николая Яцкевича на нее не действовали.

— Так ведь штаб-то в вашем же доме! — привел последний аргумент обескураженный Николай.

— Вот и хорошо! Значит, мне лучше это удастся сделать… Ведь немцы меня не подозревают…

После долгих дебатов в штабе мы решили уступить Лиде. Яцкевичу разрешили осуществить операцию. Он быстро научил девушку обращаться с миной, обсудил с ней весь план действий.

Неся вечером за пазухой тяжелый толовый заряд, она побаивалась реакции матери. Но мать, обняв дочь, прошептала:

— Пусть это будет убийцам за Володечку! Только смотри, ласточка моя, будь осторожной, не погуби себя и нас!

Быстро завертелось дело у Лиды. В течение дня уже все соседи знали, что у них «сильно заболела» Галочка. Укутанная девочка и мать срочно ушли к «доктору». На другой день Лиде сообщили, что обе они благополучно прибыли к партизанам. Осталось осуществить самую трудную, вторую часть операции. А немецкий часовой, как назло, разгуливал не на улице, а по двору. Мину же надо было пронести по лестнице на чердак… Пришлось чуть не до вечера с показным старанием прибирать в сарайчике, стирать да развешивать разные тряпки. Лида уже отчаялась: так долго не наступал подходящий момент. Наконец часовой, удалившись на улицу, стал громко разговаривать с каким-то солдатом. Лида, забыв про все страхи, кинулась в сарай, схватила старую кошелку, в которой под тряпьем лежала мина, и мгновенно вскарабкалась по лестнице на чердак. Здесь она разгребла опилки и установила взрыватель, сунула мину в ямку, заровняла все опять опилками и спустилась вниз. Когда она, вся дрожа от напряжения, проходила у ворот мимо часового, он спокойно продолжал беседу со своим напарником.

Часа через два наши разведчики встретили девушку далеко за Смолевичами, в деревне Каменка. Поздним вечером в Смолевичах раздался сильный взрыв…

Прошел год, тяжелый год борьбы в тылу гитлеровцев. Но это была лишь половина трудного боевого пути. Бригада только

родилась, и ей еще больше года предстояло вести смертельные схватки с оккупантами, которые, чувствуя скорую гибель, становились все злее и беспощаднее.

Командование бригады, проявляя заботу о жизни каждого советского человека на оккупированной территории, каждый раз очень требовательно и придирчиво относилось к выбору позиций проведения боевых операций. Мы вынуждены были считаться с тем, что оккупанты в соответствии с предписаниями командования вермахта от 16 сентября 1941 года разрушали все дома и селения, в которых проходили с ними столкновения, а также расстреливали 10 заложников мужского населения из близлежащих деревень от места боя.

С учетом этого наши подразделения стремились проводить боевые операции на коммуникациях противника вдали от населенных пунктов. Делалось все возможное, чтобы не дать врагу повод для расправы с мирным населением. С лета 1943 года все деревни, которым угрожала опасность, мы прикрывали своими заслонами.

За время пребывания в тылу врага мы приобрели боевой опыт, добились немалых успехов в борьбе с оккупантами. Но, несмотря на это, нет-нет да и попадали в довольно трудные ситуации. Вот и теперь, с наступлением морозной зимы, для нас сложилась чрезвычайно тяжелая обстановка. Дело в том, что на бригаду неумолимо наступал голод.

Это я особенно остро почувствовал во время проверки нашего госпиталя, расположенного примерно в 70—80 километрах от основного лагеря на запасной базе в районе озера Палик. При осмотре госпиталя мной овладели два чувства: гордость и тревога.

Все партизаны горячо убеждали меня, что хотят как можно скорее вылечиться, вернуться в родной отряд и бить оккупантов. Они жадно слушали мои рассказы о наших последних боевых успехах. По всему было видно, что народные мстители, едва встав на ноги, рвались из госпиталя. На этой почве между нами и врачами разыгрывались горячие споры.

Под впечатлением настойчивых просьб выздоравливающих партизан я начал было наседать на госпитальных врачей, чтобы они принимали меры по скорейшему возвращению больных в ряды активных бойцов. Однако врачи ответили мне:

— Никакие лекарства, товарищ комиссар, не в состоянии компенсировать явный недостаток жиров, белков и углеводов. Чтобы раненые скорее выздоравливали, требуется калорийное питание. А мы вынуждены, наоборот, с каждым днем снижать нормы.

Да, было о чем задуматься. Заявление соответствовало реальному положению дел, о чем лучше всего говорил вид худых партизан, их запавшие щеки и ввалившиеся глаза. Все это вызвало во мне большую тревогу.

Командир и я всегда требовали, чтобы каждый отряд бригады своевременно выделял в фонд госпиталя лучшие продукты. Для находящихся в госпитале была установлена повышенная норма ежедневного рациона. И все же по мере расходования скудных партизанских запасов и наступления холодов выздоравливающие стали постепенно получать все меньше питания, качество которого катастрофически ухудшалось. Уже не три, а только два раза в день им начали выдавать по тоненькому кусочку черного хлеба да ограниченную порцию жидкого супа или щей, слегка заправленных картофелем и перловой крупой. Уже несколько дней госпиталь не видел мяса и жиров. Я пока ничего не мог пообещать раненым. С тем и покинул госпиталь.

По пути в лагерь я удостоверился еще раз, что рассчитывать на получение сколько-нибудь значительной продовольственной помощи в селах нельзя. Они еще осенью отдали нам все, что могли. Ничего конкретного пока не обещали и в подпольном межрайкоме. Все, что удалось там получить, я тотчас отправил в госпиталь. Но этого могло хватить лишь на несколько дней.

Перед командованием со всей остротой встал вопрос — где и как доставать необходимые продукты? А ведь требовалось их теперь очень много, так как количество людей возросло во много раз и уже перевалило за тысячу человек.

Местные жители нам помогали всем, чем только могли. Земной поклон им от всех лесных гвардейцев партизанского фронта. Но на оккупированной территории и местные советские граждане оказались в весьма трудном положении. Оккупационная политика разбоя и грабежа с каждым месяцем все больше и больше давала о себе знать. На оккупированной территории во всю силу действовало указание Геринга о том, что вермахт должен «снабжаться продовольствием из России». Ему вторил рейхсминистр продовольствия и сельского хозяйства Герберт Баке:

> «Россия призвана кормить Европу… Желудок русского растяжимый, а поэтому никакого сочувствия».

И оккупанты где только могли грабили, обрекая советских людей на голодную смерть. В немецких документах еще 1942 года продовольственное положение Белоруссии характеризовалось как «катастрофическое».

Вопрос питания для нас становился острой проблемой. Мы

решили еще раз посоветоваться с командирами и комиссарами отрядов.

— Положение тяжелое, — начал Василий Федорович, открывая совещание руководящего состава, — хлеба нет, соль на исходе, мясо — лишь в одном первом отряде, где осталось только две коровы.

— Одна, — поправил командир отряда Демин.

— Как одна? — Тарунов даже привстал, и его серые глаза вспыхнули возмущением. — Куда же вторую дели? Неужели за ночь съели?

— Нет, товарищ комбриг, передали Ивану Федоровичу Золотарю[22]. У них с питанием намного хуже нашего.

— А-а… Ну это другое дело, — остыл Василий Федорович, правилом которого всегда было вовремя оказать помощь соседу и другу.

— Вторую корову мы думаем разделить между всеми отрядами и штабом, — закончил Демин.

— Нет! Придется всем потуже затянуть ремни, а корову немедленно отправить в госпиталь на Палик. Комиссар бригады только что оттуда и доложил печальную весть — раненые уже несколько дней сидят на одной бульбе. Самим им не достать продовольствия. Начальник штаба, сейчас же уточните, что осталось в отрядах из питания, и сегодня вместе с коровой без промедления отошлите часть запасов нашим раненым.

Затем Василий Федорович попросил всех подумать и подсказать, где у гитлеровцев можно было бы попытаться с боем взять продукты. Долго судили и рядили, но ничего не придумали. В гарнизонах, с которыми бригада могла справиться, продуктов, по нашим сведениям, было очень мало, а там, где их было много, враг был силен, и смять его нам было не под силу.

После обсуждения мероприятий по заготовке овощей, круп и муки в районах Борисово-Бегомльской зоны и окончания совещания Кисляков попросил выслушать его.

— А я знаю, где взять необходимые продукты… — начал после долгих размышлений Кисляков. — В районном центре Смолевичи, на немецком продовольственном складе.

Разочарованные командиры замахали на него руками.

— Там-то есть, да не про нашу честь, — с явным сожалением заметил Демин. — Склады, конечно, там большие, однако гарнизон этот нам не взять.

Смолевичи, расположенные на железнодорожной магистрали Минск — Москва, в самом деле имели сильный гарнизон, к тому же войскам, находящимся в Смолевичах, на помощь могли очень быстро прийти части из Минска и Борисова.

— У меня есть уже идея, — тотчас загорелся начальник разведки бригады Евгений Михайлович Чуянов.

Когда мы остались вчетвером, он, несколько волнуясь, сказал:

— Я считаю, что мы в самом деле можем и должны попытаться взять продовольствие у немцев в Смолевичах. Причем операцию следует провести самую неожиданную, без какого-либо шума… Гитлеровцев надо заставить добровольно «выдать» нам побольше продуктов…

— Чуянов, не мучай нас загадками и говори яснее, — не выдержал комбриг.

— Кратко мой план, товарищ комбриг, состоит в следующем. Надо подготовить группу смелых партизан, включив в нее знающих немецкий язык, переодеть всех в немецкую форму, подделать накладную на получение пайка, скажем, на батальон и, обеспечив конным транспортом, попытаться получить продукты непосредственно со склада под видом немцев, так сказать, на законном основании.

Наступило молчание. Мы стали раздумывать над этим чрезвычайно смелым и опасным планом.

— Нет, друзья, — твердо заявил Тарунов, — это сплошная фантазия, которая нам может очень дорого стоить. Ну разве допустимо среди белого дня посылать в самое логово врага целую группу партизан?!

— Василий Федорович, эта операция, безусловно, рискованная. Но ведь смелость города берет, — не сдавался Чуянов. — И неожиданность очень много значит. Это уже половина успеха. Затем прошу учесть, что на смолевичский продовольственный склад нам уже удалось устроить на работу двух наших девушек — Марию Шеремет и Наташу Казак. Они начали подготовку к тому, чтобы по указанию командования незаметно пронести на склад несколько мин замедленного действия и взорвать его. Теперь же мы можем переключить их на новое дело. Они разведают все, что нам надо.

Чувствуя наши сомнения, Чуянов пустил в ход еще один козырь.

— А руководить подготовкой и проведением операции прошу разрешить мне. Ведь я неплохо владею немецким языком…

Лед тронулся. Споры и обсуждения различных деталей в целом одобренного плана продолжались далеко за полночь.

С утра Чуянов, Чернышев и Кисляков начали готовиться к этой дерзкой вылазке. Вопросов возникло очень много, и от правильного решения каждого из них зависел успех задуманной операции.

Прежде всего Казак и Шеремет получили новое задание. Им

поручалось точно выяснить время и порядок выдачи немецким подразделениям и командам продуктов, систему охраны склада, расположение его помещений, наличие связи, а также достать из дела уже заполненную накладную на получение продуктов и хотя бы один чистый бланк. Все данные, кроме бланков накладных, через неделю были получены.

Мы узнали, что смолевичский продовольственный склад снабжал продуктами не только местные гарнизоны, но и выдавал сухой паек всем воинским командам, проезжавшим по шоссе к фронту и обратно, а также подразделениям, выезжавшим для проведения карательных операций. Начальником склада был итальянец, отличавшийся трусливостью и мягким характером.

Начался подбор состава группы для проведения операции.

Лучшего командира группы, чем Чуянов, мы не искали. Еще до войны он упорно овладевал немецким языком в школе, а затем в медицинском институте. Очень много Чуянов работал над шлифовкой произношения и в немецком тылу. Он сам вел все допросы пленных. Часами беседовал на немецком языке с немцами, перешедшими на нашу сторону.

Насколько хорошо он владел немецким языком, нам стало ясно из вопроса одного фашистского офицера к Чуянову:

— Вы, немец, и перешли к партизанам?

В общем мы надеялись, что язык Чуянова не подведет.

Чуянов без колебания попросил включить в группу перешедших на нашу сторону и уже положительно зарекомендовавших себя в боях немцев Курта и Эрнста, бельгийцев Вилли и его брата, а также француза Жака.

Больше партизан, знающих немецкий язык, не было. Поэтому для полного укомплектования группы пошли по принципу — брать храбрых и находчивых. Взяли таких смельчаков, как Вышников и Соляник, комсомолец Вигура и еще двух бойцов. Эти товарищи выступали в роли полицаев.

Подготовку к операции во избежание доноса какого-либо провокатора проводили в строжайшей тайне. В течение нескольких дней вся группа вдали от лагеря под руководством Чуянова проходила усиленную тренировку в подаче и исполнении различных команд на немецком языке.

Подготовка шла к концу, но девушки все еще не присылали заполненной накладной и чистого бланка. У нас был партизан-художник, который настолько набил на подделке документов руку, что гитлеровские патрульные ни разу не заметили фальши в документах, изготовленных им. Но на этот раз он был бессилен — у него не было образца для снятия копии. И вдруг наш связной принес от девушек оба документа. Бланк накладной был срочно и

безукоризненно заполнен и оформлен поддельной печатью. Начальник разведки для проверки дал накладную пленным немцам. Те, внимательно проверив и просмотрев даже на свет, заявили, что она настоящая. И все же мы не могли унять беспокойства. Но тут нам удивительно повезло.

Боевая группа из первого отряда уничтожила на шоссе целую команду немцев во главе с капитаном. В его сумке была обнаружена накладная, по которой он ехал получать в Смолевичи недельный паек на 35 человек.

— Не надо голову ломать, подделывать и рисковать — бери готовую и получай по ней, — улыбаясь, сказал Демин, передавая накладную Чуянову. Но тут он извлек из трофейной сумки пачку бумаг и уже серьезно добавил: — Нет, лишний раз рисковать не надо. У запасливого гауптмана оказались и чистые бланки накладных с печатями.

— Вот их нам как раз и не хватало! — засиял Чуянов. Часа через два наш специалист Иван Шагайко изготовил накладные на паек для 350 человек.

Наконец подготовка была завершена, и перед штабной землянкой выстроились все товарищи, отправлявшиеся в Смолевичи. Раньше, когда группы уходили на боевое задание, их по поручению штаба бригады обычно провожал кто-нибудь один из нас — комбриг, я, начальник штаба или Чуянов. Теперь здесь находились все четверо; только начальник разведки был на этот раз в числе провожаемых.

Женя, зная, что мы с нелегким сердцем отпускаем их во вражеский гарнизон, откуда можно было и не вернуться, попытался несколько успокоить нас. Стоя в форме гитлеровского капитана, он лихо распахнул левой рукой борт шинели так, что на груди стали видны три фашистских Железных креста. Важно отставив ногу и поглядывая на нас медленным взглядом, он вдруг быстро, громко и зло заговорил по-немецки, брызжа слюной. А в уголках его глаз бегали задорные смешинки: «Что, видали? А вы еще сомневаетесь».

Выехав из лагеря, группа перед рассветом миновала последнюю деревню Шпаковщину, которая контролировалась партизанами. Подняв коричневые воротники эсэсовской формы, молча сидели хлопцы в санях, запряженных немецкими ломовиками. Чуянов сейчас больше всего боялся натолкнуться не на немцев, а на какую-нибудь партизанскую засаду из соседних бригад и отрядов. Поэтому он чутко прислушивался и напряженно всматривался в белесую мглу морозной ночи.

…На рассвете дорога через перелески кончилась, и санный обоз из пяти пароконных упряжек выбрался на автостраду

Минск — Москва. На передней ехал «гауптман» Чуянов, Вигура и француз Жак. На остальных парами разместились: советский партизан и иностранец. Вскоре сквозь пушистую завесу метели стали показываться первые встречные грузовики, Евгений Михайлович поправил фуражку с высокой тульей и приосанился. Он то и дело оборачивался и, улыбаясь, подбадривал своих бойцов. Они в ответ также улыбались и показывали, что все в порядке.

Перед Смолевичами им повстречался другой санный обоз, выехавший на шоссе с проселочной дороги. Чуянов тотчас же вступил с гитлеровцами в беседу.

На окраине города Чуянов заметил полицейский пост и дал знак Вигуре, чтобы тот попридержал лошадей и пропустил вперед обоз попутных немцев. Постовой полицай проверил у них документы, пропустил обоз и подошел к саням «гауптмана». Тот, не дожидаясь вопроса, небрежно протянул поддельное удостоверение. Наступил самый критический момент: узнает ли полицай, что документы фальшивые, или нет? Посмотрев на них раз, другой и возвращая их «гауптману», он вдруг спросил:

— Пароль, гер офицер?

— Вас вильст ду?[23] — вопросом на вопрос пренебрежительно ответил Чуянов, а у самого сердце так и екнуло: «Кажется, влипли. И как я не догадался спросить пароль у попутчиков? Приняв за своего, они сказали бы его, не колеблясь. А теперь, черт знает, не испортит ли все дело этот остолоп?»

— Пароль? — повторил свой вопрос полицай.

— Цум тойфель пароле. Форвертс — дас ист майне пароле! Хает ду ферштанден, идиот?[24] — зло крикнул возмущенный «гауптман» и замахнулся на полицая.

Все партизаны так и подались вперед. Затаив дыхание, они крепко сжали автоматы. Их взгляды тревожно перескакивали с полицая на Чуянова и на магистраль, по которой проносились вражеские автоколонны. Но полицай вздрогнул, вытянулся в струнку и испуганно захлопал глазами. Кроме слова «идиот», он ничего не понял, но грозный вид немецкого капитана ничего хорошего не сулил. Чтобы поскорее от него отделаться, он поспешил открыть шлагбаум.

— Езжайте, гер офицер, — пролепетал он робко.

Вскоре группа приблизилась к продовольственному складу, размещавшемуся в больших деревянных бараках посреди обширного двора, обнесенного забором из колючей проволоки. Внутри двора и на улице стояло много саней, фургонов и автомашин. Всюду было много немецких солдат, дожидавшихся очереди.

— Нам, видно, долго придется здесь сидеть, как на пороховой бочке, — с сожалением сказал Соляник.

— Не затем ехали, — уверенно заявил Чуянов.

Евгений Михайлович сразу обратил внимание, что во дворе недалеко от склада в снегу буксует немецкий легковой автомобиль «мерседес». Как только шофер включал мотор, колеса, отбрасывая комья снега, все глубже зарывались. Наконец машина окончательно села. За всем этим молча и безучастно наблюдали гитлеровские солдаты, дожидавшиеся получения продовольствия в очереди у склада. Никто из них даже не подумал вытащить застрявшую машину, хотя видели, что рядом с ней стоял пожилой полковник.

Быстро оценив эту ситуацию, Чуянов громко, так, чтобы все услышали, крикнул в сторону своей «команды»:

— Хельфен херен оберст. Абер шнель![25]

Курт и Вилли быстро перевели его слова нашим партизанам, и те моментально бросились выполнять команду. Они дружно подналегли и вытащили машину на дорогу.

Полковник, восхищенный вниманием капитана к его особе, дисциплинированностью солдат и быстротой, с которой была вытащена машина, явно расчувствовался.

Он поблагодарил «гауптмана» и сунул ему в руку пару пачек дорогих сигарет.

Женя взял их с достоинством, затем раскланялся, повернулся и пошел к складу. Он уже увидел, что здесь нет никого старше его по званию, и этим надо было немедленно воспользоваться. Не спеша подойдя к толпившимся немецким лейтенантам, унтер-офицерам и солдатам, он резко выкрикнул:

— Что за сборище, а ну пропустите!

Толпа притихла и расступилась. Тогда он в сопровождении Жака и Вилли направился к длинному столу, прикрывавшему проход в глубь здания склада. За столом в полушубке сидел начальник склада — итальянский офицер, видевший эпизод с автомашиной полковника. Не дав опомниться итальянцу и хорошо поняв, что от того не ускользнула его энергичность и решительность, Чуянов окинул его слегка надменным взглядом, не торопясь вытащил из новенькой полевой сумки накладную, протянул ее и сказал по-немецки:

— Я выполняю срочный боевой приказ, и мне некогда терять время в очередях. Прошу быстро отпустить мне продовольствие вне всякой очереди.

Шеф склада неуверенно развел руками. По его забегавшим глазам чувствовалось, что он раздумывал: стоит ли ему связываться с этим нахальным гауптманом, предложив ему не

нарушать очереди?

В очереди зароптали:

— Это безобразие! Это неправильно!

— Мы дрожим тут с полуночи, а они хотят получить вне очереди. Где же справедливость?

— Свинство! — вдруг осмелился сказать один из гитлеровских младших офицеров.

Чуянов слышал все это. Он не спеша повернулся к бросившему в его адрес слово «свинство». Демонстративно положил руку на кобуру с пистолетом и сквозь зубы презрительно процедил:

— Еще одно такое слово, и тебе, тыловая крыса, больше не видеть божьего света! Ну, посторонитесь, живо! — еще смелее прикрикнул он передним.

Жак и Вилли, демонстрируя свою готовность, незамедлительно схватились за автоматы. Ближайшие гитлеровцы испуганно попятились.

Не желая обострять отношения с эсэсовским капитаном, начальник склада тотчас взял накладную, быстро прочитал ее и схватился за голову.

— На 350 человек и на три недели? Но есть приказ отпускать всем без исключения не больше, чем на неделю…

«Что делать? Как себя вести при таком обороте дела? Эх, почему я не узнал о нормах отпуска продуктов у Марии? И здесь ли она сейчас? — пронеслось в голове Чуянова. — Выход один — надо рисковать! Пойду с главного козыря!» — решился он.

— Меня это не интересует. Я действую по личному приказанию имперского комиссара Белоруссии гауляйтера господина фон Готберга. Ясно?

Это возымело неотразимое действие. Итальянец быстро вскочил и засуетился.

— Я… сейчас, минуточку… Проверю, сколько у меня шпика и масла, — и скрылся в складе за штабелями ящиков.

«Как бы не напакостил этот фашистский макаронник. И куда он побежал? Не позвонит ли он коменданту по телефону?» — забеспокоился Евгений.

В это время из склада показалась встревоженная Мария. Сделав вид, что поправляет на голове платок, она многозначительно показала глазами в ту сторону, куда скрылся итальянец. Чуянов понял, что ему нельзя упускать из вида начальника склада. Решительно отодвинув стол, он прошел в здание склада. Жак без промедления последовал за ним, взяв автомат на изготовку, Вилли остался у входа, готовый к решительным действиям. Остальные партизаны, видя

происшедшую заминку, тоже были наготове.

— Зря Евгений ушел в склад, схватят еще там, и мы не увидим, — заволновался Вигура.

— Ладно, не каркай, и так тошно, — прошептал Вышников.

— Тише, друзья, бросьте препираться. Внимание! — приструнил их Соляник.

Затаив дыхание бойцы не сводили глаз с дверей склада. Каждая секунда казалась им вечностью. Настал самый критический момент, и можно было ожидать чего угодно. Многим уже казалось, что вот-вот из склада выскочит какой-нибудь гитлеровец, подаст команду, и все немцы, находящиеся во дворе, набросятся на них, откроют огонь…

А очередь росла. Все новые гитлеровцы, возглавлявшие команды, прибывшие за продуктами, занимали очередь позади чуяновцев. Вот мимо них к складу прошли четыре эсэсовских младших офицера в новых шинелях. Это были безусые новички, видать, недавно закончившие училище. Они имели бравый и задиристый вид.

— Обстановка накаляется, и это мне уже не нравится, — тихо проговорил Вышников, заметно волнуясь.

А внутри большого складского помещения разыгрался весьма острый эпизод, решавший судьбу операции. Когда Чуянов вошел, шеф склада уже стоял в глубине здания у письменного стола спиною ко входу. Прикрывая ладонью трубку телефона и нагнувшись, он вполголоса что-то торопливо говорил.

Евгений быстро оглянулся назад на Жака, и в голове на миг промелькнула мысль: «А как этот, выдержит ли? Не струсит ли, не выдаст? Ведь еще недавно он в струнку вытягивался перед гитлеровцами… Может, снова перекинется к ним в эту опасную минуту, а за наш провал ему все простят да еще хорошо отблагодарят?» Но решительный вид Жака успокоил его. Медлить было опасно, и он бросился вперед — к столу. Когда Чуянов приблизился, то услышал, как итальянец негромко говорил в трубку:

— Документы, гер обер-лейтенант, в порядке… Но ведь, гер комендант, он просит на три недели, понимаете, на три… Вот именно, такого еще не бывало… Что прикажете делать?

«Гауптман» рывком вырвал телефонную трубку, а Жак уверенно оттер растерявшегося начальника склада от стола..

— У аппарата гауптман Ганс Миллер! Хайль! — смело крикнул Евгений в трубку, назвав наиболее распространенную в Германии фамилию, которую избрал при заполнении документов. В трубке хрипло прозвучал ответ на фашистское приветствие.

Чуянов понял, что заведующий складом говорил с

комендантом Смолевичей, фамилию которого он хорошо знал.

— Гер обер-лейтенант Шранке, убедительно прошу приказать этому неповоротливому складскому интенданту поскорее выдать мне требуемый запас продовольствия. Господин комендант, мой специальный батальон, о котором, как меня информировали при отправке из Минска, вас уже поставили в известность, выполняет срочный приказ гера гауляйтера фон Готберга, связанный с проведением очень важной операции против партизан… Да, да, без всякой очереди и на три недели! — нарочно громко воскликнул Чуянов, а сам подумал: «Врешь, и ты не станешь проверять! Пороху не хватит обратиться в канцелярию комиссара Белоруссии».

В ответ трусливый комендант заявил, что продукты для батальона выдадут без проволочки, но тут же вылил ушат воды:

— И все-таки, гауптман, возьмите продуктов только на неделю. Думаю, что такой бравый офицер, как вы, вполне успеет расправиться с бандами за недельный срок. Ну а если задержитесь, то в любое время пришлете людей за новым пайком, — уверенно закончил немецкий комендант на другом конце провода.

Поняв, что переубеждать коменданта бессмысленно, а итальянец его слов не слышал, Чуянов пошел на крайнюю авантюру.

— Хорошо, гер обер-лейтенант! — закончил он разговор с деланной радостью. Подняв трубку и ткнув в нее пальцем, «гауптман» сказал шефу:

— Господин Шранке не такой бюрократ, как вы. Сразу видно, что понимает службу и не пытается брать под сомнение приказы высшего начальства. Хорошо, что мне некогда, а то бы вам дорого обошлось недоверие, проявленное к приказу гауляйтера фон Готберга. Ну ладно… Так вот, гер обер-лейтенант приказал вам выдать на три недели и немедленно, черт возьми! Ну, живо! — Евгений Михайлович слегка фамильярно хлопнул итальянца по плечу. Видя, что шеф склада окончательно сломлен и всему поверил, он небрежно распахнул борт шинели и полез в карман за сигаретами. Высшие гитлеровские награды на его груди вконец смутили итальянца, и он бросился оформлять выдачу продуктов.

Лишь только теперь начальник бригадной разведки свободно вздохнул. Зная, как сильно волнуются все его друзья, он вышел на крыльцо склада с таким расчетом, чтобы его видели все. Закурил сигарету и спокойно крикнул своим:

— Ну, чего стоите разинув рты? Подавайте скорее сюда лошадей!

Партизанские сани, еще ранее выбравшиеся из общей

очереди, мигом подъехали. Солдаты из других команд снова загудели, а некоторые возмущенно начали что-то говорить офицерам-новичкам. Те запетушились и стали было отпускать в адрес «гауптмана» не совсем лестные словечки.

— Заткните рты, детки! Когда побываете там, — Чуянов многозначительным жестом показал на восток, — тогда я еще, может, стану с вами разговаривать. Ясно?! — И, как бы между прочим откинув шинель, прошелся рукой по трем Железным крестам. Потом, резко повернувшись к солдатам, стоявшим поблизости, строго приказал: — А ну вы, тыловые крысы, живо на погрузки! Нечего мерзнуть, да и очередь скорей продвинется, — показал он на группу человек в пятнадцать.

Немцы беспрекословно повиновались.

На складе, наверное, никогда и никто еще так быстро не грузился. Сливочное масло в бочонках, мука, сахар и соль в мешках, большущие бутылки со спиртом, ящики с консервами, макаронами, сигаретами, печеньем и все другие продукты начали молниеносно укладываться на пять больших саней. Перед концом погрузки Чуянов решил увидеть Марию, наверняка перепугавшуюся за своих партизан.

— Дорогой шеф, а у вас тут, оказывается, есть красивые бабенки… Откуда вы их только взяли? Пойду гляну хоть на одну, — наигранно улыбаясь, сказал Чуянов ухмыльнувшемуся итальянцу и вошел в склад. Здесь он, быстро оглянувшись, тепло, по-дружески кивнул Марии, а когда она подошла, крепко, по-партизански, пожал ей руку и шепнул: — Нарочно взвизгни, будто я к тебе приставал.

После полушутливого вскрика девушки Чуянов быстро вышел из склада, лихо поправил фуражку и уселся в сани. Лошади едва стронули груз с места.

Все время, пока обоз не свернул с автомагистрали на проселок, партизаны ехали с чувством большой тревоги, ежеминутно ожидая погони, от которой им с тяжело груженными санями, конечно, было бы не уйти.

То и дело поглядывая назад, они усердно подгоняли лошадей. Свернув на проселок, слезли с саней и изо всех сил стали подталкивать их. Каждым владело одно желание — скорее вернуться в лагерь с бесценным грузом. Позже Чуянов рассказывал.

— На складе все произошло быстро, раздумывать и волноваться было некогда, — говорил он. — А вот за обратный путь вся душа изболелась. Дорога длинная, а лошади с перегруженными санями едва тащились… Чего только за это время не передумали.

Обоз с немецким продовольствием был встречен с большим ликованием. Бригада впервые за все время трудной партизанской жизни получила богатый новогодний стол, даже со спиртом. Немалая часть груза в тот же день была отправлена в госпиталь.

Добыча продовольствия была огромным нашим успехом. А вскоре мы захватили у немцев стадо коров и обоз с мукой. От местных жителей получили картофель, свеклу, лук. Продовольственная критическая ситуация разрядилась. Продукты мы расходовали очень экономно, и поэтому можно было считать, что голод на ближайшие месяцы нам больше не угрожает.

Бежали боевые дни. Мы раскуривали немецкие, болгарские и французские сигареты, на все лады хвалили Чуянова и его отважных боевых друзей. И никто из нас не знал, что гестаповские лазутчики, бывшие в отряде, быстро сообщили о проведенной операции в Борисов и Смолевичи. А вскоре об этом узнали и в Минске. Гестаповцы всполошились, примчались на продсклад, провели тщательную проверку всех документов, строго опросили всех работников склада и подвергли экспертизе накладную. Когда подлог был найден, гитлеровцы буквально взбесились и решили взять реванш, устроив партизанскому «гауптману» Миллеру засаду. Расчет делался на то, что, раз удачно побывав на складе, он, конечно, снова пожалует сюда. На всем пути от проселочной дороги на шоссе и до склада гестаповцы выставили негласные усиленные посты. Все время они держали в складе наготове специально подготовленную группу автоматчиков, а в школьном дворе, недалеко от склада, замаскировали бронемашину. На самом складе под видом помощника начальника появился агент гестапо. Обо всем этом нам сообщили Мария с подругой, знавшие о подготовленной ловушке…

Всевозрастающая боевая активность партизан делала жизнь оккупантов невыносимой. Их гарнизоны были бессильными, чтобы предпринимать что-либо действенное против бригады. От деревни Слобода и до города Борисова мы были настоящими хозяевами на всех дорогах. На автостраде партизаны также полностью парализовали все движение в ночное время. Каждую ночь на нее выходило, как правило, несколько рот. При появлении автоколонн партизаны уничтожали их из засад. Перед рассветом, расчленившись на небольшие группы, одни роты отходили в леса, другие занимали выгодные рубежи и блокировали местные дороги. Поэтому бесперебойная доставка продовольствия в гарнизоны на автомашинах или конными обозами превращалась для оккупантов в серьезную проблему. Все

чаще продукты попадали не по назначению, а прямо на нашу кухню.

Однажды отряд имени Чкалова под командованием Щемелева перехватил большой немецкий обоз, следовавший из плещеницкого гарнизона в Логойск. Партизаны захватили довольно большие трофеи: оружие, боеприпасы и продовольствие. После этого логойский и плещеницкий гарнизоны стали снабжаться в основном по воздуху. Так продолжаться долго не могло. Враг искал выхода из создавшегося положения.

В этих условиях гестапо предприняло меры по активизации своих диверсантов и лазутчиков. 1943 год отличался массовой заброской к нам агентуры. Оккупантов интересовала наша численность, вооружение, дислокация и планы действий, связи, уязвимые места. Большинство диверсантов наша контрразведка обнаружила довольно быстро. Однако некоторым из них, умело применявшим маскировку и конспирацию, удавалось оставаться невыявленными в течение довольно длительного времени. Надо сказать, что высокая бдительность партизан в большинстве случаев лишала вражеских наймитов возможности причинить нам сколько-нибудь значительный вред. О некоторых случаях я уже говорил. На этих страницах расскажу о «Сыче», которого мы быстро настигли по горячим следам, и «Драконе», действовавшем в бригаде нераспознанным около года. «Дракон» был самым опасным из всех диверсантов, засланных к нам в отряд.

Однажды наш немецкий друг Карл, работавший на железнодорожной станции Жодино, сообщил, что туда прибыл полк эсэсовской дивизии для прикрытия автомагистрали и железной дороги. В первую очередь командование этого полка решило оседлать узкоколейку, выслав туда хорошо вооруженный отряд численностью около 100 человек. Была указана точная дата и время его выступления. Зная это, мы, в свою очередь, решили устроить в удобном месте на узкоколейке засаду и разгромить это передовое подразделение фашистов.

Рота партизан с приданным взводом десантников-автоматчиков выстроилась по тревоге. Бойцы стояли под вековыми липами и, переминаясь с ноги на ногу, ожидали командира роты. Время шло, а его все не было: он разговаривал по телефону со штабом бригады.

— Вы понимаете, что этот подлец не только сбежал сам, но унес пулемет и две винтовки! — кричал он в трубку. — Товарищ комбриг, если упустим его, то он успеет сообщить о нашей засаде…

— Хорошо, хорошо! Разберемся позже, а вы немедленно отправляйтесь и выполняйте приказ! — сердито ответил комбриг.

Он бросил трубку и взволнованно зашагал по землянке.

— Срочно Чуянова! Начхоз пусть распорядится быстро оседлать двух лучших лошадей, — приказал он дежурному.

— Из третьего отряда один бежал, — сказал Василий Федорович вошедшему Чуянову. — Думаю, что тебе надо перехватить его под Логойском. Действуй быстро! Время не ждет.

И вот уже занялось тихое августовское утро. Сосны и ели купались в лучах поднимавшегося солнца.

В это время Чуянов с помощником галопом мчались к Логойску, а партизанская рота со взводом автоматчиков-армейцев приближалась к месту засады.

Обливаясь потом и тревожно озираясь назад, лазутчик напролом продирался через кусты и заросли в обход небольшой деревушки, окруженной большим массивом спелой ржи. Он спешил к дороге, идущей в Логойск. Каждый шорох сзади приводил его в трепет. Наконец, обогнув деревню, беглец остановился, облегченно вздохнул, утер рукавом взмокшее лицо и вышел на Логойский большак, заросший за время войны травою. Лицо его почернело, дышал он часто и со свистом, точно загнанный зверь. Но Логойск был уже рядом, и он, спотыкаясь, спешил вперед. Пулемет и винтовки казались стопудовым грузом. Ботинки, раскисшие от ночной росы, и мокрые длинные штанины глухо шлепали друг о Друга.

Вдруг впереди в перелеске зашелестели на ветру осины. Предатель испуганно замер, внимательно прислушался, осмотрелся, потом двинулся дальше. Через перелесок он пробежал мелкой рысью. Страх гнал его вперед. Лишь километрах в двух от Логойска полицай успокоился: все страшное осталось позади. Выпятив грудь, он шел, уже насвистывая. Лазутчик рисовал в своем воображении, как он, крикнув «Хайль!», доложит эсэсовскому гауптману: «Сыч» приказ выполнил». Все данные о партизанах принес да и в придачу пулемет и две винтовки прихватил. Так и скажет: «Битте шён! Гоните обещанные пять тысяч!» Эх и загуляет Фишин!

— Хальт! — повелительно крикнул переодетый в форму немецкого ефрейтора Чуянов.

— Чего орешь? — вздрогнул идущий. — Я свой — полицай Фишин.

Чуянов и его помощник, поднявшись изо ржи, преградили дорогу:

— Аусвайс!

— Какой тебе аусвайс? Откуда его в лесу достать, чудак-человек! Веди меня, господин ефрейтор, к гауптману Косману, он меня хорошо знает.

— Партизан? — строго спросил начальник разведки.

— Был партизан, теперь снова старший полицай, а чего доброго, и повыше сигану. Так что со мною полегче на поворотах…

— Идем с нами, — приказал «ефрейтор», поворачивая обратно к рощице.

— Господа, послушайте! Имею очень срочное и важное дело к гауптману. Поймите, под Жодино партизаны устроили засаду. Много дойтше солдат будет капут, ферштеен? — взмолился «Сыч».

— Форвертс! — Вслед за строгим окриком последовал внушительный толчок автоматом в спину.

Путаясь в высокой ржи, предатель недоумевал, почему чудаки-немцы уводят его в сторону от гарнизона. «Так старался, врал, рисковал, унижался. Наконец дождался удачи, на которой можно хорошенько заработать, а тут из-за этих олухов все дело трещит…» Не вытерпев, он попытался взбунтоваться:

— Стойте, господа! Нам нельзя терять времени, еще немного протянем, и все полетит вверх тормашками. Партизаны, как куропаток, перебьют наших под Жодино на узкоколейке.

«Немцы» молча вновь пригрозили автоматами. Лазутчик опешил и совсем растерялся. На опушке рощи «ефрейтор» сорвал с головы фуражку со свастикой и зло бросил ее на землю.

— Володя, вяжи этому выродку руки, да покрепче, — вытирая вспотевшее лицо, приказал Чуянов.

Володя быстро скрутил полицаю руки. Тот, поняв все, затрясся как в лихорадке и пытался что-то мычать.

— Молчи, гад! — цыкнул на него Володя. — Евгений Михайлович, как же быть с ним; у нас ведь только две лошади?

— Не беспокойся. Он примчался сюда на своих — на них же дотопает и обратно.

Всадники ехали быстро. Рядом с ними понуро трусил позеленевший от страха заарканенный предатель. Первое время он до того ошалел, что потерял дар речи и молча семенил по песку подкашивающимися ногами. Затем начал скулить. Чем ближе подходили к расположению бригады, тем сильнее предатель молил о пощаде:

— Братцы, смилуйтесь! Не губите невинную душу! Все, что говорил, — это вранье. Никакого гауптмана не знаю, заблудился в лесу. Вот и все… Не оставьте детей сиротами…

— Смог напакостить, иуда, сумей и ответ держать!

— Меня же расстреляют! — рыдал предатель.

— Зачем зря на таких тратить пули?

— А что же сделают?

— Повесят, подлая твоя душа!..

…Рота партизан со взводом автоматчиков скрытно подошла к узкоколейке. Развернувшись в боевой порядок, бойцы тщательно замаскировались в сосняке и залегли. Из Жодино доносились гул моторов, лай собак и мычанье коров.

Командир роты нервничал. Он боялся, что сбежавший Фишин успел сообщить гитлеровцам о засаде. Тогда они совершенно неожиданно могли зайти роте в тыл. Оказаться же отрезанным в небольшом перелеске в километре от крупного гарнизона противника, где имеются танки, артиллерия и бронепоезд, значит, погубить все подразделение.

Но отступать было поздно. Час схватки приближался. Заржавевшие рельсы узкоколейки вдали тихо зазвенели под ударами кованых сапог гитлеровцев.

— По полотну дороги движется колонна гитлеровцев общей численностью до сотни, — доложил наблюдатель.

— Приготовиться! — проследовала по цепи приглушенная команда.

Требовался внезапный сильный удар, который в первые же секунды ошеломил бы врага. Чтобы добиться этого, было приказано подпустить немцев как можно ближе. Внезапный огонь обрушился на беспечно идущую вражескую колонну с минимальной дистанции. Эсэсовцы валились как подкошенные. Потеряв больше половины убитыми, они попытались повернуть обратно и бежать. Тогда партизаны бросились вслед за ними. За пять минут все было кончено: полотно дороги и насыпь были усеяны трупами эсэсовцев. Уцелело лишь три гитлеровца, которые бросили оружие и подняли руки. Забрав часть трофеев и пленных, рота спешно ушла в партизанский лагерь. По пути дрожавшие от перепуга пленные повторяли:

— Белорусская земля страшнее фронта!

— «Сыча»-то мы поймали, а вот «Дракон» пока остается неуловимым, — не раз сокрушался Чуянов.

«Дракон» действительно был хитрым и коварным врагом. Мы, например, долго не могли узнать истинную причину провала хорошо подготовленной операции по привлечению на нашу сторону большой группы из состава словацкой воинской части. Только позже нам стало известно, что это было дело рук «Дракона». Произошло это так.

Каждый день фашисты несли потери. Они все больше нервничали, метались в поисках выхода. Как-то гитлеровское командование для оказания помощи своим гарнизонам прислало в юго-восточную часть зоны наших действий словацкую воинскую

часть. Не успел ее штаб расположиться в Жодино, как на следующий день все словацкие подразделения были засыпаны нашими листовками. Жгучие слова правды советских патриотов глубоко запали в сердца братьев-словаков. Активная работа по распропагандированию этой воинской части принесла хорошие плоды. Довольно скоро на сторону партизан перешли в полном составе три группы вместе со своими офицерами.

Две группы специально отклонились от маршрута своего следования и повстречались с партизанами нашего доброго соседа бригады «Дяди Коли». Третья группа, прикрывавшая этот переход словаков, инсценировала бой с партизанами в районе станции Жодино, подожгла склад с награбленным оккупантами хлебом и, добравшись до автомагистрали, спилила около десятка столбов телефонной связи. В километре их ожидала неустрашимая наша связная Софья Павловна Орловская, принимавшая вместе с подпольщицей Ниной Крапивницевой активное участие в подготовке операции. Она проводила их к представителям бригады, находившейся возле совхоза «Будагово».

Утром 13 сентября 1943 года словаки были уже партизанами.

18 октября газета «Смерть фашизму» писала:

> «Недавно группа словаков с оружием в руках перешла на сторону партизан. И сейчас она под командованием Войтеха Ф. показывает образцы мужества и героизма в борьбе с немецкими захватчиками. За короткое время ими убито 11 гитлеровцев и уничтожено три автомашины».

Хорошо помнится, как тогда герой заметки, фамилию которого газета вынуждена была скрыть под буквой «Ф», Войтех Фибих от имени своих соотечественников заверил командование бригады: «Мы, партизаны, не дадим гитлеровцам покоя ни днем, ни ночью».

Презирая смерть, уже осенью словацкие побратимы совершили ряд диверсий на труднодоступной железнодорожной линии Минск — Борисов. В схватках с врагом наше братство со словаками скреплялось кровью. Словаки часто вспоминали напутствия своих земляков при отправке их на восток: «Русские и словаки — братья», «Фашизм — наш общий враг», «Не позорьте своего народа». И патриоты Чехословакии выполняли наказ. На белорусской земле патриоты Чехословакии искали удобный случай помочь братьям, попавшим в беду. Нередки были случаи, когда во избежание кровопролития они умышленно давали обнаружить себя в засадах на подступах к железной дороге, сигнализировали об опасности. Было и так, что выпущенные ими

пули летели довольно высоко над партизанами или вместе с партизанскими пулями прошивали вагоны проходивших по железной дороге вражеских эшелонов…

Памятен мне и такой эпизод из боевой жизни побратимов. Темной ночью примерно в десяти-двенадцати километрах от города Борисова на обочине автомагистрали они соорудили виселицу с подвешенным на ней чучелом Гитлера. Под виселицей положили корпус бомбы, в головку вместо взрывателя вставили капсюль и к нему привязали тонкий шнур, который протянули к ближайшему кусту. А сами хорошо замаскировались с пулеметом в лесу и стали ждать. Утром на автостраде показался строй фашистов. Ошеломленные увиденным, они остановились, не зная, что делать. Наконец один из них осторожно подполз к шнуру и перерезал его. Осмелев, вся группа гитлеровцев подошла к виселице. И тут заговорил пулемет, застрочили автоматы, и трупы врата устлали сырой асфальт перед «повешенным фюрером»… Подразделение без потерь отошло в лес. Долго передавалась из уст в уста по деревням добрая слава о дерзкой операции партизан-словаков.

Вместе с боевыми делами словацкие друзья оказывали нам большую помощь в дальнейшей работе по разложению воинской части, укомплектованной словаками. В лес пришли новые боевые соратники. Мы определили их к Щемелеву, в отряд имени Чкалова. Приближался решающий день — бригада готовилась к приему большой группы словаков. Но нас постигло большое огорчение. Ночью, накануне перехода словаков к нам, в словацкую часть нагрянули эсэсовцы, обезоружили их и увезли в неизвестном направлении. Командование бригады предположило, что фашисты получили сигнал от «Дракона».

Бригада нуждалась в боеприпасах. Штаб принял решение подобрать боевую группу в 30—40 партизан, переодеть их в немецкую и полицейскую форму и направить в небольшой гарнизон на смолокуренном заводе с задачей войти в него, внезапным ударом уничтожить живую силу противника и захватить склад с боеприпасами. Об этом узнал «Дракон» и информировал гестапо в Борисове. Ночью немцы подбросили в гарнизон подкрепление до 300 человек и заняли оборону. Ничего не подозревая, наша группа среди бела дня вошла в гарнизон. Возглавил ее бывший ефрейтор немецкой армии, перешедший к нам. На этот раз он был в форме капитана. Нетрудно представить состояние наших товарищей, оказавшихся в захлопнутой ловушке. Положение казалось безвыходным. Партизаны облегченно вздохнули только после того, как к нашему

«гауптману» подбежал начальник гарнизона, поприветствовал его по всем правилам и возбужденно рассказал, что к нему ночью прибыло подкрепление и что они ожидают нападения партизан, которые должны появиться здесь с минуты на минуту. Комендант предложил «гауптману» остаться с группой в гарнизоне до разгрома партизан, так как он может оказаться в лесу жертвой внезапного удара. «Гауптман» изобразил на своем лице озабоченность и, указав на срочность выполняемого приказа, начал благодарить коменданта за информацию. Комендант проявил любезность и пригласил «гауптмана» на чашку кофе. Последний не смел отказаться. За столом «гауптман» вернулся к теме о партизанах и, сославшись на непредвиденное обстоятельство, попросил у коменданта боеприпасов.

Комендант срочно вызвал своего унтера и приказал раздать «гренадерам гауптмана» 10—12 тысяч патронов. Поблагодарив коменданта за гостеприимство и патроны, «гауптман» с группой оставил гарнизон. Ему вслед летели напутственные слова быть осторожным…

До сих пор остается неразгаданным, почему все так благополучно сошло в операции в гарнизоне? Возможно, немцы не заподозрили в переодетых людях партизан и потому не расправились с ними. А может быть, «Дракон» не знал всех деталей операции и не сообщил их в Борисов. Она готовилась негласно. Немцы, очевидно, рассчитывали на штурм гарнизона ночью и извне и не ожидали от нас такой дерзости — прихода в гарнизон днем, да еще в немецкой форме.

Конец «Дракона» наступил вскоре после бесславного финиша «Сыча». Когда рота партизан возвращалась из успешно завершенной засады, ее на полном ходу обогнал у деревни Юрово командир взвода Траило.

— Откуда сорвался? — крикнул ему вдогонку командир роты.

— Беда, братцы! — бросил тот через плечо, удаляясь в направлении Антополья.

На солнце сверкали подковы лошади. Причем многие заметили, что от одной подковы осталась лишь половинка. Наездник быстро удалялся. Через полчаса Траило, оставив гарцующую лошадь у конюшни, бегом направился к часовому возле землянки штаба бригады.

— Стой! Никого не велено пускать! Начальство занято серьезным делом.

— Ты всегда, старина, что-нибудь выкинешь. Пусти, не до шуток. Нужно срочно доложить, — взволнованно отталкивал «Дракон» часового.

— Не пущу! Отойди! — категорически отрезал часовой и винтовкой преградил путь в землянку.

Траило, отступив на пару шагов, уже спокойнее спросил:

— Кто там?

— Начальство.

— И Чуянов там?

— Не знаю.

Предатель, быстро изменив тактику, начал кричать так громко, чтобы его услышали за дверью:

— Не дури, старик! Если не можешь пустить, то доложи комбригу, что я к нему по очень срочному делу.

Часовой в нерешительности переминался с ноги на ногу. В это время со скрипом открылись двери землянки, из нее вышел комбриг и спросил:

— Что у тебя, Траило?

— Товарищ комбриг, убит лейтенант Ерофеев и его помощник Лапшин. Разведчики моего взвода обнаружили трупы на дороге, ведущей в Шпаковщину. Я приказал тела погибших товарищей доставить в бригаду, — вытянувшись в струнку, доложил Траило.

— Я уже знаю. Оставь два отделения для прикрытия деревни, а с остальными приходи на похороны, — тихо сказал Василий Федорович и пристально посмотрел на забрызганное грязью бледное лицо «Дракона». Тот не выдержал взгляда, опустил глаза и всхлипнул:

— Ох и жалко хлопцев, товарищ комбриг! Как родные братья были. Не верится, что их уже не будет среди нас. За них готов жизнь отдать! Разрешите сегодня же всем взводом отомстить фашистским гадам?

— Всем жалко, все будем мстить врагу. Но об этом потом, а сейчас выполняй что приказано, — захлопнул за собой двери комбриг.

Поздно вечером мы хоронили Ерофеева и Лапшина.

Во время траурного митинга цепким взглядом комбриг оглядывал присутствующих. Медицинская экспертиза установила, что оба злодейски и одновременно убиты с короткой дистанции очередью из советского автомата в спину. Кто убийца?

Над ответом двое суток билась целая группа чекистов во главе с Чуяновым. На третий день нам с Василием Федоровичем доложили: убийца — командир взвода Траило. Об этом свидетельствовали отпечатки сломанной подковы лошади Траило возле места убийства, анализ пуль из его автомата и вынутых из трупов.

Убийца долго отпирался, бил себя в грудь кулаком, клеветал

на других и изворачивался. Но против фактов и улик он оказался бессильным и сдался… Сбиваясь и путаясь, лазутчик все же рассказал о том, как он стал «Драконом», как выдал нашу связную и ее схватили в Минске, как по заданию гестапо охотился и убил лейтенанта Ерофеева и его помощника Лапшина… Ему же было приказано казнить «стряпуху» Ирму, обведшую гестаповцев вокруг пальца. Ее спас своевременный вылет на самолете на Большую землю. Заложницу — сестру Ирмы — гестаповцы казнили в Минске. Лазутчику был вынесен заслуженный приговор.

Яркое весеннее солнце щедро залило светом опушку соснового леса возле деревни Заречье. Лучи солнца серебром искрились на молодых побегах сосен, окружавших поляну. Густая сочная трава, усыпанная желтыми цветами, дышала ароматом. Здесь, на поляне, подпольный райком партии и командование бригады проводили совещание о ходе весенней посевной кампании. На него прибыло много делегатов — партизанских комендантов ряда деревень и их активных помощников из местных жителей. Вдруг к президиуму на трофейном велосипеде подкатил боец-посыльный. Прижимая к груди автомат, он подбежал к командиру бригады.

— Что случилось? — настороженно спросил тот.

— Начальник штаба и Чуянов приказали срочно передать вам, — протянул опечатанный конверт запыхавшийся партизан.

Комбриг, вскрыв пакет, быстро пробежал донесение. Передал его мне. В работе совещания наступила пауза. Сначала собравшиеся делегаты не спускали встревоженных глаз с президиума. Затем все зашевелились.

— Что-то стряслось? — толкнув в бок Мазура, прошептал бородатый Шемпель, пришедший на совещание из Юрово.

— У нас, дед, такая жизнь, что каждый день чего-либо стрясается. А сейчас весна пришла, фрицам на фронте жарче станет. Они боятся, что наши войска скоро нажмут на них. Вот, наверное, и готовятся к расчистке дорог для бегства.

— Ты думаешь, хлопче, что скоро придут наши? — с искоркой надежды в запавших глазах спросил старик.

— Давно ждем. Если фрицы скоро возьмутся за нас по-настоящему, то, значит, не сегодня-завтра и фронт придет в движение.

Мазур не ошибся. В донесении говорилось, что вокруг борисовской партизанской зоны вновь начали сосредоточиваться гитлеровские фронтовые дивизии.

На этот раз немецким командованием осуществлялась

крупнейшая карательная операция, охватывавшая всю Борисовско-Бегомльскую зону, а также часть районов Витебщины. Операция готовилась с марта 1944 года. Как потом стало известно, в период с марта и по двадцатые числа июня против белорусских партизан была задействована большая часть резервов группировки «Центр» и ее армий. До самого начала Белорусской операции Советской Армией «Багратион» на партизан было брошено около 380 тысяч гитлеровцев[26], из них более 12 тысяч участвовало в боях с нашей бригадой.

Приведенные цифры и факты подлинные, бесспорные. Несмотря на это, буржуазные фальсификаторы истории и военные мемуаристы Западной Германии тщатся доказать, что будто вермахт не принимал участия в борьбе против партизан и карательных акциях на оккупированной территории.

Первая часть карательной операции, осуществляемой фронтовыми войсками под кодовым названием «Регеншауэр» («Моросящий дождь»), началась 11 апреля вокруг зоны Ушачи силами третьей танковой и шестой армий, а также полицейских частей.

Вторая часть операции «Фрюлингефест» («Праздник весны») ставила перед собой задачу очистить от партизан весь район между Полоцком и Лепелем. Наступающих поддерживали три эскадрильи тяжелых бомбардировщиков. Как свидетельствуют немецкие документы, их войска

> «медленно продвигались от одной линии к другой, сдерживаемые минными полями и ожесточенным сопротивлением».

Обе операции проводились под руководством девятого армейского корпуса.

22 мая началась операция «Корморан» («Баклан») против партизан Борисовско-Бегомльской зоны. Боевые действия осуществлялись силами третьей танковой армии, четвертой армии и частями СС и полиции «группы фон Готберга», продвигавшейся из района Минска и Молодечно.

Акция против партизанской зоны проводилась гитлеровцами в соответствии с новым «Руководством по борьбе с партизанами», утвержденным 6 мая 1944 года Йодлем. В одном из 175 параграфов этого «Руководства» говорится:

> «Люди, захваченные в плен в немецкой форме или союзников, должны расстреливаться после допроса…»

Перед участниками операции «Корморан» была поставлена

задача не только очистить Борисовско-Бегомльскую зону от партизан, но и захватить правобережье Березины, создать здесь тыловой оборонительный рубеж, восстановить коммуникации…

Фашистские полчища занимали исходные позиции. Мы не имели права терять ни одной минуты. Поэтому председательствующий на собрании секретарь райкома партии Григорий Демьянович Довгаленок вынужден был нарушить план работы совещания и преждевременно предоставить слово командиру.

— Товарищи! Мы намеревались быть до конца совещания, но, — Тарунов потряс донесением, — наши планы сорваны. Сейчас партизаны срочно покидают совещание. Однако мы глубоко уверены, что новый урожай вы будете снимать уже на освобожденной земле. Я присоединяюсь к призыву секретаря райкома партии во что бы то ни стало выполнить указание ЦК КП(б) Белоруссии и Штаба партизанского движения, выиграть битву за хлеб. Несмотря на бандитизм пиратов воздушных и прочие происки врага, несмотря на трудности, надо встретить армию-освободительницу обильным урожаем! Встретить, как говорится, по старому доброму обычаю — хлебом-солью!

Командиру дружно зааплодировали.

В штабе мы с головой окунулись в подготовку к предстоящей операции. Ночь была тревожной и беспокойной. Никто не спал. Командиры отрядов уточняли боевые рубежи и координировали совместные действия на ближайшие дни. Начальники боепитания отрядов получали патроны, взрывчатые вещества, мины, запалы, гранаты, доставленные с Большой земли. Хозяйственники хлопотали в лесу, пряча трофейные автомашины и электрогенератор. Связисты снимали телефонную связь. Повара раздавали партизанам скромные пайки НЗ — черные сухари. В типографии спешили закончить печатание листовок. Врачи, отправив раненых на паликовскую базу, распределяли по отрядам имеющиеся самодельные бинты, сделанные из парашютного шелка, и скромные резервы медикаментов. Радисты безуспешно вызывали Москву на внеочередной сеанс связи. Командиры и бойцы штабных подразделений чистили и смазывали оружие. В общем каждый готовился к тяжелым испытаниям.

К полуночи лагеря опустели. Отряды спешили до рассвета занять указанные им рубежи. Первый отряд выдвинулся в сторону Логойска, второй двинулся на шоссе Борисов — Плещеницы с задачей обеспечить отход подразделений бригады, располагавшихся в легко проходимых Логойских лесах. Третий направился в Сутоки и Заречье для прикрытия бригады со стороны Смолевичей и Борисова, а четвертый — к Зембину. Штаб

бригады расположился в центре на высотке между деревнями Чемки и Мостище.

Вскоре на востоке зарделось небо. От реки Цна, подернутой утренним туманом, потянуло сыростью. В деревнях, как по команде, началась утренняя перекличка петухов. Все казалось настолько обычным и повседневным, что просто не верилось в надвигающуюся беду.

С первыми лучами солнца в небе над зоной бригады появился немецкий самолет-разведчик — всегдашний предвестник карательных операций. Он дважды стремительно пронесся на небольшой высоте вдоль реки и ушел на восток к Борисову. Его появление как рукой смахнуло с партизан сонливость и благодушие. Всем стало ясно, что неравный поединок с многотысячной фронтовой фашистской группировкой вот-вот начнется.

Тревожно зазвенел полевой телефон. Звонил командир третьего отряда капитан Казиев с рубежа у деревни Заречье. Он доложил о появлении 12 самолетов противника.

— Окопы до полного профиля довели? — спросил комбриг.

— Да, но…

Тут задрожала земля, потом снова и снова раздались сильные взрывы. Почти час на оборону отряда сыпались немецкие бомбы, подымая в небо черные столбы песка и пыли. В минуту затишья Казиев доложил Тарунову:

— Бомбят сильно, но все мимо. Убитых нет. Плохо то, что не успели разрушить переправу через речку и установить на подступах противотанковые мины.

— Переправу взорвите немедленно и смотрите в оба! Под шум бомбежки и прикрытием тумана противник может незаметно подтянуть пехоту и танки к вашему рубежу. Держитесь во что бы то ни стало! Еще не все жители деревень укрылись в лесу. Еду к вам.

С четырьмя автоматчиками и расчетом противотанкового ружья комбриг галопом помчался на тачанке к Заречью, где бушевал шквал огня. Там непрерывно рвались бомбы и снаряды, захлебываясь, строчили пулеметы. Тысячи осколков и пуль с визгом проносились над позициями партизан. Путь комбрига лежал через открытое поле возле уцелевшей деревни Чемки.

— Товарищ комбриг, давайте не будем рисковать и обогнем поле по опушке. По прямой не проскочим — самолеты накроют! — забеспокоился ординарец Володя.

— Нет, Володя, обязаны проскочить! Время не терпит — вперед!

Ординарец хлестнул лошадей, и они понеслись как бешеные.

Казалось, что тачанка летит, совсем не касаясь земли… Бойцы сидели на корточках, крепко держась за перекладину и прижимая к груди автоматы. Вот уже полпути позади. До леса оставалось каких-нибудь пятьсот метров. Вдруг Володя показал командиру несущийся по мелколесью вражеский грузовик с солдатами. Он двигался наперерез тачанке. С каждой секундой расстояние между ним и партизанами сокращалось. Поворачивать и отступать было поздно. Уже отчетливо виднелось дуло пулемета, установленного на кабине грузовика, а в кузове чернели спины гитлеровцев и тускло поблескивали каски.

— Расстреляют из пулемета! — испуганно крикнул Володя.

— Не успеют — лес уже рукой подать! Полный вперед! — взволнованно ответил Тарунов, глядя на грузовик. По всему было видно, что немцы пока еще не обнаружили тачанку. Партизаны, положившись на командира, не произнесли ни слова. Они только крепче сжимали оружие и не спускали глаз с врага.

Когда до леса оставалось уже 150—200 метров, фашисты заметили мчащуюся тачанку. Быстро остановились и стали разворачивать пулемет. Сердца бойцов тревожно сжались… Удар кнутом, и тачанка еще сильнее рванулась… Но в этот миг пришло нежданное спасение.

— Смерть фашистам! Огонь! — донеслась с опушки леса громкая команда. По врагу короткими очередями ударили пулемет и несколько автоматов. Раскатистое эхо прокатилось над лесом.

Оказалось, что в это время Чуянов с группой своих людей возвращался со стороны Борисова после встречи с «Фигаро», сообщившим последние данные о противнике и его замыслах. Выйдя на опушку леса, разведчики заметили сначала грузовик с карателями, а потом мчавшуюся по полю партизанскую тачанку. Они-то и открыли внезапный огонь.

Тачанка остановилась, и партизаны быстро выпрыгнули из нее. Первым же выстрелом из противотанкового ружья грузовик был подожжен.

Уцелевшие каратели, беспорядочно отстреливаясь, стали удирать к лесу, подставляя спины метким партизанским пулям. Но никому из них не удалось спастись.

— Спасибо, Евгений Михайлович, — крепко пожал комбриг руку Чуянова после схватки. — Молодцы, ребята! Спасли нас, — похвалил он и разведчиков.

Командир и Чуянов, отойдя в сторону, сели под сосной.

— Слышь, Женя, в Заречье идет настоящий бой. Сожгут хлопцы все патроны, а завтра чем будем воевать? Скажи, успели крестьяне укрыться в лесу?

— Да, успели. Они действовали быстро.

— Тогда отряд Казиева надо срочно вывести из района обороны и перебросить на запасной рубеж, — обрадованно заключил комбриг и послал ординарца в отряд с приказом.

Пока ординарец пробирался к отряду, пикирующие штурмовики и ураганный огонь артиллерии прижали казиевцев на дно окопов. Пелена густого тумана, нависшая над подступами к обороне, почернела от пыли и дыма. Наконец дикий визг штурмовиков начал отдаляться.

— Кажется, перенесли огонь к нам в тыл, — сказал Казиев, высунувшись из окопа. Но тут же он быстро присел снова: всего в сотне метров на противоположном берегу речушки сквозь туман вырисовывались силуэты четырех танков. Они готовились ударить по партизанам прямой наводкой.

— Немцы подтянули танки! — встревоженно бросил Казиев. Глубокие складки перерезали его широкий лоб. — А наши бронебойщики наверняка не видят их, туман мешает, — воскликнул командир.

— Бронебойщикам надо указать цель.

— Правильно, комиссар! Городецкий и Мальцев, берите пулемет и быстро проберитесь к бронебойщикам. Пусть со стороны болота стукнут танкам по бортам, — распорядился Казиев.

Забегая вперед, скажу, что, выполняя этот приказ, в неравном поединке смертью героя погиб пулеметчик Виктор Городецкий.

Как только ординарец скрылся в лесу, комбриг обратился к Чуянову:

— Что сообщают наши друзья-невидимки, Женя?

— Немцам стало известно о сосредоточении крупных партизанских сил в Борисовско-Бегомльской зоне. Противником подготовлена операция, в которой примут участие около 200 тысяч фронтовиков и 10 тысяч карателей из местных гарнизонов. Им приказано любой ценой согнать партизан на Палик и уничтожить. В случае сильного сопротивления партизан на Палике намерены применить газы.

— Взбесились, гады, перед концом! — командир громко хлопнул ладонью по автомату. — Об этом нужно срочно сообщить на Большую землю.

Комбриг, раскрыв планшетку, взялся за карандаш, но тут подбежал разведчик и доложил, что к Березовке пробирается группа немцев. Тарунов поднял бинокль и вскоре сказал:

— Взять фашистов на мушку! Посмотрим, что они замышляют.

Автоматчики и пулеметчики взяли немцев на прицел. Возле

деревни вражеские солдаты остановились, прокрались в огороды и стали пристально всматриваться в сторону партизан. Ничего не заметив, они начали рыскать по дворам. Вскоре гитлеровцы вывели из одного двора упирающуюся рыжую корову.

— Вот сволочи! Молочка захотели. Ну ничего, пусть только выберутся из деревни! В чистом поле мы им дадим молочка, — возмущенно бросил комбриг.

За деревней гитлеровцы остановились и о чем-то шумно заспорили. Один бросился обратно. Добежав до сарая, он вырвал из крыши пук соломы. Присев на корточки, оккупант стал ее поджигать, но что-то не ладилось у него с зажигалкой.

— По поджигателям и грабителям огонь! — крикнул Тарунов.

Раздался залп, сидевший на корточках так и ткнулся носом в землю. Фашисты, стоявшие с коровой, также рухнули на дорогу. Испуганная корова подпрыгнула и поволокла убитого гитлеровца по вспаханному полю.

Между тем в Заречье бой пошел на убыль. Володя, вернувшийся оттуда, доложил комбригу, что два немецких танка сожжено и два подбито. Немцы понесли значительные потери и в живой силе. Партизаны смогли отойти на западный рубеж.

— А наши как? — взволнованно спросил Василий Федорович.

Ординарец опустил голову. У него не хватало духа сказать о гибели отважного сына Азербайджана капитана Казиева, бесстрашного пулеметчика Городецкого и нескольких других бойцов.

— Чего молчишь? Докладывай! — строго потребовал командир, предчувствуя недоброе.

— Отрядом командует комиссар, — тихо отозвался Володя.

— А Казиев?

— Капитан убит снарядом, всю грудь разворотило.

Тарунов снял фуражку и присел на обгоревшее бревно.

— Эх, не уберегли такого командира! — с горечью промолвил он. — Ведь сегодня только началось, а сколько еще тяжелых боев впереди.

Две долгие недели июня прошло в жарких и трудных боях и стычках с оккупантами. Под натиском превосходящих сил противника отряды, неся потери, оставили сначала Смолевичский, потом Логойский, затем Плещеницкий район и, наконец, по холмисто-лесистой Бегомльщине откатились к самым Паликовским лесам. Попытки прорыва были безуспешными. Враг, чувствуя нашу крайнюю бедность в боеприпасах, все сильнее и наглее теснил нас. От зари до зари на деревни и нас обрушивались тысячи бомб, мин и снарядов.

Враг свирепствовал. Деревни предавались огню, а схваченные

советские люди — смерти. Каратели умножали список преступлений всюду, где только могли. Подобно диким расправам в деревнях Хатыни и Мыльнице, учиненным в марте 1943 года, 19 июня 1944 года они совершили такое же злодеяние в логойской деревне Дальва. Согнанные гитлеровцами тридцать детей, двенадцать женщин и два старика заживо погибли в огне подожженного дома. На том трагическом месте высится теперь фигура женщины с доверчиво прижавшимся к ней мальчонкой. На плите надпись:

> «Люди! Склоните головы перед памятью жителей деревни Дальва, невинно загубленных 19 июня 1944 года».

И дальше высечены сорок четыре фамилии мучеников…

Дальва — сестра Хатыни…

Огненное вражеское кольцо неудержимо сжималось. И чем оно становилось уже, тем опаснее для нас. Плотность огневых средств и живой силы противника все время возрастала. С каждым днем яснее вырисовывалась надвигающаяся трагедия. Спастись можно было только дерзким прорывом в тыл карателей. Но это был бы подлинный подвиг.

Надо было идти на прорыв. Этого требовал товарищ Мачульский, это понимали и мы. Другого пути для спасения не было. Прорыв был связан с огромным риском, а возможно, и с большими жертвами. Поэтому мы с комбригом решили посоветоваться с партактивом.

— Товарищи, прошу кратко высказать свое мнение о том, что будем делать в создавшейся обстановке? — обратился Тарунов к партизанам, собравшимся ранним утром в лесу у деревни Уборки. — Штаб зоны и мы считаем, что лезть в болото — это идти на неминуемую смерть. Мы продержались уже почти три недели. Били гитлеровцев то тут, то там, маневрировали, выигрывали время. Нам осталось продержаться еще каких-нибудь две трудные недели, пока сюда придет фронт. Сдерживать противника, как делали раньше, мы теперь не сможем — нет боеприпасов. О продовольствии не говорю — летом это для нас не проблема. Кто желает говорить? — Командир замолчал в ожидании ответа.

— А что тут говорить? Командование лучше знает, что нужно делать. Ведь не первый раз фашисты берут нас за горло. Будет боевой приказ, за нами дело не станет, — последовал первый ответ.

— Нужно прорываться. Иначе погибнем. Надо собраться с силами и стукнуть карателям по зубам на узком участке, —

сказал командир отряда Щемелев.

— Правильно, — дружно подхватили многие голоса.

— Прорваться почти без патронов — дело не шуточное… Может, все же лучше рассредоточиться поотрядно в районе болота, замаскироваться и пересидеть там оставшиеся дни, — неуверенно предложил кто-то из первого отряда.

— Нет! В болото лезть — гиблое дело. Если уж умирать, так не в вонючей тине.

— В болоте зажмут кругом так, что и не дохнешь, а сверху авиация навалится, — полетели реплики.

Партийный актив высказался за прорыв. Весь день шла тщательная подготовка бригады к прорыву из блокады. Бригада оставила деревню Уборки уже поздно вечером. Почти полуторатысячная колонна форсированным маршем направилась на исходный рубеж. Бойцы шли безмолвно. На маршруте к нашей колонне то и дело присоединялись люди с оружием и без оружия, с детьми и без них, молодые и старые. Колонна росла на глазах, буквально как снежный ком. Попытки разобраться в темноте на ходу с тем, чтобы отсеять неизвестных, были тщетными. Вместо одного сомнительного, выставленного из колонны, появлялись десятки других неизвестных. Все отчаянно клялись, что наши, советские люди. Как можно отказать в помощи советским людям! И, конечно, всем поверили и этим допустили грубую ошибку, за которую пришлось потом расплачиваться. Враг и на этот раз оказался коварным и хитрым.

Планируя крупную операцию против партизан, абвер и гестапо заранее подготовили целую группу лазутчиков. Им, как это мы установили позже, была поставлена задача просочиться под видом местных жителей и партизан из других отрядов в нашу бригаду и в нужный момент сообщить карателям о месте сосредоточения партизан. А во время бомбежки и артиллерийско-минометного налета на расположение посеять панику. Это был тонко рассчитанный тактический ход нацистов, который мы не сумели разгадать вовремя.

Ночь проскочила незаметно, и утром отряды уже были в сосновом лесу вблизи исходного рубежа к прорыву. Рассредоточившись в лесу и выставив боевое охранение, бригада начала непосредственную подготовку к операции. Тщательно комплектовались сильная штурмовая группа, боковые заслоны и прикрытие. Уточнялись маршруты движения и районы сбора отрядов после прорыва. Партизаны проверяли оружие, делились оставшимися патронами. Полные забот о предстоящей смертельной схватке, мы как-то забыли о приставших к нам на марше неизвестных «попутчиках».

Нашей беспечностью как нельзя лучше воспользовались вражеские диверсанты. В то время как мы готовились к прорыву, вражеские агенты скрытно делали свое черное дело. Вышколенные и натренированные лазутчики рассредоточились по всему району, занимаемому бригадой. И вот в полдень, когда командиры и комиссары всех отрядов были вызваны в штаб бригады, совершенно внезапно для нас в небо над лесом взвились сигнальные ракеты, в разных местах застрочили невидимые автоматчики, послышались взрывы гранат.

— Немцы! Нас окружили! Спасайтесь! Приказано рассеяться в лесу! — тотчас раздались панические крики «попутчиков». Через несколько секунд в расположении отрядов стали рваться снаряды и мины. Усилилась автоматная стрельба.

Все это застало нас врасплох. Но мы сразу же поняли, в чем дело, и комбриг приказал всем командирам немедленно бежать в свои отряды, с тем чтобы люди не успели выполнить ложный приказ.

Ближе всех находился второй и четвертый отряды. Командир второго отряда Щемелев, подбежав к бойцам, властно крикнул:

— Ни с места! Ложись! Слушать только мою команду!

Приказ стряхнул с людей страх. Они замерли на местах, плотно прижавшись к земле… Потом повзводно отряд переместился в глубь леса.

Командиры и комиссары других трех отрядов, расположенных дальше, вынуждены были выводить бойцов из зоны обстрела под массированным огнем противника. Хотя лазутчикам не удалось посеять панику, как им предписывалось, они успели внести разлад в наши ближайшие планы. Подгоняемые взрывами снарядов и мин, командиры первого и третьего отрядов выводили свои подразделения к шоссе Мстиж — Зембин.

Несколько часов первый и третий отряды находились возле шоссе. Подобрав здесь несколько десятков отставших и раненых партизан, перед закатом солнца углубились в Паликовский лесной массив, рассчитывая собрать все силы снова в единый кулак и готовиться к прорыву. Вряд ли надо говорить, как было тяжело на сердце у всех нас.

Второй и четвертый отряды во главе с Георгием Анисимовичем Щемелевым организованно вышли из зоны артиллерийского и минометного обстрела. Им было приказано действовать пока самостоятельно. Заняв круговую оборону в заболоченном сосняке, мстители наблюдали за стаями черных штурмовиков-бомбардировщиков, пикировавшими над районом недавнего расположения бригады. Бомбы и снаряды крошили

вековые сосны, взметали вверх черные столбы земли и дыма. Враг неистовствовал до поздней ночи. Белесые молнии взрывов озаряли черную стену леса. Наконец все стихло.

Всю ночь партизаны не смыкали глаз, а им предстоял тяжелый день, полный неожиданностей и тревог. Георгий Анисимович и комиссар отряда еще и еще раз обходили бойцов и разъясняли, что от них, окруженных врагом в лесу, требуется железная дисциплина и мужество.

Вместе с комиссаром они думали только об одном: как лучше обмануть врага и вырваться из расставленных им сетей. О длительном бое не могло быть и речи, так как патронов оставалось в обрез.

Четыре сотни бойцов не спрячешь. Нужно было искать выход. Наконец командир нашел его. Было решено сколотить сильную ударную группу из пятидесяти человек, обеспечив ее собранными у всех патронами. Ей поставили задачу отвлекать на себя карателей. Она должна была постоянно видеть врага и угадывать его замыслы. При необходимости ей надлежало сковывать цепи наступающих фашистов и дезориентировать их. Перед явно превосходящими силами наступающих группе было приказано с боем медленно отступать к деревне Горелый Луг. Там отряду надо было сжиматься в кулак, дружным ударом прорывать ряды карателей и собираться в другом месте.

Все сошлись на том, что иного выхода не было. Спасение — в маневренности. Пока фашисты нащупают партизан, пройдет немало времени. А там — снова назад и вперед. Когда же настанет удобный момент, отряд попытается совершить бросок через речушку Цна и скрыться за спину гитлеровцев.

Щемелев приказал:

— Команды выполнять четко, беспрекословно! Невозможное делать возможным! Паникеров и трусов расстреливать на месте!

Три дня и три ночи отряд искусно маневрировал, прикрываемый отважной ударной группой. Карателям и в голову не приходило, что небольшая группа мужественных людей спасала сотни бойцов. Фашисты не спеша продвигались по лесу, боясь попасть под партизанские пули. Они рассчитывали, что голод и постоянный обстрел в конце концов вынудят мстителей выйти из лесу с поднятыми руками. Но они просчитались. Умелое маневрирование ударной группы и двух отрядов удалось завершить смелым ночным рывком через фронт блокады. Отряды вырвались в тыл карателям.

Партизаны снова устремились в Логойский лес. Но среди них уже не было больше заместителя комиссара по комсомолу товарища Аксенова, погибшего в районе деревни Горелый Луг, когда он вел побратимов в тыл карателей. Второй и четвертый отряды бригады и примкнувшие к ним подсобные подразделения были на свободе!

На осажденном со всех сторон Палике, оказавшемся в окружении, партизанам с каждым днем становилось все тяжелее и тяжелее. Особенно большие трудности испытывали партизаны Вилейщины и восточной части Борисовской зоны, вытесненные противником из своих районов и зажатые в огненном кольце на Палике.

Мы делились с ними последними сухарями, горсткой пшеницы или ржи. Под командованием секретаря Вилейского подпольного межрайкома товарища Жуковича, являвшегося ранее руководителем межрайкома Борисовщины, была предпринята в районе деревни Маковье настойчивая попытка вырваться из окружения. В результате исключительного мужества и самоотверженности партизанам штурмовой группы удалось пробить узкую брешь через огневую линию противника. Нескольким сотням бойцов удалось выйти из ада. Но буквально через считанные минуты эта брешь до прихода танков и подкрепления была накрыта массированным артиллерийско-минометным огнем. Вскоре к разрывам снарядов и мин присоединился в районе прорыва шквал пулеметного огня из танков и бронемашин.

Партизаны вынуждены были отступить.

При штурме вражеских позиций смертью героя погибли секретарь Вилейского подпольного межрайкома партии товарищ Жукович, руководивший прорывом, командир отряда имени Ворошилова нашей бригады лейтенант Шиманович, начальник штаба отряда Серафимов и другие боевые товарищи.

Партизаны, отошедшие в Паликовский лесной массив, оказались снова в небольшом треугольнике между реками Березиной, Мрай и озером Палик. На них обрушивали свой смертоносный груз десятки вражеских самолетов, сотни орудий и минометов. С утра и до ночи с диким ревом проносились над лесом штурмовики, сея смерть. Безымянные островки, укрывшие партизан, планомерно «обрабатывались» бомбами, снарядами и минами. В сложившихся условиях во избежание потерь была дана команда рассредоточить подразделения.

Были созданы три маневренные группы. Первую возглавил комбриг Тарунов, вторую — комиссар, третью — начальник

штаба Кисляков. Разведвзводу была поставлена задача вести поиски наиболее слабого звена в кольце блокады.

Партизаны голодали уже не первую неделю, но все же не падали духом, крепились и шутили.

— Пока спокойно, труби хлопцам на завтрак, — шутливо сказал кто-то в тылу обороны, занятой нашими партизанами.

Новоиспеченный повар Борис стал громко стучать ложкой по закопченному жестяному корыту, в котором булькала распаренная рожь. К необычной кухне, укрытой под развесистой елью со сбитой верхушкой, с разных сторон потянулись почерневшие от усталости и голода партизаны. Получив варево, жадно жевали его, хотя в нем не было ни вкуса, ни запаха. Жевали потому, что нужно было окрепнуть и продолжить борьбу с врагом. Люди жили надеждой, верой в себя. Трудности и лишения переносили без ропота.

Во время обеда на нас внезапно обрушился артиллерийско-минометный огонь противника. Партизаны быстро рассредоточились.

После обстрела наши разведчики, наблюдавшие в бинокли за противником, обнаружили в секторе нашей обороны вражеский грузовик с людьми, одетыми в гражданское. Грузовик останавливался через каждые 200—300 метров, и из него высаживалось два-три человека. Неизвестные, маскируясь и оглядываясь, быстро направлялись в глубь леса, блокируемого карателями.

— Что-то опять затевают фашисты, — высказал предположение начальник штаба Кисляков.

— Да это могут быть лазутчики, провокаторы-сигнальщики, диверсанты и прочая дрянь. И запустили их в лес неспроста, — рассуждал вслух Чуянов, медленно разжевывая зерна ржи.

— Думай, Евгений Михайлович, это по твоей части, а я пойду проверю секреты, — вскинул Кисляков на плечо автомат и с ординарцем скрылся в зарослях.

Противник задал нам загадку, и над ней думали все. Строились разные предположения, но для окончательного вывода не хватало данных.

— Товарищ комиссар, я пойду вперед к разведчикам, — обратился ко мне Чуянов, — подумаем вместе с ними и без задержки вернусь обратно.

Часа через два начальник разведки вернулся на остров с живым «трофеем» — перепуганным парнем лет восемнадцати, с ног до головы забрызганным грязью. Его посадили на землю и развязали глаза. Парень, оказывается, наткнулся на наш секрет, и его задержали. Неизвестный быстро сообщил, что он партизан из

Логойского района, правильно назвал своих командиров и точно описал их. Парень хорошо знал и район. Неуверенность и замешательство появились у него лишь тогда, когда его спросили, почему он появился в Паликовском лесу. Он замялся и начал путаться: концы не стали сходиться с концами. Тут его прямо спросили:

— Где напарник, с которым немцы высадили тебя еще утром из автомобиля?

После некоторого раздумья задержанный уже без колебаний откровенно ответил:

— Затерялся в лесу. Договаривались пересвистываться, а он два раза свистнул и пропал.

Допрос прервал интенсивный артиллерийский налет. Над островом вновь рвались снаряды и ухали мины. Вдали над бригадой «Дяди Коли» по-прежнему натужно были самолеты, слышались взрывы бомб. В лесу стало жарко и душно от нестерпимого зноя и непрерывного огня. В разгар обстрела прибыл разведчик и доложил, что цепи карателей начали входить в лес.

Заняв круговую оборону, партизаны, молча выжидали. Прибежали бойцы, бывшие в секретах. С двух сторон к нам медленно приближались сильная автоматная стрельба, вспышки разноцветных, ракет и крики. Наконец каратели подошли настолько близко, что отчетливо были слышны чавканье болотной грязи под их ногами, треск сучьев и звон оружия. Враг был рядом, только высокая осока и густой лозняк скрывали его от наших глаз. Каждую минуту немцы могли появиться здесь.

— Пикнешь — харакири сделаю! — грозно прошипел Кисляков в ухо лазутчику и с силой воткнул перед ним нож в землю. Трясущийся парень плотнее прижался к земле и закрыл рот руками.

Над краем островка пронеслась красная ракета. Каратели дали залп, загалдели и поплелись в указанном ракетой направлении. Партизаны прицельно ударили по карателям. После непродолжительной перестрелки каратели отступили. Мы вздохнули с облегчением и переменили позиции. И это оказалось кстати: прежний рубеж подвергся артиллерийскому обстрелу. Не успел он кончиться, как разведчики привели еще одного задержанного. Его допрос показал, что всего в привезенной группе было около пятидесяти человек, прошедших специальную подготовку при так называемом «Зеленом лагере» в Борисове.

Перед отправкой в лес им было приказано сообщить партизанам, что те, кто до 12 часов выйдет из леса с оружием, будут помилованы, а кто не выйдет — расстрелян или отравлен

газом.

Наша разведка донесла, что каратели готовятся к тщательному прочесыванию леса. По решению штаба разведвзвод, Кисляков и я с маневренными группами отправились поближе к врагу для отвлекающих действий и разведки. Комбриг же остался со своей группой в центре лесного массива на заброшенной дамбе с задачей защитить от расправы укрывшихся безоружных местных жителей, раненых и больных.

Ранним утром каратели двинулись на партизан по всему фронту. Круглые сутки лес стонал от смертоносного огня. Шла неравная схватка. Заболоченный лес, сжатый со всех сторон оборонительными рубежами, окопами с зарытыми в землю танками и артиллерией, становился для осажденных все более тесным и опасным. Наступили самые страшные дни во всей истории бригады. В эти критические минуты далекий грохот советской артиллерии придавал всем нам силы и укреплял веру в победу.

Действуя на переднем крае, мы слышали, как в центре леса начался бой. Долго строчили пулеметы и автоматы, рвались гранаты. Там в смертельной схватке схлестнулись мужественные, голодные и изнуренные советские патриоты с озверевшими гитлеровцами. Участники этой схватки, оставшиеся в живых, потом рассказывали, что под руководством комбрига партизаны вели огонь экономно и наверняка, подпуская карателей к дамбе и расстреливая их в упор. Когда кончались боеприпасы, они подбирали трофейное оружие и продолжали бой. Перед вечером гитлеровцы отступили, и на лес снова обрушился ураганный огонь артиллерии.

В полночь в братской могиле похоронили павших товарищей. Перед свежей могилой комбриг сказал:

— Прощайте, герои, вы сделали больше того, что могли. Клянемся, что и мы будем драться так же стойко, как и вы, — до последнего вздоха.

Затем Василий Федорович приказал обеспечить постоянное дежурство у пулеметов, собрать на поле боя трофейные боеприпасы и стоять насмерть. На следующий день снова рвались бомбы, снаряды и мины, рушились вековые деревья, падали сраженные бойцы. Осока, кустарники и трава смешались с грязью и кровью. Воронки наполнились черной болотной жижей. Во второй половине дня каратели, очевидно решив, что после огненного шквала не осталось живых, ринулись вперед, но их снова встретили меткие партизанские пули. Еще сутки мужественно сражались лесные гвардейцы…

Спустя два дня партизаны подобрали и похоронили героев, погибших на дамбе. Однако комбрига там не обнаружили. Позже было установлено, что гитлеровцы с помощью своего лазутчика опознали раненого комбрига и в бессознательном состоянии доставили его в Минск. Там оказали ему медицинскую помощь и предложили подписать состряпанное гестаповцами обращение к партизанам с призывом о сдаче в плен. Комбриг написал на фашистской стряпне:

«Приказываю держаться до последнего дыханья!
Смерть фашистским захватчикам! Комбриг В. Тарунов».

А после победы стало известно, что комбрига в спешном порядке вместе с другими заключенными вывезли из Минска в Кенигсберг. Никто из узников не знал, что их привезли в тупик вокзала Нордбанхоф, к подземному переходу в здание тюрьмы гестапо. Вагоны осветили прожектора, и к ним сразу же бросились гестаповцы со злобно скалившимися овчарками на поводках. Гестаповцы выстроились в две шеренги, образовав живой коридор.

Заскрипели запоры товарных вагонов, и оттуда, подталкиваемые прикладами, посыпались на платформу люди. Когда платформа заполнилась до отказа, взвыла сирена, и живая пестрая лента понуро потянулась в подземелье. Колонну узников замыкала небольшая группа в наручниках под усиленной охраной. Среди них, особо опасных, был и Василий Федорович Тарунов. Его поместили в одиночную камеру в подвале. Прошла целая неделя, а комбрига не допрашивали и не выпускали на прогулки. У Василия Федоровича было достаточно времени, и он внимательно вчитывался в автографы и прощальные крики души, запечатленные смертниками на стенах.

На десятый день Василия Федоровича вывели в квадратный дворик тюрьмы, зажатый пятиэтажными стенами с толстыми черными решетками на окнах. Отшагивая по забетонированному кругу, Василий Федорович напрягал все свои силы, чтобы подавить жгучую боль в незаживающих ранах, показать проклятым врагам свою непреклонную волю бороться до последнего дыхания. Ночью во дворе-колодце гулко прозвучали слова комбрига:

— Прощайте, товарищи! Смерть фашизму!

Это были его последние слова…

Так в застенках гестапо погиб обескровленный врагами, но не побежденный комбриг Тарунов.

Целой вечностью показались партизанам эти самые черные

дни в жизни бригады. Но вот пришел в движение фронт. Каратели засуетились, в панике покидая лесной массив. Наши разведчики обнаружили свободный участок, и через него из Паликовского леса на сборный пункт возле деревни Буденичи дотянулись группы партизан, пережившие кошмарные дни осады и штурма. Добравшись до поляны, измученные и опухшие, они падали на землю и сразу же засыпали мертвецким сном. Казалось, что нет силы, способной разбудить их. Но в полдень эта сила нашлась — в небе появились многочисленные стройные звенья голубовато-сизых самолетов с яркими красными звездами на плоскостях.

— Братцы, наши самолеты! — обрадованно закричал Кисляков, не отрываясь от бинокля.

Мгновенно всколыхнулась вся лужайка. Бойцы вскочили на ноги и заплясали от радости.

— Ура! Наши! Наши!

В воздух полетели продырявленные пулями кепки, фуражки, пилотки. Радостно заискрились глубоко запавшие глаза, на костлявых, землистого цвета лицах.

На Палике в борьбе с карателями партизаны проявили сверхчеловеческие мужество и стойкость. И это станет зримым, если учтем, что против одного лесного гвардейца там было «задействовано» врагом около двадцати фашистских головорезов, располагавших танками, самолетами, тяжелой артиллерией, шестиствольными минометами и неограниченными запасами боеприпасов.

Архитяжело было советским людям в битве, но они горды тем, что перед началом освободительной операции «Багратион» в течение почти двух месяцев сковывали на участке партизанского фронта более чем двухсоттысячную громаду гитлеровских войск.

Где-то на востоке, на противоположной стороне Палика, глухо вздрогнула земля, грозно грохнула артиллерия. За первым залпом последовал второй, третий, и наконец они слились в могучую победоносную канонаду. Бойцы стоя приветствовали эту фронтовую музыку. Снова пришла в движение пестрая лужайка. Партизаны обнимали друг друга, у всех заблестели слезы радости.

— Ура! Дождались своих!

— Наши идут! Ура!

— Дождались! — горячо радовались партизаны. Вместе со всеми безмерно радовался и Кисляков. Он кричал громче всех, сильнее других целовал друзей потрескавшимися, обветренными губами. Но вдруг он опустился на землю и как-то сник.

— Мы дождались, Иван, светлого дня, вырвались на волю, радуемся, от восторга на головах ходим… А скажи мне, где наши

друзья-герои Тарунов, Чуянов, Соня Ломако, Ивановский, Соляник, Прочаков, Фоминков, Казиев?.. Их нет больше с нами, не дождались они своих! Нет их и никогда не будет!

Кисляков не мог удержать набежавших слез.

Вокруг стали собираться партизаны. И вот Кисляков встал. Смахнув рукой слезы со щек, он надел фуражку и заправил гимнастерку.

— Слушай мою команду! — прогремел он. — Встать! Шапки долой! Дорогие товарищи! Убит наш Женя Чуянов, наш бесстрашный воин-разведчик. Погибло немало и других наших славных ребят за дни этой, страшной блокады. Погибли также разведчик Пилюченок, врач Геня Рогенбоген, комиссар Яков Лихтер, Вася Соляник, Юлик Макаревич… Все они закончили свой жизненный путь смертью храбрых в неравных схватках с врагом — в топких болотах Белоруссии! Почтим их память скорбным молчанием!

После паузы он продолжил:

— Здесь присутствует разведчик, очевидец трагической гибели Чуянова. Расскажи, как все произошло.

— Наша разведывательная группа во главе с Чуяновым, — заговорил тот, — дважды прорывалась через цепи карателей и уходила от преследования. Прорвались мы и в третий раз, но фашисты зажали нас. Они клещами охватывали группу с фланга, стремясь отрезать от бригады и оттеснить к полю. Чуянов разгадал их намерение и решил сначала задержать немцев на насыпи, а затем, оставив небольшое прикрытие, ускользнуть от преследования. Мы притаились и полоснули по гитлеровцам. Они залегли в болоте. Долго обстреливали нас, потом вновь полезли. Мы опять ударили по ним. В воздух взвились ракеты. «Помощи уже, сволочи, просят, — сказал Чуянов. — Но пока они опомнятся, мы далеко будем. Немедленно отходите все, а я с Соней Ломако прикрою и догоню вас! Оставьте нам пару гранат». Выпустив для острастки несколько коротких очередей, мы незаметно спустились с насыпи и поползли вдоль нее. До нас долго доносилась стрельба. Четко выделялись короткие очереди двух автоматов. Только тут я понял, зачем Чуянов взял у меня гранаты. Не раздумывая, я сразу повернул обратно и изо всех сил помчался к месту боя. «Только успеть бы, только успеть бы».

Боец замолчал и виновато опустил голову. Тяжело вздохнув, он тихо продолжал:

— Когда подбежал, услышал крики карателей: «Бросай оружие!», и вслед ответ Чуянова: «Ишь чего захотели, гады! Соня, а ну подсыпь им горяченьких».

Раздались взрывы гранат и крики немцев. Снова застрочили

автоматы героев.

— Женя! Подползают сзади! — крикнула Соня и дала две короткие очереди. Второй автомат молчал. Когда я добрался до насыпи, Соня уже шла по ней во весь рост и строчила из автомата направо и налево. Из кустов ей кричали: «Хенде хох!» Но она отвечала огнем. Тут и я дал несколько очередей по фашистам, подползавшим к Чуянову.

— Не отдам его вам, сволочи! — крикнула Соня и, метнув последнюю гранату, бросилась вперед. Добежав до раненого Чуянова, она опустилась на колени и, подкошенная вражеской очередью, закрыла его своим телом.

— Капут! — злорадно заорали фашисты и со всех сторон ринулись к ним. Я расстрелял по карателям все патроны, какие у меня были… Так хотелось продолжать крошить гадов, но патронов больше не было, и я скатился с насыпи вниз. Вслед градом сыпались пули. Дождавшись в болоте ночи, вернулся к месту боя. Вокруг валялись фашистские трупы. Среди них мертвыми лежали Женя и Соня. На рассвете я похоронил их[27].

Долго длилось скорбное молчание. Затем партизаны начали вспоминать смелые подвиги разведчика Чуянова и бесстрашной комсомолки Сони Ломако. Вспоминали трудный путь из-за линии фронта, первые диверсии на вражеских коммуникациях, нашумевшую историю на хлебозаводе в Минске, операции по добыче продуктов на немецком складе в Смолевичах. Не забыли и той постоянной и сложной борьбы, которую вел Чуянов против фашистских лазутчиков, забрасываемых в нашу бригаду.

Женя и Соня в расцвете сил отдали свои жизни. Каждый партизан понимал, что они спасли от смерти многих своих боевых товарищей. В бригаде не было ни одного бойца, который бы не знал об их подвигах, и поэтому все клялись вечно помнить героев и мстить за них.

Двадцать пять лет спустя мать Жени Чуянова, Ольга Мефодьевна Чуянова, написала на портрете своего сына:

И для тебя и для меня
Он сделал все, что мог,
Себя в бою не пожалел,
А Советскую Родину сберег.

Оставив небольшую группу командиров и бойцов для сбора непрерывно выходивших из Паликовского лесного массива партизан-одиночек, мы с начальником штаба решили основные силы бригады вывести на юг — в Смолевичский район для

продолжения активных боевых действий в помощь наступающим нашим войскам.

Мстители вновь встали в строй. Пересиливая голод и боль в ранах, сбитых и опухших ногах, бойцы лесной гвардии пошли вперед, навстречу врагу. Шли, падали от усталости, поднимались и снова шли.

Фронт неудержимо приближался к нам, и мы спешили помочь советским воинам добить врага, оккупировавшего Белоруссию. Некоторая задержка у нас произошла на шоссе Зембин — Плещеницы, забитом обозами бежавших гитлеровских частей и соединений. Подтянувшись к насыпи, наши подразделения залегли. После недолгого наблюдения разведка обнаружила разрыв во вражеской колонне. Я приказал, не теряя ни минуты, проскочить в него. Партизаны быстро переметнулись на другую сторону и скрылись в лесу.

Вскоре мы наткнулись на какое-то тыловое немецкое подразделение. Уничтожив с ходу охрану, мы стали пробираться через вражеское расположение. Здесь бойцы на ходу захватывали попадавшиеся под руки оружие, боеприпасы, ранцы, вещевые мешки и другое снаряжение. Многим посчастливилось найти аккуратно завернутые пакеты с продовольствием. Для сотен голодных ртов это были, конечно, крохи, но и они очень пригодились. Все, что нашли, было разделено поровну.

В небольшой деревушке у Цны мы встретились с отрядом Щемелева. Командир выделил нам значительную часть добытых боеприпасов и продовольствия. Только здесь мы узнали, что понесли еще одну тяжелую утрату: среди нас не оказалось командира бригады Тарунова. Наши попытки выяснить обстоятельства его гибели в то время ни к чему не привели.

Командовать бригадой товарищ Мачульский приказал мне.

На следующий день с рассветом отряд Щемелева я направил к реке Гайне с задачей занять оборону и не допустить противника на пригайнские сопки. Все же остальные силы вышедшей бригады мы с начальником штаба решили нацелить на Борисовский большак, по которому отступал враг.

— Сразу же вышлите за Гайну связных и проводников, — напутствовал я Щемелева. — Да смотрите, не сдайте врагу выгодный рубеж! Держитесь до прихода наших войск!

— Не сдадим! — отчеканил командир и бегом отправился вслед за головной ротой.

Партизаны с огромным воодушевлением шли навстречу своим советским воинам-освободителям. Теперь уже мстители пробирались не скрытно, как это было раньше. Позади остались далекие и страшные дни, когда лесные гвардейцы, не имея опыта

и сил, ощупью прокладывали первые лесные партизанские тропы. Теперь они, как хозяева, смело и уверенно среди бела дня шли колонной во главе с гвардии старшим лейтенантом Щемелевым по лесу.

Голова колонны была уже далеко, но мимо нас еще минут десять шли шеренги партизан, и казалось, им не будет конца. Это была немалая сила, окрепшая и выросшая в суровых боях в лесах Белоруссии. Это была настоящая народная гвардия, по зову партии рожденная в глубоком вражеском тылу, гроза для оккупантов.

Июньская ночь пронеслась быстро. День вступал в свои права и требовал активных действий. С востока доносились грозные позывные приближающегося фронта. Черная туча дыма, охватившая полгоризонта, и беспрерывное громыхание артиллерии лучше слов говорили, что там советские воины огнем и сталью беспощадно уничтожают ненавистного врага. Нам надо было без промедления спешить на помощь фронту.

Штаб бригады расположили севернее испепеленной деревни Сухой Остров. Сюда с Борисовского большака ясно доносился скрежет танковых гусениц, надрывный стон сотен моторов. Разве можно было в такой ситуации спокойно «приходить в себя» даже после жестокой блокады? Обстановка требовала немедленных и решительных действий. Все прекрасно понимали, что сейчас каждый удар по густо отступающему врагу в его тылу был для него смертельно опасным. Наступил час расплаты с оккупантами за все их злодеяния, и они метались, как затравленные. Этим надо было воспользоваться.

В штабе накоротке собрались командиры подразделений. Было решено сделать все, чтобы оказать наибольшую помощь воинам в их продвижении вперед. Конечно, наши отряды могли бы вступить в бой с немцами сейчас же, с ходу. Но у нас для этого не было достаточно патронов. Поэтому прежде всего решили этой же ночью добыть боеприпасы. Кроме того, мы понимали, что в белорусских лесах нашим наступающим войскам очень нужны были проводники. А ведь никто лучше нас не знал все тайные ходы я выходы в этом районе. Исходя из этого, сразу после совещания подобрали лучших наших следопытов и во главе с Николаем Силичем направили навстречу фронту.

Мы весьма переживали, что не имеем радиосвязи с Большой землей. Еще в разгар блокады радист Тарасов наехал на мину. Взрывом была убита лошадь, легко контужен Тарасов и на мелкие куски разбита рация. А как нужна была радиосвязь в такой решительный момент!

Как только на землю спустились темно-синие сумерки,

четыре наши штурмовые и подрывные группы направились к большаку с испытанной партизанской «артиллерией». От Сухого Острова и до самой деревни Сорское ночное небо озарилось взрывами бомб и снарядов. Среди отступавших оккупантов началась невообразимая паника. Движение на большаке застопорилось. Отдельные колонны, решив, что на дорогу прорвались преследующие их советские танки, в панике бросились на лесные дороги и тропы. А здесь они наталкивались на партизанские пули. Со стороны Зембина доносились пулеметные очереди отряда Щемелева.

Раздобыв патроны, наши отряды смело и решительно громили отходящие колонны немцев всюду, где они появлялись. Фронт быстро приближался к нам. Обезумевшие гитлеровцы метались между наступающими войсками и нами, как между молотом и наковальней, неся большие потери.

Наконец через три дня, ранним утром, свершилось то, о чем мы так долго мечтали. По большаку, подымая вихри пыли, стремительно пронеслись первые стальные богатыри тридцатьчетверки. Танки шли с десантом пехоты на броне. На этих грозных машинах мы увидели наших партизан — проводников, высланных навстречу.

— На Берлин! — радостно кричали они, размахивая над головами раздобытыми пилотками со звездой. Быстроходные танки промчались в сторону Юрова. Вслед за ними потянулись бесконечные колонны броневиков, зенитных и самоходных орудий, тягачей с пушками. Вскоре запылили автомашины с многочисленной пехотой. Мне трудно передать, какой огромной радостью были охвачены все мои боевые друзья — гвардейцы белорусских лесов. Это был наш величайший и долгожданный праздник.

Никогда так приветливо и ласково не сияло солнце. Казалось, и оно делило людскую радость избавления от фашистского ига. И в лесу было необычайно светло и празднично. Все вокруг стало роднее и ближе. Не верилось, что отныне становятся ненужными обильно политые кровью партизанские тропы.

К обеду вблизи Сухого Острова расположился крупный армейский штаб. Он с ходу включился в работу, и в деловой боевой суете никто даже не заметил наши подошедшие подразделения.

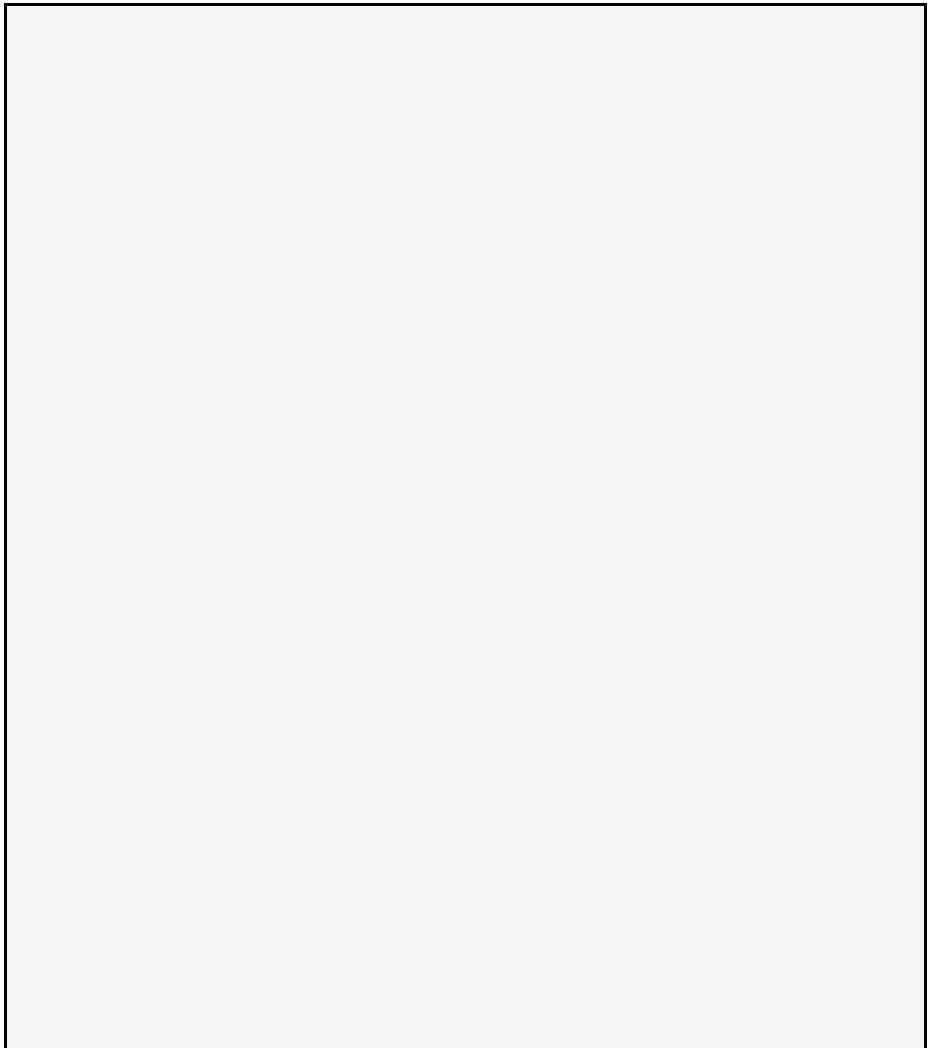
— Да, мы свою миссию, кажется, завершили, — сказал я секретарю подпольного райкома партии Георгию Демьяновичу Довгаленку. — Пойдем к начальству за новым назначением.

— Пойдем представимся, — согласился он.

Мы доложили моложавому генералу о прибытии

партизанской бригады «Смерть фашизму» в его распоряжение. Он добродушно улыбнулся, крепко пожал нам руки и, распрямив свои пышные усы, сказал:

— Вы, товарищи белорусы, со своим делом отлично справились! Вы нам крепко помогли. Две реки мы с вашими проводниками проскочили без единого выстрела. От Борисова и до Логойска прошли в одну ночь и без потерь. Это большое дело, товарищи. Молодцы! Вам всем положено отдохнуть, хорошенько отоспаться и обрасти мясом. Посмотрите на себя — одни кости да кожа. Оживете, петлицы с кубарями перемените на погоны, а уж потом пожалуете к нам на помощь. Ведь до Берлина путь еще большой и нелегкий. — Генерал задумался и, еще раз окинув нас взглядом, продолжил: — Наверное, не ошибусь, если скажу, что вы пару недель куска хлеба вдоволь не ели?



— Ошиблись, товарищ генерал! Не две недели, а чуть-чуть

больше… Два месяца с хвостиком, — ответил секретарь райкома.

— Да, это не шутка — два месяца с хвостиком… Представляю, каково было, — сочувственно произнес генерал.

— Рук вверх не подняли. Можно сказать, голод на пользу пошел, — полушутя ответил я. — Злее были.

— Значит, подсыпали жару фрицам!

— Подсыпали, да еще как! Но и нам доставалось… Если бы не наступление ваших войск, то остались бы в болоте навечно…

— Понимаю, друзья! Да, как говорится, соловья баснями не кормят. Сколько у вас ртов?

— Здесь около тысячи, — доложил я.

— Немало! Треба что-нибудь придумать. Если спасли от карателей, то должны спасти и от голода…

Генерал вызвал юркого майора и, указав на меня, приказал:

— Накормите всех партизан, окажите помощь больным. Командному составу выдайте обмундирование и погоны.

Майор стоял и растерянно хлопал глазами. Генерал нахмурил брови и спросил:

— Вы меня поняли?

— Погоны найдем, врачей вызовем, гимнастерок добудем, а вот накормить… Вы же знаете, товарищ генерал, что наши тылы…

— Где бы ни были наши тылы, — недовольно перебил генерал, — извольте действовать.

— Есть! — интендант щелкнул каблуками и поспешно удалился.

— У вас офицеры доморощенные или армейские? — спросил генерал.

— Сто десять армейских и, конечно, есть и доморощенные, — ответил я.

— Ого, целая армия! Позавидовать можно. Сможете передать нам десятка два хороших командиров?

— Почему же нет, — ответил секретарь райкома партии.

— Значит, договорились?

— Договорились! — подтвердил я.

Не успели мы отойти от штаба и ста метров, как услышали топот. За нами бежал офицер.

— А я сразу за пополнением, — сказал он.

Через час мы горячо распрощались с группой своих боевых товарищей.

— До встречи в Берлине! — напутствовали партизаны, провожая своих командиров.

Вскоре в расположении бригады появился юркий майор-хозяйственник с охапкой погонов.

— Вот все, чем пока могу порадовать, — виновато произнес он. — Легко приказать: накорми тысячу человек, а откуда продукты взять? Обозы где-то за тридевять земель тянутся. Дорогие товарищи, день и ночь штурмовать оборону и то легче, чем быть снабженцем… Слышали новость? — продолжал войсковой хозяйственник. — Наши взяли Минск, немцы в мешке! Движемся на запад. Спешу. Будьте здоровы!

Интендант исчез так же быстро, как и появился, а я невольно подумал, что сказал бы этот хозяйственник, если бы он узнал, что мы около 800 дней кормили больше тысячи партизан, не имея ни тылов, ни обозов.

— Минск наш! Товарищ комиссар, пошли туда Советскую власть восстанавливать! — шутили партизаны.

— В Минск! — подхватили с разных сторон.

— Нет, товарищи, пойдем пока не в Минск, а в Смолевичи. Через полчаса выступаем! — ответил я.

Вечером партизанская бригада была в Смолевичах. Ее восторженно встретили жители. Наши хозяйственники, мобилизовав всю энергию, местные и трофейные ресурсы, довольно сытно накормили всех бойцов. В полночь в наш штаб прибыл посыльный из штаба 33-й общевойсковой армии.

— Приказано срочно доставить вас в штаб. Колонна немцев идет на Смолевичи, — сказал он мне.

— Андрей! Бригаду в ружье по тревоге! Через 10—15 минут я вернусь.

Петляя меж развалин, «виллис» несся к штабу армии, располагавшемуся в поселке торфяников. В штабе пожилой генерал сразу же, без вступления начал говорить:

— На Смолевичи с юга движется колонна пехоты противника численностью примерно в 7—8 тысяч человек. Тяжелого оружия у немцев нет. Но все же если не принять срочных мер, то через 40—50 минут они займут город, перережут железную дорогу и автомагистраль. Наши части уже далеко впереди, и вернуть их сюда мы не успеем. Вся надежда на вас, товарищи партизаны! Гитлеровцев нужно любой ценой остановить, сковать и уничтожить. Выпустить их нельзя. Они могут наделать в тылу наших наступающих войск много неприятностей. Мы решили придать вам имеющихся саперов и две рации для постоянной связи. Если будет туго, вызовем авиацию. Автомашина с боеприпасами и пулеметами уже направлена в расположение вашей бригады…

Я понимал, что задача не из легких. Но раздумывать было некогда, и я ответил:

— Боевая задача будет выполнена!

Генерал облегченно вздохнул и, показывая на капитана и двух солдат, сказал:

— Вот в ваше распоряжение командир саперного батальона капитан Скворцов и два радиста.

— Чем располагаете? — на ходу спросил я капитана.

— Сорок восемь саперов, двенадцать автоматов, остальные винтовки.

— А пулеметов?

— Ни одного. Имеем еще по две гранаты на человека.

Пополнение было, конечно, не ахти каким. Быстро оценив обстановку, я приказал ему:

— Срочно выдвигайтесь на южную окраину и прикройте подступы к поселку торфяников и штабу армии. Держаться любой ценой! Мы будем от вас справа и слева. Связного пришлем. Действуйте!

Капитан скрылся в темноте, а я с радистами умчался на «виллисе». Я прикидывал, какой отряд куда лучше выдвинуть. Поселок мирно спал, ничего не подозревая. Лишь в его центре наши подразделения готовились к бою. Щелкали диски ручных пулеметов, наполняемые патронами. Весь командный состав был в сборе. Получив боевую задачу, командиры отрядов возглавили подразделения и броском устремились в указанных им направлениях.

Пешая колонна немцев двигалась с юго-востока. В районе торфоразработок она свернула на север. Оккупантам предстояло преодолеть заболоченную местность, железную дорогу, небольшие высоты, автостраду и открытое поле.

Второму отряду, как самому боеспособному, отводилась решающая роль. Он должен был нанести главный удар по врагу. За ним наступали другие отряды. Оставив позади поселок торфяников со штабом армии, отряд Щемелева бесшумно двигался вперед. Рассвет едва начал оживлять небо. Вдруг раздался надрывный крик какой-то птицы. Это был условный знак головных дозоров об опасности. Отряд остановился. Все прислушались.

— Впереди немцы! — шепотом сообщил дозорный.

Командир отряда выслушал донесение дозорных и тихо приказал:

— К бою, вперед!

Неслышно развернулась партизанская цепь и двинулась па врага. Ни единый звук не выдал тихую поступь сотен бойцов.

Враг был уже где-то рядом. Отчетливо слышалось глухое шуршание сухой корки торфяника, которую топтали тысячи ног. Доносилось бряцанье оружия. Наконец партизаны увидели врага.

Это были остатки окруженных дивизий.

— Приготовиться, — пронеслась команда по цепи. Тут же хлопнул одиночный выстрел, и ракета осветила вражескую колонну. По ней шквалом хлестнули партизанские автоматы и пулеметы. Раздалось мощное «ура!», и снова грянул залп. Сотни внезапных огненных очередей буквально выкашивали ряды гитлеровцев. Оккупантов охватила сильная паника. Часть оставшихся немцев в страхе ринулась обратно. Некоторые пытались уползти в торфяные скирды. Другие бросились в сторону леса. Многие фашисты побросали оружие и сдались в плен. Больше часа партизаны добивали сопротивляющихся и вылавливали прятавшихся немцев. Многим фашистам все же удалось удрать в лес.

Утром в сопровождении партизан в Смолевичи была доставлена первая большая группа обросших, грязных, худых пленных. За ней вскоре последовало еще несколько колонн. Все население высыпало на улицу, по которой шли укрощенные звери — завоеватели. Они уже не чеканили шаг по мостовой, а едва плелись, избегая взглядов горожан. Пленных сопровождали партизаны-автоматчики.

— Васер! Васер! — обращались к конвоирам с мольбой пленные. Остановив колонну у обгорелого деревянного домика, партизаны постучали в окно. Из него высунулась женская голова с копной седых волос.

— Бабушка, вынесите ведерко с водой. Пленные пить просят.

Женщина сурово посмотрела на пленных. Ее глаза наполнились слезами, губы задрожали. Тряся головой, она с надрывом закричала:

— Знаешь ли ты, сердобольный внучек, что бабушке, как и тебе, еще и двадцати пяти лет нет? Не знаешь? Спроси этих гадов… — Она сердито ткнула пальцем-культяпкой на немцев. — Это они двадцатилетних бабушками сделали. Пусть, сволочи, пьют ту воду, которой накачивали меня, как бочку, в лагере и выливали обратно, подвесив за ноги и избивая шлангами и резиновыми палками по разбухшему животу. Почти два года они нас так поили. Смолы им кипящей в глотку, а не воды! Гони этих лютых зверей отсюда, чтобы и духа их не было! Гони извергов! Смотреть нет сил…

Окно со звоном захлопнулось. По испуганным лицам пленных было видно, что они все поняли. После непродолжительной паузы среди них поднялся невообразимый шум. То ли они оправдывались друг перед другом, то ли были потрясены видом изуродованной молодой женщины, превращенной в старуху-инвалида. Несколько пленных, обращаясь к опешившим

конвоирам, твердили:

— Комрад, вир зинд золдатен. Золдатен — понимай? Нихт гестапо, нихт СС. Вир зинд нихт шульдиг[28].

Партизаны тоже видели черные дела и солдат, и гестаповцев, и эсэсовцев. Они тоже не могли забыть их злодеяний. Да и не время было разбираться.

— Заткнитесь, гады! — резко оборвал один из партизан фашистских хамелеонов. — А ну шагай!

Почти две недели бригада очищала Смолевичский район от фашистов. Из каких только щелей не приходилось их вытаскивать! Прятались они в чаще лесов, на заброшенных торфоразработках, забирались в болота. Страх перед ответом за преступления загонял их в любые дыры. Но самым страшным для них было то, что на них охотятся народные мстители — партизаны, имевшие к ним особый счет.

Подавляющее большинство фашистов сдавалось в плен и на все лады кляло своего фюрера. Чуть не каждый из них твердил, как попугай: «Гитлер капут!»

Однако попадались матерые гитлеровцы. Это были своего рода фанатики, вышколенные нацисты. Однажды подростки доставили в штаб именно такого прожженного фашиста. Они вытащили его из свинарника, превращенного жителями из-за отсутствия свиней в отхожее место. Положив нам на стол пистолет «вальтер», вихрастый паренек лет четырнадцати рапортовал:

— Товарищ командир, поймали большого фрицевского начальника. Он предлагал нам денег и хотел откупиться.

— Почему у тебя кровь под носом? — спросил я юношу.

— Ну, пошел я, значит, в отхожее место, а он как схватит меня снизу за ногу. Я и закричал… Тут он выскочил, набросился на меня и хотел закрыть мне рот. Вот и разбил нос маленько. Тогда хватанул я его за руку зубами, и он отпустил. Ну а на мой крик хлопцы быстро прибежали…

— А где же ваш фриц?

— А мы его в уборной и закрыли.

— Молодцы, ребята! — похвалил я молодых помощников.

— Давайте ведите свой трофей сюда.

Под конвоем ребят порог хаты перешагнул высокий тощий немец лет сорока в помятой и испачканной черной эсэсовской форме. На кителе болтались, слегка позванивая, кресты. На выпуклый потный лоб гитлеровца свисала прядь светлых волос. Водянистые глаза были колючими и злыми. Четко отпечатав несколько шагов, он мастерски щелкнул каблуками и, вытянув вперед правую руку, рявкнул:

— Хайль Гитлер!

Все это было до того потешно, что все мы невольно засмеялись. Затем Кисляков спокойно ответил:

— Нет, господин майор, Гитлер капут. Скоро крышка твоему ефрейтору.

Фашист обвел нас какими-то безумными глазами, затем сжался, крепко прижал руки с вытянутыми пальцами, щелкнул каблуками и, весь подергиваясь, еще громче выкрикнул:

— Нихт капут! Хайль Гитлер!

Было ясно, что перед нами матерый зверь.

Переводчик спросил у немца фамилию, но он молча стоял, выпучив мутные глаза. Когда повторили вопрос, фашист пренебрежительно улыбнулся и на приличном русском языке с некоторым акцентом сказал:

— Вы бандит, а я офицер великой Германии и буду разговаривать только с равным мне по чину русским командиром. Офицер фюрера не может иметь дело с бандитами.

Замолчав, гитлеровец вызывающе вытянул лицо.

— Ох и сволочь! — не выдержал Кисляков и бросился к наглому майору.

— Не смейте меня трогать! — на шаг отступив, бросил фашист. — На моей стороне международное право… Мы еще скоро вернемся с новым оружием фюрера, и тогда…

Не успел я удержать Кислякова, как он со всего размаха съездил фрицу по роже. От пощечины тот с грохотом рухнул на пол.

— Извините, товарищ комиссар, — брезгливо вытирая руку, сказал Андрей. — Не смог удержаться. Вот ведь как распоясался, гад этакий. Он еще и международное право вспомнил! А когда топили наших людей в крови, тысячами губили малых и старых, тогда не думали об этом праве. Ах ты, гад ползучий! — скрипнув зубами, стукнул Андрей кулачищем по столу.

Фашист, вскочив на ноги, испуганным голосом завопил:

— Буду жаловаться… Не позволю… Это разбой, я культурный человек…

— Он опять свое, — возмутился Кисляков. — Смотрите на его нашивки — ведь он разбойничал более двух лет. Видно, его фашистский бред только кулаком и можно выбить. Словами такого не проймешь.

Андрей оказался прав. В тот же день злобный гитлеровец доказал, что он относится к числу неисправимых врагов, которых надо беспощадно уничтожать. Немец сделал вид, что покорился, и фашистских приветствий больше не выкрикивал. Его, как и других пленных, направили на пересылочный пункт в Смолевичи.

Сначала он просил конвоира отпустить его за золотые часы. Потом со слезами просил пожалеть его маленьких детей. Затем начал злобно ругаться и грозить расправой, когда вернется его армия. Убедившись, что все ухищрения напрасны, майор кинулся на конвоира, сбил его с ног и бросился в сторону от дороги. Но другой конвоир вовремя пустил ему пулю в спину. Какой-то пожилой пленный солдат с почерневшим от усталости и пыли лицом подошел к трупу, брезгливо толкнул его ногой и сказал конвоиру:

— Рихтиг комрад! Эр ист СС официр. Брауне пест. Эр вар геферлих фюр зи унд фюр унс[29].

В ходе ликвидации остатков группировки партизаны на опыте убедились в том, что такие, как майор СС, действительно были опасны для всех, в том числе и для самих немцев. Наши поисковые группы несколько раз находили в лесу по десять и более мертвых немецких солдат. В лесу возле Юровского озера, например, в одной из таких групп был обнаружен еще живой ефрейтор. Он рассказал, что их офицер под силой оружия заставил своих солдат выпить какой-то напиток. Когда все сделали по нескольку глотков, остаток допил он сам. Через 10—15 минут из ртов солдат повалила пена, и они извивались на земле в страшных муках. К утру все утихло, а ефрейтора рвало и мутузило до крови. При перевозке в Смолевичи ефрейтор умер.

Именно этих солдат, отравленных самими же верноподданными гитлеровского рейха, реваншисты преподносят несведущим в качестве жертв большевизма.

К концу июля наша бригада полностью покончила с остатками разбитой вражеской группировки, в которую входили 12-й, 27-й, 35-й армейские и 39-й и 41-й танковые корпуса, — всего более ста тысяч солдат и офицеров.

Видимо, в определенной мере относятся и к нашей бригаде слова руководителя операцией «Багратион» Маршала Советского Союза Г. К. Жукова:

> «…Большую помощь в очищении территории от противника оказали нам местные жители и партизаны — истинные хозяева белорусских лесов».

В ночь с 19 на 20 июня славно поработали народные мстители! В документах немецких штабов указывается, что в ту ночь… все железнодорожные магистрали к фронту и перекрестные дороги в оперативном тылу группы армий «Центр» были парализованы, и отчасти на продолжительное время… Быстрая переброска срочно необходимых резервов на северном фланге группы армий «Центр» оказалась невозможна.

На основании этого многие немецкие историки и мемуаристы считают, что советское летнее наступление 1944 года было начато партизанскими соединениями.

Западногерманский историк Эрих Хессе признает, что в сражении за Белоруссию немецкая восточная армия потерпела свое крупнейшее поражение…

> «Верховное главное командование Советской Армии, используя партизанское движение, оказалось в состоянии создать в тылу немецких, войск, на всех важнейших участках фронта второй боевой фронт. Эта вторая боевая линия из партизанских отрядов… в кульминационный момент сражений внезапно вставала между обороняющимися группами, раскалывала их боевую мощь и делала невозможным всякое согласованное действие…» «Прорвав фронт, советские войска, — продолжает Э. Хессе, — беспрепятственно двигались через партизанские районы, названия которых почти три года беспрерывно упоминались в немецких сообщениях о борьбе против партизан»[30].

Мы гордимся тем, что в разгром фашистских полчищ на белорусской земле вложен и наш ратный труд. Враг повержен.

Наша бригада, взяв на заключительном этапе большое количество пленных и трофеев, завершила свою боевую деятельность. Всех огорчало лишь то, что из-за необходимости уничтожения проклятой вражеской группировки восточнее Минска мы не смогли участвовать в торжественном параде партизан на улицах освобожденного Минска.

Вот наконец и пришел день, когда бригада в последний раз выстроилась на небольшой площади в пригороде Минска. На груди партизан золотом и серебром сияли многие ордена и медали. Это была достойная награда за славные героические дела. Ярко светило солнце. Все кругом сверкало и искрилось. Только на партизанских лицах лежала печальная тень разлуки. Перед бывшими народными мстителями отныне лежали новые, неведомые пути-дороги. Смотрел я на нашу лесную гвардию и с тревогой думал о предстоящем расставании. Я был твердо уверен, что у всех хватит мужества, упорства и уменья преодолеть любые трудности. Я верил, что каждый будет высоко нести и умножать наши боевые традиции, с честью оправдает гордое, выстраданное звание — партизан.

На этом прощальном митинге бригада выстроилась тремя группами — уже с новыми путевками в жизнь. Самая большая

группа направлялась в ряды Красной Армии. Вторая, поменьше — в распоряжение Смолевичского районного комитета партии. Наконец, третья во главе с Деминым уходила на строительство послевоенного первенца Белоруссии — Минского автомобильного завода. На прощание коротко вспомнили боевой путь партизан бригады «Смерть фашизму», подвели итог того, что успели сделать за эти 800 дней.

Наши лесные гвардейцы, по самым скромным подсчетам, истребили около 8 тысяч оккупантов и более двух тысяч взяли в плен, совершили 120 только крупных диверсий на железной дороге, пустили под откос 70 паровозов и около 500 вагонов с боевой техникой, боеприпасами, горючим, сожгли и подорвали свыше 800 автомашин, подбили 15 танков и бронемашин, сбили 2 и повредили 5 самолетов, парализовали важнейшую линию подземной связи гитлеровской ставки с фронтом, взорвали большой автодорожный мост через Березину, удержали плацдармы для наступающих войск на Березине. Главное же — спасли жизни многим десяткам тысяч советских людей, избавили их от душегубок, лагерей смерти и каторжной неволи.

Последний приказ по бригаде все бойцы слушали молча. Стояла необычайная тишина. По голубому небу так же бесшумно скользили большие белые облака. Оживление наступило лишь тогда, когда зачитывался параграф, в котором говорилось, что райком партии и командование решили ежегодно после победы в первое июльское воскресенье организовывать у братской могилы возле деревни Юрово встречу партизан бригады.

БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ ВСТРЕЧАЮТСЯ ВНОВЬ

Удивительно быстро промчалось тридцать послевоенных лет. И вот я снова в Минске на торжествах по случаю годовщины освобождения Белоруссии. Неузнаваем новый Минск, город-герой, возрожденный из руин и пепла. Он оделся в золото и кумач, заполнился ликующим народом. Сюда из многих концов нашей необъятной Родины приехали на праздник и партизаны нашей бригады. Сразу же после торжественного марша ветеранов белорусского подполья мы направились на возложение венков на братскую могилу партизан бригады возле деревни Юрово, ставшее для нас святой традицией.

Наши «Победы» и «Волги» мчатся по широкому, точно зеркальному Ленинскому проспекту, проходят мимо величественного монумента-памятника всенародной боевой славы, пересекают нарядные улицы с красивыми домами. Миновав город, мы направляемся в Смолевичский район, в незабываемые партизанские края. Машины проносятся мимо Кургана Славы, новых деревень, празднично украшенных домов, молодых садов и бескрайнего моря душистых хлебных полей. Вот она, наша свободная белорусская земля, пережившая столько горя и бед, пропитанная кровью лучших сыновей и дочерей советского народа, усеянная могилами погибших патриотов. Через полчаса мы были на месте. Здесь нас ожидал приятный сюрприз: среди собравшихся находились наши боевые товарищи, прибывшие на торжества из Чехословацкой Социалистической Республики, Польской Народной Республики, Федеративной Республики Югославии и Франции. Хотя между нами лежали целые десятилетия, мы встретились как братья и радовались как дети,

искренне и сердечно. И это понятно: нас породнили навечно дела и пролитая кровь в борьбе со злейшим врагом человечества — германским фашизмом.

У братской могилы с возвышающимся над ней памятником, покрытым позолотой, стояли с венками бывшие партизаны и местные жители. Тысячи взрослых и молодежи пришли сюда почтить светлую память тех, кто в грозный час не щадил себя, грудью встал на защиту Отечества и отдал за нее свою жизнь. Их не забудет ни стар, ни млад: им все мы обязаны свободой и счастьем.

Задушевно, трогательно, от всей души воздают должное павшим героям в боях за Отчизну секретари Смолевичского райкома партии и комсомола, представители молодежи, школьники, ветераны войны, колхозники. Слово предоставляется бывшему разведчику, ныне учителю Смолевичской средней школы Михаилу Ивановичу Кислову. Он зачитывает телеграмму-поздравление побратима по оружию и борьбе французa Марселя Сози с Днем Победы на белорусской земле. Под аплодисменты заканчивает: «Не забудем нашу боевую дружбу в бригаде «Смерть фашизму». Пусть она будет вечной!»

Потом с волнением зачитывает Кислов поздравительное письмо члена Президиума Комитета чехословацко-советской дружбы Войтеха Фибиха:

> «Прошу тебя, дорогой брат, когда будешь у памятника в Юрово, по старому славянскому обычаю поклонись нашим друзьям до самой земли, земли, на которой мы вместе боролись и которая нам теперь так же дорога, как родина».

Как будто в строю, стоят партизаны в суровом молчании, склонив обнаженные поседевшие головы. Война воскрешает в их памяти тревожную молодость — бурную, живую, опаленную.

У постамента бронзового памятника погибшим партизанам бригады «Смерть фашизму» в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов венки живых цветов с траурными лентами, множество букетов полевых ромашек, васильков…

Возложив венок на братскую могилу, тяжело опираясь на ограду братской могилы, стоит в задумчивости мать Евгения Михайловича Чуянова — Ольга Мефодьевна, поддерживаемая под руку младшим сыном Александром, народным художником Украины. Она крепится, но не в силах удержать материнских слез. Рядом скорбящая мать Юлика Макаревича из Суток, брат Василия Соляника из Орши, жена и дочь Ивана Фоминкова со Смоленщины, сестра Леонида Мамата из Ростова…

Легкий ветерок тихо шелестит листвой высоко шагнувших вверх берез и кленов, заботливо выращенных школьниками у братской могилы. Волнующе звучат трубы военного оркестра. Через каждые три минуты меняется почетный караул — пионеры, комсомольцы, колхозники, рабочие автозаводов в Минске и Жодино, лесные гвардейцы…

После митинга и возложения венков все направились в расположение бывшего лагеря бригады. На большую поляну, покрытую пестрым ковром полевых цветов, потянулись по заросшим дорогам легковые и грузовые автомашины, длинные ленты пешеходов. Лес огласился веселыми голосами его прежних хозяев и их друзей. Вокруг все ожило и запело. Не ожила лишь сожженная гитлеровцами деревня Мыльница да не поднялись из братских могил заживо сожженные ее хозяева.

Ярко полыхают праздничные костры из сосновых сучьев, звездочками вспыхивают янтарные смоляные слезинки. С гайнского луга ветерок приносит прохладу и лениво теребит пряди поседевших волос бывших партизан. Как и раньше, в годы войны, мы расположились у костров, своих верных спутников. У центрального костра рядом со мной и моей женой, бывшей радисткой Валей Тороповой, сидели заметно располневший Андрей Кисляков со своей боевой подругой Геней Городецкой, директор Минского автозавода Иван Демин с бывшей медсестрой бригады. Валей Бондарь, ответственный сотрудник облисполкома Георгий Щемелев с женой-партизанкой Валентиной, пенсионер Иван Вышников, неутомимый бывший директор совхоза имени Ленина пенсионер Михаил Зубко с неразлучной доброй Женей, полковник Петр Шиенок, председатель профсоюза авиаторов Белоруссии Владимир Тарасов, ответственный работник министерства Александр Чернышев, заслуженный врач республики Мария Силич и другие боевые товарищи.

Не дождались этого радостного дня многие наши побратимы. Не было среди нас и любимца Василия Лаврухина. Коварный несчастный случай, происшедший ранней весной 1966 года, вырвал этого замечательного человека из нашей партизанской семьи. В саратовской земле в селе Отродино Турковского района покоится храбрый воин-партизан, наш боевой друг и товарищ. Над его могилой сейчас возвышается памятник, изготовленный и доставленный из Минска на специальной автомашине белорусскими партизанами.

От центрального костра, подобно стрелам, разбежались по зеленой траве праздничные столы-скатерти отрядов имени Кутузова, Чкалова, Буденного и Ворошилова. У «столов» разместились поседевшие командиры рот, взводов, отделений,

рядовые бойцы и наши помощники из деревень и городов. Одни были в гражданской одежде, другие в форме. Вокруг слышался звон посуды и гомон породнившихся боевых друзей. Потом наступили минуты раздумья, и над опушкой леса полились задушевные слова любимых песен «Землянка» и «Темная ночь», грозно звучали напевы о суровых военных годах и клятвенно — о боевой дружбе.

Вспомним, товарищ, суровые годы,
Пестрые ленты дорог фронтовых,
Наши победы и наши походы,
Вспомним друзей боевых.

Горе остынет, радость увянет,
Дружба одна побеждает года —
Друг боевой никогда не обманет
И не предаст никогда!

Затем справа, где плотно вокруг костра замкнулось кольцо минских автозаводцев, послышался трогательный напев:

Не природы каприз те рубцы на стволе,
Это просто застывшие слезы,
Потому что металл, предназначенный мне,
На себя принимали березы…

Песни умолкли, наступила молчаливая пауза раздумья: промчались послевоенные годы, затянулись рубцы на белоснежных стволах белорусских берез, на месте обожженных и срезанных огнем войны вековых деревьев появились молодые, стройные, крепкие деревья, готовые выстоять в любую непогоду. Они впитали в себя неодолимую чудо-силу обильно политой кровью патриотов белорусской земли.

В памяти народных мстителей снова встают тени минувших дней. Они вспоминают о погибших боевых товарищах — самом человечном человеке парторге Г. К. Ивановском, мужественном В. Ф. Тарунове, храбром чекисте Е. М. Чуянове и бесстрашной Соне Ломако, о незабываемых И. Т. Фоминкове, капитане Казиеве и дочерях белорусского народа Кате Мальцевой и Марусе Ободовской, о многих славных бойцах и командирах, сложивших свои головы за Отчизну и свой народ. Помянули мужественных Ивана и Павла Кирильчиков, расстрелянных оккупантами патриоток-подпольщиц Марию Шеремет и Наташу Казак, нашего

немецкого друга Карла, убитого в застенках гестапо в городе Борисове… Мы их помним и никогда не забудем. А сколько было безымянных героев!

…Незаметно поблекли звезды, и заалел восток. По лесу разнесся гул моторов. Наступало трудовое утро. Мы оставляли свой лагерь с твердой уверенностью в том, что никогда больше не будут сапоги захватчиков топтать священную землю Белоруссии. Ради ее мира и счастья мы воевали.

Иван Прохорович Дедюля.

notes

Примечания

1

Автор заранее просит извинения у своих боевых товарищей, имена и отчества которых ввиду многочисленности состава бригады не смог вспомнить и дать в книге полностью.

2

Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 2. М., Воениздат, с. 151.

3

Там же, с. 410.

«Военно-исторический журнал», 1960, № 7, с. 91.

5

Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 3. М., Воениздат, с. 402, 403, 410.

6

Смотри-ка.

7

Заяц.

8

Паспорт.

9

Эрих Хессе. Советско-русская партизанская война 1941—1944 гг. в отражении немецких военных инструкций и приказов. Геттинген, Цюрих, Франкфурт. «Мустершмидтферлаг», 1969, с. 98—100.

Эти данные взяты из отчетов, составленных после преобразования отряда в бригаду.

11

«Известия», 1964, 2 июля, с. 4. Статья В. Козлова «Мы были вместе».

12

Господин мастер, иди сюда, быстрее. Посмотри-ка, как плывут свиньи.

13

Вперед, господин мастер!

14

Что случилось?

15

Тревога!

16

Огонь!

17

Так белорусы часто называли полицейских, носивших белые нашивки.

18

«Совершенно секретно! Только для командования!» М., «Наука», 1967, с. 397.

19

Евгений *(нем.)*.

20

Плечом к плечу.

21

Р. Н. Мачульский. Вечный огонь. Минск, «Беларусь», 1965, с. 269—270.

22

Иван Федорович Золотарь — командир сводного партизанского отряда имени Ф. Дзержинского.

23

Что ты хочешь?

24

К черту с твоим паролем. Вперед — вот мой пароль! Понял, идиот?

25

Помогите господину полковнику. Быстро!

26

Партархив ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 3, св. 11, д. 77, л. 7.

Е. Чуянов и С. Ломако позже были перехоронены нами в братскую могилу у деревни Юрово.

28

Товарищ, мы солдаты. Солдаты — понимаешь? Не гестапо, не СС. Мы не виноваты.

29

Правильно, товарищ. Он эсэсовский офицер. Коричневая чума. Он был опасен для вас и для нас.

30

Эрих Хессе. Советско-русская партизанская война 1941—1944 гг. в отражении немецких инструкций и приказов. Геттинген, Цюрих, Франкфурт, «Мустершмидтферлаг», 1969, с. 199, 216, 251.